

М. К. Басханов

**«У ворот английского могущества»: А. Е. Снесарев в
Туркестане, 1899-1904**

Историки, как дети на берегу моря, бросаются на самые яркие камни, забывая про более скромные, про песок, про глину...

Предисловие

С именем Андрея Евгеньевича Снесарева (1865–1937) связаны многие важные события русской военной истории и военного востоковедения. В течение длительного периода времени имя А. Е. Снесарева оставалось незаслуженно забытым, и только в начале 1970-х годов благодаря усилиям его дочери, Евгении Андреевны, и ряда военных историков было положено начало возвращению в отечественную историю имени этого замечательного человека. В последние годы литература о А. Е. Снесареве обогатилась многими интересными и многоплановыми работами, значительно продвинувшими вперед исследования о жизни, творчестве и научном наследии выдающегося русского военачальника и востоковеда, которые вполне оформились в самостоятельную отрасль научного знания – снесареведение.

Приближающаяся юбилейная дата – 150 лет со дня рождения А. Е. Снесарева, дает прекрасный повод вновь обратиться к теме истории его жизни и деятельности. Несмотря на значительное число исследований, посвященных этой теме, еще имеются исторические сюжеты, которые относятся к категории малоизученных или требующих новой интерпретации. Этому во многом способствует все большее число вновь выявленных источников, прежде всего, архивных, как российских, так и зарубежных, значительно расширяющих возможности современного исследователя. Изучение жизни и деятельности А. Е. Снесарева невозможно вне контекста русской и всемирной истории, вне учета тех факторов, которые оказали решающее влияние на становление и развитие Снесарева как исследователя. Деятельность Снесарева была многопланова, и таким же оказалось его научное наследие, которое охватывает интересы многих научных дисциплин – военной истории, общего и военного востоковедения, страноведения, географии, этнологии и т. д. Изучение этого наследия требует спокойной и последовательной работы, чуждой пропагандистских целей, околонучной риторики и мистификаций.

Настоящая книга посвящена короткому, но чрезвычайно важному периоду жизни А. Е. Снесарева – службе в Туркестане (1899–1904). В этот период происходит формирование Снесарева как военного востоковеда, определяется круг его основных научных интересов – памироведение, индология, афганистика. До перевода на службу в Туркестанский военный округ Снесарев, как известно, был далек от темы востоковедных исследований, и эта отрасль научного знания была ему неведома. За четыре с половиной года службы в Туркестане он совершает грандиозный интеллектуальный прорыв и в короткий промежуток времени успевает занять одно из видных мест в русской ориенталистике. Туркестанский период был одним из наиболее плодотворных в деятельности Снесарева. За короткое время им написано несколько книг, десятки статей, рецензий и отзывов. В Ташкенте он активно сотрудничал с научными обществами, вел лекционную работу, состоял в переписке с известными востоковедами того времени. Служба в Туркестане дала Снесареву уникальную возможность посетить страны и территории Центральной Азии – Памир, Тяньшань, Восточную Бухару, Индию, пригиндукушские княжества. Собранный в ходе поездок и рекогносцировок полевой материал и личные наблюдения он широко использовал на протяжении всей научной деятельности. Туркестанский период имел важное значение для интернационализации его научных взглядов, для получения опыта научной работы за рубежом и для ознакомления с достижениями мировой науки. В Туркестане Снесарев приобрел многие навыки военного руководителя, которые он использовал и развил на полях сражений Первой мировой войны.

В литературе последнего времени тема о Снесареве несколько уклонилась в область «высоких материй»: геополитики, национальной безопасности, «уроков для будущего» и т. д. Снесареву стали приписывать идеи, которых он никогда не высказывал, и концепции, разработкой которых не занимался. Параллельно с этим получил развитие и процесс мифотворчества – Снесарева стали продвигать на роль стратегического провидца и геополитического ясновидящего. Настоящая книга представляет собой скромную попытку рассмотреть малоизвестные эпизоды жизни и деятельности А. Е. Снесарева, увидеть его как человека, без прикрас и ретуши, и, по возможности, дать читателю представление о реальном, «земном» Снесареве, его взглядах и идеях в контексте событий эпохи. Для этой задачи оказалось мало одной краски, которой обычно рисовали портрет Снесарева, потребовались полутона, столь важные и противоречивые, что способны представить личность этого удивительного человека с неожиданной

стороны.

При таком подходе потребовались источники, которые могли бы дать свежий ракурс темы, отойти от шаблона. Здесь возникла проблема не только с поиском необходимых сведений, но и с их интерпретацией и переосмыслением. Главную сложность представлял поиск архивных документов, относящихся к наименее известным эпизодам службы А. Е. Снесарева в Туркестане, – к поездке в Индию (1899 г.), рекогносцировкам Семиречья (1900 г.) и Памира (1901 г.), служебным поездкам с британскими военными атташе и ряду др. В фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) отложилось сравнительно мало документов, относящихся к этим событиям. Вместе с тем, именно в фондах РГВИА удалось обнаружить малоизвестную и важную записку Снесарева «О Памирах», содержащую подробности поездки в Индию и командования Памирским отрядом. Ввод в научный оборот записки «О Памирах», публикуемой впервые в настоящем издании, несомненно, будет способствовать изучению темы памироведения и истории международных отношений в Центральной Азии. Интересные сведения о жизни Снесарева в Ташкенте удалось получить из фондов Центрального государственного архива Республики Узбекистан (ЦГАРУ). Целям настоящего исследования значительно способствовала обработка материалов туркестанской прессы, особенно газеты «Туркестанские ведомости». Важное значение имела работа в фондах Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН (Архив востоковедов ИВР РАН), который обладает уникальной коллекцией документов, связанных с жизнью и деятельностью А. Е. Снесарева. В этой коллекции отложились важные документы о туркестанском периоде службы Снесарева. Особенно важное значение для целей настоящего исследования приобрела недавно обнаруженная в фондах архива уникальная коллекция фотографий поручика П. П. Родственного, участника памирской рекогносцировки 1901 г.

Работа в фондах британских архивов – The National Archives (TNA) и Oriental and India Office Collections (OIOC), British Library – позволила выявить малоизвестную группу документов, относящихся к поездкам британских военных атташе в Туркестан, которые помогли описать деятельность А. Е. Снесарева в период работы с британскими офицерами. Британские архивы также оказались ценными при реконструкции событий, относящихся к поездке А. Е. Снесарева в Индию, ряда малоизвестных сюжетов его личной жизни. Несколько интересных и ранее не публиковавшихся фотоматериалов, используемых в настоящем издании, были любезно предоставлены Британской библиотекой и Национальной портретной галереей Великобритании.

Особую ценность представляют документы уникального архива семьи Снесаревых, крупнейшего после государственных архивов депозитария документов о жизни и деятельности А. Е. Снесарева. Архив остается не до конца разобранным и не имеет архивной каталогизации, что вполне объяснимо, так как работа ведется исключительно за счет времени и ресурсов наследников-владельцев архива. Редкие и важные документы архива были широко использованы при реконструкции многих важных эпизодов туркестанского периода жизни и деятельности А. Е. Снесарева, они позволили выяснить особенности его сложного духовного мира, установить круг интересов, взглядов и суждений.

Автор приносит искреннюю благодарность Анне Андреевне Комиссаровой (Снесаревой) и Андрею Андреевичу Снесареву, любезно предоставившим сведения из архива семьи Снесаревых. На протяжении всего периода работы над книгой А. А. Комиссарова не только всесторонне помогала автору в подборке документов из семейного архива, но и оказывала ценные консультации по многим вопросам, касающимся биографии А. Е. Снесарева. Автор также приносит благодарность ташкентскому писателю и краеведу Борису Анатольевичу Голендеру за любезно предоставленные сведения по истории старого Ташкента и редкие фотографии для публикации. Сведения о работе А. Е. Снесарева в библиотеке Британского музея были получены благодаря широкому содействию британского историка-искусствоведа Эндрю Робба (Andrew Robb). Обработку ряда редких фотографий и их подготовку к публикации выполнил шотландский фотограф и дизайнер Кен Меллин (Ken Mellin). Автор выражает им большую признательность за дружескую помощь и содействие. В заключение, слова особой благодарности и признательности членам моей семьи – Юлиане, Марии, Александру и Валентине, – которые на всем протяжении работы над книгой оказывали автору духовную поддержку и участвовали в ее создании: в разработке элементов дизайна, составлении карт, работе над архивными материалами.

Все даты в настоящем издании приведены по старому стилю, для удобства пользования сделана конвертация дат с григорианского на юлианский календарь (используемый в императорской России). Датировка в английских документах сохранена в оригинале без конвертации на юлианский календарь. Транскрипция английских фамилий приведена на основе рекомендаций специализированных изданий. Военские звания по тексту книги относятся к конкретным эпизодам в фиксированный момент времени и применительно к одному и тому же лицу в зависимости от времени повествования могут быть различными. Авторский стиль, пунктуация, написание имен собственных и географических названий при цитировании архивных документов и работ сохранены, как правило, в соответствии с оригиналом.

Ташкент и русская армия в Туркестане на рубеже веков

Ко времени прибытия А. Е. Снесарева, Ташкент был уже довольно крупный город – административный и военный центр Туркестанского генерал-губернаторства. Город состоял из двух частей – азиатского (старого города) и русского (нового), раскинувшись на площади почти 20 кв. верст. Население города насчитывало около 160 тыс. человек, из которых русские составляли только чуть больше 25 тыс. человек. Русская часть возникла после взятия Ташкента русскими войсками в 1865 г. и имела современную европейскую планировку – широкие улицы, на части которых уже имелось освещение, благоустроенные арыки, обсаженные большим количеством деревьев, чаще всего пирамидальными тополями. Дома были небольшими, большей частью одноэтажными, располагались на больших земельных участках, часто с красивыми садами. Юго-западную часть русского Ташкента занимала крепость. В русской части имелись скверы, например, Константиновский, разбитый в 1883 г. на площади против зданий мужской и женской гимназий, названный в честь К. П. фон-Кауфмана – Константиновским. В 1898 г., когда территория города значительно разрослась, городская Дума приняла решение об установлении новой нумерации домов с установкой знаков с названиями улиц и переулков на угловых зданиях. Хороших гостиниц, ресторанов, не говоря уже о театрах, в городе не было. Во всем Ташкенте в то время отсутствовали канализация и водопровод (появился только в 1931 г.), что часто служило причиной различных эпидемий, прежде всего, холеры. Питьевую воду развозили по домам особые водовозы. До 1882 г. городское освещение существовало только в русской части Ташкента. В 1895 г. город освещался керосиновыми фонарями – «коптилками», всего имелось около 2 тыс. фонарей, две трети из которых находились в русской части города. В 1890-е годы в Ташкенте появляется чудо технической мысли – телефон, а в 1901 г. – первая линия конно-железнодорожной дороги, управлявшейся бельгийским акционерным обществом «Ташкентский трамвай».

Основная часть городского бюджета уходила на благоустройство русской части Ташкента, а огромная территория старого города с тесной восточной планировкой, немощеными улицами и плохим освещением, в смысле коммунального благоустройства продолжала оставаться почти в том же состоянии, в каком нашли его русские войска, штурмовавшие Ташкент.

К западу от русской части, по другую сторону арыка Ангар, располагался старый Ташкент. По характеру улиц, построек, населению и укладу жизни, старый город резко отличается от нового Ташкента. Интересно описание старого города, помещенное в одном из ранних путеводителей:

«Огромное пространство, занятое населением старого Ташкента, представляет по внешнему виду массу желтовато-серых, большею частью одноэтажных глинобитных домов и построек (свыше 21000 жилых домов), то тесно скученных и изрезанных лабиринтом узких немощеных улиц и проходов, то разделенных, в особенности по окраинам, обширными садами, огородами и даже полями. Узкие улицы извиляются среди глиняных стен домов без окон и заборов; на них нет почти арыков, журчащих по улицам нового города, нет также деревьев и зелени, так как все сады и насаждения скрыты за высокими стенами глиняных домов и дувалов (заборов). Почти на каждой улице встречаются невзрачные приходские мечети с невысокими колоннами минаретов, на которых вьют гнезда аисты, заброшенные кладбища и отдельные могилы, нередко со знаменами и бунчуками, указывающими на то, что здесь похоронено святое или именитое лицо. Лишь отдельные старинные мечети, медресе и мазары особо чтимых святых выделяются своими размерами и архитектурой на этом фоне и невольно привлекают взор путешественника, утомленного прогулкой по душным и пыльным улицам Ташкента. Центр города занимает обширный базар, состоящий из системы улиц (частью крытых) и рядов с множеством (1500) лавок, чайных (чай-хане), харчевен, мастерских и караван-сараев, переполненных толпой. В базарные дни улицы, ведущие к базару, и самый базар переполняются массой народа; местного и пришлого из окрестностей, стадами овец, караванами верблюдов, всадниками и арбами до такой степени, что движение становится крайне затруднительным. Гул толпы, крики разносчиков меди и лакомств, возгласы нищих, завывания странствующих дервишей, рев верблюдов и ослов сливаются в гвалт, который разносится далеко во все стороны от базара. В обыкновенные дни улицы, в особенности вдали от базара, тихи и пустынно; протрусит арба с огромным коробом самана, протрусит маленький ослик,

изнемогающий под тяжестью ноши в пестром халате в огромной белой чалме; проشمыгнет, прижимаясь к стене, мрачная фигура женщины в темно-синем халате с завешанным черной волосяной сеткой лицом, и улицы вновь засыпают под палящими лучами солнца.

Старый Ташкент, как и все среднеазиатские города, был окружен рвом и высокой глинобитной стеной, в которой имелось 12 ворот (“дарваза”) <...>. От всех ворот идут к центру города – базару главные улицы, выделяющие множество переулков и проходов, разветвляющихся по всему городу».

В Ташкенте имелось семь православных церквей, из которых особенно выделялся военный Спасо-Преображенский собор, в котором находилась гробница генерал-адъютанта К. П. фон-Кауфмана, первого туркестанского генерал-губернатора и строителя края. В городе действовало много мечетей, имелись синагоги.

Из образовательных заведений в городе имелись мужская и женская гимназии с пансионами, реальное училище, ремесленное училище («слишком роскошное», как заметил военный министр А. Н. Куропаткин), Ташкентская учительская семинария, частные учебные заведения. В июне 1899 г. в городе была учреждена «Ташкентская подготовительная школа 2-го Оренбургского кадетского корпуса».

Из медицинских учреждений в городе имелись: Ташкентский военный госпиталь (осн. 1870 г.) – первое лечебное учреждение Ташкента, городская больница, амбулаторные лечебницы, глазная лечебница, больница Туркестанской общины сестер милосердия Красного Креста, частные лечебницы, несколько аптек и многочисленные аптекарские магазины.

Общественным центром дореволюционного Ташкента являлся Большой проспект (протяженностью 2,5 км), на котором располагались здание канцелярии туркестанского генерал-губернатора, Городская управа и Туркестанская контрольная палата.

Русская колония Ташкента в начале XX в. претерпела качественное и количественное изменение. Большое влияние оказала миграция в Туркестан русского населения из внутренних областей России, чему во многом способствовало улучшение путей сообщений, особенно ввод в действие Среднеазиатской железной дороги. Развитие хлопкового рынка вызвало приток квалифицированных русских рабочих на хлопкоочистительные заводы. Среднеазиатская железная дорога также способствовала росту числа рабочих, занятых на ее обслуживании и строительстве новых станций, железнодорожных мостов, складов и пр. Постепенно в Ташкенте, как и во всем Туркестане, стал формироваться ранее невиданный здесь класс – пролетариат. Рост числа доходных предприятий – хлопкоочистительных, торговых, по производству спирта и водки, и появление банковских и страховых контор привело к быстрому росту массы состоятельных людей. Расширение административного аппарата, увеличение количества учебных и медицинских заведений также способствовало приезду в Ташкент значительного числа интеллигенции. Русская часть населения города продолжала также традиционно пополняться отставными офицерами и уволенными со службы солдатами, проходившими службу в туркестанских войсках.

Жизнь русской колонии в Ташкенте протекала изолированно от остальной части города. На взаимоотношения русской и туземной части населения еще в значительной мере сказывались последствия Андижанского восстания 1898 г., результатом которого были чувства взаимной подозрительности, отчуждения и культурной изоляции. Вместе с тем, русская администрация принимала усилия по вовлечению местного населения в сферу культурной жизни, образования, приобщению к благам европейской цивилизации. Развитие в Туркестане путей сообщения и хлопкового дела значительно способствовало увеличению среди местного населения числа лиц, обладавших практическим знанием русского языка, усилению мобильности местного населения, которое стало охотнее предпринимать поездки с торговыми целями не только по Туркестану, но и в отдаленные российские губернии. Заметны стали в местном населении и внешние перемены – строились дома на европейский манер, входили в обиход европейский костюм, пользование извозчиками, посещение европейских врачей и др. «Значительная часть местного населения, – как отмечал В. П. Наливкин, большой знаток туркестанской жизни, – утратила прежнюю духовную потребность в религии, к которой стала относиться критически. Религия постепенно для многих стала обращаться в пережиток, в формальность, требующуюся лишь кодексом общественных приличий, в то верхнее

платье, без которого *неудобно* (курсив В. П. Наливкина – М. Б.) выйти на улицу».

Культурная жизнь Ташкента протекала вокруг Публичной библиотеки, уже в то время имевшей богатые книжные фонды, в летнем и зимнем театрах, военном и общественном собраниях. Военное собрание в Ташкенте было открыто в 1868 г. и в 1885 г. переехало в новое, прекрасно построенное здание на углу Московского и Воронцовского проспектов. «Здесь делаются обычные балы, – сообщал дореволюционный историк города, – маскарады и семейные вечера, а в обыкновенные вечера публика пробавляется картами. В Великий пост, а иногда в течение всего зимнего времени, читаются публичные лекции, преимущественно же по военным вопросам».

В Ташкенте издавались газеты «Туркестанские ведомости» (осн. 1870 г.), «Туркестанская туземная газета» (осн. 1870 г., с 1888 г. выходила на русском и тюркском языках), «Русский Туркестан» (осн. 1898 г.). В городе кроме типографий канцелярии туркестанского генерал-губернатора и штаба Туркестанского военного округа имелось несколько частных типографий, издававших немало официальных и литературных изданий. Распространение просвещения вызвало появление в Ташкенте и книжной торговли. На начало XX века в городе имелось три больших книжных магазина, с годовым оборотом торговли более 100 тыс. рублей.

Научная жизнь Ташкента была весьма активной и разнообразной и всей своей историей являлась негласным укором известному русскому сатирику, утверждавшему, что «кроме пьянчуг, казнокрадов и всякой сволочи никто не едет в Ташкент». В столице Туркестана действовали Туркестанский кружок любителей археологии (осн. 1895), Туркестанский отдел ИРГО (осн. 1897), Туркестанский отдел Общества востоковедения (осн. 1901), Туркестанский отдел Императорского Русского технического общества (осн. 1891), Туркестанское общество сельского хозяйства (осн. 1885), Ташкентское общество любителей драматического искусства и др. В 1873 г. на северной окраине Ташкента открылась астрономическая обсерватория, вокруг которой был разбит Обсервационный парк. В разные годы в обсерватории вели астрономические работы такие известные геодезисты, как генералы К. В. Шарнгорст, И. И. Померанцев и Д. Д. Геденон, полковник П. К. Залесский, Ф. К. Шварц, астрофизик В. В. Стратонов и др.

А. Е. Снесарев застал Ташкент в период важных преобразований в административном и военном устройстве Туркестанского края. 11 июня 1899 г. император Николай II утвердил положение Военного совета о передаче в ведение Туркестанского края Семиреченской и Закаспийской областей в отношении гражданского управления. 12 июня императором утверждено положение Военного совета об изменениях в организации Туркестанского военного округа. В соответствии с приказом военного министра (№ 161 за 1899 г.), округ получил корпусную организацию, были сформированы I (штаб в г. Ташкенте) и II (штаб в г. Асхабаде) Туркестанские армейские корпуса, в которые входили соответствующие управления Туркестанских стрелковых бригад, 1-я Туркестанская казачья дивизия, Закаспийская и Западно-Сибирская казачьи бригады, артиллерийские, инженерные и интендантские управления.

В соответствии с новой организационно-штатной структурой, Высочайше утвержденной 20 июня 1900 г., Туркестанские линейные бригады и батальоны преобразованы в стрелковые. До восьми увеличено число Туркестанских стрелковых бригад – 1, 2, 3, 4-я и 1-я Туркестанская резервная бригада (в I Туркестанском армейском корпусе); 5, 6, 7-я и 2-я Туркестанская резервная бригада (во II Туркестанском армейском корпусе); 8-я Туркестанская стрелковая бригада (не входила в состав корпусов и прикрывала Семиречье). По данным британской военной разведки, общая численность личного состава Туркестанского военного округа на июнь 1902 г. составляла 53 300 человек в мирное время и 92 789 человек в военное время. На вооружении войск округа имелось 128 орудий полевой и горной артиллерии, не считая артиллерии Кушкинской крепости.

Изменения затронули также и корпус офицеров Генерального штаба, проходивших службу в войсках Туркестанского военного округа. Прежде всего, введены должности офицеров Генерального штаба в строевых частях – в управлениях стрелковых и резервных бригад, в 1-й Туркестанской казачьей дивизии, в штабе крепости Кушка. Это сразу привело к увеличению более чем на треть числа офицеров Генерального штаба в войсках округа. Мера эта имела еще и ту положительную сторону, что распространяла институт офицеров Генерального штаба на строевые части и, тем самым, придавала согласованность, гибкость и оперативность всей системе управления и планирования на

уровне штаб округа – штабы корпусов и бригад. Кроме того, офицеры Генерального штаба в управлениях бригад получали возможность непосредственно руководить боевой и тактической подготовкой войск, военным образованием строевых офицеров, принимать участие в мероприятиях по разведке сопредельных стран.

К концу 1901 г. в войсках Туркестанского военного округа числилось 34 генерала и офицера Генерального штаба. Основная часть офицеров несла службу в штабе округа – в отчетном, строевом, мобилизационном отделениях и в управлении начальника военных сообщений. Отдельные офицеры выполняли служебные обязанности в качестве «офицеров для поручений» (штаб – и обер-офицеры). Несколько должностей, занятых офицерами Генерального штаба, имелось в Туркестанском военно-топографическом отделе (ВТО). Кроме штабной службы офицеры Генерального штаба несли так называемую «службу при войсках». Она заключалась в проведении тактических занятий со строевыми офицерами, участии в качестве руководителей в полевых поездках офицеров, а также в лагерных сборах.

С новыми штатами округ получил более стройную организацию, усилил боевой потенциал качественно и количественно, и, соответственно, получил возможность для решения более широких оперативных и стратегических задач. В описываемый период войска округа предназначались для стратегического прикрытия широкой приграничной полосы Туркестанского края от юго-восточного побережья Каспийского моря до Западного Китая (Восточный Туркестан и часть Джунгарии). В зону оперативной ответственности округа входили участки русско-персидской, афганской и китайской границ. Основными противниками, на которых были нацелены силы округа, считались Афганистан (как ближайший к русской границе) и Британская Индия. Боевые действия непосредственно против Британской Индии штабом округа не отработывались, для этого у округа имелось слишком мало наличных сил и средств, и решение этой задачи входило в ведение Главного штаба. Однако возможность боевого столкновения с индо-британскими войсками, которые могли выступить на стороне афганской армии, принималась в расчет вполне серьезно и учитывалась в боевом и мобилизационном планировании.

Согласно плану боевого применения войск («мобилизационного расписания») Туркестанского военного округа, в случае войны с Афганистаном основной задачей войск округа являлся разгром афганской армии в Северном Афганистане и овладение Кабулом, откуда открывался оперативный простор для дальнейшего наступления на равнины Индии. С той целью разрабатывались два операционных направления – Кабульское (Самарканд – Кабул) и Гератское (Мерв – Герат). Для действий на первом операционном направлении предназначались силы I-го и части II-го Туркестанского армейских корпусов, Амударьинской военной флотилии и Амударьинской бригады пограничной стражи. Все эти силы образовывали так называемую Амударьинскую армию. Для действий на втором – часть сил II-го Туркестанского армейского округа и резервы из Кавказского военного округа, перевозимые к театру войны морем и далее по Среднеазиатской железной дороге. Войска, предназначенные для наступления на Герат, образовывали Мургабскую армию. Ближайшей задачей Амударьинской армии был захват переправ у Патта-Гиссара, обеспечение переправы войск через р. Амударью и овладение стратегическими позициями в Афганском Туркестане (Мазар-и-Шариф и крепость Дейдади). Направление дальнейшего наступления – на Кабул. После овладения Кабулом и Гератом и подхода резервов из глубины России происходило перенацеливание сил и средств группировки русских войск для дальнейшего наступления в глубь Индии. Войска гератской группировки получали операционное направление Герат – Кветта – Дели, кабульской – Кабул – Дели. Действия войск на этих двух операционных направлениях предусматривали полный разгром афганской армии и уничтожение основных сил индо-британской армии и овладение территорией Северной Индии, центром которой являлся город Дели.

Мобилизационное расписание Туркестанского военного округа предусматривало также ведение боевых действий на ряде второстепенных театров – в Персии (Тегеранское направление), Северо-Индийском (Пенджабское направление), в Западном Китае (Ферганско-Кашгарское и Джунгаро-Семиреченское направления). Изучение Северо-индийского театра займет важное место в деятельности А. Е. Снесарева в туркестанский период, о чем будет подробнее сказано ниже.

В начале XX в. Ташкент предствлял собой один из центров русского военного

востоковедения. Работа по изучению сопредельных с округом стран Востока – Персии, Афганистана, Индии и Китая велась преимущественно офицерами Генерального штаба. В это время в Туркестане служили такие известные исследователи Востока, как М. В. Грулев, А. Г. Серебренников, Н. С. Лыкошин, Л. Г. Корнилов, А. Д. Шеманский, И. Д. Ягелло, И. К. Серебренников, В. Ф. Новицкий, И. Т. Пославский и многие другие. При штабе Туркестанского военного округа действовала Ташкентская офицерская школа восточных языков. В школе готовили военных востоковедов со знанием языка индустани (урду). В более позднее время в программе школы язык урду был дополнен персидским, тюркским, китайским и английским языками. Ташкентская офицерская школа восточных языков являлась единственным военно-востоковедным учебным заведением в русской армии, где читался курс разведки. Туркестанскими военными востоковедами ежегодно совершались рекогносцировки по Туркестанскому краю, поездки по сопредельным странам, издавались солидные военно-географические и военно-статистические работы, труды по лингвистике и этнологии. Они активно сотрудничали с общероссийской и туркестанской прессой, публиковались в изданиях военного ведомства. Немало офицеров состояло действительными членами туркестанских научных обществ: Туркестанского отдела ИРГО, Туркестанского кружка любителей археологии и Туркестанского отдела Общества востоковедения.

Таким образом, к моменту приезда А. Е. Снесарева в Ташкент, там уже имелись все необходимые условия для его последующего становления как крупного военного востоковеда. Этому во многом способствовала и атмосфера тех дней в среде туркестанских офицеров Генерального штаба, обусловленная их повседневной деятельностью, – служба на границах Империи, рекогносцировки и поездки по странам Востока, изучение восточных языков, литературная и научная деятельность. Здесь также важно отметить, что в Ташкенте Снесарев оказался в среде офицеров Генерального штаба, которые имели солидные познания Востока и значительный опыт службы на туркестанской окраине. Некоторые офицеры, как например, Генерального штаба подполковники М. В. Грулев, П. А. Кузнецов и А. Д. Шеманский, капитан Д. Н. Логофет уже приобрели известность своими военно-географическими и военно-востоковедными работами. Д. Н. Логофет был достаточно известен своими статьями о «военной жизни азиатских окраин» (по выражению А. И. Деникина). Это была достаточно конкурентная среда, она создавала для Снесарева не только систему ориентиров, но и вовлекала его в обстановку творческого соревнования, способствовала возникновению у него желания также сделать себе имя на ниве научной деятельности. Вся последующая деятельность А. Е. Снесарева в Туркестане – это непрерывный процесс работы над собой, самосовершенствования и самообразования, желания самоутвердиться и сделать себе громкое имя. Служба Снесарева как офицера Генерального штаба с первых дней оказалась неразрывно связана с Индией, и таким *l'objet de charme* она осталась для него на всю последующую жизнь.

В гостях у лорда Керзона: Снесарев в Индии

О поездке в Индию А. Е. Снесарев никогда не помышлял и попал в эту страну, как и на службу в Туркестанский край, совершенно случайно. Это событие имело свою предысторию. В ноябре 1898 г. британский посол в Петербурге обратился в Министерство иностранных дел России с просьбой разрешить двум офицерам индо-британских войск – майору Медли (Major E. J. Medley) и капитану Кенниону (Captain Kennion), в начале 1899 г. проехать из Северной Индии в Россию через территорию Памира. Военный министр генерал-лейтенант А. Н. Куропаткин удовлетворил просьбу посла, но при этом высказал условие, чтобы правительство Великобритании дало разрешение русским офицерам проехать через Памир в Индию по четырем разным направлениям с целью ознакомиться с Северо-Западной пограничной провинцией. Ответным письмом британский посол уведомил, что правительство дало согласие на поездку русских офицеров только через пер. Калик в Хунзу и Нагар и далее через Кашмир в Индию. В феврале-марте 1899 г. посол Великобритании в Петербурге обратился с новым ходатайством о разрешении еще двум офицерам – подполковникам Поуэллу (Lieut.-Col. Powell) и Мак-Суини (Lieut.-Col. McSwiney), совершить путешествие по русским среднеазиатским владениям, причем, для последнего испрашивалось согласие на осмотр Кушкинской ветви Среднеазиатской железной дороги и на поездку из Чарджуя вверх по р. Амударье.

Начальник Главного штаба генерал-лейтенант В. В. Сахаров в отношении на имя военного министра указывал в этой связи: «<...> английское правительство, заручившись нашим условным согласием, в свою очередь довело численность своих офицеров-путешественников до четырех, предварив этою мерою сообщение нам своего уклончивого ответа. К тому же, сузив для нас район разведки всего лишь до одного направления и притом наименее для нас интересного, английское правительство намечает для своих рекогносцировщиков относительно весьма широкую полосу с включением железнодорожной ветви Мерв-Кушка и верхнего течения Амударьи. Будучи стеснены ответом английского правительства в выборе направления, нам, по-видимому, неизбежно ограничиться отправлением только одного офицера (состоящего для поручений при командующем войсками Туркестанского военного округа подполковника Кузнецова)».

Военный министр в резолюции на документе указал: «Памирское направление для нас совершенно не интересно. Тем не менее, и им воспользоваться надо. Двух английских офицеров мы можем пустить тоже только через Памиры. Через Кушку мы отнюдь не можем никого пропустить. Почему мы выдумали четыре направления через Памиры? Чем руководствовались? Можно ограничиться посылкою двух офицеров вместе, например, Кузнецова и Корнилова. Куропаткин. 25/IV».

В секретном письме к министру иностранных дел графу М. Н. Муравьеву военный министр уведомил, что разрешением британского правительства проехать в Индию воспользуются только два офицера – подполковник Кузнецов и капитан Корнилов. Таким образом, изначально к командировке в Индию предназначались два перспективных офицера Генерального штаба, проходивших службу в Туркестанском военном округе, – П. А. Кузнецов и Л. Г. Корнилов. Первый был хорошо знаком с Памиром – совершил там несколько важных рекогносцировок, второй – провел тайную рекогносцировку Афганского Туркестана.

В середине мая 1899 г. министр иностранных дел уведомил А. Н. Куропаткина, что маркиз Солсбери, премьер-министр Великобритании, довел до русского политического агента по азиатским делам в Лондоне П. М. Лессара ноту, в которой просил сообщить точные сроки приезда русских офицеров к пер. Калик с тем, чтобы выслать для их встречи офицера индо-британской армии. В резолюции на письмо министра иностранных дел А. Н. Куропаткин отметил: «Надо спешить с депешами, выяснить срок проезда, определить денежные средства и спросить Высочайшего соизволения. Куропаткин. 18/5».

5 июня 1899 г. из Ташкента на имя начальника Главного штаба пришла шифрованная телеграмма за подписью начальника штаба Туркестанского военного округа: «Офицеров, предложенных военным министром, командующий войсками затрудняется командировать по незнанию ими ни европейских, ни туземных языков населения Индии, почему просит назначить подполковника Полозова и одного офицера Генерального

штаба из Петербурга, причем, желательно, чтобы этот впоследствии был переведен на службу в Туркестан».

Заметим, что доводы командующего войсками очень похожи на уловку с целью не отправлять Кузнецова и Корнилова, ценных и необходимых в округе офицеров, в командировку, польза которой для нужд округа представлялась С. М. Духовскому сомнительной. В пользу этой версии говорит и тот факт, что французским языком Кузнецов и Корнилов владели достаточно свободно. Незнание «туземных языков населения Индии» не мешает Корнилову совершить поездку по Индии в 1903–1904 гг. В действительности, Духовской придержал офицеров в округе в связи с тем, что у подполковника Кузнецова подходило старшинство в следующем чине (полковника) и при этом открывалась вакансия командира 5-го Оренбургского казачьего полка, дислоцированного в Ташкенте и составлявшего личный резерв командующего на случай чрезвычайных ситуаций. На этой должности Духовской хотел иметь офицера-туркестанца, опытного и лично ему знакомого. Корнилов рассматривался командующим как наиболее подходящая кандидатура для назначения на вновь учреждаемую должность офицера Генерального штаба при Российском Императорском Генеральном консульстве в Кашгаре. Должность вводилась в связи с обострением «сарыкольского вопроса» и усилением британских интриг в Кашгаре.

Просьба генерал-лейтенанта С. М. Духовского была удовлетворена военным министром. По его поручению помощник начальника Главного штаба генерал-лейтенант Е. Е. Уссаковский обратился с просьбой к начальнику Николаевской академии Генерального штаба (НАГШ) генерал-лейтенанту Н. Н. Сухотину – «предложить поехать в Индию, на 6-месячный примерно срок, одному из офицеров, успешно окончивших в этом году курс академии Генерального штаба». Уссаковский указал также на условия командирования: «Офицер этот должен обладать необходимым тактом, дабы отнюдь не обнаружить истинной цели своего путешествия, знать иностранные, по возможности, английский, языки и предназначить себя для дальнейшей службы в Генеральном штабе при войсках Туркестанского военного округа».

Генерал-лейтенант Сухотин обратился к выпускникам академии с предложением отправиться в командировку в Индию с последующим прохождением службы в Туркестане. На предложение откликнулось семь офицеров: штабс-капитаны Сербинович, Снесарев, Казанович, Скобельцын, Батюшин, ротмистр Иолшин и подьесаул Черячукин. В связи с тем, что ряд офицеров из этого списка не были причислены в тот год к Генеральному штабу (по отсутствию вакансий в корпусе Генерального штаба), то для дальнейшего отбора было оставлено три офицера: Сербинович, Снесарев и Иолшин. Что касается английского языка, то из них только штабс-капитан Снесарев мог «читать, писать и понимать разговорную речь». При этом он имел самый высокий бал (12) по немецкому языку, но невысокий бал (9,5) по французскому языку.

По итогам отбора Сухотин докладывал в Главный штаб: «Наиболее соответствующим требованиям <...> признаю 1-го Лейб-Гренадерского Екатеринославского Императора Александра III полка штабс-капитана Снесарева, как владеющего вполне французским и немецким языками и понимающего английский язык, окончившего курс кандидатом математических наук в Московском Императорском университете, обладающего необходимым тактом и не стесненного семейным положением». В литературе иногда можно встретить утверждение, что Снесарева для поездки в Индию выбрал лично военный министр А. Н. Куропаткин. В действительности, выбор штабс-капитана Снесарева сделан начальником НАГШ, Куропаткин же только утвердил выбор генерал Сухотина.

19 июня генерал-лейтенант Уссаковский уведомил начальника академии, что военный министр изволил назначить к командированию в Индию штабс-капитана Снесарева. 22 июня Снесареву вручили «весьма секретное» предписание начальника академии: «Согласно отзыву Главного штаба <...>, военный министр изволил предназначить к командированию в текущем году в Индию Ваше Высокоблагородие, почему предлагаю Вам по получении от казначея академии прогонных денег отправиться в штаб Туркестанского военного округа, куда и прибыть в поверстный срок для дальнейшего отправления в путешествие одновременно с Генеральным штабом подполковником Полозовым и последующей, по возвращении, службы в Туркестанском военном округе».

Тем временем по запросу Военно-ученого комитета (ВУК) Главного штаба начальник

штаба Туркестанского военного округа разработал смету расходов для поездки офицеров в Индию. Штаб исходил из желания командировать офицеров по маршруту: пер. Калик – Гилгит – Сринагар или Аббот-Абад – Равалпинди – Джелам – Атток – Пешавар – Бану – Дера – Исмаил-хан – Гази-хан – Лахор. По мнению начальника штаба округа генерал-майора Сахарова, «подобный маршрут помимо ознакомления с путями и сообщениями стран, по которым они пролегают, дал бы возможность ознакомиться со складами и укреплениями северо-западной границы Индии, важнейшим для нас участком Инда и проходами как Хайберским и Шутар-Гарданским, так и лежащими в Сулеймановых горах. Кроме того, было бы желательно, чтобы командируемые офицеры, воспользовавшись каким-либо случаем, проникли к племенам, населяющим Северо-Западную границу Индии, почему считал бы необходимым дать им разрешение принять при возможности участие в могущей быть английской экспедиции. Обратный путь офицерам для выигрыша времени пребывания в Индии и для уменьшения стоимости командировки рассчитан морем на Одессу». Из Одессы предполагалось, что офицеры вернутся в Ташкент через Поти, Баку и Красноводск.

Расходы по командированию (подъемные, путевые деньги, разъездные по Индии, суточные на 6 месяцев) штаб Туркестанского военного округа определил в 5116 руб. для штаб-офицера и 4187 руб. для обер-офицера. Ознакомившись со сметой расходов, А. Н. Куропаткин оставил на документе весьма интересную резолюцию: «Надо назначить и деньги на разъезды. Кроме того, подъемные надо увеличить в два или полтора раза. Не все равно, ехать в Париж или в Индию через Памиры. Куропаткин, 30/6». В итоге, сумма подъемных денег для Полозова и Снесарева была увеличена вдвое – 2000 руб. и 1600 руб. соответственно.

В начале июля Главный штаб подготовил записку на Высочайшее имя, в которой сообщалось о командировании Генерального штаба подполковника Полозова и причисленного к Генеральному штабу штабс-капитана Снесарева в Индию. В записке указывалось, что «русским офицерам-путешественникам во все время пребывания в пределах Индии будет оказано широкое гостеприимство, причем для сопровождения их от самой границы и оказания им возможного содействия будут назначены особые офицеры». Военный министр 6 июля представил доклад императору Николаю II и получил на испрашиваемое Высочайшее соизволение.

Согласно сведениям из послужного списка А. Е. Снесарева, в командировке в Индию он находился с 29 июня 1899 г. по 17 февраля 1900 г. Полная картина самой поездки не может быть составлена по причине отсутствия полноценных источников, прежде всего, архивных (нами такие, во всяком случае, не обнаружены) и печатного отчета Снесарева о результатах поездки. Нет сведений о ней и в материалах прессы того времени, за исключением двух небольших заметок, о которых мы скажем ниже. Пожалуй, единственным источником, проливающим свет на поездку Снесарева в Индию, остаются его письма к сестре, Клавдии Евгеньевне Комаровой за период 29 июля – 29 ноября 1899 г. По этой причине при реконструкции событий периода путешествия по Индии мы будем довольно широко пользоваться ими.

В Ташкент Снесарев прибыл 13 июля 1899 г., проделав нелегкий путь из Петербурга через Баку и Красноводск и далее по Среднеазиатской железной дороге. Ташкент встретил Снесарева страшной жарой, как раз стоял знаменитый ташкентский «саратон» (пик летней жары). «Здесь выношу жару сносно, – сообщал он сестре в письме, датированном концом июля, – (ты и представить себе не можешь здешней духоты), лихорадкой еще не заболел, погань никакая не укусила...».

В Ташкенте Снесарев представился командующему войсками округа генерал-лейтенанту С. М. Духовскому и начальнику штаба генерал-майору В. В. Сахарову. По его свидетельству, руководством округа ему был оказан самый теплый прием. В письме к сестре Снесарев упоминает о том, что завел много знакомств среди иностранцев, им уже стали интересоваться: «Все это на первый раз меня сильно удивляло; немало стесняло меня внимание со стороны иностранцев при личных столкновениях... теперь я начал привыкать и смотрю на это как должное... словом зазнаюсь». Заметим, что столь неожиданное начало его службы – ответственная миссия в Индию, – внимание к нему сильно окрыляют Снесарева и укрепляют его самооценку.

По действовавшему тогда положению, выпускники Николаевской академии Генерального штаба до вступления в исполнение служебных обязанностей

прикомандировывались к штабам военных округов для прохождения лагерных сборов по специальности Генерального штаба. Срок пребывания на лагерных сборах обычно составлял два месяца. Учебные лагеря имелись в каждом военном округе и были оборудованы необходимым числом стрельбищ, полигонов и тактических учебных полей. Летние занятия в таких лагерях проводились в течение трех-четырех месяцев и предусматривали строевую, тактическую и огневую подготовку отдельных воинских частей. В Туркестанском военном округе окружной учебный лагерь находился близ села Троицкое в тридцати верстах севернее Ташкента. Снесарев был прикомандирован к летнему лагерю, но пробыл в нем совсем недолго, около двух недель. Затем он вернулся в Ташкент и приступил к сборам для поездки в Индию.

В письме к сестре Снесарев сообщал о том, что практически договорился с одной из газет (мы можем предположить, с «Туркестанскими ведомостями») о публикации его писем с дороги. Предполагалось, что небольшие корреспонденции будут регулярно печататься в газете с интервалом в 10-12 дней. Снесарев задумал дать циклу писем название «В Среднюю Азию (путевые впечатления)» и даже придумал себе псевдоним – «Де-ш (т. е. Детьш)». Интересный проект остался, к сожалению, неосуществленным. Очевидно, Снесарев, находясь еще в Ташкенте, не мог представить себе всех трудностей пути и проблем с отправкой корреспонденции на родину.

Накануне отъезда он сообщил сестре о некоторых деталях предстоящей поездки в Индию: «Перейду к делу: я отправляюсь по Высочайшему соизволению в Индию на 6-8 мес[яцев]; так как об этом сказано уже в английских газетах (напр. Times), в нашем «Новом времени» и других, то скрывать это нет смысла. Половина пути мною будет сделана официально, (я считаюсь гостем Великобритании на всей территории Индии), остальная, вероятно, иначе. Во всяком случае, риска от этого не меньше (если не больше) и лучше бы было, если бы не говорили слишком много (последнее относится особенно к сестрам, [которые] не прочь похвастать своими братьями). На командировки (на 6 месяцев) я получил 5 тыс. плюс разных других до 2 тыс. Мне уже сшили статский костюм, закупили валенки, вьюки, полушубки и т. д. Я нанял себе джигита (лакея из туземцев)... Все готово, завтра выезжаем в 12 час. ночи». Там же он указывал адрес, по которому ему следует писать в Индию, – г. Равалпинди, первый крупный город на участке маршрута после пересечения индо-британской границы, в котором предполагалась непродолжительная остановка на отдых. Вполне реально представляя себе, что в Индии русские офицеры будут находиться под неусыпным оком индийской полиции, Снесарев просит сестру отправлять письма «невинные», не задавать ненужных вопросов и не интересоваться подробностями его путешествия.

Для донесений с маршрута Снесарев в целях конспирации разработал систему и порядок обмена информацией со штабом Туркестанского военного округа. Передаточным звеном должна была стать сестра, чей адрес в Центральной России не вызвал бы особых подозрений у «специальной службы» индо-британской полиции. О порядке связи Снесарев сообщал сестре: «Я, перед отъездом из Ташкента, написал тебе письмо... В нем я забыл упомянуть, что некоторые сведения к своему начальству я буду посылать через тебя и следующим образом: желая, чтобы ты сообщила что-либо от меня, я тебе буду писать, например: “передай дяде Всеволоду, что я то-то и то-то...”. Если описание моего действия тебе будет не понятно, то ты воспроизводишь сказанное мною просто в кавычках, т. е., например, “передай дяде Всеволоду, что я охотился в окрестностях Амбалы и результаты охоты будут очень удачны”; тебе не понятна эта “охота” и потому ты будешь писать так:

Милостивый Государь Всеволод Викторович!

В письме своем от (такого-то) числа из (такого) города брат просит сообщить Вам о своей работе, что он характеризовал следующей фразой: “я охотился в окрестностях Амбалы и результаты охоты были очень удачны”.

Примите уверение в моем глубоком уважении,

Клавдия Комарова.

Если же я тебе напишу так: “Передай дяде Всеволоду, что я нахожусь в Лагоре и в настоящее время занят изучением условий службы гарнизонов, расположенных там-то...”, ты можешь изложить от себя:

Милостивый Государь Всеволод Викторович!

В письме своем от “ ” числа из “ ” города брат просит сообщить Вашему Превосходительству, что он находится в настоящее время в Лагоре и занят тем-то...

Письма свои ты будешь адресовать так: “Его Превосходительству генерал-майору Всеволоду Викторовичу Сахарову начальнику штаба Туркестанского военного округа. г. Ташкент.”

В первом своем письме к генералу ты сообщишь, что я нашел более удобным периодически давать сведения через тебя, что ты моя родная сестра и что твой адрес такой-то. Может быть, ты получишь что-либо и от генерала для сообщения мне, передавай мне в возможно подходящей форме...

Обо всем сказанном не говори никому (кроме брата Пани, если он еще не уедет в Петербург)... Я вполне за тебя спокоен и уверен, что ты справишься со своей работой...».

Из Ташкента Снесарев выехал по железной дороге в Фергану. С узловой станции Черняево, на которой дорога из Ташкента раздваивалась: на восток – в Ферганскую долину, и на юго-запад – в Самарканд, он отправил сестре новое письмо. В нем сообщаются некоторые подробности поездки: «Со вчерашнего числа я оделся в статское и теперь хожу джентельменом... Лишь по крику (повелительному), который иногда срывается у меня, да по фигуре во мне можно было бы признать военного... Какова судьба (возможная) наших путешествий: сегодня получил известие, что английский полковник Мак-Суини (мой приятель, едущий из России в Индию несколько иным путем) лежит сильно больной в Новом Маргелане и, может быть, будет не в состоянии выдержать путешествия в горах (требующего крепкого здоровья и особенно надежной груди)...».

В этом фрагменте обращает на себя внимание упоминание о полковнике Максуйни, которого Снесарев именует «мой приятель». Британский офицер с разрешения русских властей путешествовал в это время по русским среднеазиатским владениям. Он проехал из Петербурга в Одессу, затем в Батум, Баку, Красноводск, Ташкент, Новый Маргелан. Дальнейший его путь лежал в Ош и Иркештам, откуда он предполагал перейти в китайские пределы и отправиться в Кашгар, затем вернуться в Индию через Яркенд и Гилгит. В то время Снесарев был еще далеко не искушен в тонкостях Большой игры в Центральной Азии, опыт придет к нему несколько позже. Он не мог тогда знать, сколько проблем доставит ему и Полозову его новый «приятель». Полковник Максуйни являлся кадровым военным разведчиком и в разведывательном департаменте штаба индо-британской армии считался основным специалистом по России и русской армии в Туркестане. Он отлично знал Памиры (участвовал в работах смешанной англо-русской разграничительной комиссии на Памирах в 1895 г.), Кашгарию, районы по обе стороны Восточного Гиндукуша, достаточно хорошо знал русский язык.

Максуини застал Снесарева в Ташкенте и, очевидно, встречался с ним. Снесарев упоминал о большом интересе к нему со стороны иностранцев, среди которых был и «англичанин, приехавший из Лондона в Ташкент». Интересовались им и другие иностранцы, среди которых был агент британской разведки – под псевдонимом «Мг. Х». Он действовал в Ташкенте под прикрытием представителя одной из британских торговых фирм и снабжал британскую разведку сведениями о положении дел в Русском Туркестане и о состоянии войск Туркестанского военного округа. При встрече в Ташкенте агент сообщил Максуйни, что русские офицеры, которые должны совершить поездку в Индию через Памиры, пер. Калик и Хунзу, оснащены геодезическими инструментами и фотоаппаратами. По его предположению, офицеры готовились совершить съемки Сарыкола и границы с Кашгарией. Это сообщение сильно насторожило индо-британские власти, было принято решение усилить надзор за русскими офицерами после перехода ими границы с Индией.

В Новом Маргелане Снесарев присоединился к подполковнику Полозову, прибывшему туда несколькими днями ранее. Затем они отправились в Ош, где непродолжительное время провели в гостях у подполковника В. Н. Зайцева, воинского начальника Ошского уезда, занимаясь подготовкой к поездке через Памир. Подполковник Зайцев был в Туркестане личностью известной и пользовался заслуженным уважением. Активный участник памирских походов (1891–1893 гг.), начальник Памирского отряда и устроитель Памирского поста (1893–1894 гг.), автор нескольких военно-востоковедных

работ, Зайцев по праву пользовался репутацией одного из лучших знатоков Памира. Накануне приезда Снесарева и Полозова у него гостил знаменитый шведский путешественник Свен Гедин (отправился в Кашгар с экспедиционным караваном 19 июля) и, предположительно, останавливался полковник Максуйни (был в Оше около 25-26 июля). 17 августа Снесарев и Полозов через Ош, Гульчу по Большой Памирской дороге достигли Памирского поста. Из письма к сестре: «Я нахожусь сейчас в Памирах, в 400 верстах южнее гор. Оша на р. Мургаб... 11 дней как еду верхом по высотам 13-14 т. футов. Все вынес удачно; обыкновенно люди (в первый раз) подвержены головным болям, расстройством желудка и течению крови из носа, рта и ушей... Температура на высотах и на данной географической широте – невозможная: открыто солнце – тропическая жара, закрыто и еще ветерок – стужа, в последнем случае еду по зимнему: бараний тулуп, валенки и меховая шапка... всегда набрюшник и голова укрыта фланелькой... Много видал нового и интересного, два раза охотился... словом еду с открытым ртом ребенка... Сегодня у нас дневка, а завтра мы с товарищем временно расходимся: он идет долиной р. Ак-су – более длинной (в обход афганской территории), а я пойду напрямик по перевалам, через четыре дня достигну афганской территории и 5 дней пройду по ней до границы английской... здесь подожду товарища... Со мной идут мой слуга Ата-бай, проводник (кэрэкэш) вьючных лошадей (у меня две) и несколько казаков (2-3)... Последние идут лишь два перехода, далее следую один... возможно, что афганцы меня не пропустят,... если не удастся пробиться, поверну на дорогу товарища (впрочем, этого не думаю...)... с англичанами я встречусь первый и буду проситься, чтобы они разрешили товарищу идти через другой перевал (Мэн-Тэкэ), а не через Килик [который] слишком для него высок, суров и он его не перевалит... Сам иду последний с англичанами... Я посылаю тебе свои записки, веденные мною по Памирам... Я их вырвал из книжки, чтобы не подвергать опасности... Возможно, что афганцы или англичане отберут у меня записанное (подлецы афганцы могут отобрать и все); пусть хоть это будет сохранено... <...> По приходе на ночлег Ата-бай (слуга) готовит мне походную постель, в головах образок, рядом на сундуке револьвер, карты и книги. Это мой походный кабинет... Чаше всего, пообедав, приходится ложиться спать... утомление бывает так сильно, что если не дадут сейчас есть, то я падаю на пол и моментально засыпаю... Раз на привале заснул под открытым небом, пошел дождь и мочил меня, пока не догадались разбудить... Если есть время, то я занимаюсь в кабинетике: пишу, читаю, изучаю карты...».

Маршрут Снесарева пролегал по самой восточной оконечности Ваханского коридора, территории, которая, в соответствии с протоколом о разграничении на Памире 1896 г., принадлежала Афганистану. В своей восточной части Ваханский коридор соприкасался с Тагдумбаш-Памиром, права на который предъявляли как китайцы, так и канджутцы, но китайцы никогда не контролировали эту часть Памира фактически. Ближайший китайский пост в верхней части р. Тагдумбаш находился от Снесарева в 50-60 верстах по прямой, а с учетом горных путей и того более. Поэтому ожидать встречи с китайскими постами Снесареву не приходилось. Киргизский староста, исполнявший роль китайского пограничного надсмотрщика, встретился Снесареву только у пер. Калик, но он не мог предъявить Снесареву каких-либо вразумительных претензий. Что касается упоминания о предстоящем 5-дневном переходе по афганской территории, то в действительности этот переход (ок. 18 верст) был сделан Снесаревым форсированно в течение нескольких часов.

Из письма также не вполне ясно, в связи с чем Снесарев беспокоился о физических способностях подполковника Полозова. Последний в отличие от Снесарева хорошо знал район и имел опыт горной подготовки. За год до этого Полозов провел рекогносцировку дороги на Хорог через перевалы Огурди и Гушхон и р. Пяндж между Калаи-Вамаром и Лянгар-Гиштом. Полозов имел хорошее здоровье, но, как тогда говорили, был подвержен «туркестанской болезни», то есть мог иногда крепко выпить. Не исключено, что Снесарев пересказал сестре подготовленный для британцев вариант объяснения причины, по которой Полозов не мог пройти через пер. Калик. Этот предлог мог понадобиться для получения разрешения Полозову пройти соседним пер. Минг-теке, весьма интересовавшим штаб Туркестанского военного округа. В письмах к сестре Снесарев мало упоминает о Полозове. В письме с Памирского поста он кратко пишет о своем спутнике: «Товарищ мой по путешествию человек хороший, но не моего склада. Он все уже успел мне рассказать в длинное путешествие и теперь мы едем с ним молча...».

Как представляется, основные работы по разведке в Индии штаб округа возлагал на

подполковника Полозова, как опытного офицера, к тому же курировавшего в штабе округа индийское направление (о чем было известно британской разведке). В пользу этого говорит и маршрут Полозова в Индии – по Северо-Западной границе Индии, личный осмотр им войск и стратегически важных территорий – Хайберского прохода, укреплений Пешавара и Кветты и др. Для облегчения сбора сведений Полозову под видом слуги был придан Кабир-шах, уроженец Кашмира, состоявший при окружном штабе практикантом по урду и персидскому языкам. Кроме того, именно Полозову по итогам поездки в Индию было поручено составить секретное военно-статистическое описание «Северо-Западная граница Индии», в то время как Снесареву поручили разработать военно-географическое описание Северо-индийского театра, менее значимого направления, и без разбора стратегических вопросов.

Следующее письмо написано Снесаревым из урочища р. Михман-джулы (в месте ее слияния с верхним течением р. Аксу) близ афганской границы: «Подошел к афганской границе и посылаю тебе продолжение (по момент) моих записок. Юрта моя стоит как раз на границе; предо мною то ущелье (сейчас все в тучах), по которому завтра я двинусь. Вот уже четыре дня, как иду совершенно один (мой товарищ отстал от меня на один переход и пойдет той дорогой, о [которой] я тебе писал). Завтра 30 верст придется идти по афг[анской] территории; выслал вперед разведчиков и они доложили, что афганцев не видно... Надеюсь завтра проскользнуть, для чего поднимаюсь с зарей.

Иду очень высоко (более 14 тыс. фут.), вчера ночевал под перевалом на высоте 16 тыс. фут., у Ата-Бая ночью пошла носом кровь: по спуске сегодня в долину Ак-су (13 тыс. фут.) ему стало лучше... заболит он у меня и я останусь с дикарями один, без языка... Последние две ночи ночевал у памирских киргизов в юрте; с вечера пощупаешь еще около себя револьвер, а через две секунды так спишь, что могут унести не только револьвер, но и даже и самого за ноги...».

После прохода через афганскую территорию Снесарев остановился у места слияния рек Калик и Кара-чукур. С этой стоянки он пишет письмо сестре: «Я нахожусь сейчас на китайской территории (у слияния р. Калика и Кара-Чукура)... Афганскую территорию проскочил благополучно – шел рано и в полном тумане (т. е. в облаках)... перевалил вчера перевал Михман-Юлы. Если бы ты могла себе представить, что это значит, по какой круче и камням приходится идти, лошади портят себе ноги... облака плывут уже под ногами, идешь по глубокому снегу, в 50 шагах пред собой видишь куски (край) ледника в 5 саж. толщины... Товарищ мой отстал, англичанин не встречается, собственной палатки я не заводил и мне сначала пришлось спать под открытым небом, но к счастью, киргиз нашел в 4 верстах юрты; это оказались китайские надсмотрщики (около них живут и некоторые таджики)... Пришлось обрадоваться и надсмотрщикам, хотя их гостеприимством и кровлей надо пользоваться осторожно (обо мне немедленно послано известие китайскому начальству). Сегодня ожидаю английского офицера и товарища А.[А. Полозова] с [которым] двинусь далее и, вероятно, дня через 2 очутюсь на британской территории... Письмо посылаю со своим киргизом; надеюсь, что он благополучно проскочит через афганскую и китайскую территорию, и донесет письмо до Памирского поста, откуда его уже направят как следует. <...> Мои китайские надсмотрщики чуть не зашалили: послали за другими, стали собираться в кучки и говорить Ата-Бая, что как же это на чужой земле русский офицер живет, вида никакого не представляет и знать ничего не хочет... Я велел передать кучке, что если они сейчас же не разойдутся, то я начну дуть их нагайкой одного за другим; это подействовало и стража китайская успокоилась... Час спустя приехал английский офицер – молодой, очень простой (с виду) человек... Кроме английского не знает никакого другого, я не знаю английского (практически) и начался у нас такой разговор: он говорил своему переводчику по-английски, этот моему по-персидски, а мой (Ата-Бай) мне по-русски... Объяснившись о деле, перешли к болтовне и, т. к. переводчики были лишними, то начали: он мне по-английски, я ему по-французски (он понимать немного может) и беседа пошла за любую душу... Посидел он у меня часа 2, напился чаю, представил двух канджутских принцев (порядочных слов) и уехал... Завтра с товарищем (он приезжает сегодня) двигаемся к англичанину... Тот же англичанин привез нам бумагу от политического агента в Гильгите, в [которой] он приветствует нас со вступлением на британскую территорию и желает нам прекрасно провести на ней время... Очень лестно, но конечно, по-английски лицемерно... Вероятно, за нами следит уйма шпионов...».

У места слияния р. Калик с р. Кара-чукур во время путешествия на Памир, в долины Вахана и Ярхуна, останавливался в сентябре 1894 г. Джордж Керзон, помощник

британского министра по делам Индии. Керзон исследовал истоки р. Амударья (Оксус) и обнародовал результаты путешествия в работе, на которую часто ссылался А. Е. Снесарев, - «Памир и истоки реки Оксус». За Памирскую экспедицию 1894 г. Керзон удостоен золотой медали Королевского географического общества. Через пер. Калик в августе 1888 г. прошел в Хунзу штабс-капитан Б. Л. Громбчевский. Этим же перевалом возвращался с Памира в Гилгит и Керзон. «На следующий день мы прошли его, - записал в своем дневнике Керзон. - На седловине я с помощью anerоида, простого термометра и гипсотермометра сделал определение высоты, которая составила 15870 футов. Седловина перевала Килик представляет собой вытянутое плоское плато, покрытое валунами, травянистыми болотами и небольшими озерцами. На самом перевале снега не было, но снеговая линия проходила чуть выше на окружающих нас горах, которые были покрыты снегом». Из Гилгита Керзон отправил телеграмму своей американской невесте Мэри Виктории Лейтер - «Слава Богу, Памир остался позади!».

Письма Снесарева и русские военные карты района позволяют реконструировать его маршрут от поста Памирского до пер. Калик на границе с Британской Индией. С поста Памирского Снесарев направился хорошо известной дорогой, ведущей к посту Истыкскому (принадлежал к группе восточных постов Памирского отряда) - р. Карасу, урочище Камар-утек, пер. Шур-булак и Ак-бура в долину р. Уч-джилга-сай и по ней к посту Истыкскому. От поста он повернул на юго-запад и направился по вьючной тропе на верховья р. Истык, и, дойдя до рабата Джарты-гумбез, повернул строго на восток и пошел вдоль афганской границы к пер. Кызыл-рабат, спустился в урочище р. Кызыл-рабат и проследовал по ней до слияния с р. Аксу, повернул на юго-запад и направился по ней до места впадения в нее р. Михман-джулы. Отсюда Снесарев двинулся строго на юг по ущелью р. Михман-джулы (полностью лежащему в афганских пределах) до одноименного перевала, спустился с него в западную оконечность Тагдумбаш-Памира в долину р. Кара-чукур и, следуя в юго-западном направлении по ущелью р. Калик, вышел на пер. Калик.

В другом письме Снесарев сообщает о встрече с подполковником Полозовым, который после рекогносцировки долины р. Аксу вечером 24 августа также вышел к пер. Калик и соединился со Снесаревым. В письме к сестре Снесарев сообщал: «Сегодня мы прибыли к англичанину; нас встретили солдаты, два принца, масса челяди (англичане ездят с массой прислуги)...Почету нам масса... позавтракали мы превосходно, пообедали, вероятно, еще лучше... Я понемногу начинаю говорить по-английски и, вероятно, дня через два-три освоюсь с ним... Нарочно согласился ночевать с ним в одной палатке, чтобы иметь практику...».

В британских архивах в ходе работы над книгой нам удалось найти небольшие подробности о встрече британских и русских офицеров. В донесении британского капитана Дж. Маннерс-Смита (Captain J. Manners-Smith), политического агента в Гилгите, сообщалось: «Капитан Майлз (Captain P. J. Miles) с небольшим эскортом от 43-го полка гурков 30 августа выступил из Алтита для встречи двух русских офицеров, приезд которых на перевал Килик ожидается 4 сентября. Его отряд достиг Муркуши 3-го [сентября]. Он сообщает, что придется воспользоваться летней дорогой, так как вода в реке еще довольно высока, и что, хотя дневные переходы не превышают 15 миль, но носильщикам требуется до 12 часов, чтобы их совершить. Мир Хунзы оказал большую помощь в носильщиках и снабжении всем необходимым. Русские офицеры прибыли в Ширин Майдан после обеда 6-го [сентября], где их встретил капитан Майлз».

В сводном отчете о событиях на Северо-западной границе Индии за сентябрь 1899 г. содержится запись о встрече Снесарева и Полозова: «Два русских путешественника, направляющиеся с Памиров в Индию, прибыли на [перевал] Килик 5 сентября и были встречены 6-го [сентября] в Ширин Майдане капитаном Майлзом с небольшим эскортом от 43-го полка гурков. 10-го [сентября] партия достигла [селения] Гойча, где к ней присоединился капитан Медли, офицер-инспектор [войск имперской службы]. Прибывшие русские офицеры - полковник Полозов, начальник индийского отделения штаба Туркестанского военного округа, и капитан Снесарев, числящийся в одном из пехотных полков в Москве. Полковник Полозов знает в некоторой степени язык индустани, его сопровождает слуга, говорящий на индустани. Капитан Снесарев только что закончил академию генерального штаба и до этого никогда не был в Азии».

В письмах к сестре Снесарев не упоминал о короткой рекогносцировке пер. Минг-теке (Минтака), состоявшейся в период между 25 и 29 августа. В это время с русскими

офицерами находился только капитан Майлз. Предположительно, что до присоединения к общей партии капитана Медли русские офицеры чувствовали себя относительно свободно. Снесарев воспользовался дневкой в сел. Муркуш, чтобы совершить рекогносцировку пер. Минг-теке. Муркуш, первое канджутское селение за Гиндукушем, находилось на соединении путей, ведущих с пер. Калик и Минг-теке. Исследование южной части пер. Минг-теке заняло у Снесарева около семи часов. В ходе рекогносцировки им составлено описание перевала, прилегающих тактических позиций, дана характеристика пути по южному склону перевала. Снесарев сделал вывод о том, что пер. Минг-теке является очень важным по его положению на самом прямом пути между Хунзой и Кашгарией, что перевал этот вьючный, легкий и открытый для движения круглый год.

На встречу с русскими офицерами поспешил и полковник Мак-Суини. Он покинул Кашгар 8 августа и сопровождал в Сарыкол ранее прибывших в Кашгар из русских владений французских путешественников – лауреата Института Франции Сент-Ива (G. Saint-Yves) и лейтенанта 66-го пехотного полка Бургуана (Bourgoin). В Сарыколе Мак-Суини простился с французами, которые направились на русский Памир через пер. Беик, а сам поспешил в Хунзу через пер. Минг-теке. Как свидетельствует Снесарев, Мак-Суини присоединился к русским офицерам и капитану Майлзу 26 августа.

Мак-Суини уже было известно о небольшом конфликте, имевшем место между киргизскими пограничными надсмотрщиками и Снесаревым у пер. Калик. «На другой дань (я писал тебе из местечка после пер. Калик), – сообщал Снесарев сестре, – нас нагнал другой англ[ийский] офицер, подп[олковник] Мак-Суини, [который] рассказал, что инцидент мой с китайскими стражниками получил некоторое дальнейшее развитие: получив угрозу быть избитыми нагайкой, они разошлись, но тотчас же послали другого нарочного с донесением их правительству... этот нарочный так гнал лошадь, что она на 40-й версте пала... Мак-Суини, при возвращении из Китая, дорогой увидел одни лишь копыта (все остальное было съедено)... Плачущий посыльный рассказал ему, что какой-то русский офицер приехал, остановился, всех бьет, всех поразогнал... интересно, в какой преувеличенной оценке анекдот дойдет до Богдыхана...».

Путь от Калика по Хунзе и Нагару Снесарев описывает следующим образом:

«Дня через три к нам присоединился еще один английский офицер – майор Модлей; и вот в (подчеркнуто А. Е. Снесаревым. – М. Б.) трех собратий по оружию мы продолжили свой путь... почету хоть отбавляй.

Раджи Гунзы и Нагара отдавали нам визит, мы были во дворце одного из них... Характер езды несколько изменился: едем мы вдвое медленнее, чем ехали сами, обедаем (и вообще едим) прекрасно, на остановках среди дороги устраивается завтрак... вина, пиво, воды к нашим услугам (чем я, конечно, не пользуюсь)... словом комфорту много... Я держу себя по возможности в стороне и помалкиваю: характер работы требует большой сосредоточенности, наблюдательности и памяти... если вступать в беседы, то все повыскачит и для вечерней работы в голове ничего не останется.

Усиленно занимаюсь англ[ийским] языком, начинаю поговаривать немного, но понимать еще трудно: говорят быстро и ни одного слова не договаривают...».

В Гилгит русские офицеры прибыли 8 сентября. Это был довольно крупный военный центр, из которого велось управление британскими гарнизонами вдоль южных склонов Восточного Гиндукуша и на границе с Кашгарией. Находясь в Гилгите, Снесарев внимательно изучает британские войска, их дислокацию, организацию, численность, вооружение и командный состав. Позже эти сведения очень пригодятся ему для написания ряда военно-статистических работ. Пребывание в Гилгите также содержится в его письме к сестре:

«Вчера (после почти 1½ месячного путешествия) в первый раз приехали в культурный угол – Гильгит (недалеко от слияния рр. Канджута и Ясина в Северной Индии), где были представлены двум барыням, нескольким английским офицерам, докторам... Доктор оказался говорящим по-французски и я с ним наговорился вволю... Сегодня вечером будет парадный обед (для нас), на [который] будут приглашены и дамы. Меня посадят рядом с одной, [которая] говорит по-французски... Я совсем одичал: лицо черное, сам угрюмый, волосы совсем короткие, движения дикаря... Все смотрят на нас с любопытством, что еще больше меня стесняет... Сегодня придется нарядиться во фрак с

белым галстуком...».

Из Гилгита русские офицеры продолжили движение в глубь Индии. Их путь лежал в Сринагар, столицу Кашмира, где располагались управление политического резидента при магарадже Кашмира и Гилгитское политическое агентство. В Сринагаре, куда Снесарев и Полозов прибыли около 12 сентября, они представлялись кашмирскому магарадже Пратап Сингху и были приглашены на ужин к британскому резиденту в Кашмире полковнику сэру Аделберту Талботу (Colonel Sir Adelbert Cecil Talbot). Ужин прошел в товарищеской обстановке, и, как писал Снесарев сестре, ему пришлось «распевать под рояль». Не исключено, что среди присутствующих могли находиться политический агент в Гилгите капитан Маннерс-Смит (Captain Manners-Smith), получивший известность во время штурма форта Нилт в Хунзе, за что он был награжден Крестом Виктории, а также лейтенант Фредерик О'Коннор (Lieutenant Frederick O'Connor), переведенный на службу к полковнику Талботу из разведывательного управления штаба индо-британской армии. О'Коннор самостоятельно выучил русский язык, хорошо говорил на урду, пушту и тибетском. Летом 1901 г. он был выслан к пер. Калик и Минг-Теке для встречи русских офицеров, которые, как ожидалось, с разрешения индо-британского правительства должны были посетить Индию с научными целями. О'Коннор писал в своих мемуарах, что прождал русских у перевалов несколько недель, но они так и не появились. Британской разведке еще не было известно, что после поездки в Индию Снесарева и Полозова дальнейшая схема разведки в Индии была пересмотрена штабом Туркестанского военного округа.

Генерального штаба капитан И. К. Серебренников, которого так ждал летом 1901 г. лейтенант О'Коннор, писал в этой связи: «Предыдущие подобного рода командировки наших офицеров в Индию совершались с предварительного уведомления и даже разрешения индо-британского правительства. Опыт этих командировок обнаружил, что англичане крайне подозрительны относительно целей поездок наших офицеров. Под видом гостеприимства и необходимой охраны делались всевозможные стеснения. Достаточно сказать, что нашим офицерам запрещено было останавливаться на более или менее продолжительное время в каком-либо пункте; местным жителям было запрещено вступать с ними в беседу под опасением большого штрафа, и даже были случаи приставления часовых к тем помещениям, где офицеры находились. Исключение в этом отношении составляет поездка в Индию в 1898 г. капитана Новицкого, встретившего со стороны англичан прекрасный прием и полную готовность показывать все, что его интересовало. Но, при позднейших поездках (в 1899 году подполковника Полозова и капитана Снесарева), отношения англичан резко изменились к худшему <...>. Поэтому я просил о том, чтобы моей командировке был придан совершенно частный характер без особого уведомления о том британского правительства». Серебренников прибыл в Индию через Бомбей.

Следующим пунктом маршрута по Индии стал небольшой городок Марри, лежащий недалеко от Равалпинди. Марри являлся климатическим курортом и был очень популярен у чинов пенджабской администрации и их семей, особенно в летний период. Марри также являлся военным центром Пенджаба. Здесь располагался летний штаб командующего Пенджабским корпусом. В письме из Марри Снесарев приводит некоторые детали своего там пребывания: «Я писал тебе из Гильгита, теперь я в Марри, небольшом городке (к западу от Сринагара)... С англичанами, как и нужно было ожидать, произошли недоразумения, [которые] в Гильгите такую было приняли для меня резкую форму, что я чуть было не поднял скандала ... Теперь наше путешествие получило нежелательную для меня форму какой-то прогулки: всюду встречи, парадные обеды, тосты... После обеда музыка (я пою, вызывая незаслуженные восторги обеденных голосами англичан и англичанок)».

В Марри были получены первые свидетельства о большом голоде в Индии, вызванном неурожаем. Положение усугублялось эпидемией чумы, свирепствовавшей в августе-ноябре 1899 г. К счастью для путешественников, основной очаг ее распространения лежал на юге и юго-западе Индии, вне района их предстоящей поездки.

Отсутствие официальных отчетов Полозова и Снесарева о командировке в Индию не позволяет проследить некоторые детали маршрута и род их занятий. К примеру, мало что известно о деятельности в Индии подполковника Полозова. В письмах к сестре Снесарев практически не упоминает о нем, что, впрочем, вполне естественно, принимая во внимание специфику их деятельности. Тем не менее, Полозов никуда не потерялся и

постоянно находился рядом со Снесаревым. Между тем, в Марри они ненадолго расстались.

Около 20 сентября Полозов приступает к самой ответственной части задания – рекогносцировке Пешаварского района Северо-Западной пограничной провинции. Район был чрезвычайно важным в военном отношении, здесь находились Пешаварский и Кветский укрепленные районы, штабы Пешаварского и Когато-Курасского военных округов, проходили стратегические коммуникации, имелась сеть железных дорог. В стратегическом отношении район прикрывал со стороны Афганистана жизненно важные Хайберский и Боланский проходы, выводящие к переправам на Инде. Защита этих проходов и переправ составляла основу британского оборонительного плана на случай русского вторжения.

Целью рекогносцировки Полозова был сбор военно-статистических сведений для описания северо-западной пограничной полосы Индии – района, заключенного между индо-афганской границей и Индом на западе и Пенджабской равниной на севере.

С самого начала поездки подполковника Полозова в Пешаварский район была обставлена многими условиями и запретами. Прежде всего, ему не разрешили вернуться в Россию через Кветту и Сеистан, британцы опасались утечки сведений о строящейся в то время железнодорожной ветке от Кветты на Нушки. Ему был запрещен осмотр ряда гарнизонов и фортов, а также проезд по недавно построенной ветке Северо-Западной железной дороги от Мьянвали до Газ-гата, проходящей вдоль левого берега Инда. Также Полозову не удалось проехать в Чаман (выше Кветты), где велось строительство оборонительных позиций.

В течение 10 дней Полозову удалось лично осмотреть Хайберский проход, укрепления Пешавара: форты Балла-Гисар (центральный во всем Пешаварском укрепленном районе), Дисамруд, Ланди-Котал, Али-Меджид, Мод. В Кветтском районе он исследовал долину Инда, пустыню Тап и Боланский проход, снял планы станций и профили фортов на участке железной дороги между ст. Кольпур – Абд-и-Гум – Гирок.

2 октября Полозов вернулся в Марри из поездки в Пешавар и Кветту. Программа рекогносцировки была выполнена не в полной мере, ряд вопросов остался не выясненным. Позиция британцев в отношении русских офицеров резко изменилась, появились запреты, усилилось психологическое давление. Обратимся к архивному документу, который позволяет представить обстановку тех дней. В середине ноября 1899 г. командующий войсками Туркестанского военного округа сообщал начальнику Главного штаба:

«Генерального штаба подполковник Полозов, командированный со штабс-капитаном Снесаревым в Индию, письмом от 2-го октября сего года из Мурри на имя подполковника Лукина сообщил о крайних стеснениях со стороны англичан, а именно:

Не говоря о том, что на просьбу подполковника Полозова возвратиться через Кветту и Сеистан британское правительство ответило отказом, оно сверх того выразило желание, чтобы оба наших офицера путешествовали все время вместе и не останавливались на более или менее продолжительное время в каком-нибудь пункте.

До Минг-текинского ущелья наши офицеры не были особенно стеснены, но здесь они встретились с подполковником английской службы Мак-Суини, который, будучи недоволен результатами своей поездки по России, представил наших офицеров весьма опасными людьми, так как они великие знатоки Индии и командированы для рекогносцировки ее северо-западной границы, а слугу при подполковнике Полозове Кабир-шаха выставил агентом окружного штаба, не раз выполнявшим наши поручения в Кабуле.

Со времени встречи с подполковником Мак-Суини, подозрительность англичан, по словам подполковника Полозова, не знала пределов и за нашими офицерами стали наблюдать три английских офицера. Сочтя затем, это наблюдение недостаточным, английское правительство, как случайно узнал подполковник Полозов, предписало местному населению не подходить к нашим офицерам и их слугам, под страхом заплатить штраф 500 рупий за беседу с нашими офицерами. Наконец, англичане старались еще в г. Гилгите интригой избавиться от Кабир-шаха. Подполковник Полозов пишет, что хотя тогда их интриги ни к чему не привели, но, тем не менее, для

успокоения подозрительности англичан он будет вынужден отослать Кабир-шаха в Ташкент.

Таким образом, подполковник Мак-Суини оказал очень плохую услугу нашим офицерам. Между тем, ему было оказано достаточно радушия при его проезде через вверенный мне округ. Он осмотрел наши туркестанские войска так подробно, как хотел. Ни в чем ему не было отказано, за исключением того, что ему не было разрешено остановиться в Мерве и Чарджуе и, что согласно распоряжения Главного штаба, его сопровождал офицер <...>.

Надо полагать, что подполковник Мак-Суини, который в индийских войсках пользуется некоторым значением, может сильно затруднить нашим офицерам, командированным в Индию, выполнение возложенных на них поручений и, может быть, будет главною причиною взаимного неудовольствия русских и индо-британских офицеров».

Несколько позже в письме к начальнику Главного штаба генерал-лейтенант С. М. Духовской обращал внимание на то, что в Русском Туркестане стали появляться британские офицеры, которые по возвращению в Англию печатают «статьи полные инсинуаций против русских властей» (при этом он указывал на майора Кобболда). Чтобы пресечь это, Духовской предлагал «по возможности ограничивать разрешение английским путешественникам доступа в наши среднеазиатские владения, давая таковое лишь лицам, которые по своему положению и представленным рекомендациям будут заслуживать особого нашего доверия».

Об ужесточении условий поездки сообщал в письме к сестре и Снесарев: «Газеты внимательно (полиция, платные господа, отчасти военные ... тоже) следят за нашим маршрутом и я нередко читаю, что русские офицеры тогда-то покинули такой-то город и отправились туда-то... Избежать суеты нет возможности, хотя я уклоняюсь, как только поймаю таковую.

Мой план остановиться в Лагоре не одобряется правительством Индии, и оно разрешает мне лишь ездить по Индии, но, не останавливаясь нигде на продолжительное время. Это так грубо и неразумно со стороны правительства, что я склонен усматривать в недозволении, какое-либо недоразумение... Скоро буду в Симле и думаю поговорить лично с лордом Керзоном - вице-королем».

Следующим пунктом на маршруте Снесарева и Полозова был город Равалпинди - крупный военный центр на северо-западной границе Британской Индии, расположенный в 180 милях к северо-западу от Лахора. Здесь находились штабы 2-й Равалпиндийской дивизии и Равалпиндийской пехотной бригады. В 1898 и 1899 гг. район Равалпинди стал местом крупных учений британских войск, на которых отработывались новые методы ведения войны в горах. Станция Равалпинди очень обширная, имела множество подъездных и запасных путей, большое депо. Вокзал станции - большое здание из тесаного камня, имел вид обронительного сооружения. Город Равалпинди состоял из туземной части и европейского кантонмента. Туземный город располагался к востоку от железнодорожной станции и имел обычный для всех туземных городов Индии вид - кривые грязные улочки, скученные здания. Необычным было только отсутствие в городе форта, неотъемлемой принадлежности всех туземных городов Индии. К западу от станции располагался европейский кантонмент, самый обширный из всех имевшихся в Индии. В юго-восточной части, ближе к станции, находились офицерские квартиры, административные здания и базар, на окраинах располагались казармы, склады, хлебопекарня, войсковая ферма и гарнизонный пивоваренный завод. Укрепления Равалпинди состояли из главного форта, находившегося в юго-восточном углу кантонмента, и 12 фортов, раскинутых по дуге к юго-западу, западу и северо-западу. Остановка в Равалпинди была довольно краткосрочной, поскольку офицеров уже ждали в Симле. Программа пребывания в Симле предусматривала представление русских офицеров вице-королю Индии лорду Керзону.

Из Равалпинди в первых числах октября Снесарев и Полозов приехали в Симлу - летнюю резиденцию вице-короля Индии и летний штаб индо-британской армии. Симла, расположенная в предгорьях, покрытых сосновыми лесами, с мягким здоровым климатом, считалась «индийской Швейцарией». В летнее время сюда стекалась элита колониальной администрации, городок был очень благоустроен и живописен. О приезде русских офицеров в Симлу своих читателей неожиданно уведомила газета «Туркестанские ведомости» (это было первое и последнее упоминание о поездке в туркестанской прессе): «Полковник Александр Александрович Полозов и капитан

Андрей Евгеньевич Снесарев прибыли 8 октября в Симлу, где они пробудут некоторое время в качестве гостей индийского правительства. Офицеры эти прибыли в Индию сухим путем через Памир, Каликский перевал и Гильгит».

В Симле русские офицеры были приняты недавно назначенным вице-королем Индии лордом Керзоном, самым молодым (39 лет) из всех высших администраторов, когда-либо занимавших эту должность. Керзон, много путешествовавший, очень увлекался географией и ориентализмом. Путешествие русских офицеров из Туркестана, по которому он сам проехал в 1888 г., по Памирам, также им исследованным, создавало немало общих точек соприкосновения. Керзон был одним из активных сторонников усиления британского политического влияния в странах, прилегающих к границам Индии, наращивания боевого потенциала индо-британской армии для отражения русского вторжения, которое Керзон считал исторически неизбежным.

О пребывании в Симле дает наглядное представление письмо Снесарева к сестре: «Опишу тебе парадный обед у вице-короля Индии лорда Керзона. В тот же день мы были на чае (в 5 час. – английская мода) у главнокомандующего войсками Индии. Здесь мы оставались недолго: главнокомандующий только что оправился от болезни и был еще очень слаб... Еще до этого приглашения я получал письмо от одного из адъютантов лорда Керзона, в [котором] высказывалась просьба... чтобы я захватил с собой ноты (не просьба, а, скорее, надежда) и меня надеются услышать. Дело в том, что до сих пор я распевал: в Гильгите под гитару, в Сринагаре у резидента (род губернатора) под рояль, – что нашлось... молва то и пошла... Я бросился в магазин и успел найти “Азру” Рубинштейна и “Лесного царя» Шуберта... Кроме того, у меня была в запасе песенка: “Я вас любил» на слова Пушкина. К 8 час. мы прибыли во дворец. Познакомились с несколькими лицами: это были высшие представители власти: начальник штаба войск Индии, генерал-квартирмейстер, секретарь по иностранным делам, секретарь при военном департаменте, сестры вице-королеви, дочь министра финансов Индии и т. д.

<...> Обед был, конечно, великолепен, зала, украшенная гербами вице-королей Индии, еще великолепнее, рядом играл оркестр... Словом, эта сторона хоть куда. После обеда мужчины посидели немного отдельно, и, наконец, перешли в большую залу. Здесь, через несколько времени адъютант сказал мне, что Его Светлость удостаивает меня разговором. Я поднялся и подошел к лорду. Он попросил меня сесть, и началась беседа. Лорд Керзон высокого роста, с длинным бритым лицом (усы и бороду бреет), серые глаза, поставленные очень широко и имеют резко сосредоточенное выражение, лоб крупный... Все лицо можно назвать красивым (оно ровно розового цвета), если бы оно не было так холодно и самоуверенно... Ходит лорд с какой-то странной развалкой, некрасиво ставя ноги... Голос его я нашел слишком слабым для оратора и недостаточно гибким. Лорд говорит по-французски средне, медленно, но может говорить красиво... Высокий хозяин спросил меня о путешествии, не устал ли я... говорили о его сочинении о долине Гунзы (мы с ним из числа очень немногих, издавших ее) и т. д. Как только я отошел, подлетел адъютант и попросил меня петь. “Кто мне будет аккомпанировать?”. Он указал на престарелую девицу, оказавшуюся дочерью министра финансов. Я пропел “Азру” (употребляя русские слова)... Так как меня просили сейчас же еще что-либо, я сам сел к роялю и аккомпанируя (по-просту) пропел “Я Вас любил”... Вице-королю это очень понравилось и он высказал удивление, что такая короткая песня... Прошло с полчаса и адъютант стал просить меня петь «Лесного царя»... Аккомпаниаторша отказалась, боясь не справиться с трудным аккомпаниментом; хотели, чтобы дирижер оркестра аккомпанировал. В конце-концов села-таки девица, и мы с ней исполнили “Лесного царя” (два раза чуть совсем не разошлись)... После этого со мной долго говорила о музыке вице-королеви; хвалила мой голос и надеялась еще услышать... Через ½ часа вице-король ушел в апартаменты свои, и гости мало-помалу разошлись.

<...> По утру от вице-короля мне присылалась лошадь – Араб, и я делал часовую прогулку по окрестностям, потом сидел за книги и сидел за полночь... В Симле очень много обезьян. Они ходят стадами, прыгают по деревьям, по карнизам и крыльцам пустых домов... Я занимался в тиши, окруженный стеклами, и снаружи приходила обезьяна, садилась против меня и следила за моей работой. Но чуть я поднимался или делал большое движение, она моментально исчезала...».

Дальнейший путь русских офицеров был целиком привязан к железным дорогам, и посещение мест ограничивалось гарнизонами, расположенными близ крупных железнодорожных станций. Для реконструкции этой части маршрута весьма ценным

источником служат карты железных дорог Британской Индии того времени.

Около 15 октября Снесарев и Полозов (последний несколькими днями ранее) приехали в Лахор – экономическую и культурную столицу Пенджаба, город, который имел важное значение для развития индийского революционного движения и борьбы за независимость от Великобритании. Город также являлся крупным военным центром Британской Индии. Здесь размещались штаб 3-й Лахорской дивизии, входящей в состав Северной армии, и многочисленные военные гарнизоны. Лахор состоял из туземной части и европейского города. Туземная часть находилась в северо-западном районе города и была обнесена высокой глинобитной стеной с бойницами и двенадцатью массивными, обитыми железом воротами. Европейская часть состояла из широких улиц, нескольких площадей и парков. На небольшой возвышенности в северо-западной части города располагался форт, построенный в правление императора Великих Моголов Акбара (1542–1605), известного своими завоеваниями в Индии и Афганистане. Внутри форта располагались великолепный сад Хазури-баг («царский сад») с несколькими красивыми павильонами из белого мрамора, сикхский храм – оригинальной и красивой архитектуры, и большая мечеть Бадшахи Масджит («падишахская мечеть»).

Железнодорожная станция Лахор являлась главной станцией Северо-Западной железной дороги и находилась на северо-восточной окраине европейской части города. Движение поездов через станцию было довольно интенсивным, имелось шесть пассажирских платформ, много запасных путей, мастерские, депо и т. п. Недалеко от станции располагались управление дорогой и кварталы, в которых проживали железнодорожные служащие. Основной достопримечательностью станции был вокзал, построенный в 1864 г., несколько лет спустя после восстания сипаев. Вокзал состоял из двух параллельных кирпичных зданий, около 200 м каждое, покрытых общей крышей и соединенных между собой тремя перекидными железнодорожными мостами-виадуками. Между зданиями располагались две пары платформ и две пары путей, несколько платформ и путей размещались в обоих концах вокзала. При сооружении вокзала исходили из необходимости сделать его одновременно и крепостью, «отлично защищенной во всех отношениях» (по выражению архитектора вокзала). Здание больше напоминало средневековый замок, чем железнодорожный вокзал. Живописные арки, через которые поезда приходили и отправлялись со станции, могли закрываться массивными воротами, превращая грандиозное здание в огромный бункер. Четыре каменные башни по краям вокзала могли выдержать прямое попадание артиллерийского снаряда. Стены и башни станции имели бойницы для стрелков и амбразуры для артиллерийских орудий. Площадь перед вокзалом со стороны города была обнесена полукруглой кирпичной стеной, высотой около 4 метров, которая также могла служить укрытием для стрелков. Оборона станции была рассчитана на 8 орудий и примерно 600 человек пехоты.

В письме к сестре из Лахора Снесарев сообщал:

«С 18–27 октября я пролежал больной; доктора определили у меня лихорадку (здесьнюю в малярийной форме) в связи с солнечным ударом. Я же полагаю, что сюда прибавились нравственные потрясения плюс переутомление (в Симле, уже больной, я работал свыше 14 часов в сутки... теперь доктора запретили мне читать). Вот только два дня, как я приподнялся с постели и могу себе позволить несколько шагов по комнате. Мне не позволили останавливаться на продолжительное время где-либо в Индии и только болезнь приковала меня несколько долго к Лагору. Более 1-1½ месяцев я не буду в Индии.

<...> Хотя бы скорее отсюда. Страна богатая, полная и оригинальная, но все плывет мимо, так много работы; читаешь, делаешь выписки, а вместе с тем фигурируешь на обедах, ведешь тонкие разговоры на 3–4 языках. На лице неизменное благорасположение и улыбка, а на душе те же муки, искание знаний, неугомонные волны самолюбия...».

После Лахора русские офицеры посетили Амритсар – священный город сикхов. В Амритсаре они осмотрели гарнизон из частей Лахорской дивизии. Затем последовали Дели – город, в котором произошло знаменитое восстание сипаев; Агра – бывшая столица Великих Моголов и военная столица Британской Индии, крупный железнодорожный узел.

Из Агры Снесарев отправил сестре свое последнее «индийское» письмо:

«Пишу тебе из Агры. Сегодня день моего рождения и мне, значит, стукнуло 34 года. Проехал из Лагора – Амритсар, Амбалу и Дели – много красивого, почтенно-древнего... Буду рассказывать после. Только с оставлением Лагора оставила меня лихорадка... мучила меня ровно месяц и я снизошел до безобразия; теперь вот уже 11 дней, как я здоров и начинаю вновь крепнуть. Последние дни говорю только по-английски... <...> Недели через 2 я покидаю Индию и из Калькутты проеду (морем) в Коломбо (остров Цейлон), где сяду на один из пароходов Добровольного Флота и проследую дорогой Аден – Суец – Константинополь – Одесса – Панфилово... <...> Посылаю тебе свой портрет; среди болезни мне стало лучше, и в один из часов работы товарищ позвал меня сниматься; я выскочил с книгой, в очках и снялся с думой о прочитанном, почему и вышел слишком угрюмым. Сзади меня случайно попал один из слуг отеля. На это письмо не пиши мне, ибо я сам прибуду неделю спустя. Приготовься варить мне щи (здесь была бурда)... Письмо, вероятно, придет около нового года, с которым сердечно вас поздравляю... Новое столетие!!! Что-то оно даст бедному человечеству...».

Сразу по возвращению из Индии Снесарев отправил в редакцию журнала «Разведчик» короткую информацию о поездке в Индию. Заметка была подана от лица редакции: «В Одессу недавно возвратился капитан А. Е. Снесарев, совершивший совместно с подполковником Полозовым путешествие по Индии, которое они предприняли с научной целью. Путешествие продолжалось около полугода, и в течение этого времени они успели объехать всю Индию, побывать в наиболее интересных местах ее, познакомились с бытом и жизнью индусов и проч. Проехали через Памиры, посетили перевал Калик, спустились в долину Гунза-Нагар, побывали в Сринагаре и других местах. Они собрали много новых, интересных сведений об Индии, англичанах в Индии и проч.».

Поездка в Индию имела для профессионального становления А. Е. Снесарева, как военного востоковеда, исключительно важное значение. Она дала ему уникальную возможность увидеть страну своими глазами, приобрести солидные знания по географии, истории и этнографии Индии, ее административному устройству, экономической жизни, а также по индо-британской армии. Знания и впечатления, вынесенные из поездки по Индии, были тем важнее, что в России имелось мало сведений об этой стране, полученных непосредственно русскими путешественниками и исследователями в Индии. Как справедливо замечал М. В. Грулев, судить о событиях в Индии приходилось лишь «по английскому образцу, так как фактическая сторона всех совершившихся там событий узнается всем миром лишь из английских же источников».

Поездка в Индию сформировала у Снесарева устойчивые взгляды и представления об этой стране, которые мало подверглись ревизии на протяжении всей службы в императорской армии. Пересмотр их частично произошел уже в советский период, когда значительно изменились идеологическая ситуация внутри России и международное положение, в том числе, положение в самой Индии. Одним из наиболее важных выводов Снесарева относился к определению непосредственной связи могущества Великобритании и состояния ее колоний, особенно Индии. Снесарев замечал в этой связи:

«Индия, вне сомнения, есть главный питомник могущества и силы Британии, наиболее яркая вывеска ее престижа и основной гвоздь ее империалистических упований. Отнимите у англичан Индию, и Британия в одно поколение сведется к узкой роли банковской конторы, ссужающей весь мир накопленным капиталом и имеющей свое главное отделение на островах Великобритании. История Англии тесно связана с историей Индии, и как только в будущем пробьет торжественный час свободы этой несчастной темной страны, следующий и скорый удар часов истории возвестит миру смерть владычицы морей».

Индия дала Снесареву то чувство страны и тот фактический материал, которые навсегда определили круг его служебных и научных интересов – «среднеазиатский вопрос», центральным элементом которого являлась Индия. Он как-то заметил, что у «среднеазиатского вопроса» есть не только поклонники, но есть даже свои фанатики. К последним, с полным основанием, можно причислить и его самого. Поездка в Индию в одночасье, еще до выхода печатных работ по этой стране, сделала его авторитетом по «среднеазиатскому вопросу». И хотя общая картина его впечатлений и полученных сведений, ввиду отсутствия официального отчета о поездке, осталась большей частью неизвестной, но сам факт поездки давал ему некое психологическое преимущество над

другими исследователями вопроса, делал его голос более значимым и авторитетным. Не случайно в своих работах он часто ссылался на личный опыт и сведения, полученные в ходе поездки, для аргументации своих мыслей и доводов.

Было бы неверно считать, что поездка в Индию открыла ему некое провидение и высшую истину. В отдельных вопросах ему не удалось до конца разобраться с истинным положением дел, как например, в вопросах о роли британской администрации в обустройстве Индии (считал, что англичане только «выкачивают жизненные соки страны»), о степени ненависти местного населения к британской колониальной системе (преувеличивал антогонизм), религиозного и кастового разобщения индийского общества (недооценка этого фактора) и др. Поездка в Индию имела и тот эффект, что Снесарев в ряде вопросов, собственно военных, не вполне верно оценивал боевой потенциал индо-британской армии, ее сильные и слабые стороны, стратегическую устойчивость (на тот момент) британской военной системы в целом. После посещения Индии в его стратегических взглядах на страну еще наблюдался некий дуализм, состояние взглядов, которое сам он часто называл «шатанием мысли». С одной стороны, увиденное им в Индии, утвердило его в абсолютной идее о невозможности, а главное, бессмысленности завоевания Индии, с другой, он допускал поход русских войск за Амударью и занятие Гиндукуша, как естественного пограничного рубежа России в направлении Индии. Понятно, что этот поход за Амударью не мог быть ничем иным как походом на Индию, но только в усеченном варианте, без захвата страны. Поход за Амударью неизбежно приводил бы к вооруженному столкновению с Британской Индией, а дальше сама логика войны требовала бы движения за Гиндукуш.

Командировка штабс-капитана Снесарева и подполковника Полозова в Индию, несмотря на ряд невыполненных отдельных заданий, имела важное значение еще и с другой стороны. Эта поездка еще больше убедила руководство Туркестанского военного округа в необходимости командирования офицеров в Индию для целей разведки. Приведем в этой связи один интересный документ – служебную записку командующего войсками Туркестанского военного округа генерал-лейтенанта Н. А. Иванова. «Помимо главной цели – изучения языка, – отмечал Н. А. Иванов, – командирование наших офицеров в Индию имеет и другое значение. Если мы находим необходимым командировать офицеров Генерального штаба из западных округов в прилежащие к ним заграничные местности, то это тем более необходимо в отношении Индии, как в воспитательном отношении для самих офицеров, так, главным образом, для пополнения наших до последнего времени весьма скудных, а главное, исходящих исключительно из английских источников, а потому неверных сведений о быте англо-индийской армии, настроении местного населения и пр. Необходимо иметь в виду, что если в будущем Туркестанским войскам придется вести большую кампанию, то, несомненно, они столкнутся с англо-индийской армией, если не на индийской территории, то на афганской, а потому нужно заблаговременно принимать меры к изучению сильных и слабых сторон нашего будущего противника. Предыдущие командировки (подполковника Полозова, капитана Новицкого и капитана Снесарева) дали в этом отношении весьма ценный материал. Данные этих командировок послужили к установлению совершенно новых взглядов на некоторые бытовые стороны англо-индийской армии: отношение к службе английских офицеров, положение в армии туземных офицеров, резкую разницу в положении английского и туземного солдата, взаимное их отношение и проч.».

Особенно интересно мнение командующего войсками о значении поездки в Индию для капитана А. Е. Снесарева, которое очень точно отражает суть вопроса. «Воспитательное значение командировок, – указывал Н. А. Иванов, – выказалось весьма рельефно. Капитан Снесарев, отправившийся в командировку прямо с академической скамьи, возвратился в округ опытным офицером и в настоящее время прекрасно справляется с трудной и ответственной должностью адъютанта отчетного отделения, и ему же поручено составление и издание сборника сведений о сопредельных странах. Нельзя не признать, что расширение кругозора и приобретенное при командировке знание английского языка в значительной степени способствуют проявлению прекрасных личных качеств этого офицера».

Отметим, что практика командирования офицеров от войск Туркестанского военного округа, преимущественно офицеров Генерального штаба, положенная капитаном В. Ф. Новицким, продолженная подполковником А. А. Полозовым и капитаном А. Е. Снесаревым, в последующие годы получила дальнейшее развитие. До заключения англо-

русского соглашения 1907 г. в Индию непрерывно командировались русские офицеры-туркестанцы: капитан И. К. Серебрянников (1902), подполковник Л. Г. Корнилов (1903), поручик В. В. Лосев (1905), капитан П. А. Половцов (1907).

«My dear baby Rita»

По свидетельству А. А. Комиссаровой, в архиве семьи Снесаревых имеется письмо на английском языке, написанное рукой А. Е. Снесарева. Скорее всего, это черновик письма. Начинается оно с обращения к неизвестной женщине: «My dear baby Rita». Как сообщила А. А. Комиссарова, в письме Снесарев «объясняет, что его специальность, как русского офицера – английская армия, поэтому он никак не может связать свою судьбу с этой самой Ритой». К сожалению, сам текст письма остался нам недоступен, семейный архив еще не до конца разобран, и, несмотря на большие усилия А. А. Комиссаровой и А. А. Снесарева, отыскать письмо не удалось. Будем надеяться, что оно все-таки найдется, поскольку оно представляет собой интересный и необычный документ, проливающий свет на индийскую поездку А. Е. Снесарева.

Наличие такого необычного письма, написанного на английском языке и вдобавок адресованного женщине, нас чрезвычайно заинтересовало. Гипотетически оно могло относиться к двум эпизодам жизни А. Е. Снесарева – командировке в Индию и поездке в Лондон. Было очевидно, что письмо подводит черту под отношениями, которые возникли между ним и неизвестной женщиной в период этих зарубежных поездок. Сопоставление известных фактов из поездки Снесарева в Индию привело к неожиданному предположению. В письме к сестре Клавдии, отправленном из Лахора 29 октября 1899 г., он сообщал подробности ужина у вице-короля Индии лорда Керзона, на который он был приглашен. В письме есть такой фрагмент, относящийся к сцене распределения дам и кавалеров за столом, – «мне досталась младшая сестра вице-королеви, красивая, веселая американка и мы с ней с места же зафранцузили всюю».

Американка, с которой Снесарев познакомился на ужине у вице-короля, оказалась Маргарит Хайд Лейтер (Marguerite Hyde Leiter), младшая сестра жены вице-короля Мэри Виктории Керзон, баронессы Керзон Кедлстонской. Мэри вышла замуж за Джорджа Керзона 22 апреля 1895 г., свадьба их состоялась в Вашингтоне. Сестры происходили из очень богатой американской семьи и были необычайно красивы. Кроме Мэри и Маргарит в семье имелись еще средняя дочь Нэнси и брат Джозеф. Маргарит родилась в Чикаго 1 сентября 1879 г. Отец семейства Леви Лейтер (1834–1904), имевший швейцарские и немецкие корни, сколотил огромный капитал на торговых операциях с пшеницей и углем, сделках с недвижимостью. Бизнес-империя Лейтера базировалась в Чикаго, где он был известен не только как крупный бизнесмен, но и как филантроп и меценат, был одним из основателей Чикагского института искусств и президентом Чикагского исторического общества. Когда его старшая дочь Мэри выходила замуж за Дж. Керзона, Лейтер создал для нее специальный траст с капиталом в 1 млн. американских долларов, суммой огромной по тем временам. На своих детей Лейтер не жалел денег, они получили прекрасное домашнее образование (за исключением Джозефа, закончившего Гарвардский университет), дочки занимались танцами, музыкой, вокалом и искусством под руководством известных педагогов, для практики французского языка нанимались гувернантки-француженки.

Незадолго до командировки Снесарева в Индию Маргарит, или как ее чаще называли в кругу семьи, Дейзи, вместе с сестрой Нэнси и матерью Марией Терезой приехала на несколько месяцев погостить к Мэри. Кроме красот и чудес Индии, как представляется, у жены Лейтера не на последнем месте был более прозаический интерес – найти для дочек подходящих женихов. В то время в окружении лорда Керзона имелось немало холостых британских офицеров, представителей известных аристократических фамилий. В Симле Нэнси и Дейзи были признанными *belles* и привлекали всеобщее внимание. Кроме того, юная Маргарит была богатой невестой, ее приданое оценивалось между 15 и 20 миллионами долларов.

В то время эпоха «трансатлантических союзов», когда женщины из семей американских нуворишей выходили замуж за представителей британской аристократии, переживала свой небывалый подъем. На рубеже веков около 500 американок вышли замуж за представителей британских аристократических фамилий, одни сделали это для получения громких титулов, других интересовали большие деньги. Мода на богатых эмансипированных американок, столь эксцентричных и раскрепощенных по сравнению с молодыми британскими аристократками, над которыми все еще довлели условности викторианской эпохи, была огромной. Для женщин из богатых американских семей брак по принципу «деньги за геральдику» (cash for coronets) давал возможность получить

престижный статус и открыть дверь в высший свет не только Старого Света, но и у себя на родине. Классическая американская аристократия старого типа с ее привычками к экономной трате денег, умеренностью и филантропией, с большим подозрением относилась к новому классу нуворишей. Представители последнего сорили деньгами и с пренебрежением относились к устаревшим, на их взгляд, ценностям старой американской аристократии. Родство с аристократическими семьями Европы, и, прежде всего, Великобритании, позволяло новой американской аристократии комфортно чувствовать себя в высшем эшелоне американского общества. Эта эпоха была недолговечна, конец ее пришелся на окончание Первой мировой войны, когда британская аристократия переживала трудные времена и многие пытались удержаться на плаву, продавая имения, фамильные драгоценности и коллекции произведений искусства, а американская элита осознала, что ей больше не нужны громкие титулы для подтверждения социальной значимости.

Мимолетное знакомство Снесарева с Маргарит, как представляется, быстро переросло в сильное увлечение. Снесарев умел произвести впечатление и выделялся в среде высшего общества в Симле – высокий и импозантный русский офицер, говорящий на иностранных языках, с прекрасным голосом и мягкими манерами, неплохой танцор. К тому же он прибыл с далекого севера, из почти мистической страны России. Маргарит также не могла остаться незамеченной – удивительной красоты высокая девушка, с копной пышных черных волос и большими голубыми глазами, унаследованными от матери-ирландки. Имелись и общие интересы – увлечение вокалом и танцами. Общению значительно помогало знание обоими французского языка («зафранцузили всю»). За время короткого пребывания в Симле «служебный роман» Снесарева с Маргарит, или как он стал ее называть – Ритой, получил бурное развитие. В Симле Снесарев и Рита часто выезжали на конные прогулки, о них (естественно, без упоминания о девушке) он сообщал в письме к сестре. Рита была прекрасной наездницей, с детства занималась конным спортом и очень любила лошадей. Она также имела сильный и независимый характер. Известен случай, когда во время официальной церемонии – дурбара в Дели, она, вопреки установившемуся этикету, не проявила внешних знаков почтения своей старшей сестре – жене вице-короля, и на общее недоумение со смехом сказала: «я американка, рожденная быть свободной». При таком характере, понятно, мало кто мог повлиять на ее сердечный выбор, даже если он пал на капитана русского Генерального штаба.

В свой роман в Симле Снесарев по вполне понятным причинам не стал посвящать сестру. Его положение офицера Генерального штаба, находящегося с ответственным секретным заданием в Индии, полностью исключало саму возможность такого поворота событий. Поэтому в письме к сестре он обыденно сообщал, что остался в Симле один (после отъезда Полозова) и много занимался – «садился за книги и сидел за полночь».

В письме к сестре Снесарев также упоминает, что в Симле он заболел, и называет причину – «нравственные потрясения плюс переутомление (в Симле, уже больной, я работал свыше 14 часов в сутки)». Здесь обращает на себя внимание фраза «нравственные потрясения», завуалированное признание в нечаянном любовном романе. Сама болезнь выглядит неестественной, так как случилась именно в Симле, популярном климатическом курорте, где «лихорадки в малярийной форме», которые Снесарев называл в качестве причины болезни, вообще не известны. Представляется, что «болезнь» была изобретена Ритой, чтобы отсрочить его отъезд из Симлы.

По возвращению из Индии у Снесарева и Риты установилась переписка. В архиве семьи Снесаревых, кроме письма, о котором было упомянуто выше, сохранился еще один уникальный документ – половина письма, написанного на английском языке (приводится в настоящем издании). Из этого фрагмента видно, что Снесарев отвечает на недавно полученное письмо от Риты, комментирует ее сообщение о том, что на замечание доктора Шупа (Dr. Shoop) – «Кажется Вы очень его любите», она ответила – «Да, люблю». Из отрывка виден уровень установившихся между ними отношений. В своем ответе Снесарев сообщает подробности жизни в Ташкенте, упоминает о Ваське (верховой лошади) и пишет, что отправляет ей свою фотокарточку и открытку с видом ташкентской церкви. Остается неизвестным, является ли этот отрывок частью черновика или самого письма. Возможно, Снесарев, чтобы избежать ошибок в английском языке, вначале писал письма в черновике, а затем переписывал их набело. Соответственно, нельзя сказать с уверенностью, было ли письмо отправлено. Время написания этого фрагмента предположительно относится к концу февраля, исходя из

упоминания о холодах и того факта, что в Ташкент из поездки в Индию Снесарев вернулся в середине февраля 1900 г. Очевидно, что письмо к Рите с объяснениями о невозможности продолжить отношения (опять же, неизвестно, было ли оно отправлено), упоминаемое выше, приходится на начало весны. В середине весны у Снесарева в Ташкенте уже начнется новый роман, но об этом мы скажем чуть позже.

Письмо Снесарева к Рите заканчивается последними строками стихотворения Генриха Гейне «Morgens send ich dir die Veilchen» в переводе британского поэта и переводчика Джулиана Фейна. В конце 1890-х слова английского перевода были положены на музыку Эллен Райт, и песенка «Фиалки» (Violets) стала чрезвычайно популярной в Великобритании и Америке. В 1901 г. она с большим успехом была использована на Бродвее в музыкальной комедии «Маленькая княжна» в постановке известного импрессарио Флоренца Зигфельда.

Несмотря на бурно начавшиеся отношения с Ритой, Снесарев, немного пришедший в себя в Ташкенте, оценил создавшееся положение и пришел к выводу о невозможности их продолжать. Снесарев и Рита принадлежали к разным цивилизациям, огромными были между ними различия в происхождении, социальном положении, религии и культуре. К моменту их встречи Снесарев был уже вполне сформировавшимся взрослым человеком, имел свою линию жизни и свои представления о будущем. Дальнейшее продолжение отношений с американкой было невозможно без оставления военной службы и, может быть, отъезда из России. Это совсем не входило в планы Снесарева, для которого на русской военной службе открывались большие перспективы. Поэтому он считал необходимым объясниться и расстаться.

В конце весны 1900 г. Снесарев стал серьезно подумывать о женитьбе на одной из ташкентских девушек. В связи с принятым решением жениться у него возникла необходимость прервать отношения с Ритой и как-то объясниться. «Теперь я, прежде всего, – пишет он в письме к сестре, – должен ликвидировать (подчеркнуто Снесаревым. – М. Б.) свои дела, к чему я и приступил... По силе возможности, я старался сердечные дела вести ясно и честно; я не жду при процессе ликвидации сердечных сюрпризов, но некоторые затруднения будут и, мне грустно представить, будет горе... Ведь такие дела подобны узлам: их завязывают руками, а развязывать приходится зубами...». Но, как покажут дальнейшие события, «развязать» этот узел ему не удалось. Роман Снесарева с Ритой оказался не просто сильным увлечением, это было большое и сильное чувство, которое он вынужден был скрывать даже от самых близких ему людей.

Когда работа над книгой уже подходила к концу, в наше распоряжение поступили сведения из британских архивов, которые позволили сделать вывод, что письмо Снесарева «с объяснениями» с Ритой (написанное ранней весной 1900 г.) не было последним и не ставило точки в их отношениях. Новые сведения позволяют продлить историю их отношений до начала 1902 г. Однако косвенные данные дают основание считать, что эти отношения поддерживались, как минимум, до середины весны 1903 г. В письмах к сестре незадолго до окончания командования Памирским отрядом Снесарев, в частности, указывал на большое желание «вырваться за границу». При этом он нигде не упоминает о целях такой поездки. Объяснение этому опять же следует ниже.

Скажем несколько слов о дальнейшей судьбе Маргарит Лейтер. После того, как произошел разрыв отношений со Снесаревым, у Маргарит возникли отношения с адъютантом лорда Керзона лейтенантом Генри Говардом (Henry Molyneux Paget Howard), 19-м графом Саффокским. Говард оказался на службе у Керзона в возрасте 21 года и часто сопровождал лорда и его супругу в поездках в Дели и Симлу, во время охоты на тигров. Говард был отличным спортсменом, получил образование в престижном Винчестерском колледже. Во время учебы он обнаружил большие театральные способности, часто устраивал у себя дома роскошные театрализованные постановки, для участия в которых приглашал своих друзей, и сам же писал для них роли. Очевидно, Говард как раз и был тем адъютантом Керзона, о котором упоминал Снесарев в нескольких местах своего письма к сестре (от 29 октября 1899 г.): «адъютант стал просить меня петь “Лесного царя” и «получил письмо от одного из адъютантов лорда Керзона, в [котором] высказывалась просьба его... чтобы я захватил с собой ноты».

Свадьба Маргарит и Генри состоялась под Рождество 1904 г. в родовой усадьбе Лейтеров в Чикаго. По дате это событие произошло практически сразу после свадьбы Снесарева (ноябрь 1904 г.), создается впечатление, что Рита решила на замужество с лордом

Саффо́кским, только получив известие о женитьбе Снесарева. Это, конечно, могло быть простым совпадением, но так получилось, что в отношениях Снесарева и Риты оказалось слишком много совпадений, которые оставляют мало места случайностям. На свадьбе присутствовал ограниченный круг родственников семьи Лейтер и три друга капитана Говарда. Сразу после свадьбы чета отправилась в Великобританию, чтобы поселиться в родовом поместье графов Саффо́кских в Чарлтон Парке. Поместье находилось в графстве Уилтшир, центром его был старинный особняк в яacobинском стиле, окруженный 10 тыс. акров земли. В качестве свадебного подарка Маргарит получила от своей семьи два миллиона долларов.

Брак Маргарит длился недолго – во время Первой мировой войны в военной кампании британской армии в Месопотамии в сражении при Истабулаке 21 апреля 1917 г. осколок турецкого снаряда нанес майору Говарду смертельное ранение в сердце. Майор Говард покойся на воинском кладбище в г. Басра в современном Ираке. От брака с графом Саффо́кским у Маргарит осталось трое сыновей: Чарльз, Сесил и Гревилл. Старший сын Чарльз (1906–1941) закончил Военно-морской колледж и Эдинбургский университет с дипломом химика и фармацевта, во время Второй мировой войны служил экспертом по обезвреживанию боеприпасов неизвестных и сложных систем. Погиб 12 мая 1941 г. при обезвреживании немецкой 250-ти килограммовой авиабомбы, снабженной взрывателем-ловушкой на неизвлечение.

До начала 1930-х гг. Маргарит проживала в поместье Чарлтон Парк. В это время у нее развилась страсть к гоночным автомобилям и самолетам. На службе у нее состоял профессиональный пилот, с которым она часто поднималась в воздух. В начале 1930-х гг. Маргарит возвращается в Америку и покупает участок земли в 293 акра в городе Тусоне в штате Аризона близ мексиканской границы. В 1936 г. на этом участке земли архитектор Ричард Морс (Richard A. Morse) возвел двухэтажный особняк в «международном» стиле, ставший зимним домом для Маргарит. Особняк насчитывал пять спален, помещения для прислуги, гараж на четыре машины, а также отдельный дом для шофера. Дом имел систему полного воздушного кондиционирования, большую редкость для того времени. В 1956 г. Маргарит продала поместье и приобрела ранчо в нескольких милях к юго-западу от города Оракл в Аризоне и построила дом в испанском стиле, назвав его Casa Del Oro. В 1968 г. во время перелета к сыну в Лос-Анджелес она пожаловалась на головокружение. Самолет совершил экстренную посадку в калифорнийском городе Ланкастер. Маргарит была срочно доставлена в госпиталь, но помощь ей уже не понадобилась.

Такова история неизвестного эпизода поездки А. Е. Снесарева в Индию, который удалось восстановить благодаря двум фрагментам писем, сохранившимся в архиве семьи Снесаревых. Он занимает совершенно необычное место в истории Большой игры – жестокого и непримиримого противостояния двух великих империй в Средней Азии. Этот эпизод, полный живых человеческих чувств и страстей, так и остался за кадром истории «войны теней».

Ташкентские досуги капитана Снесарева

Из Индии А. Е. Снесарев приехал в Россию через Одессу, посетил Москву, Петербург и 17 февраля 1900 г. вернулся в Ташкент. Отъезд Снесарева в Индию был столь стремителен, что в Ташкенте на новом месте службы у него не было времени заняться обустройством своего быта. В начале марта 1900 г. он арендовал комнату в доме купца Алиша Календарева, на улице Зерабулакской. Алиш Календарев принадлежал к многочисленному роду самаркандских евреев и сколотил капитал на торговле туркестанским хлопком. На Зерабулакской улице он имел большой доходный дом, который сдавал военным и ташкентским чиновникам. В письме к сестре Снесарев сообщал об этом событии: «Две недели как поселился в одной комнатке, плачу за нее и за полный пансион 45 руб. Комната с очень приличной обстановкой, с очень большим письменным столом, за [которым] я и работаю. Вся комната моя полна книгами: они лежат на диване (одном и другом), этажерке, стульях, креслах, полу, смущая моих посетителей».

Новое местожительство Снесарева располагалось в центре русской части Ташкента, в районе, который считался достаточно престижным, населенным преимущественно людьми состоятельными, но не интеллигентными. Улица Зерабулакская была названа в память о кровопролитном бое между русскими и бухарскими войсками на Зерабулакских высотах 2 мая 1868 г., победа в котором открыла русским войскам путь на Самарканд и вынудила бухарского эмира согласиться на вассальное положение эмирата по отношению к Российской империи. Зерабулакская, сравнительно короткая улица, была известна тем, что по ней пролегла линия первого в Ташкенте электрического трамвая. Единственное неудобство жизни на Зерабулакской заключалось в том, что она располагалась между двумя людными ташкентскими рынками – Воскресенским и Куриным. Дом Календарева, как и многие другие на Зерабулакской улице, не сохранился до наших дней. В пяти минутах ходьбы от дома вверх по Зерабулакской улице находилась Николаевская улица, на которой размещалось одноэтажное вытянутое здание штаба Туркестанского военного округа (фотография публикуется в настоящем издании). Рядом с ним располагалось здание штаба I-го Туркестанского армейского корпуса. На Николаевской улице также находилась типография штаба округа, где Снесареву часто приходилось бывать в связи с изданием его работ и специальных публикаций штаба округа, которые он редактировал. В доме на Зерабулакской, разделенном на отдельные комнаты, он проживал вместе с сослуживцем – Генерального штаба капитаном А. М. Григоровым, который прибыл на службу в Туркестанский военный округ в январе 1901 г. Сохранилась уникальная фотография тех дней, где Снесарев и Григоров изображены в домашней обстановке (публикуется в настоящем издании).

В том же году Снесарев снял более просторную квартиру. В письме к сестре он пишет:

«В квартире у меня 4 комнаты, но я постоянно в одной – самой большой – моем кабинете: на стенах восемь планов (Индия и Средняя Азия) и, притом, масса книг – на двух этажерках, на трех столах, на диване, стульях, всюду... Большой письменный стол, к [которому] проведен электрический звонок, мягкая мебель, чистота... уютно и тихо... со стола смотрит на меня «задумчиво и нежно» портрет умершей подружки...».

Остается неизвестным, переехал ли он при этом на другой адрес или остался на прежнем месте. Дом Календарева был большим, и снять в нем дополнительные комнаты не составляло труда, особенно после переезда А. М. Григорова на новый адрес – в дом Блиновского на улице Учительской.

Начало службы Снесарева в Туркестане знаменовало новую эпоху в его жизни. Все, что было до этого момента, представляло собой череду подготовительных этапов к реализации заветных планов и желаний. В письме к сестре он замечает: «Мне хочется подвести с тобой итог за минувший год. Ему нельзя признать в некоторой важности: он является поворотным годом в моей жизни; до него я готовился (главным образом) что-то делать, с него я начинаю делать. Как и прежде в моей жизни, перемен во мне и в окружающем я не замечал, а она была и большая (больше, конечно, в окружающем)...». Сложный духовный и психический мир Снесарева непрерывно изменялся, многие идеи и взгляды из предыдущей жизни подвергались пересмотру. Несмотря на это, он очень дорожил базовыми идеалами и ценностями, заложенными в нем семьей и воспитанием. «И мне думается, – замечал он в одном из писем к сестре, – что если я действительно пойду далеко, то с какими странными гаданиями будут следить за моей работой и

движением мои скромные родственные углы, и придет ли им в голову тогда, что при всей внешней оболочке во мне, как деятеле, будет жить тот же попович, по старым приемам решающий дела и в уголках своего генеральского сердца носящий те же скромные прошлые идеалы: идеалы университета, лишь слегка поправленные опытом, идеалы камышевского дома, пойманные со слов отца и матери...».

До перевода в Генеральный штаб Снесарев последовательно исполнял обязанности старшего адъютанта (18 апреля – 8 июня 1900 г.; 3 января – 3 мая 1901 г.), старшего адъютанта отчетного отделения штаба Туркестанского военного округа (5 августа – 30 октября 1900 г.). 21 августа 1900 г. последовал Высочайший приказ о переводе Снесарева в Генеральный штаб с назначением обер-офицером для поручений при штабе округа. Высочайшим приказом, последовавшим 1 апреля 1901 г., Снесарев произведен в капитаны.

По сравнению со сверстниками Снесарев стал офицером с достаточно большим отставанием, которое составило 5 лет. Это отставание постоянно сказывалось на его служебном росте в том смысле, что сверстники все время оказывались в чинах и званиях на порядок выше тех, что имел Снесарев. Для должностей, в которых он находился до начала Первой мировой войны, он по возрасту выглядел достаточно «зрелым», к примеру, до 40 лет все еще имел звание капитана – явление для русского Генерального штаба весьма редкое. Это независимое от его блестящих способностей и данных отставание создавало для него определенный психологический дискомфорт, заставляло постоянно «наверстывать» возрастной разрыв за счет дополнительных усилий по службе, в научной деятельности и пр.

Другой особенностью психологического восприятия Снесаревым службы был тот факт, что он влился в корпорацию офицеров Генерального штаба, что называется, «с гражданки», то есть, не пройдя классического пути в образовании офицера – кадетский корпус, военное училище, академия. В этой образовательной цепи у Снесарева имелось два пробела – отсутствие образования, полученного в кадетском корпусе, и неполный курс военного училища. Вопрос на самом деле стоял шире образования, речь шла о духовно-психологической трансформации, которую Снесареву не удалось в полной мере пройти. О сущности этой трансформации хорошо отмечено у Анатолия Маркова в его работе «Кадеты и юнкера»: «Надо правду сказать: для подростка в 14 лет, каким я тогда был, да еще после усадебного приволья, сделаться кадетом было не так-то легко. Недостаточно лишь надеть кадетскую форму, надо, кроме того, узнать кадетскую среду и привыкнуть к ее быту, изучить ее язык и обычаи, словом, – *морально и физически переродиться* (курсив мой – М. Б.)». По этой причине в офицерской среде Снесарев воспринимался как-бы не до конца своим, не полностью военным («штрюк», по тогдашнему выражению). Это восприятие со стороны еще более усиливало университетское образование Снесарева. В офицерском корпусе императорской армии офицеры с университетскими дипломами были в то время большой редкостью, к самим же университетам и студентам в армии существовало распространенное предубеждение как к источнику вольнодумства и антиправительственной деятельности.

В то же время, «гражданский элемент» в Снесареве имел для него и позитивное значение, университетский опыт и знания давали ему большое преимущество перед другими офицерами, получившими классическое военное образование. Стиль служебных письменных работ Снесарева выгодно отличался от работ других офицеров Генерального штаба: в них чувствовалась более основательная научная подготовка, присутствовал элемент академизма и неординарного подхода, сам писательский стиль был более свободен и раскован, в нем не чувствовался гнет служебной субординации, канцелярщины и формализма. Этот фирменный «снесаревский» стиль весьма импонировал туркестанскому начальству, что весьма заметно, к примеру, в комментариях руководства округа к служебной записке «О Памирах».

Тот факт, что Снесарев не прошел в кадетском корпусе и военном училище «физического и морального перерождения» и по этой причине не до конца оставался человеком военным, видно даже из такой детали, как отношение к военной форме. На дошедших до наших дней фотографиях Снесарева в военной форме нетрудно заметить привычку держать руки в карманах, или в присутствии генерала надеть на голову киргизский войлочный колпак («фланельку», как он его называл) и в нем же принимать строй оренбургских казаков (эпизод из командировки на Памир летом 1901 г.). Для людей военных такие детали бросаются в глаза и являются весьма важными. Трепетное

отношение к военной форме у офицеров императорской армии закладывалось еще в кадетские годы. «Еще одна сторона кадетской жизни, – отмечал А. Марков, – которую надо было изучить, это искусство иметь “воинский вид”. Чтобы носить военную форму, нужна не только привычка, но и умение, без чего человек, будь он мальчиком-кадетом или взрослым, выглядит в форме только переодетым штатским, как это резко бросается в глаза у артистов, играющих на сцене роли офицеров. Мундир, шинель, фуражку и даже башлык надо уметь носить, без чего из мальчика никогда не получится “отчетливого кадета” и вообще военного».

В Ташкенте Снесарев жил насыщенной жизнью, полной событий, новых встреч и впечатлений. В его переписке, как ташкентского, так и более позднего периода, часто можно встретить упоминания о себе как о натуре увлекающейся, полной романтизма и даже сентиментальности, как о человеке, обладающим особо тонким психическим типом. «Твой муж, – писал он в одном из писем жене, – мечтатель и фантазер; ход мыслей и ход впечатлений создается у него не по-людскому; его взор часто останавливается, тоскует или радуется над такими вещами, мимо которых другие люди проходят с полным равнодушием». В другом письме к жене он приводит слова старого знакомого по студенческим годам, который находил его «тонким, скромным, мечтательным, с тонким как у девочки голосом, уединенным, никогда не участвовавшим в товарищеских попойках...». В письме к сестре он замечает: «Ташкенцы находят, что я слишком нелюдим, хотя гордым меня не находят... последний вывод я постарался отклонить всеми силами».

В связи с этим следует коснуться темы так называемой «нелюдимости, замкнутости» в ташкентский период жизни Снесарева, часто поднимаемую им в личной переписке. Событийная сторона этой жизни, ее темп и вовлеченность в нее многих людей, не соответствует этим нарочитым сетованиям и созданному им самим образу «ташкентского отшельника». Жизнь Снесарева в Ташкенте была насыщенной, яркой и интересной. В жизни Снесарева в Ташкенте не последним было и то обстоятельство, что он был холост. Что касается последнего, то, как он сам замечал, «я стараюсь (и успеваю) создать прелести в своей одинокой жизни». Снесарев был частью ташкентского высшего общества, пользовался в нем большим успехом. Если мы и можем найти некий элемент отчуждения Снесарева применительно к ташкентскому обществу, то относится это больше к его стойкой неприязни к застольям с выпивкой. В этом отношении он, как человек непьющий, был очень последователен и тверд.

В Ташкенте у Снесарева сложился особый стиль жизни, в котором видное место занимали литературная деятельность, занятия вокалом, конные прогулки, домашние животные, занятия восточными языками и романтические увлечения. В этом смысле жизненный стиль Снесарева на азиатской окраине имел некоторые параллели с жизнью британских офицеров в Индии, с тем, что получило название «колониального стиля» с сильным влиянием модного тогда ориентализма. Разумеется, это было исключительное положение, гарантированное ему статусом офицера Генерального штаба. Жизнь рядовых армейских тружеников – строевых офицеров, была куда прозаичнее и суровее.

О стиле жизни Снесарева в Ташкенте можно найти интересные свидетельства в его личной переписке. Приведем несколько из них: «Время свое проводил так: до 2 часов в штабе, потом отдых до 4–5, потом или на тандеме с дамами, или верхом на лошади до 7–8 (у меня теперь хорошая лошадка верховая, [которую] мне уступил один товарищ), вечером работа...». В письме к сестре он сообщает: «Хотел бы написать тебе, как мне живется, каково в моей рабочей комнатке, как я беседую со своими животными (Васька – лошадь, Злюка – сука, белая борзая), как я их избаловал, как я стараюсь (и успеваю) создать прелести в своей одинокой жизни, то витаю фантазией в небесах, то, взявшись со своими “глупыми” (Васька, по нашему общему выводу со Злюкой, совсем глупый), но так некогда...».

Основным занятием Снесарева вне службы оставалась научная и литературная деятельность – написание статей, докладов, рецензий и отзывов. В этот период Снесарев спешит заявить о себе, сделать имя на печатных трудах, работа над которыми ведется им в интенсивном ритме. В письме к сестре он сетует на нехватку времени: «Мне досадно, что я не могу написать много. Пишу тебе в штабе, урывая время от казенной работы. Мне теперь чаще и чаще приходит в голову фраза отца сыну (в одной из драм): “... Придет время, когда не будет отбою от дела, и 24 часов в сутки будет слишком недостаточно”. Меня давит эта ограниченность часов: я занят целый день». В том же

письме он сообщает: «Посылаю тебе посылкой две свои работы: они, может быть, несколько специальные, но все же кое-что найдется для прочтения... а, главное, они – воплощение моего труда, бессонных ночей...».

Научная и литературная деятельность занимала большую часть его свободного времени, часто лишая возможности нормального отдыха. «Опять у меня стала побаливать голова (и сейчас болит), – сообщал он в письме к сестре. – Был у доктора, он осмотрел меня внимательно и нашел, что я вполне здоров, но у меня начинается малокровие “на почве”, как он выразился, “усиленной психики”. Он мне категорически запретил сидеть по ночам более 12 часов, махая руками на мои доводы, что это невозможно. Дал мне какие-то капли: может быть они и помогли бы, если бы [меньше] работы... Впрочем, как будто лучше».

Научные исследования очень скоро сделают Снесарева известным, выдвинут его “имя” в число наиболее выдающихся туркестанских офицеров Генерального штаба. Из письма к сестре: «Возвратился я из Индии и принялся за то, что мне дали как причисленному к Генеральному штабу. Незаметно для меня работа, мне поручаемая, становилась серьезнее и важнее и вскоре я занял, так сказать, исключительное место. Тут подошли мои работы в печати, мое пение, занятия в учебных заведениях... все это создало мне привилегированное положение в Ташкенте и сделало меня персоной...». Снесарев, безусловно, являлся частью ташкентской элиты – особой группы ученых, литераторов, общественных деятелей, которая в литературе получила название «ташкентские интеллектуалы». Эта группа оказала большое влияние на формирование в России общего взгляда на роль и значение туркестанской окраины, а также на выработку принципов административной политики непосредственно в Туркестанском крае.

Следует заметить, что научная деятельность, хотя и принесла Снесареву известность и авторитет, но, вопреки расхожему мнению, мало способствовала его служебной карьере. В этом заключался один из парадоксов того времени, связанных с реалиями русской императорской армии. Это было следствием установившихся консервативных взглядов в армии на офицеров, занимающихся литературной деятельностью. Долгое время считалось, что для офицеров служба в строю и писательские эскерсисы – понятия несовместимые. Как замечал А. И. Деникин, «начальство по большей части относилось к «балующим пером» с большим предубеждением». Определенные проблемы могли возникнуть в этой связи и у Снесарева, активно сотрудничавшего с прессой. Неслучайно, к примеру, после перевода Снесарева в Петербург, его тесть В. Н. Зайцев в одном из писем деликатно интересовался: «Как смотрят на твои литературные труды в Главном управлении Генерального штаба?».

Нетрудно заметить, что несмотря на известность как военного писателя, Снесарев к началу Первой мировой войны имел для офицера Генерального штаба довольно посредственный служебный рост. До войны он не успел покомандовать полком, в то время как другие офицеры Генерального штаба, выпускавшиеся из академии практически одновременно с ним, уже командовали полками и даже бригадами. С учетом возраста Снесарева, – в 48 лет все еще занимал скромную должность начальника штаба дивизии, это отставание было еще значительнее. Общий командный ценз Снесарева к осени 1914 г. составлял всего год и семь месяцев. Свой полк он получил уже во время войны, когда развертывание резервных частей и начавшаяся убыль в офицерах потребовали дополнительного количества подготовленных командиров, способных к руководству полками. К началу войны в армейской среде за Снесаревым утвердился имидж больше ученого и писателя, нежели строевого начальника. Это обстоятельство значительно влияло на его продвижение по службе. Известно, что незадолго до войны непосредственное начальство Снесарева предпринимало попытки (в 1912 и 1913 гг.) добиться назначения его на должность командира пехотного полка «вне очереди». Характерно в этом отношении заключение на эти представления, сделанное высшим начальником, – командиром XII армейского корпуса А. А. Брусиловым: «Полковник Снесарев, несомненно, теоретически очень знающий, но практически еще мало подготовлен для командования полком. Его сфера – скорее ученая деятельность, кабинетная. Поэтому полагаю, что, будучи отличным, у него нет все-таки достаточных оснований для выдвижения на должность командира полка вне очереди, а лишь по старшинству».

Одним из увлечений Снесарева в ташкентский период жизни было пение и участие в различных концертах и выступлениях. У Снесарева имелись прекрасные вокальные

данные, хорошо поставленный голос (приятный баритон бархатного тембра), природный артистизм. Увлечение пением началось у Снесарева еще в Московском университете и было продолжено в военном училище. Здесь необходимо сделать небольшое, но важное отступление. В литературе, посвященной жизни и деятельности А. Е. Снесарева, мало обращалось внимания на обстоятельства его поступления на военную службу. Между тем, это один из важных фрагментов его биографии, с которого началась вся история его блистательной службы в императорской армии.

До 1888 г. линия судьбы молодого Снесарева развивалась по траектории, весьма далекой от военной службы. Он получил прекрасное гражданское образование – закончил гимназию и университет с дипломом кандидата, увлекался математикой, литературой и искусством, и мало что в это время могло указать в нем на будущего генштабиста и полковника. Но вдруг, жизнь его принимает течение, совершенно противоположное, и он обращается к сфере, весьма удаленной от его любимых занятий и полученного образования. Что же могло так сильно и масштабно повлиять на резкий поворот в жизненной линии Снесарева? Ответ может быть найден со стороны, весьма неожиданной. Увлечение Снесарева в юности пением было столь велико и сделалось для него настолько страстным занятием, что он всерьез подумывал о карьере профессионального певца. На это указывала в биографических заметках об отце и дочь, Евгения Андреевна, ей же было известно и о переписке Снесарева (к примеру, с кузеном Яковом Ратмировым), в которой часто мелькали сюжеты из театральной и артистической жизни, упоминания известных в России актеров и певцов и пр. Однако, стать артистом Снесареву было не суждено. Возникли серьезные проблемы с горлом, и врачи запретили ему заниматься пением. Сам Снесарев много лет спустя с горечью вспоминал об этом событии: «У меня случилось с горлом несомненное несчастье, после которого нельзя было и думать о пении, и все же как мне было больно! Какие тяжкие, глубоким горем отравленные дни, пережил я тогда! Даже теперь-то, когда у меня такая жена и трое малышей, и то вспомнить больно». О переживаемом им моменте свидетельствует и Евгения Андреевна: «С пением пришлось покончить. Это было катастрофой, крушением всех надежд; казалось, что жизнь кончена и ничего в ней уже не будет». Не исключено, что именно эта личная драма и привела к пересмотру многих личных взглядов Снесарева на жизнь и свое место в ней. И не подведи Снесарева здоровье, мы не знаем, в каких сферах – в артистической или военной – его дарования проявились бы с большей силой.

Тем не менее, занятие вокалом осталось его страстью на протяжении всей жизни. Это увлечение было продолжено и в военном училище, где имелся отличный хор, участие в котором юнкеров весьма поощрялось командованием. Ввиду природных данных Снесарева, с ним в училищном хоре велись индивидуальные занятия, и скоро он стал солистом хора. Е. А. Снесарева была уверена, что именно в военном училище отца «все больше и больше стала привлекать карьера профессионального певца. Он начал серьезно заниматься пением». Однако с этим трудно согласиться ввиду того, что сам факт поступления в военное училище уже указывает на смену жизненных ориентиров у Снесарева. Кроме того, документально не известны какие-либо попытки Снесарева покинуть военную службу после выпуска из училища. Сам он, во всяком случае, об этом не упоминал.

К моменту приезда Снесарева в Ташкент в городе действовало несколько музыкальных обществ, наиболее известные из них – «Ташкентское музыкальное общество» и «Музыкальное общество “Лира”». Общества вели коммерческую и благотворительную деятельность, имели свои репертуары, дирекцию, сотрудничали как с местными, так и с российскими артистами. О репертуаре общества «Лира» можно получить, к примеру, представление из короткой заметки в туркестанской прессе о предстоящем концерте: «21 ноября [1899 г.] в зале общественного собрания состоится концерт общества “Лира”». <...> Общество, завоевавшее всеобщую симпатию Ташкента, устраиваемыми им концертами, всегда доставляло особое эстетическое удовольствие, а также предложенные номера концерта, как “Полонез” из “Жизни за царя”, “марш” из “Тангейзера”, в которых хор “Лиры” участвует вместе с оркестром, служат ручательством полного успеха предложенного концерта».

Выступление офицера Генерального штаба на музыкальных вечерах и концертах было для ташкентской публики чрезвычайным событием, ранее не виданным. Но еще больший эффект его появление на сцене оказало на армейскую среду, в которой традиционно существовал консерватизм во взглядах на сценическую деятельность и участие в ней

офицеров. В русском офицерском корпусе, где даже браки офицеров с актрисами были долгое время запрещены, реакция на офицера Генерального штаба в амплуа артиста была ожидаемо сдержанной и настороженной. Для другого офицера сцена могла окончательно подорвать репутацию и испортить карьеру. В случае же со Снесаревым этого не произошло. Он был психологически подготовлен к выходу на сцену – пел в хоре военного училища, был раскован и артистичен. Кроме того, Снесарев всегда проявлял разборчивость в выборе места выступления и аудитории. Он никогда не принимал участия в коммерческих мероприятиях, а выступал с благотворительными целями – в пользу больных, малоимущих, сирот. Часто такие выступления происходили в присутствии командования военного округа, и это было для Снесарева не только своеобразной служебной «индальгенцией», но и во многом способствовало росту его известности в высшем эшелоне военного руководства, которому было приятно показать ташкентскому обществу, что и в военной среде есть люди талантливые и неординарные. «Пение усилило его репутацию в Ташкенте», – считала Е. А. Снесарева, и с этим мнением трудно не согласиться.

Одно из первых вокальных выступлений Снесарева в Ташкенте относится к ноябрю 1900 г. Музыкальное общество «Лира» в Ташкентском военном собрании устраивало концерт. Это событие привлекло внимание А. Е. Снесарева, и ему захотелось принять участие в концерте. При этом, однако, возникал деликатный момент – отсутствие прецедента выхода на сцену офицера Генерального штаба. Снесарев обратился за разрешением к начальнику окружного штаба генерал-майору В. В. Сахарову, своему непосредственному начальнику. Сахаров, человек прогрессивных взглядов, после некоторого колебания такое согласие дал. Выступление Снесарева на сцене военного собрания состоялось 14 ноября 1900 г. «Баркаротта» Габусси дуэтом Л. Н. Лейсек и А. Е. Снесарева и соло Снесарева «Вечерняя звезда» из оперы Вагнера «Тангейзер». Концерт имел большой успех у ташкентской публики.

Следующее выступление состоялось в начале января 1901 г. В письме к сестре он сообщал: «2 января выступаю в концерте: пою с одним тенором дуэт в имитации Славянскому [капелле Славянского]». Вокально-музыкальный вечер состоялся в Ташкентском военном собрании и был организован Обществом попечения о неимущих больных Ташкентского военного госпиталя. Сбор от вырученных средств предназначался для организации летом 1901 г. отдыха в Чимгане (горный курорт близ Ташкента) неимущих больных. Вечер состоял из трех отделений, Снесарев выступил в музыкально-вокальном отделении.

В письме к сестре он делится впечатлениями от прошедшего выступления: «В концерте я пропел дуэт с одним тенором и выступил, что бы выручить организацию дела... Вещичка маленькая “Хаз-Булат удалой, ...”. Я замаскировался так, что меня не узнали некоторые... Все-таки газета упомянула, что в “концерте принял так же участие г-н Снесарев, хорошо знакомый Ташкенту”. Впечатление произвел, ибо выгодно выделялся фразировкой и силой, рядом с неопытным и слабым тенором. Просят 21 февраля участвовать на празднестве в честь Гоголя; буду, вероятно, петь черта в опере «Вакула-кузнец» с недурным меццо-сопрано. Скоро также выступаю в концерте, думаю петь пролог к “Паяцам”. Голос мой почему-то поднялся и теперь беру без труда соль и даже соль # [диез]».

Ташкентское Пушкинское общество 25 апреля 1902 г. в городском летнем театре провело торжественное чествование памяти В. А. Жуковского. Ташкентская пресса сообщала о событии: «Был представлен разнообразный дивертисмент, исполненный любителями. <...> капитан А. Е. Снесарев спел балладу “Лесной царь”, на bis – “Ночной смотр”». На вечере присутствовали туркестанский генерал-губернатор с супругой.

Пел Снесарев и в узком офицерском кругу. 16 марта 1902 г. офицеры штаба округа собрались в военном собрании на проводы Генерального штаба подполковника А. А. фон Таубе, заведующего передвижением войск по железнодорожным и водным путям, получившего новое служебное назначение. Товарищеский вечер, как отмечала местная пресса, «прошел весело и непринужденно, чему во многом способствовало прекрасное пение присутствовавшего здесь г. С[несарева]».

Командировка на Памир в 1902–1903 гг. временно прервала его занятия вокалом. По возвращению в Ташкент он снова принимает участие в благотворительных концертах. Эта деятельность стала особенно активна с началом русско-японской войны. В середине

апреля 1904 г. в военном собрании состоялся благотворительный концерт в пользу участников войны. На концерте Снесарев исполнил песню «Крейсер Варяг» на музыку, написанную А. Б. Виленским. Другое его выступление состоялось 23–25 апреля на благотворительном народном гулянье в Ташкенте.

В холостые годы Снесарев был очень разборчив в отношении участия в различных праздниках. Новый год, он по обыкновению, старался встречать дома в одиночестве. Новый год был для него хорошим поводом побыть наедине с собой, осмыслить год ушедший, наметить планы на будущий. В письме к сестре он сообщал: «Ташкент сейчас веселится, все съехались в военное собрание и будут стараться встречать Новый год бестолковым образом... Никогда не принимал участия и надеюсь не принимать в будущем». Следующий праздник Нового года Снесарев также проводит в одиночестве: «Подходит Новый год, и мне хочется побеседовать. Товарищ мой ушел в военное собрание “встречать Новый год”, я, по обыкновению, встречаю по-своему... Сижу дома, предаюсь воспоминаниям и чувствую себя не то несколько грустно, не то, скорее, мечтательно».

Был и другой праздник, который он по возможности старался не пропускать, – праздник штаба Туркестанского военного округа. Праздник установлен в день памяти Св. Виктора и отмечался 11 ноября. В этот день в Ташкентском военном собрании накрывались столы для офицеров, проходивших службу в штабах округа и I-го Туркестанского армейского корпуса. В столовой для нижних чинов штаба (писаря, телеграфисты, чертежники и др.) также накрывались столы. Столовая украшалась национальными флагами и цветами. В день праздника командующий войсками в первую очередь посещал в столовой нижних чинов, принимал «пробу» пищи и поднимал чарку за здоровье Государя императора. После этого нижние чины приступали к праздничному обеду. Затем командующий посещал завтрак для офицеров штаба в помещении военного собрания.

Известно, что А. Е. Снесарев 12 января 1902 г. принял участие в вечеринке «Татьянин день», регулярно отмечавшейся всеми выпускниками Московского университета. Председательствовали на вечеринке врач Н. Н. Касьянов, старший из выпускников (вып. 1854 г.), и директор Ташкентской женской гимназии В. Ф. Ошанин (вып. 1865 г.), последний, как и Снесарев, закончил физико-математический факультет университета. Был сделан отчет о «Татьяне» и прочтены стихи, специально написанные по случаю 147-й годовщины открытия Московского университета. Бывшие студенты вспоминали учебу в университете, делились впечатлениями о прошлой жизни, пели хором *Gaudeamus*, а в конце пустили по кругу традиционную студенческую фуражку в пользу малоимущих студентов.

В период службы в Ташкенте Снесареву пришлось заняться и военно-педагогической деятельностью. Это был его первый опыт подобной работы, к которой он снова вернется, но уже значительно позже. Как мы уже отмечали выше, в Ташкенте перед самым приездом Снесарева была открыта Ташкентская подготовительная школа 2-го Оренбургского кадетского корпуса. Школа была рассчитана на 100 «казеннокоштных интернов» и предназначалась к приему детей офицеров и военных чиновников с целью их подготовки для последующего поступления в 2-й Оренбургский кадетский корпус, как ближайший к Туркестану. Для строительства школы было выбрано место за каналом Саларом на территории казачьего лагеря. 24 октября 1899 г. состоялась торжественная церемония закладки первого в крае военно-учебного заведения. Проект двухэтажного здания из жженого кирпича составил инженер-полковник К. Е. Коревицкий. В июле 1901 г. школа перешла в новое красивое здание. Вскоре последовало Высочайшее соизволение (4 декабря 1901 г.) на преобразование подготовительной школы в Ташкентский кадетский корпус.

Известно также о том, что в этот же период Снесарев преподавал математику в Ташкентском ремесленном училище. Об этом малоизвестном факте содержится упоминание в докладной записке начальника штаба Туркестанского военного округа. Генерал-лейтенант В. В. Сахаров отмечал: «<...> имея необходимость прийти на помощь Ташкентскому ремесленному училищу, где не было учителя математики, мною было предложено капитану Снесареву, как кандидату математического факультета, даже против его желания, давать уроки математики в означенном учебном заведении, что неизбежно должно было отнимать у сего офицера значительную часть времени».

Приказом начальника штаба Туркестанского военного округа по Ташкентской

приготовительной школе А. Е. Снесарев с разрешения командующего войсками округа сверх своих служебных обязанностей был назначен преподавателем арифметики на 1900–1901 учебный год. Это необычное назначение было связано с дефицитом в Ташкенте учителей математики, а также с невысоким жалованием, что отпугивало потенциальных кандидатов на должность. Снесареву пришлось фактически взяться за организацию процесса обучения: составить учебную программу по курсу, определить наиболее важные темы. В этот период в военной печати как раз шла оживленная дискуссия по вопросу учебных программ кадетских корпусов, немало внимания уделялось и пересмотру учебной программы по математике, которую большинство участников дискуссии находили чрезвычайно перегруженной. Преподавание арифметики Снесарев вел до назначения в школу штатного преподавателя математики подполковника Н. И. Габина-Шахровского.

В Ташкенте внеслужебная деятельность Снесарева была тесным образом связана с Ташкентским военным собранием, в котором он часто выступал на благотворительных концертах, читал лекции и делал доклады на военные темы. Эти доклады будут более подробно рассмотрены чуть ниже. Организованные с целью сплочения офицерской семьи и для культурных и просветительских целей военные собрания играли исключительно важную роль в жизни офицерского общества. Военные собрания делились на полковые и гарнизонные, последние предназначались для нескольких воинских частей, дислоцированных в пределах одного гарнизона. Крупные военные собрания, к числу которых относилось и Ташкентское, представляли собой красивые каменные здания, расположенные в наиболее престижных районах городов. В каждом крупном военном собрании имелись сцена для любительских спектаклей, столовые залы, фехтовальный зал, карточная и билиардная комнаты. Центральной частью военного собрания являлась библиотека, книжные и журнальные коллекции могли достигать нескольких тысяч томов. Библиотека военного собрания управлялась специальным библиотечным комитетом, в который выбирались представители от всех родов оружия и управлений военного округа. В период службы Снесарева в Ташкенте библиотека военного собрания уже не отвечала возросшим требованиям к качеству книжного и журнального фондов, небольшим было и помещение библиотеки.

В военном собрании для самообразования офицеров приглашались учителя пения, музыки, танцев, живописи и иностранных языков. Для офицеров, военных чиновников и членов их семей организовывались товарищеские и семейные обеды и ужины, благотворительные вечера и концерты, военно-научные занятия. Каждое военное собрание имело выборное самоуправление, старшие командиры лишь утверждали состав самоуправления и его председателя («хозяина собрания»). Бюджет военных собраний формировался из личных взносов офицеров (в несколько рублей), на которые они имели право провести время в хорошей обстановке, пользоваться библиотекой, пригласить своих знакомых и пр. Устраивались вечера с чаем, иногда общий ужин офицеров-членов военного собрания. Имелся также буфет, где продавались спиртные напитки и разнообразные закуски.

В период службы Снесарева в Ташкенте в армейской прессе широко обсуждались вопросы о назревшей реформе в деятельности военных собраний, об усилении их роли в сплочении офицерской семьи, подвергались критике отдельные стороны постановки этого дела в войсках. О существовавших в те годы проблемах свидетельствует фрагмент одной статьи из военной печати: «В иных собраниях непременно хотят блеснуть сервировкой и общим ужином с винами и рябчиками или даже фазанами со вставными хвостами, причем, распорядители, точно художники, гордятся созданной ими обстановкой. Ужин, решенный собранием в 4 руб., с пересмотром обходится в 5–6 рублей. Хочешь – не хочешь, – плати, а если не пьешь, то о вине и не беспокойся: его выпьют за твой счет любители до последней капли, да еще будут подтрунивать над твоей наивностью. Они-то и хлопочут об устройстве общих обедов и ужинов с винами, имея в перспективе общую выпивку».

В войсках начальники смотрели на военные собрания по-разному, не всегда считая их источником культуры, просвещения и здорового отдыха. Имелись порой и взгляды весьма оригинальные. В армейской прессе того времени можно было встретить картинку, что называется, из жизни: «Один командир зачисляет всех поступающих в полк офицеров в те роты, которые стоят вдали от собрания, и на вопрос: зачем он это делает, отвечает: “просто невозможно ничего поделать – в прошлом году два прекрасных офицера до того спились в собрании, что один из них со скандалом оставляет полк, а

другой лежит в госпитале, докутился до сифилиса”». Речь, разумеется, идет о полковом офицерском собрании, но проблемы с выпивкой существовали и в более крупных собраниях, что не раз становилось темой для обсуждения в военной печати.

Служба А. Е. Снесарева в Ташкенте была неразрывно связана с деятельностью Туркестанского отдела Императорского Русского географического общества (ТО ИРГО). Впервые идея учредить в Туркестанском крае научный орган, который бы приводил в стройную систему и научно обосновывал географический материал, появившийся при изучении Средней Азии, возникла у первого туркестанского генерал-губернатора К. П. фон-Кауфмана. В конце 1895 г. туркестанский генерал-губернатор барон А. Б. Вревский ходатайствовал перед Советом ИРГО об открытии в Ташкенте отдельного филиала Общества. 20 мая 1896 г. состоялось Высочайшее повеление разрешить ИРГО открыть в своем составе новый отдел в г. Ташкенте под наименованием Туркестанского. Первое заседание вновь учрежденного отдела состоялось 28 февраля 1897 г.

С самого начала существования отдела военные занимали видное место в его руководстве и составляли значительную часть рядовых членов. По состоянию на 1 июня 1898 г., из 74 действующих членов отдела офицеры и чиновники военного ведомства составляли 42 чел. В 1901 г. председателем Туркестанского отдела состоял начальник штаба Туркестанского военного округа генерал-майор В. В. Сахаров. Из шести членов правления трое являлись офицерами штаба округа: генерал-майор Д. Д. Гедеев (начальник Туркестанского ВТО), полковник Н. Н. Юденич (штаб-офицер при управлении 1-й Туркестанской стрелковой бригады), полковник Г. Е. Родионов (начальник съемочного отделения Туркестанского ВТО).

Сфера служебной и научной деятельности Снесарева во многом была связана с географической наукой. Неудивительно поэтому, что у него возникло естественное желание стать сотрудником специализированного научного общества, ставившего целью изучение географии Туркестана и сопредельных стран Центральной Азии. 8 января 1901 г. на общем собрании членов Туркестанского отдела ИРГО А. Е. Снесарев избран членом. Рекомендацию для избрания представили Генерального штаба подполковник М. В. Грулев (председатель редакционного комитета отдела) и Н. Г. Маллицкий (преподаватель Ташкентской мужской гимназии). В один день со Снесаревым в действительные члены отдела были приняты два других видных военных востоковеда - штабс-ротмистр Д. Н. Логофет и капитан И. Д. Ягелло. Собственно, еще до избрания в действительные члены Снесарев уже сотрудничал с отделом. В письме к сестре он писал: «Меня давит ...ограниченность часов: я занят целый день, и, между тем, 3 работ никак не могу начать, не говоря про свои обещания перед Географическим Обществом, газетой и т. д., которые я никак не могу выполнить».

Туркестанский отдел в те годы представлял собой что-то вроде элитного клуба, быть членом которого считалось для военных весьма почетно и престижно. Это во многом обуславливалось тем обстоятельством, что председателем отдела традиционно являлся начальник штаба Туркестанского военного округа. Заседания отдела часто посещал командующий войсками округа, его помощник, другие высокопоставленные генералы. Отдел имел высокую репутацию среди офицеров Генерального штаба округа, многие из которых выступали в отделе с различными докладами, лекциями и сообщениями. Для многих сотрудников отдел предоставлял уникальную возможность поделиться результатами рекогносцировок и полевых поездок по удаленным частям Туркестанского края. Часто эти сообщения публиковались как в «Известиях Туркестанского отдела ИРГО», так и в местной туркестанской прессе. Отдел нередко обращался к офицерам Генерального штаба, предназначенным к длительным зарубежным командировкам, с просьбой собрать разнообразные научные сведения. Иногда для этого отдел составлял специальные программы исследований, как это было в случае с Генерального штаба капитаном Л. Г. Корниловым, командированным в Кашгар.

Дебют Снесарева, как докладчика, состоялся 28 февраля 1902 г. на годовом общем собрании отдела, проходившем в помещении Туркестанского ВТО. Снесарев сделал сообщение - «Памиры в средние века и великий памирский путь». Этот доклад им обстоятельно готовился с привлечением разнообразных источников, освещавших физическую и историческую географию Памира. При работе над докладом Снесарев, учитывая важность своего первого выступления в отделе, прибегает к новому методу в работе над научным материалом - к консультации с ведущими специалистами, в том числе и зарубежными. В то время на переписку офицеров с иностранными

респондентами начальство смотрело сквозь пальцы. В письме к сестре, он, в частности, указывал: «Писал письма некоторым ученым (в Берлин, СПб) и глубоко тронут их отзывчивостью на мои сочинения и вопросы... Эта любовь к истине, к науке просто трогательна. Например, Гартман, профессор арабского языка в Берлине, кроме милого письма обещал прислать большую справку. Бартольд – профессор СПб университета уже прислал таковую... И все это сейчас же, да так все ласково...».

В докладе Снесарев очертил основной круг исторических источников о Памире, содержащихся в трудах арабских географов, буддийских миссионеров и европейских путешественников. Он высказал мысль о существовании еще в древние времена большого караванного пути, соединявшего не только бассейны Амударьи и Тарима, но и Запад с Востоком вообще. Относительно маршрута этого пути он высказал предположение, что тот проходил из Восточного Туркестана через Большой Памир в Шугнан. Бартольд же высказал мнение, что с Памира путь вероятнее всего шел в Вахан.

Как следует из протокола заседания отдела, «доклад А. Е. Снесарева был заслушан присутствующими с большим интересом и вниманием. Розданные всем слушателям схематические карты Памира (работы подполковника Г. Е. Родионова) и проспекты сообщения помогали слушателям ориентироваться в этом сложном историко-географическом вопросе».

В апреле 1903 г. А. Е. Снесарев был избран в состав Редакционного комитета ТО ИРГО. Комитет состоял из председателя и четырех членов, избиравшихся сроком на два года. В его задачи входило наблюдение за подбором статей в «Известиях ТО ИРГО», их редактирование и переписка с авторами.

Второй доклад А. Е. Снесарева состоялся на заседании отдела 23 января 1904 г. Доклад назывался «Религия и обычаи горцев Западного Памира» и был основан преимущественно на личных впечатлениях и наблюдениях Снесарева в период командования Памирским отрядом. Эта специфика находит свое отражение в том факте, что в тексте доклада Снесарев в несвойственной ему манере редко ссылается на работы других авторов, посвященных Памиру и его обитателям. В известной мере работа расширяет тему физической географии и этнографии Памира, которую он довольно основательно наметил в служебной записке «О Памирах» (1901). Работа расширяет тему, получившую освещение в трудах его предшественников, – Д. В. Путьяты, Г. Е. Грум-Гржимайло, Б. Л. Громбчевского, Н. Элайаса и др.

Снесарев в работе дает общую физико-географическую характеристику Восточного и Западного Памира, указывает на их различия и на те естественно-природные условия, которые обусловили жизнь двух основных этнических памирских групп – таджиков и киргизов. Основное внимание Снесарев уделил таджикам Памира, среди которых провел более года и имел уникальную возможность наблюдать многие скрытые от глаз европейцев стороны их социальной и бытовой жизни. Этнографические зарисовки представлены в докладе в живой и интересной манере. Снесарев был одним из первых исследователей, которые обогатили науку сведениями о памирских исмаилитах, об особенностях их религиозной и бытовой жизни, ареале расселения, традициях и обычаях. Снесарев также выступил с инициативой организовать научную экспедицию с участием и на средства Туркестанского отдела ИРГО для изучения Болора. Доклад Снесарева на столь интересную тему вызвал живой интерес в ташкентском научном сообществе.

Следующий доклад А. Е. Снесарева в Туркестанском отделе ИРГО состоялся 3 марта 1904 г. в присутствии командующего войсками округа генерал-лейтенанта Н. А. Иванова. Темой доклада стал Болор (современное название – Болор-таг), гигантский хребет меридионального направления, протянувшийся вдоль Восточного Памира от Кунь-Луны на юге до Заалайского хребта на севере. Хребет посетил в свое время Марко Поло, который и дал ему название. Изучению этого хребта придавал большое значение известный немецкий географ А. Гумбольдт. Снесарев дал физико-географические характеристики хребта и указал, что он служит и этнографической границей, разделяя киргизское (на востоке) и таджикское (на западе) население. Доклад был встречен слушателями с большим интересом, после окончания заседания отдела командующий войсками имел беседу со Снесаревым по теме доклада.

Примечательно, что так удачно и многообещающе начавшаяся деятельность А. Е. Снесарева в региональном отделе ИРГО не получила своего дальнейшего развития в

период службы в Петербурге. Он по какой-то причине не стал вступать в действительные члены ИРГО и дистанцировался от его деятельности. Вполне возможно, что частично это было связано с общей тенденцией того времени – географическое общество в целом, господствующие в нем научные интересы и сферы исследований становились все менее популярными среди русского офицерства. Приток офицеров в общество резко сократился на рубеже XIX–XX вв. Это положение существенно отличалось от ситуации 1870–80-х гг., когда наплыв военных в престижное общество, находившееся под покровительством императорской семьи, был особенно высок.

В описываемый период сфера интеллектуальных интересов А. Е. Снесарева предстает достаточно устоявшейся. В круг этих интересов входят преимущественно история Востока (военная и политическая), география, страноведение и этнология. В период жизни в Ташкенте он остался совершенно равнодушным к собиранию древностей, темы довольно популярной в туркестанской армейской среде. По этой причине он не принял участия в деятельности Туркестанского кружка любителей археологии.

В 1900 г. в Петербурге образовано Общество востоковедения, которое действовало под эгидой Министерства финансов и ставило своей задачей «распространение среди восточных народов точных и правильных сведений о России, а также ознакомление русского общества с материальными нуждами и духовной жизнью Востока, содействовать сближению России с восточными странами и служить проводником русской культуры и производительности среди восточных народностей как в пределах России, так и вне ее». Общество создало по всей России несколько региональных отделений. В октябре 1900 г. председатель Общества востоковедения генерал Н. Шведов обратился к туркестанскому генерал-губернатору с предложением открыть в Ташкенте отделение общества – «ввиду значения Ташкента, как центра наших среднеазиатских владений, служащего проводником русской культуры не только среди многомиллионного населения Средней Азии, но и сопредельных с ней областей Афганистана и Китая». Предложение Шведова было положительно рассмотрено новым туркестанским генерал-губернатором Н. А. Ивановым. 14 апреля 1901 г. в Ташкенте открылось Ташкентское отделение Общества востоковедения.

Ташкентское отделение Общества действовало до 1905 г. и приостановило свою деятельность в связи с событиями первой русской революции. В 1907 г. отделение намеревалось возобновить свою деятельность, но встретило отрицательное отношение со стороны генерал-губернатора Н. И. Гродекова. В состав отделения входили преимущественно офицеры туркестанских войск, чиновники различных ведомств и небольшое число коммерсантов. Основная деятельность отделения свелась к организации курсов русского языка для местного населения и курсов персидского и тюркского языков для офицеров и чиновников туркестанской администрации. Отделение готовило проекты устройства в Ташкенте коммерческого училища, специализированного востоковедного института, введения преподавания русского языка в медресе и т. д..

Появление в Ташкенте востоковедного общества имело важное значение для развития туркестанского востоковедения. По природе своих занятий оно неизбежно должно было привлечь внимание А. Е. Снесарева. Однако по неизвестной нам причине этого не произошло. В то же время, в период службы в Петербурге он являлся активным сотрудником Общества востоковедения, возглавляя его Среднеазиатский отдел. Оставляя в стороне общую здравую мысль, что Снесарев не обязан был быть участником всех ташкентских научных обществ, попытаемся ответить на вопрос о возможных причинах его дистанцирования от столь, казалось бы, привлекательного для него востоковедного проекта. Прежде всего, следует иметь в виду большую служебную занятость Снесарева весной 1901 г. Он только что вернулся из служебной командировки по Средней Азии, готовился к поездке на Памир и имел «на плечах» несколько плановых печатных работ. По возвращению из командировки на Памир он совершил поездку в Лондон, откуда вернулся только во второй половине декабря 1901 г.

Кроме служебной занятости, могла быть еще одна причина, которая, скорее, имела личные мотивы. Дело в том, что в Ташкенте Снесарев столкнулся с корпорацией дипломированных военных востоковедов, основу которой составляли выпускники петербургских офицерских курсов восточных языков при Азиатском департаменте МИД и Ташкентской офицерской школы восточных языков. Эта корпорация была достаточно широко представлена в военно-народном управлении Туркестанского края, в центральных управлениях и штабе Туркестанского военного округа. Эту группу военных

востоковедов – «туркестанских восточников» (как они себя именовали), объединял общий корпоративный дух, интересы службы и своего рода «патент» на вопросы разведки, страноведения и вообще знания стран Востока. Наиболее яркими представителями этой корпорации в Ташкенте являлись генерал-майор М. А. Терентьев, полковник А. И. Гиппиус, капитаны С. А. Геппенер, А. А. Ломакин, И. Д. Ягелло и А. И. Выгорницкий. Всего к моменту приезда Снесарева в Туркестан в одном только Ташкенте таких офицеров насчитывалось семь человек, в последующие годы их число непрерывно увеличивалось. До 1900 г. негласным руководителем этой корпорации являлся генерал-майор М. А. Терентьев, видный историк завоевания Средней Азии и среднеазиатского вопроса, известный военный востоковед. С его отъездом из края эту роль принял на себя И. Д. Ягелло, заведующий Ташкентской офицерской школой восточных языков.

Предположительно, с самого начала у Снесарева, получившего известность в Ташкенте благодаря поездке в Индию и печатным работам по Востоку, не сложились отношения с представителями этой корпорации. Во многих вопросах они даже могли составлять конкуренцию друг другу. Капитан И. Д. Ягелло, сменивший Снесарева на посту редактора «Сборника сведений», к примеру, полностью изменил редакционную политику, устоявшуюся при Грулеве и Снесареве. При нем в качестве авторов сборника стали больше привлекаться офицеры-восточники, преимущественно выпускники Ташкентской офицерской школы восточных языков.

Возвращаясь к теме Ташкентского отделения Общества востоковедения, отметим, что основные руководящие органы в нем оказались заняты как раз «туркестанскими восточниками». При организации отделения в правление сразу вошли С. А. Геппенер (секретарь) и И. Д. Ягелло. Ввиду частых отъездов С. А. Геппенера, исполнявшего должность старшего штаб-офицера при туркестанском генерал-губернаторе, роль секретаря (ключевой должности при решении текущих вопросов) фактически перешла к И. Д. Ягелло. Такое положение дел могло сказаться на определении Снесаревым позиции в отношении участия в работе отделения. Кроме того, «лингвистический» уклон в работе отделения – создание разнообразных языковых курсов и издание языковых пособий, оставлял мало пространства для более широких интересов Снесарева.

В среде офицеров Генерального штаба того времени, особенно среди недавно окончивших академию, часто обсуждался вопрос о самообразовании. В военной печати высказывались различные точки зрения по этому вопросу, велись дискуссии. Одни считали, что академия давала настолько фундаментальные знания, что их следовало только укреплять практикой и службой в строю. Другие, наоборот, считали, что образование, полученное в академии, может служить лишь солидной основой для последующего увеличения знаний по различным отраслям военного дела. Однако армейская действительность вступала в явное противоречие с благими мечтами, и дело самообразования очень часто оказывалось под гнетом армейской и жизненной рутины. Весьма интересен в этом отношении рассказ офицера Генерального штаба примерно одного года выпуска с Снесаревым.

«Вернувшись в N-ск, – делился своей историей офицер, – я все свободное от занятий в штабе время стал посвящать моему практическому самообразованию. С разрешения подлежащего начальства я ездил на паровозах и пароходах, учась ими управлять. Я участвовал с войсками в их специальных и общих занятиях, в стрельбах пехоты и артиллерии, в полевой езде и различных «охотах» кавалерии... Я близко ознакомился с делами: телеграфным, минным, саперным, понтонным, железнодорожным, воздухоплавательным, голубиным... Я засел за основательное изучение немецкого, французского, венгерского и польского языков, я стал выписывать и читать иностранные газеты. Короче, я не только не упускал, но и выискивал случаи ознакомиться со всякою житейскою мелочью, имеющей хоть какое-нибудь отношение к военному делу. <...> Я находил отраду в достигаемых мною результатах и хотел лишь полной неограниченной свободы своих действий, отсутствия каких бы то ни было стеснений, цепей, оков... Но... Это “но” я встречал всегда у себя дома. Я скоро увидел опять заплаканные глаза жены и услышал сжимавшие мне сердце упреки. Потом появилась на свет Божий Ниночка. Страдания жены, крик ребенка, присутствие посторонних в нашей маленькой бедной квартирке, позже война с прислугой, стеснение в средствах, и наряду со всем этим, угрызения совести, что я не работаю, что я для службы теряю даром свое время и не только не прогрессирую, а скорее наоборот (ибо в смысле знаний, кто не идет вперед, тот непременно подается назад), все это производило в моей душе настоящий ад. Я сделался нервным, раздражительным, злым. Мне вспомнились рассказы о некоторых

академических товарищах, проходивших весь курс в такой обстановке, и я готов был рыдать за них, готов был с благоговением преклониться перед силою воли тех, кто все-таки сломил это жестокое сопротивление судьбы, становившейся поперек дороги. Я скорбел о том, сколько лучших сил пропало таким образом ни за что, ни про что, скольких прекрасных офицеров Генерального штаба лишилась наша армия только потому, что у нас не установлено, как за границей, закона *принимать в академию только холостых* (курсив в тексте. – М. Б.)...».

Мы преднамеренно дали столь развернутое цитирование, чтобы читатель мог наглядно представить себе картину послеакадемических проблем офицеров Генерального штаба, трудностей, связанных с их дальнейшим самообразованием и развитием. Однако важен этот отрывок и в том отношении, что высвечивает еще одно преимущество Снесарева перед сверстниками в штабе Туркестанского военного округа – положение неженатого человека. Он мог позволить себе роскошь самообразования, развития своих наклонностей и талантов. В этом, правда, был и большой минус – неустроенность быта и одиночество, но этим по тем временам «пустыкам» он противопоставил спартанский быт, литературную деятельность, светскую жизнь и путешествия.

Снесарев занимался самосовершенствованием и самообразованием по намеченной им программе. Каждый год он определял основные итоги выполнения этой программы, и каждому году своей жизни давал определенную характеристику-оценку: «поворотный год» (1900 г.), «год влияющий» (1901 г.).

Дискуссии о самообразовании, о которых мы упоминали выше, не обошли стороной и такой большой вопрос, как знание офицерами Генерального штаба иностранных языков. Часто офицеры, выпустившись из академии с высокими баллами по немецкому и французскому языкам, считали себя непререкаемыми авторитетами в иностранных языках. Жизнь быстро опровергала подобные заблуждения. Как пример приведем рассказ офицера Генерального штаба, недавно выпустившегося из академии, о поездке за границу.

«Я решил провести академический отпуск за границей, – вспоминал офицер, – будучи глубоко убежден в необходимости и пользе такого путешествия для офицера Генерального штаба. <...> Следует искренне пожалеть, что у нас не практикуется посылка офицеров Генерального штаба за границу, специально для изучения немецкого языка, как это делают германцы и австрийцы, разумеется, с разрешения нашего правительства, направляя по несколько офицеров в Россию. Я слышал, что австрийские офицеры живут по два года в Казани. <...> По наивности своей я вообразил, что если, получив на вступительном в академию экзамене из немецкого и французского языков по 9 баллов, я был освобожден от занятий в течение курса, то я вполне достаточно знаю эти языки, чтобы ехать за границу без специальной подготовки. Мне ребячески казалось, что как только я вступлю на немецкую почву, так сейчас и заговорю как настоящий немец, а “туземцы” будут только руками разводить да удивляться, как это иностранец (9-ти бальный!) так хорошо владеет их языком... <...> Однако, по вступлении моем на немецкую почву случилось как раз обратное. В своих знаниях немецкого языка мне пришлось разочароваться, как только поезд оставил Александров, и я услышал в соседнем купе немецкий разговор, из которого не понял ни слова. При осмотре багажа в Торне я пережил немало неприятных минут. Когда же в дороге я заговорил относительно какой-то станции с кондуктором, и он, с трудом поняв меня, скорее по жестам, чем по словам, ответил мне мимикой, я был сражен окончательно».

Поездки в Индию и Лондон наглядно продемонстрировали Снесареву необходимость совершенствования знаний в иностранных языках. Служба на Востоке и занятие разведкой естественным образом ставили вопрос о необходимости изучать восточные языки. В ташкентский период Снесарев принял попытку изучения тюркского языка и даже занимался с преподавателем из местных жителей. В письме к сестре он сообщал: «<...> с моим тюркским языком дело идет хорошо, и я начинаю побалтывать с туземцами, что мне доставляет большое удовольствие. Ты и представить себе не можешь, как природа языка, его оборотов, форма письма... оригинальны, самобытны, интересны... Если месяца через 2–3 настолько одолею, что дело будет лишь за практикой, то, может быть попробую и персидский язык». Тюркский язык (скорее всего, киргизский) Снесарев продолжал совершенствовать в период командировки на Памир.

В Ташкенте у офицеров Генерального штаба существовала хорошая возможность

изучения восточных языков, как самостоятельно, так и на специальных языковых курсах. Так, например, капитан Л. Г. Корнилов самостоятельно занимался изучением восточных языков и брал уроки персидского у одного из репетиторов в Ташкенте. Об этом говорится и в одном из документов, относящихся к периоду подготовки его к поездке в Персию: «За трехлетнюю службу свою в округе подполковник Корнилов основательно и практически изучил кроме тюркского языка и персидский язык, что без сомнения сильно облегчит ему работу в предстоящей командировке <...>».

В Ташкенте существовала Ташкентская офицерская школа восточных языков, пользовавшаяся популярностью у офицеров округа, в том числе и Генерального штаба. Офицеры Генерального штаба имели право поступать в школу вне конкурса и без предварительного отбора с сохранением занимаемой должности.

Свои услуги офицерам предлагали и частные курсы восточных языков, действовавшие в Ташкенте. В 1903 г. состоявший для поручений при туркестанском генерал-губернаторе капитан А. А. Ломакин, выпускник офицерских курсов восточных языков при Азиатском департаменте МИД, открыл в Ташкенте частные курсы персидского и сартовского языков. На курсах в первый год их существования числилось 19 человек, среди которых было несколько офицеров Туркестанского ВТО, слушателей Ташкентской офицерской школы восточных языков, чиновников, коммерсантов, железнодорожных служащих и студентов.

Несмотря на наличие таких возможностей Снесарев не предпринял попытки использовать их для изучения восточных языков. В то же время, знание языка урду, несомненно, могло бы помочь ему в изучении Афганистана и Индии. Персидский язык, который полковник И. Д. Ягелло называл «французским Среднего Востока», также представлял несомненный интерес для Снесарева, и он даже подумывал обратиться к его изучению. Представляется, что основная причина, по которой он не стал серьезно заниматься изучением восточных языков (за исключением тюркского), была большая служебная занятость. Кроме того, зрелый возраст Снесарева также не способствовал изучению восточных языков.

В литературе часто встречаются упоминания о знании Снесаревым большого числа иностранных языков, назывались при этом разные цифры. Сам Снесарев, к примеру, говорил о владении 11-14 иностранными языками. Что касается сведений о количестве языков, которыми владел Снесарев, которые имели хождение в кругу семьи Снесаревых, то эти сведения ненадежные по понятным нам обстоятельствам. В любой семье при наличии одного из членов, как личности, получившей историческое освещение, часто слагается легенда, происходит неизбежная «семейная ретушь» образа. Это вполне естественно и объяснимо, но часто ведет к искажению исторической действительности, иногда значительному. По этой причине к сообщениям членов семьи о знании Снесаревым большого числа иностранных языков (10 и более) мы должны относиться с вниманием, но критично.

Оставляя в стороне вопрос, что следует понимать под знанием иностранного языка (представляется, что умение читать, писать и говорить), информацию о владении Снесаревым таким большим числом языков следует признать преувеличенной. Документально установлено владением им в разной степени следующими иностранными языками: латинским, старогреческим, немецким, французским, английским и тюркским. Первые два языка он учил по курсу гимназии; немецкий, французский – по курсу университета (немецкий начинал изучать в гимназии), военного училища и НАГШ, английский осваивал самостоятельно в этих же учебных заведениях и практиковался в нем в Индии и Великобритании; тюркский учил самостоятельно с языковой практикой на Памире. После перевода из Туркестана в Петербург, насколько нам известно, к изучению восточных языков он больше не обращался.

Вполне возможно, что у Снесарева имелась и общая нерасположенность к изучению восточных языков, или он мог испытывать синдром «языковой усталости» (как результат владения несколькими иностранными языками), определенное значение мог иметь и его зрелый возраст. Интересно в этом отношении замечание одного офицера Генерального штаба применительно к офицерам, командируемым перед Первой мировой войной в Германию и Австрию для изучения немецкого языка: «ожидать, что офицер в возрасте 28-30 лет, совершенно не зная языка, обучится ему в течение одного года, в достаточной мере, наивно...». Применительно к изучению восточных языков это звучит еще более

справедливо.

Знание иностранных языков и достаточно активное ими владение существенно расширяло возможности Снесарева как исследователя, предоставляло в его распоряжение доступ к большому массиву источников и сведений. Иностранные языки Снесарев активно использовал при работе над книгами, статьями, рецензиями, для переводов специальной литературы. Отличительной и всегда выгодной стороной его научных работ была опора на широкий круг иностранных источников.

Другой вопрос, которому недостаточно было уделено внимания при изучении туркестанского периода жизни Снесарева, это роль женщин в его жизни. Долгое время эта сторона жизни Снесарева оставалась как-бы неинтересной его биографам, порой опускалась в виду ее незначительности на фоне тех глобальных вопросов, которые вызывали первоочередной интерес. Между тем, женщины играли весьма важную роль в туркестанский период жизни Снесарева, отношения с ними составляли сложную и порой драматическую картину и являли собой непростой мир нравственных, психологических и этических аспектов. Не поняв этого мира, нельзя вполне представить, как шло становление Снесарева как личности, как офицера и ученого.

Женщины занимали видное место в жизни Снесарева как до службы в Туркестане, так и в туркестанский период. Отношения к женщинам во многом определялись его семейным воспитанием, в котором важное место занимали религиозные и семейные ценности. Он никогда не смотрел на женщину как на объект внесемейных отношений, и ему были чужды любовные интриги и несерьезность чувств. В его отношении к женщинам было больше рационального, нежели чувственного, и трудно сказать, испытывал ли он по настоящему серьезное чувство до встречи с Евгенией Зайцевой, своей единственной и истинной любовью.

Снесарев любил женское общество, у него случались романы, но долгое время он оставался холостым, что, в контексте его религиозности и уважения к семейным ценностям, выглядело несколько необычным. Объяснение этому можно найти в обстоятельствах жизни «дотуркестанского периода». Как он сам замечал, до Туркестана его жизнь имела, так сказать, подготовительный характер, затем она приняла то течение, в котором он уже ощущал себя самостоятельным человеком, с вполне сформировавшимися взглядами на жизнь, с опытом, материально независимым. Вопрос о создании семьи был отложен Снесаревым до окончания академии, в период учебы он не мог позволить себе роскошь семейной жизни – как по сложности академического курса, так и по отсутствию достаточных средств для поддержки семьи. О том, что слушателям академии было очень трудно совмещать академическую и семейную жизнь, уже говорилось выше.

В Туркестане Снесарев впервые по-настоящему задумывается о необходимости создания семьи, о выборе спутницы жизни, соответствующей его идеалам и требованиям. Можно с уверенностью сказать, что мысль о женитьбе возникла у него сразу по выпуску из академии. Командировка в Индию, как мы знаем, дала совершенно неожиданное направление течению его личных дел и во многом спутала стройность его планов по созданию семьи. Тем не менее, в конце зимы 1900 г. он возвращается к мысли о необходимости начать семейную жизнь.

Летом 1900 г. в письме к сестре он пишет о женитьбе, как об окончательно принятом им решении. В нем он также сообщает о мотивах и соображениях, побудивших его к такому решению: «Кажется, я надумал жениться... ты меня сильно напугала словами: "Женись теперь, еще, может быть, выйдут за тебя (подчеркнуто в тексте письма Снесарева. – М. Б.) замуж, а через несколько лет только за твое положение"... Но оставляю на минутку шутки в сторону, я решил (или почти решил) по таким думам: 1) Прежде всего мне надоели те нравственные соображения, что я должен иметь детей, должен дать своей родине прирост, должен передать на свое поколение ту сумму умственных и нравственных выводов, которые я выносил в себе и выстрадал; будь я пьяница и дурак, я неимением детей только доставил бы удовольствие своей земле, но этого, кажется, нет <...>. 2) Холостой человек – всегда вор семейного счастья... Последнее должно принадлежать, в известной мере, каждому и кто не имеет собственного, поневоле ворует чужое... Это неизбежно. Как бы вы ни были нравственно устойчивы, вас на кражу поведут другие... 3) У меня в виду имеется масса интересной работы, и ее я не выполню, оставаясь холостым... меня закрутят... 4) Мне жутковато за будущее... Я был (с

английским агентом) в квартире у одного холостого генерала, и когда мы вышли оттуда, то мой спутник произнес: “У него, как в могиле...”. А это ждет ведь и меня...».

Снесарев был очень разборчив в выборе своей будущей спутницы жизни и имел к ней свой набор критериев, которым она должна была соответствовать. Представляется, что для него был интересен такой тип женщины, который в смысле жизненного опыта, личных интересов, увлечений не мог бы составить ему какую-либо конкуренцию, не мог привести к конфликту интересов – творческих, интеллектуальных и пр. В браке он предпочитал остаться отцом семейства патриархального типа, пользующимся уважением и непререкаемым авторитетом. В этом смысле он опасался связать свою судьбу с женщинами эмансипированными, либеральных воззрений, с широкими общественными, артистическими или научными интересами и увлечениями, а также происходившими из аристократических или богатых семей. В этом смысле женский тип, к которому принадлежала Рита, совершенно не вписывался в его идеал будущей избранницы жизни. Желанным партнером в браке для него могла стать женщина, происходившая из небогатой семьи, в которой сильны традиции семейной и религиозной жизни, и где глава семейства пользовался безусловным авторитетом. Важным условием было наличие у избранницы православного вероисповедания. Наибольшая вероятность встретить женщину, удовлетворявшую этим критериям, выпадала на офицерские семьи. Не последнее значение в кругу его требований играл и возраст будущей избранницы. Зрелый возраст самого Снесарева значительно сужал круг возможных кандидаток. Поэтому в этом круге находились женщины младше его возрастом, и иногда значительно.

Другим важным соображением было условие, что брак обязательно должен состояться по любви, на основе взаимного сильного чувства и уважения. Он опасался связать свою судьбу с женщиной, которая вступила бы с ним в брак по расчету.

Оказавшись в Ташкенте, он в местном обществе сразу приобрел статус видного жениха – офицер Генерального штаба с перспективой блестящей военной карьеры, воспитанный, без вредных привычек, обеспеченный материально. Снесарев довольно тягостно переносил матримониальные устремления женской части ташкентского общества. В письме к сестре он замечал в этой связи: «Холостого человека окружает какая-то неестественная атмосфера: дамы и девицы смотрят как на жениха, старухи – как на зятя, все – как на человека, обязанного их развлекать, увеселять, всюду быть с ними, как на неизбежного заказчика («он холост, у него деньги»)... Все это создает ту заискивающую и льстивую среду, от которой человек неминуемо тупеет... И так противно все это, когда так ясно понимаешь ужимки и прыжки этих несчастных обезьян».

У Снесарева до приезда в Туркестан были отношения личного характера с женщиной по имени Лидия, но она умерла от чахотки. О ней он упоминает в одном из писем к сестре: «со стола смотрит на меня “задумчиво и нежно” портрет умершей подруги».

Скажем несколько слов о том, кем была та ташкентская девушка, на которой летом 1900 г. предполагал жениться А. Е. Снесарев. Для этого снова обратимся к его письму сестре: «Теперь о моем проектируемом выборе: девица 19 лет, росту выше среднего, белокурая, сложения хорошего; исповедания, конечно, православного, и имя ей еще более конечно, Лидия... Она принадлежит к тому, любимому мною типу девушек, на который похожа Лиля и покойница-подруга... Это тип, всем в доме прислуживающий, за всеми ухаживающий и все направляющий и делающий, но только тогда признаваемый, когда он почему-то исчезнет из дому... Это тип необыкновенного сердца – незлобиво, любящего и полного неистощимого запаса ласки... Это тип человека, который знает, куда теряется шапка брата, башмак сестры, у какой из них больше водится вшей в голове или больше они всклочиваются, какое кушанье больше любит отец, чем успокоить слезы матери, кому из братьев не дается арифметика...».

Звали девушку Снесарева Лидия Васильевна Покровская. Она происходила из семьи отставного полковника Покровского, после выхода в отставку ненадолго поселившегося в Ташкенте. Родной брат Лидии – Григорий, учился на одном курсе с Снесаревым в Николаевской академии Генерального штаба, которую также закончил по 1-му разряду. Первая встреча Снесарева с Лидией произошла на ташкентском вокзале при отъезде его и подполковника Полозова в Андижан для дальнейшего путешествия в Индию. Лидия пришла на вокзал вместе с отцом, другом Полозова. Когда Снесарев вернулся из

поездки, то Полозов познакомил его с Лидией.

О дальнейшем повествует сам Снесарев: «Через неделю (после первого знакомства. – М. Б.) я посетил их, бывши днем с визитом, вечером в гостях... Весь вечер я помогал ей в хозяйстве, смеша публику... Потом как-то раз я приехал верхом, слез с коня и пошел с ней гулять в их саду... Тут я и решил как-то сразу... Дело в том, что знакомые начали нас винтить одновременно: ей, говоря, как ее любят, желали лучшего супруга в мире и намекали на меня; мне, оценивая ее достоинства, советовали не упустить... Взвинтили нас достаточно... 1 июня она выехала на дачу (в 100 верстах от Ташкента), а я вскоре в полевую поездку... Объяснения я окончательно отложил до последних чисел июля... А. Полозов так ее характеризовал: “Это редкое сердце и редкая, по чистоте и безукоризненности натура, но недостаточно развитая... А жена моя говорит, соглашаясь с первым положением, что она для Вас (подчеркнуто А. Е. Снесаревым. – М. Б.) недостаточно развита и недостаточно светская женщина”. До ее отъезда я часто бывал у них и много гулял с нею; она не скрывала от меня, что я ей нравлюсь, что она привыкла ко мне, что она по мне скучает... Все это звучало и несколько необычно, но это было говорено так естественно и просто, как простота вся она с пятки до маковки головы... <...> А я-то что из себя представляю? Сохраняю свои обычные спокойствия и наблюдательность и стою в положении человека пред какой-то новой, интересной задачей. Я говорю себе: “Вот, мой милый, пред тобою человек богатых данных для брака и ты, много видевший и думавший... Как-то ты сумеешь слепить то здание, которое называется семьей и построить его в том духе и задачах, которые могли бы удовлетворить и нуждам государственно-нравственным, и нуждам обоюдного счастья... Все от тебя: из нее ты можешь сделать и причудницу, и жену высоких идеалов... Ну-ка?”».

Отношения с Лидией Покровской не получили дальнейшего развития. Вскоре семья Покровских покинула Ташкент. В литературе есть упоминание о романе Снесарева в Ташкенте еще с одной Лидией и отношениях, продолжавшихся примерно до начала лета 1901 г. Сведения эти, в частности, приводятся в работе литератора В. В. Будакова «Честь имею. Геополитик Снесарев: на полях войны и мира» (Воронеж, 2011). Источник этих сведений автором не называется, но не исключено, что они были получены от Е. А. Снесаревой. По данным Будакова, девушка Снесарева также происходила из военной семьи, отец ее имел воинское звание капитан. «Капитанская дочка, правда, далекая от пушкинской капитанской дочки, – отмечает Будаков. – В ней и внешней красоты было достаточно, и слегка ироничного ума, и полусветского, от родовитой светской матушки идущего умения вести разговор, но не было для Снесарева главного – не чувствовалось в ней сильного материнского начала, а какая-то непривычная ему раскованность, опытность, пусть и всего лишь словесная, теоретическая; мечтательно говорила она, что было бы хорошо побывать сначала в Париже, еще в обеих Америках и затем, конечно же, не на месяц, не на год – на Принцевых островах. И уж тогда можно было бы завести умильных чад. Но он-то думал иначе <...>». Делая поправку на литературный жанр и неизбежный для него элемент игры воображения, все же заметим, что этот эпизод мог быть (произносим это с известной осторожностью) основан на каких-то реальных событиях. Если упомянутая Лидия действительно обладала вышеописанными взглядами на жизнь, то не удивительно, что этот роман применительно к Снесареву не мог иметь продолжения.

Здесь мы подходим к истории знакомства и развития отношений А. Е. Снесарева с Евгенией Васильевной Зайцевой, будущей женой, другом и ангелом-хранителем Снесарева. История этих удивительных отношений, порой непростых, заслуживает отдельного исследования. Применительно к теме настоящей работы мы коснемся лишь некоторых моментов этих отношений, в том ракурсе, в котором это способствует задачам исследования. Об обстоятельствах первой встречи Снесарева и Жени Зайцевой мы остановимся чуть ниже. Сейчас только скажем, что встреча их состоялась в конце апреля 1901 г. в доме полковника В. Н. Зайцева в городе Ош.

Встреча произошла в тот момент жизни Снесарева, когда в его мировосприятии женского мира и в отношениях с женщинами надвигался кризис, по окончании которого вполне могло наступить разочарование в женщинах и пессимизм относительно дальнейших планов создать семью. Не исключено, что этот кризис во многом был связан с сильной привязанностью к Рите и осознанием того факта, что в отношениях между ними не может быть будущего. О душевной смуте Снесарева в этот период свидетельствует его письмо к жене с фронта, в котором он вспоминает свое душевное

состояние накануне встречи с ней. «Но ты нашлась где-то в точке мира, – писал Снесарев, – в любимом Бабуром городке, затерянном на краю Туркестана и приплюснутом к могучим контрофорсам Алая; нашлась тогда, когда уже многое и многое для меня или утомило, или разочаровало, когда я понял горечь быстротекущих восторгов и расценил отраву сладостей жизни, когда, еще не живши, я уставал жить и, сторонясь наслаждений, я уже уставал наслаждаться...».

К моменту знакомства с Снесаревым Жене Зайцевой едва исполнилось 17 лет. Снесарев был старше ее почти на 20 лет и был ровесником ее мамы – Ольги Александровны (оба родились в 1865 г.). Эта разница в возрасте, мало сказавшись на их счастливом и долгом браке, все же имела свои последствия в истории их отношений. Особенно эту разницу переживал Снесарев, эти переживания редко проявлялись открыто и были сдерживаемы его сильным характером. Лишь иногда, в минуты душевных откровений, как например, в письмах с фронта, он признавался в том, что ревновал Женю к более молодым соперникам – Свену Гедину и Борису Федченко, сыну известного географа А. П. Федченко. Порой в связи с разницей в возрасте его мучали сомнения в искренности чувств более юной избранницы.

К моменту встречи с Женей у Снесарева, как уже было сказано выше, имелись свои «стандарты» для возможных претенденток на роль жены. Эти стандарты, как видно из его переписки, строились во многом на том ожидании, что девушка происходит из семьи многодетной, в которой она росла на любви к братьям и сестрам, и воспитала в себе трогательную заботу к ним, а впоследствии перенесла эту заботу на своих детей. По большинству критериев Женя формально соответствовала установкам Снесарева – не принадлежала к богатой или аристократической семье, была православной, любила семейный быт и детей. Однако в остальном его критерии были мало применимы к ней, как к будущей жене. Она не являла собой «золушку», провинциалку, выросшую на отшибе империи, в забытом богом уездном городке, – училась в Оренбурге в женском институте, где получила хорошее образование и общее развитие, училась музыке, языкам, т. е. всему тому, что могло бы пригодиться в светской жизни. Она была единственным ребенком в семье, а потому была окружена вниманием и заботой родителей. Она не росла в атмосфере каких-либо семейных проблем, не знала тяжелого материального положения. Полковник Зайцев, как начальник уезда, имел хорошее жалование, служебный дом, пользовался различными льготами.

Женя Зайцева к моменту увлечения ею Снесаревым не была обделена вниманием других мужчин, отмечавших ее молодость и красоту. Дом полковника Зайцева в Оше был всегда полон гостей – русских офицеров, иностранных путешественников, дипломатов и военных, по своему положению это были люди с именем, нередко аристократических фамилий, часто молодые, спортивные и интересные. Женя всегда пользовалась расположением офицеров ошского гарнизона, и когда она вышла замуж и уехала в Петербург, то ее отсутствие сразу почувствовали все офицеры, посещавшие военное собрание. В Оше Женя могла наблюдать разнообразных мужчин, замечать, сравнивать и формировать собственное представление об идеальном мужчине. Поэтому появление Снесарева, хотя человека во всех отношениях интересного и видного, не могло сразу произвести переворота в ее чувствах и воззрениях. Понадобилось время, чтобы она осознанно сделала свой выбор, основанный на глубоком чувстве и вере в счастливую звезду Снесарева.

Для Снесарева встреча с Женей была, что называется, любовью с первого взгляда. Сильное и глубокое чувство настолько захватило его, что он уже не вспоминал о своих рациональных схемах и осторожном подходе к выбору спутницы жизни. Вполне возможно, что именно эта встреча окончательно поставила точку в его отношениях с Ритой. Сохранилось немного подробностей романа Снесарева и Евгении, но известно, что начало его было весьма бурным: Снесарев давал волю своим чувствам и темпераменту, тяжело переживал временное расставание с Женей, много думал о ней и даже ревновал ее к воображаемым соперникам.

Представляется, что семья Зайцевых не возражала против завязавшихся отношений, но, ввиду возраста дочери, оттягивала их официальное оформление. Формально к этому был предлог – необходимость закончить учебу в Оренбурге. В одном из писем Снесарев упоминает о том, что его помолвка с Женей состоялась задолго до их венчания. Здесь вопрос в том, как понимать слово «задолго», но представляется, что срок между помолвкой и венчанием был не таким уж и большим. Во всяком случае, из письма В. Н.

Зацева к Снесареву не заметно каких-либо признаков, указывающих на то, что у Снесарева до октября 1903 г. развивались какие-то серьезные отношения с Евгенией Зайцевой. Венчание Андрея Евгеньевича и Евгении состоялось 14 ноября 1904 г. в церкви Михаила Архангела в г. Ош. Этот день положил начало семейному союзу, которому суждено было пережить много счастливых лет и мужественно встретить удары войны, революции и репрессий.

Представляет интерес круг друзей А. Е. Снесарева по Ташкенту, его взаимоотношения с офицерами-сослуживцами. Наиболее известный представитель этого круга – генерал Л. Г. Корнилов. Снесарев и Корнилов хорошо знали друг друга по совместной службе в Туркестане и в Главном управлении Генерального штаба, состояли в переписке, но, как представляется, между ними никогда не было доверительных дружеских отношений. Снесарев очень гордился дружбой с Корниловым, в переписке с семьей называл его «личным другом» и иногда обращался к нему с просьбами (особенно, когда служебное положение Корнилова сильно упрочилось). Известие о смерти Л. Г. Корнилова в Карпатах в апреле 1915 г. (оказавшееся ложным) Снесарев встретил без особых эмоций, сильных человеческих переживаний: «На душе моей тихо и немного печально» (письмо к жене от 19 мая 1915 г.), «Корнилов дошел до больших пределов... и убит. Пусть лучше дело идет так, как ему надлежит идти» (письмо к жене от 21 мая 1915 г.). В период нахождения в должности Верховного главнокомандующего, готовясь к борьбе с немцами на фронте и с большевиками в тылу, Корнилов собирает вокруг себя единомышленников, делает ставку на наиболее надежных из них. Из совокупности доступных сведений можно сделать вывод, что в число таких людей Снесарев не входил. Это могло быть связано и с позицией занимаемой самим Снесаревым, не случайно в одном из писем он замечал: «Кого мне жаль, это Лавра Георгиевича; в конечный успех его я не верую...» (письмо к жене от 16 апреля 1917 г.). В дни, предшествовавшие корниловскому выступлению и во время его, Снесарев не имел личных контактов с Корниловым, а получал сведения из газет («в газетах полная неразбериха», замечал он), мало представлял замыслы и мотивацию действий Корнилова, что также свидетельствует об отсутствии между ними тесных связей. В одном из писем (22 июля 1917 г.) Снесарев упоминает о помощи Корнилова в вопросе о назначении его на должность начальника штаба 1-й армии, и что в связи с предстоящим назначением он «переведен в распоряжение Корнилова». Не исключено, что Корнилов действительно пытался помочь Снесареву с новым назначением, но в силу событий, связанных с корниловским выступлением, такое назначение не состоялось.

В период корниловского выступления многие высокопоставленные генералы и офицеры открыто выразили Л. Г. Корнилову свою поддержку или сочувствие. Впоследствии многим эта демонстрация солидарности стоила карьеры. Снесарев в эти дни был разрываем сомнениями, как ему поступить. Предположительно, он составил телеграмму Корнилову в которой солидаризировался с его позицией, но решил выждать время и повременил с отправкой телеграммы в Ставку. Позже он представит дело так, что телеграмма оказалась задержана с отправкой некими «товарищами». Эта версия событий изложена в его письме к жене: «Через несколько часов по прочтении твоего письма мне подают "Киевскую мысль", и в ней я читаю, как был арестован Ванновский. И подумал я о своей роли в качестве его начальника штаба! Как я лично поступил бы при той обстановке, по которой тогда делали заключения и затем шаги, уверенно сказать не могу, но думаю, мое положение уже было бы пиковым потому, что мое начальство (возможное) заявило себя на стороне Корнилова... Но... товарищи задержали мой ответ на 9 дней и, в лучшем случае, освободили меня от необходимости ломать свою голову и щупать свое сердце. Теперь и пишу, и думаю я об этом спокойно, но два дня тому назад и над твоим письмом, и над газетой я подумал немало».

Имеется еще один любопытный эпизод, связанный с этой темой. Относительно недавно хранители архива семьи Снесаревых обнаружили любопытный и редкий документ – «Выписку из метрической книги, часть первая, о родившихся за 1917 г.». Документ представляет собой свидетельство о рождении детей Андрея Евгеньевича и Евгении Васильевны – Георгия и Александра (7 октября 1917 г.). В графе «Звание, имя, отчество и фамилия восприемников» указано – «Генерал от кавалерии Лавр Георгиевич Корнилов». Обстоятельства появления такой записи не вполне ясны, особенно принимая во внимание дату документа, когда Л. Г. Корнилов уже находился под арестом в Быховской тюрьме. Однако совокупность дополнительных сведений, взятых преимущественно из переписки семьи, позволяет сделать вывод, что запись в метрической книге действительно могла быть сделана на основе предварительного

согласия Лавра Георгиевича, данного еще в период пребывания в должности Верховного главнокомандующего. Предложение взять Корнилова в крестные отцы, судя по всему, исходило от отца Евгении Васильевны – В. Н. Зайцева, который был хорошо знаком с Корниловым по совместной службе в Туркестане, о чем свидетельствуют письма Корнилова к Зайцеву. Из совокупности имеющихся сведений можно сделать вывод, что семья Зайцевых имела с Л. Г. Корниловым более доверительные и дружеские отношения, чем сам Снесарев. Именно В. Н. Зайцев выступил инициатором пригласить Л. Г. Корнилова в крестные отцы. С этой целью он советовал Евгении Васильевне написать последнему письмо с просьбой выступить в качестве крестного отца. Сам Зайцев не хотел делать это предложение от себя (что вполне естественно, такое предложение должно исходить от родителей ребенка). По мысли Зайцева, письмо должна была написать Евгения Васильевна, но при этом сообщить Корнилову, что приглашает его «без ведома мужа (курсив мой – М. Б.), который, вероятно, будет это приветствовать задним числом...». Снесарев знал о намерении тестя и жены пригласить Корнилова в крестные отцы. В письме к Евгении Васильевне он замечал в этой связи: «Относительно Лавра Георгиевича, в качестве кума, я думаю по-прежнему, но с тою прибавкою, что его надо будет просить и в случае, если он полетит, а это легко может случиться». Письмо написано Снесаревым накануне корниловского выступления, когда политический кризис между Временным правительством и Ставкой уже достиг своего апогея. Снесарев не мог предположить дальнейшего хода событий, того, что Корнилов не просто «полетит» с должности, а будет объявлен государственным преступником и заключен в тюрьму. После ареста Корнилова каких-либо дальнейших обсуждений о приглашении его на роль крестного отца со стороны Снесарева уже не велось. Запись в метрической книге с указанием Л. Г. Корнилова в качестве крестного отца была сделана по инициативе Евгении Васильевны и В. Н. Зайцева без участия и без ведома А. Е. Снесарева. Шаг этот был крайне опасным, принимая во внимание статус Корнилова в октябре 1917 г. С приходом к власти большевиков упоминание имени Корнилова в свидетельстве о рождении детей становилось не просто опасным, а роковым.

В одном из писем к сестре Клавдии Снесарев упоминал, что в Ташкенте поселился вместе с офицером Григоровым. Генерального штаба подполковник Александр Михайлович Григоров перевелся на службу в штаб Туркестанского военного округа в январе 1901 г. и прибыл в Ташкент, когда Снесарев только что вернулся из командировки в Индию. Григоров закончил курсы языка индустани при штабе Туркестанского военного округа и получил известность благодаря своим военно-статистическим работам по Туркестанскому краю. В период совместной службы в Туркестане между Снесаревым и Григоровым сложились дружественные отношения, в переписке Снесарев часто называл его «мой товарищ». В письме к сестре Снесарев сообщал об отъезде из Ташкента на Памир: «С товарищем (Григоровым) при расставании чуть-чуть не разревелись: привычка и уставшие от работы нервы».

В более поздний период Снесарев поддерживал товарищеские отношения с Григоровым, но в этих отношениях со стороны Снесарева больше созерцательности, некоего внешнего, стороннего наблюдения за жизнью человека, с которым его в молодости столкнула и сблизила судьба. В представлениях Снесарева Григоров был далек от идеального офицера и не наделен теми качествами, которые Снесареву были лично симпатичны. Неслучайно, когда до Снесарева дошла новость о побеге генерала Л. Г. Корнилова из плена, то он в письме к жене заметит: «Александру Михайловичу [Григорову] это и в голову бы не пришло». Григоров в это время был в германском плену, куда он попал в самом начале войны. Вместе с тем, Снесарев искренне переживал за своего товарища, который не только оказался в суровых условиях плена, но и переживал семейную драму. В письме к жене Снесарев замечал: «А Александра Михайловича – возвращусь к нему – жестоко жалко; он должен страдать особенно сильно. Ведь ему раньше всякий пустяк казался страшным ударом по самолюбию, часто он кричал прямо зря, что же он теперь чувствует и переживает, когда он в плену, о ходе войны знает из вражеских уст, когда он должен стоять в стороне от великих событий... а тут еще семейный обрыв или развал... это, действительно, тяжело».

Представляется, что более тесные отношения с Григоровым имелись у тестя Снесарева, полковника В. Н. Зайцева. Эти дружеские отношения установились еще в период службы в Туркестане и продолжались довольно долго. Известно, что Зайцев как мог поддерживал Григорова в плену – переписывался с ним, отправлял посылки при посредничестве общества Красного Креста.

Другим знакомым А. Е. Снесарева по службе в Ташкенте был Генерального штаба капитан Анатолий Киприянович Келчевский – «мой товарищ по Туркестану», как он его называл. Снесарев хорошо знал Келчевского еще по учебе в НАГШ, был курсом на год старше Келчевского. Знакомство это было продолжено весной 1902 г., когда Келчевский прибыл в Туркестан на должность старшего адъютанта военной канцелярии начальника Амударьинского отдела, и продолжалось вплоть до их почти одновременного отъезда из края. В Первую мировую войну Келчевский проявил себя как способный и мужественный офицер, награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. и Георгиевским оружием. В период корниловского выступления в августе 1917 г. встал на сторону Керенского, за что получил чин генерал-лейтенанта и повышение на службе (командарм 9-й армии). В период Гражданской войны – на стороне белых. Во время ожесточенных боев за Царицын Снесарев и Келчевский воевали по разные стороны баррикад, почти в буквальном смысле этого слова, в отдельные дни их разделяли позиции и участки местности всего в несколько километров.

Среди ташкентских знакомых Снесарева был и Генерального штаба капитан Захарий Иванович Зайченко, которого он знал еще по учебе в академии Генерального штаба. Зайченко прибыл в Туркестан чуть позже Снесарева, в ноябре 1900 г., получив назначение на должность старшего адъютанта штаба 1-й Туркестанской казачьей дивизии. Зайченко сменил капитана Л. Г. Корнилова на посту офицера Генерального штаба при Российском Императорском Генеральном консульстве в Кашгаре (занимал должность в июле 1901 – сентябре 1902 г.). В период гражданской войны Зайченко перешел на сторону большевиков и периодически встречался с Снесаревым (письмо Снесарева к жене от 21 мая 1918 г.).

Дружеские отношения существовали у А. Е. Снесарева с Генерального штаба подполковником Иваном Константиновичем Серебренниковым. Их знакомство состоялось в конце зимы 1900 г. после возвращения Снесарева из Индии. Серебренников только что получил назначение на должность старшего адъютанта штаба Туркестанского военного округа. В период службы в штабе округа Серебренников закончил курсы языка индустани и был командирован в Индию. Пребывание в Индии и совместный интерес к изучению этой страны во многом способствовали сближению двух сослуживцев. Предположительно, Снесарев оказывал помощь Серебренникову при написании фундаментальной работы «Индо-британская армия» в плане указаний на источники и переводов с английского языка. В период Гражданской войны Снесарев помог Серебренникову, оказавшемуся в трудной жизненной ситуации. В письме к жене (от 4 мая 1918 г.) Снесарев сообщал: «От Ив. Конст. Серебренникова получил письмо, в котором он просит взять себя. Оказывается, у него (как и у других офицеров Генерального штаба) нелады с военным руководителем... нашли, когда ссориться! Свою семью он год тому назад поместил в Сочи и почти с тех пор не имеет о них ни слуху, ни духу, а денег оставил им мало. Это его несказанно удручает. Война для него сложилась, видимо, очень неудачно и он сильно отстал». Снесарев при этом имеет в виду «отставание» Серебренникова в чинах и наградах: довольно низкий чин в конце войны (генерал-майор) и отсутствие георгиевских наград. С учетом событий Русской Смуты, повергнувшей в прах бывшие заслуги, чины и награды, разделение Снесаревым ее участников на «удачно» и «неудачно» закончивших войну выглядит несколько странным.

В Туркестане Снесарев был хорошо знаком с Генерального штаба подполковником Михаилом Владимировичем Грулевым, видной фигурой туркестанского сообщества офицеров Генерального штаба. Грулев обладал незаурядными способностями исследователя и литератора и пользовался в Ташкенте заслуженным авторитетом. Его основательная подготовка как офицера Генерального штаба и практическое знакомство с условиями двух восточных театров – дальневосточного и туркестанского, позволяли ему быстро ориентироваться в проблемных вопросах, связанных с изучением сопредельных стран, разрабатывать новые формы и способы сбора сведений о них. Грулев внес важный вклад в развитие туркестанского центра военного востоковедения, он ввел ряд инноваций в систему изучения сопредельных стран Востока. При Грулеве в штабе Туркестанского военного округа появилась практика закрытых докладов, готовившихся офицерами Генерального штаба по наиболее актуальным вопросам боевой подготовки, разведки, службы войск. Ему также принадлежит заслуга в создании такого важного военно-востоковедного органа, как «Сборник сведений касающихся стран сопредельных с Туркестанским военным округом» (СССТВО). Инновации Грулева во многом были возможны благодаря его личным отношениям с тогдашним командующим

войсками округа генерал-лейтенантом С. М. Духовским, хорошо знавшим Грулева по совместной службе на Дальнем Востоке и инициировавшим его перевод на службу в Туркестан.

Снесарев не упоминал о Грулеве в переписке, относящейся к туркестанскому периоду службы. Роль Грулева в становлении Снесарева, как востоковеда, осталась незамеченной большинством исследователей туркестанского периода жизни Снесарева. В то же время именно Грулев, как никто другой в штабе Туркестанского военного округа, оказал большое влияние на формирование у Снесарева интереса к теме англо-русских отношений в Средней Азии. Именно Грулев выбрал Снесарева, как наиболее способного и перспективного офицера, для редактирования «Сборника сведений». По рекомендации Грулева Снесарев был принят в действительные члены Туркестанского отдела ИРГО, начал печататься в «Туркестанских ведомостях». Взгляды Снесарева начального периода службы в Туркестане, несомненно, испытали на себе интеллектуальное влияние Грулева, оно же чувствуется и в вопросах методологии исследовательской деятельности и даже в стиле работ, который больше напоминает хорошую публицистику, чем академический текст.

Грулев, подвергшийся опале за критику в русской печати печальных итогов русско-японской войны и послевоенных проблем в русской армии, был вынужден подать в отставку в 1912 г. Востоковедные работы Грулева оказались обойдены вниманием Снесарева и не получили его должной оценки. В императорский период Снесарев практически не использовал работы Грулева. Отрывочное упоминание о них содержится только в поздней работе А. Е. Снесарева «Афганистан» (М., 1921), большей частью в библиографическом контексте. Снесарев в частности упоминает труд Грулева «Некоторые географико-статистические данные, относящиеся к участку Аму-дарьи между Чарджуем и Патта-Гиссаром» и характеризует его как «чисто компилятивный и во многих отношениях не совершенный». Утверждение это безапелляционно и совсем не соответствует содержанию работы. Она представляет собой добротное географическое, статистическое и этнографическое исследование района Амударьи, составленное Грулевым на основе собственных исследований, проведенных во время полевой поездки офицеров Генерального штаба округа в 1898 г. Работа представляет собой лучший продукт географической литературы по р. Амударье из имевшихся на то время.

Даже нашумевшая работа М. В. Грулева – «Соперничество России и Англии в Средней Азии» (СПб., 1909), не побудила Снесарева откликнуться на нее хотя бы небольшой рецензией. Важность работы Грулева сразу оценили британцы и сделали ее полный перевод. Грулев внимательно следил за научной деятельностью Снесарева, интересовался его публикациями. Известна его рецензия на книгу Снесарева «Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе» (СПб., 1906 г.), в которой он высоко оценивал компетентность автора в вопросах изучения Британской Индии. В рецензии, в частности, указывалось: «Уважаемый автор весьма добросовестно разработал некоторые экономические и статистические данные, касающиеся Индии, встречаются в книге справки по истории и литературе этой страны, которую, между прочим, А. Е. Снесарев знает по непосредственному знакомству <...>». В другом месте рецензии он замечал: «Нельзя не отнестись с большим уважением к эрудиции автора».

Сейчас сложно назвать истинные причины, по которым у Снесарева не сложились дружеские отношения с Грулевым. Вполне возможно, что Снесарев не до конца разделял отдельных взглядов Грулева на «среднеазиатский вопрос», считавшего его важным, но второстепенным по сравнению с задачами России в Европе. Другим разногласием вполне могла стать позиция Грулева в вопросе о походе на Индию. По мнению британского военного историка Алекса Маршалла, позиция Грулева, считавшего эту идею нереалистичной и порочной, вызвала неприятие у многих офицеров Генерального штаба, прежде всего, у тех, кто проходил службу в Туркестане. Не разделял взгляда Грулева и командующий войсками округа С. М. Духовской, для которого, как и для старшего поколения туркестанцев, идея военного похода в Индию была почти религиозна, чем-то вроде *feu sacré* (по словам Духовского).

О сложившейся ситуации в вопросе о походе на Индию Грулев писал в своих мемуарах: «Часто приходилось мне идти против господствующего течения, и не мало я платился за это собственным благополучием и карьерой. Позднейшие события показали, что в некоторых вопросах государственного значения я не заблуждался. <...> укажу здесь только на вопрос капитальной важности, в виду вкоренившегося в нашем общественном

мнении убеждения о легкости для России вторжения в Индию. Целыми веками общество наше воспитывалось на идее похода в Индию. Вместе с молоком матери мы всасывали взлелеянную мечту о распространении нашего оружия за Гиндукушский хребет, в самую колыбель человечества, в сказочную страну мировых сокровищ, чтобы попутно свести здесь все старые счёты с Англией.

Сложно сказать, на чем базировалась такая легкомысленная самоуверенность, которая не желала считаться ни с какими условиями географическими, стратегическими и иными. Плодилось немало невежественных и легковесных статей и брошюр, которые усиленно толкали Россию по направлению к Индии, насыщая наше общественное мнение опасными химерами.

Вот мне и хотелось вызвать “дискуссию” по этому вопросу в среде офицеров Генерального штаба. Для этого я просил разрешения начальства издать перевод на русский язык нашумевшей в Англии брошюры “Can Russia invade India”. В ответ на мое ходатайство Духовской приказал мне сделать сообщение в закрытом собрании, доступном только для генералов и офицеров Генерального штаба; а “там видно будет”. Мне, однако, сейчас же после моего доклада видно было, что он не пришелся по вкусу, хотя никто ничего не возражал; а один из товарищей по Генеральному штабу, полковник Н. Н. Юденич – всегда прямой и откровенный – даже пожал мне руку, пробурчав, что давно надо было сказать то, что я высказал.

Понадобилась тяжкая для России катастрофа на Дальнем Востоке, чтобы наше правительство отказалось от своих пустопорожних угроз относительно Индии».

Заметим в этой связи, что Снесарев принадлежал к числу тех, кто, как заметил Грулев, «толкали Россию по направлению к Индии». На конкретных взглядах Снесарева по вопросу о походе на Индию мы остановимся более подробно ниже. Здесь же отметим, что различие во взглядах на этот принципиальный вопрос могло послужить тем водоразделом, за которым в личных отношениях Снесарева и Грулева стало нарастать отчуждение.

Представляется, что для Снесарева Грулев был не только оппонентом по ряду воззрений на среднеазиатский вопрос, но и в какой-то степени конкурентом в разработке довольно популярной в то время темы. Продолжительное время они разрабатывали тему англо-русского соперничества в Средней Азии независимо друг от друга, и до англо-русского соглашения 1907 г. высказываемые ими идеи были во многом близки. Разработка этой темы значительно способствовала росту их авторитета, как военных экспертов и востоковедов. Творческая конкуренция между Снесаревым и Грулевым никогда не принимала формы дискуссии или полемики, не выносилась в публичное пространство (за исключением одной рецензии Грулева на работу Снесарева), но это состояние наиболее заметно в «интеллектуальной гонке» за приоритет в разработке отдельных вопросов: 1) Афганистан и Индия. Грулев издает важную переводную работу «Автобиография Абурахман-хана, эмира афганского» (1902), Снесарев публикует фундаментальное исследование «Северо-индийский театр» (1903); 2) Памир. Снесарев – две работы по Памиру (1902 и 1903 гг.), Грулев – «Памиры. Историко-географический очерк» (1904); 3) Среднеазиатский вопрос. Снесарев – «Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе» (1906), Грулев – «Соперничество России и Англии в Средней Азии» (1909).

Нельзя также исключить, что в вопросе личных симпатий для Снесарева, с его устойчивыми антисемитскими взглядами, не последнее значение имело и еврейское происхождение Грулева. Антисемитизм был широко распространен в дореволюционной России и считался вполне обыденным явлением, в том числе и в императорской армии. Как отмечают британские исследователи, антисемитизм также был широко распространен и в британской армии.

Как следует из переписки Снесарева, судьбой своих сослуживцев он живо интересовался, следил за их служебным ростом, был в курсе подробностей личной жизни. Упоминания о сослуживцах по Туркестану, в т. ч. числе и тех, кто вел непримиримую борьбу с большевизмом, например, Л. Г. Корнилове, встречаются в его письмах вплоть до конца 1920-х гг., когда набиравшие силу в стране политический сыск и доносительство уже не позволяли Снесареву делать это по соображениям личной безопасности.

Среди гражданского круга знакомых А. Е. Снесарева в Ташкенте особо следует выделить

Александра Александровича Половцова (1867–1944). Половцов происходил из аристократической и очень состоятельной семьи. Его отцом был известный в России сенатор А. А. Половцов, который благодаря своим связям с членами императорской фамилии пользовался большим влиянием при Дворе. Именно ему был обязан назначением на пост министра иностранных дел князь А. Б. Лобанов-Ростовский. По замечанию С. Ю. Витте, Половцов-старший «был жуиром и любил пользоваться жизнью». Половцов-младший окончил Императорское училище правоведения, но юристом не стал, а поступил на военную службу в Лейб-Гвардии Конный полк (1889–1890). Затем он оставил военную службу и занимал ряд должностей по линии Министерства внутренних дел, совершил несколько служебных поездок на Кавказ и в Туркестан, посетил Западный Китай. В это время он активно сотрудничал с Центральным училищем технического рисования барона А. Л. фон Штиглица, помогал училищу в формировании восточных коллекций прикладного искусства. Эта деятельность принесла ему репутацию знатока Востока, ценителя восточного искусства и мецената.

В феврале 1903 г. Половцов поступил на службу в Министерство иностранных дел и отправился в Туркестанский край на влиятельную должность дипломатического чиновника при туркестанском генерал-губернаторе. Вместе с ним в Ташкент оправился его личный секретарь М. С. Андреев, впоследствии известный русский и советский востоковед, член-корреспондент Академии наук Таджикской ССР. Приехав в Ташкент, Половцов первым делом приобрел в собственность большой дом с садом, принадлежавший известному ташкентскому предпринимателю Н. И. Иванову, владельцу винокуренных и пивных заведений в Туркестане. При непосредственном участии Андреева дом был перестроен в восточном стиле, его интерьеры украшали резьба по дереву и ганчу, цветные майолики, фонтан в могольском стиле. Половцов наполнил дом восточными коврами, туркестанскими древностями и книгами. Этот необычный дом и его исключительные интерьеры создали вокруг личности Половцова ореол человека просвещенного, тонкого и очень состоятельного. Половцов часто устраивал у себя в доме званые обеды и ужины, до которых так была падка ташкентская колониальная публика, лишенная других развлечений. Половцов приехал в Ташкент в положении холостяка. Его первый брак с графиней С. Ф. Паниной, крупной землевладелицей, продлился недолго и распался. В Ташкенте Половцов женился на Софье Александровне Куницкой, дочери начальника 7-го округа (Среднеазиатского) Отдельного корпуса пограничной стражи генерал-лейтенанта А. П. Куницкого. Половцов увлекался археологией, состоял в Туркестанском кружке любителей археологии и даже успел провести раскопки в Самарканде. Другим его увлечением была этнография, особенно изучение истории, быта, обычаев народов Памира.

Знакомство Снесарева с Половцовым состоялось в августе 1903 г. на Памире. Половцов командировался на Памир по распоряжению туркестанского генерал-губернатора для расследования волнений местного населения в Вахане. На этом сюжете мы отдельно остановимся чуть ниже. Половцов, изучив на месте причины волнений местного населения, пришел к выводу о том, что они были вызваны произволом бухарской администрации. Половцов поддержал Снесарева в вопросе о необходимости пересмотра системы административного управления на Памире. Поддержка Половцова очень пригодилась Снесареву, к которому со стороны туркестанской администрации имелись большие вопросы в связи с событиями в Вахане.

После возвращения Снесарева с Памира он продолжил свое знакомство с Половцовым. По роду служебной деятельности – старший адъютант отчетного отделения (разведка) штаба округа, Снесареву приходилось по различным внешнеполитическим вопросам общаться с Половцовым. Снесарев предложил Половцову осуществить совместный проект – перевести на русский язык книгу английского автора Робертсона «Кафиры Гиндукуша». Это предложение было принято Половцовым, который очень заинтересовался этнографическими аспектами работы Робертсона. Участие Половцова, отлично владевшего английским языком, в работе над переводом книги значительно способствовало реализации проекта. Совместный перевод Снесарева и Половцова печатался по частям в 1904–1905 гг. в «Сборнике сведений». В этом же издании Половцов опубликовал еще несколько своих работ: «Прения в английской Палате лордов», «Индийские князья и защита Индии», «Индийская академия генерального штаба» и др.

После отъезда Снесарева из Туркестана Половцов недолго занимал должность

дипломатического чиновника. В августе 1905 г. стало известно о предстоящей дуэли Половцова с коллежским секретарем А. А. Зворыкиным. Как следовало из материалов следствия, поводом к поединку послужило оскорбление, нанесенное на интимной почве Половцовым жене Зворыкина. Попытки примирения сторон ни к чему не привели, и дуэль состоялась. Половцов ранил из пистолета Зворыкина в грудь, к счастью, рана оказалась несмертельной. Дуэль эта взбудоражила ташкентское общество и обсуждалась во всех светских салонах. Разразился скандал, который с трудом удалось замять туркестанской администрации, но Половцову пришлось подать в отставку и уехать из Ташкента.

Автор, редактор, издатель: А. Е. Снесарев и ташкентский «газеттир»

В конце XIX в. в связи с обострением англо-русских отношений в Центральной Азии и возросшей опасностью военного конфликта в штабе Туркестанского военного округа все настойчивее раздавались голоса о необходимости расширить военно-политическое изучение сопредельных стран. Появилась также потребность оперативного информирования всех должностных лиц округа, отвечающих за военное планирование и ведение операций, обо всех существенных изменениях во внутривойсковой ситуации и внешней политике соседних государств, о состоянии их вооруженных сил. Этот вопрос был удачно разрешен, когда старший адъютант штаба Туркестанского военного округа подполковник М. В. Грулев предложил проект издания при штабе округа специализированного информационного бюллетеня, освещающего события в сопредельных странах и территориях Центральной Азии, где непосредственно сталкивались интересы России и Великобритании. До этого штабом округа периодически литографировались и рассылались войсковым начальникам небольшие брошюры под названием «Сведения военно-политического характера», которые издавались крайне нерегулярно и не отличались полнотой, систематичностью и достоверностью сведений. Новое издание появилось в период наибольшего обострения англо-русских отношений в регионе и прекратило свою деятельность накануне подписания англо-русской конвенции 1907 г. о разделе сфер влияния в Центральной Азии, снявшей конфронтацию в отношениях двух держав и имевшей важное значение для последующего сближения двух стран накануне Первой мировой войны. Грулев взял за основу своей идеи знаменитые британские «газеттиры» – постоянно обновлявшиеся сборники оперативной информации о событиях на границах Британской Индии. «Газеттиры» издавались генерал-квартирмейстерской службой штаба индо-британской армии в Симле и включали в себя сведения, полученные от британских дипломатических представителей в Персии, Афганистане, Тибете и Восточном Туркестане, а также поступавшие из штабов британских соединений и частей, дислоцированных в Северо-Западной пограничной провинции, в Читрале, Хунзе и Гилгите. В «газеттирах» также публиковались выдержки из отчетов британских офицеров, командированных в страны региона или посетивших их в частном порядке. О существовании «газеттиров» штаба Туркестанского военного округа было известно и ранее, более того, в распоряжении отчетного отделения штаба имелись их отдельные экземпляры.

Предложение Грулева было с интересом встречено начальником штаба Туркестанского военного округа генералом Н. Н. Белявским и одобрено командующим войсками округа генерал-лейтенантом С. М. Духовским. Весной 1898 г. состоялся выход в свет первого выпуска издания, получившего название «Сборник сведений касающихся стран сопредельных с Туркестанским военным округом». В предисловии к первому выпуску указывалось, что офицеры туркестанских войск «должны быть хорошо осведомлены относительно всего, что творится в сопредельных с нами странах и основательно изучить их пассивные и активные силы. Везде и всюду изучение своего вероятного противника составляет в наше время важнейший элемент боевой готовности». Отмечалось также, что существует большое различие в получении сведений о европейских и азиатских противниках России, что в Афганистане и Британской Индии «брожение никогда не утихает; население состоит из обширного конгломерата полудиких фанатических племен, которые номинально подчиняются разным властям, не переставая в то же время враждовать между собою; военно-политическая обстановка непрерывно меняется, и соседи должны каждую минуту следить за этой обстановкой, если не желают стать жертвой неожиданностей. Вот почему здесь, в Средней Азии, необходимо с особой зоркостью следить за всем, что творится в сопредельных странах». Указывалось, что вести эту работу на Востоке чрезвычайно сложно, ввиду «скудности источников, при помощи которых могли бы получаться требуемые сведения: здесь нет международного обмена телеграфных или газетных сведений; нет постоянного общения с сопредельными странами, нет, наконец, и многочисленных других способов собирания необходимых сведений, возможных в Европе. При таких условиях войсковые начальники в войсках округа почти лишены возможности быть сколько-нибудь ориентированными относительно военно-политического положения нашей окраины или следить за текущими событиями в пограничных странах». Предполагалось, что в сборнике «будут помещаться указания и данные, касающиеся текущих исследований, произведенных в пограничных и сопредельных областях. Это последнее признается необходимым ввиду того, что многие служебные поездки должностных лиц приносят часто обильный материал для ознакомления с пограничными, сопредельными районами, но, не находя

соответствующего распространения, материал этот гложет иногда в архивах и далеко не приносит той пользы, которую можно было бы ожидать, если бы материал этот был доступен широкому кругу войсковых начальников».

Предполагалось издавать «Сборник сведений» не менее одного раза в месяц объемом в два печатных листа. Объем выпусков составлял от 30 до 120 страниц, в зависимости от характера публикуемых материалов. Реальное количество изданных выпусков разнилось по годам, и только выпуски 1904–1906 гг. выходили регулярно (по 12 в год). Сборник издавался в Ташкенте отчетным отделением штаба Туркестанского военного округа в 1898–1906 гг., всего было издано 85 выпусков. Тираж сборника до января 1904 г. составлял 390 экземпляров. Сборник выходил как несекретный, скорее имея статус издания для служебного пользования. Отдельные секретные выпуски выходили только в период редактирования сборника подполковником М. В. Грулевым (выпуски I, II, VI, 1898; XI, XII, 1899). Редакторами выпусков в разное время состояли офицеры Генерального штаба, проходившие службу в штабе Туркестанского военного округа: подполковники М. В. Грулев, Л. Г. Корнилов, капитаны А. Е. Снесарев, М. К. Дюгаев, П. В. Черкасов, а также подполковник И. Д. Ягелло.

К моменту возвращения Снесарева из командировки в Индию в конце февраля 1900 г., подполковник Грулев был временно назначен редактором газеты «Туркестанские ведомости», официального органа туркестанской администрации. Сам собой возник вопрос о новом редакторе сборника. Офицеры Генерального штаба в штабе округа к началу весны уже были распределены по плановым занятиям, полевым поездкам и рекогносцировкам. Снесарев, как не имевший штатной должности, по предложению Грулева был выбран начальником штаба округа для редактирования сборника. Это была весьма ответственная работа, требовавшая не только солидных знаний о сопредельных странах и их армиях, но и основ редакторской и переводческой деятельности, знаний в области библиографоведения. К моменту, когда сборник перешел в ведение Снесарева, это было уже вполне состоявшееся издание, со своими оригинальными особенностями, стилем и тематикой. М. В. Грулев придал изданию вид и стиль, которые практически не менялись на всем протяжении существования сборника. Каждый свежий выпуск «Сборника сведений» представляли военному министру А. Н. Куропаткину, который живо интересовался событиями «на среднеазиатском фронте» англо-русского соперничества.

В письме к сестре накануне поездки на Памир А. Е. Снесарев сообщал о напряженной работе над сборником: «Перед отъездом у меня была такая уйма работы, что я чуть не издох, теперь буду отдыхать... Перед отъездом из Ташкента, я, как сказал, много работал, будучи старшим адъютантом Отчетного отделения и редактором так называемых “Сведений по сопредельным странам”. Я уже один выпуск напечатал, а по возвращении напечатать и другой...».

Точное количество сборников, которые полностью составлял и редактировал А. Е. Снесарев в период службы в штабе Туркестанского военного округа, у разных авторов, изучавших биографию и деятельность Снесарева, варьируется. С достоверностью можно сказать о выпусках XVIII–XXV, относящихся к периоду май 1900 – февраль 1901 г. Затем, судя по всему, наступает перерыв, вызванный первой и второй командировками на Памир (1901 и 1902–1903), поездкой в Лондон (между ними). К редактированию сборника Снесарев возвращается в октябре 1903 г. по завершению срока командования Памирским отрядом. Первым выпуском, вышедшим под его редакцией и с его авторскими материалами, стал выпуск XLVII, 1903, № 11. Затем последовала редакция выпусков XLVIII, 1903, № 12; LI, 1904, № 3; LII, 1904, № 4; LIV, 1904, № 6. Отсутствие сплошной серии выпусков, полностью отредактированных А. Е. Снесаревым, объясняется тем обстоятельством, что к редактированию, начиная с конца 1901 г., стали привлекаться офицеры Генерального штаба, на момент подготовки очередного выпуска находившиеся в Ташкенте и свободные от мероприятий, связанных с разъездами, – служебных командировок, полевых поездок, рекогносцировок, лагерных сборов и пр.

А. Е. Снесарев продолжил традицию, заложенную М. В. Грулевым, и при нем сборник издавался практически в неизменном виде, по крайней мере, структурно. К идее пересмотра структуры и содержания сборника Снесарев обратился несколько позже и в связи со следующими обстоятельствами.

В конце 1903 г. военный министр А. Н. Куропаткин, признавая важное значение

«Сборника сведений» для информирования войск о сопредельных государствах Востока и их вооруженных силах, высказал пожелание увеличить тираж сборника до 650 экземпляров с тем расчетом, чтобы он поступал во все штабы и управления русской армии до отдельных бригад включительно. По поручению штаба Туркестанского военного округа А. Е. Снесарев подготовил небольшую записку, в которой определил ряд мер, направленных к улучшению издания. Ценность этой записки еще и в том, что это один из немногих сохранившихся документов, непосредственно относящихся к истории сборника. В записке Снесарев указывал, что увеличение тиража сборника должно сопровождаться корректировкой самой программы его издания. «Частям Европейской России, – отмечал он, – естественно будет мало получать тот ряд текущих и часто мелких сведений, которые понятны и достаточны для живущих в Туркестане, знакомых с сопредельными странами из многих других источников. Поэтому необходимо будет, чтобы в программу сведений не входил лишь простой обзор текущих событий Средней Азии, но имелись бы извлечения или переводы наиболее интересных и свежих книг по Средней Азии, а также давался библиографический указатель, с оценкой заслуживающих внимания книг». В предложенной Снесаревым программе сборника предполагалось иметь разделы: 1) обзор текущих событий политического характера в сопредельных странах (Персия, Афганистан, Индия и Китай); 2) военные известия о тех же странах; 3) отдельные статьи о Средней Азии (переводные или оригинальные), посвященные специально взятому вопросу; 4) обзор литературы о Средней Азии; 5) публикация по частям отдельных фундаментальных работ по среднеазиатской тематике. Следует отметить, что, предложенная Снесаревым программа издания была принята командованием округа, о чем свидетельствует структура содержания сборника с начала 1904 г. и по его последний выпуск. При этом значительно были расширены рубрики переводных и рецензируемых работ.

Расширение формата и тиража сборника потребовало увеличения отпускаемых штабом округа средств, прежде всего, на дополнительную подписку необходимых книг, журналов и газет на иностранных языках. Кроме официального канала получения востоковедных изданий, Снесарев испрашивал у руководства округа средства для «покрытия случайного характера трат: за услуги лицам, доставившим сведения или статьи, за вознаграждение или подарки разведчикам...». Общий расход на издание определялся им в 3300 руб. в год.

Начавшаяся война с Японией и связанные с ней финансовые трудности, а также отъезд некоторых офицеров-туркестанцев, участвовавших в подготовке сборника, на театр военных действий, не позволили реализовать программу Снесарева в полном объеме. Не был увеличен и тираж издания и, соответственно, сборник не поступал в войска, дислоцированные на территории Европейской России.

Выпуски «Сборника сведений» подразделялись на постоянные и тематические. Первые, как правило, состояли из разделов: «текущие события» – политические известия из сопредельных стран, а также стран, входящих в зону ответственности индо-британской армии – Йемен, Бахрейн, Аравия, Тибет и др. Они представлены преимущественно небольшими заметками в форме переводов англо-индийской прессы; «военные известия» – сведения о военных мероприятиях в Британской Индии и странах региона, текущей военной политике, боевой и мобилизационной готовности, об изменениях в численности, боевом составе и дислокации, командном составе, вооружении войск, военных экспедициях и пр. Кроме постоянных рубрик в каждом выпуске публиковалось по две-три тематические статьи о странах региона на отдельную политическую или военную тему, подготовленные по материалам иностранной прессы. В более поздних выпусках печатались авторские работы офицеров Генерального штаба, проходящих службу в войсках округа, а также переводные работы индо-британских политических и военных деятелей, западных путешественников по Центральной Азии. О выходе в свет новых выпусков и их содержании периодически делались краткие сообщения в местной туркестанской печати.

В тематических выпусках сборника публиковались авторские работы туркестанских офицеров Генерального штаба: капитана Л. Г. Корнилова – «Очерк административного устройства Синь-Цзяна» (1901, вып. XXVI), «Вооруженные силы Китая в Кашгарии» (1902, вып. XXXII–XXXIII); подполковника М. К. Дюгаева «Военно-статистические сведения об Илийском крае» (1901, вып. XXVII–XXVIII) и др. Практически все тематические выпуски снабжались пояснительным материалом – картами, планами и схемами.

В более поздний период в концепции издания сборника происходит отход от практики подготовки выпуска исключительно редактором. К участию в подготовке выпуска привлекались несколько офицеров, образуя небольшой авторский коллектив, при главенствующей роли редактора. В сборниках, редактируемых И. Д. Ягелло, стали появляться небольшие работы молодых военных востоковедов – выпускников офицерских курсов восточных языков при Азиатском департаменте МИД и Ташкентской офицерской школы восточных языков. Среди таких авторов следует выделить штабс-капитана А. Л. Калусовского, поручиков А. Ф. Машковцева и В. В. Лосева.

Сборник стал первым в России специализированным военно-востоковедным изданием, учрежденным штабом военного округа, дислоцированного в Азиатской России. Сборник создал прецедент, за ним последовало учреждение аналогичных изданий при штабах других азиатских военных округов – Кавказского, Приамурского, Омского, Иркутского. Он сыграл исключительно важную роль в развитии военного востоковедения в Туркестане, группируя вокруг себя наиболее талантливых офицеров, преимущественно Генерального штаба, которые впоследствии заняли видное место в истории русского военного востоковедения – М. В. Грулев, Л. Г. Корнилов, А. Е. Снесарев, И. Д. Ягелло, И. К. Серебренников и др.

Опубликованные Снесаревым в сборнике авторские материалы распадаются на две большие группы – переводы работ иностранных авторов, большей частью в извлечениях, и рецензии на новые публикации по Туркестану, Индии, Афганистану и Персии.

Рецензирование работ русских и иностранных авторов на среднеазиатскую тематику составляло одно из любимых научных занятий Снесарева, которым он с увлечением занимался на протяжении всей своей жизни. Нетрудно заметить, что среди рецензируемых Снесаревым иностранных работ встречаются настолько свежие, буквально только что вышедшие из печати публикации, которых еще не имелось в библиотеках России. Этот факт объясняется тем, что в период командировки в Индию и поездки в Великобританию Снесареву удалось приобрести значительное количество книг по интересующей его тематике, среди которых имелось немало новинок. О покупке книг в Индии и ожидании их присылки в Ташкенте Снесарев сообщал в письме к сестре. Зарубежные поездки он рассматривал как отличную возможность для приобретения редких книг, на которые не жалел средств. Как он сам сообщал, перед отъездом в Лондон его библиотека насчитывала 183 тома, а после возвращения – уже более 300 томов.

Чтобы больше не возвращаться к теме библиофильства Снесарева, скажем несколько слов о его уникальной востоковедной библиотеке и ее судьбе. Библиотека к началу Первой мировой войны насчитывала около 1500–2000 наименований. Предположительно, библиотека была каталогизирована, о чем свидетельствует наличие учетной библиотечной наклейки на каждом экземпляре, как правило, в левом верхнем углу титульной страницы. Наклейка исполнена типографским способом (размер 7,0 x 4,5 см) с указанием следующих данных: «Библиотека А. Е. Снесарева», название отдела и подотдела, общий инвентарный номер в пределах отдела. Отделы делились по странам – «Индия», «Афганистан», «Персия» и т. д. Имеющийся в распоряжении автора экземпляр книги из библиотеки А. Е. Снесарева – «Отчеты о поездке по Индии. Составители Генерального штаба подполковник Корнилов и Генерального штаба подполковник Серебренников», входил в отдел «Индия» и имел инвентарный номер 393.

Ученик А. Е. Снесарева, академик Александр Андреевич Губер, специалист по истории стран Юго-Восточной Азии, в своих воспоминаниях отмечал востоковедную библиотеку Снесарева: «У него была хорошая личная библиотека по Индии и Афганистану, издания англо-индийского правительств, публикации... Его личная библиотека была настоящей сокровищницей для нас, увлеченных современными проблемами Индии и Афганистана. Несмотря на то, что книги были редкими, часто в Москве уникальными, и в любой момент могли понадобиться Андрею Евгеньевичу для его работы, он всегда охотно предоставлял их в распоряжение своих учеников. <...> В кабинете Андрея Евгеньевича всегда поражала почти аскетическая скромность обстановки: большой стол, всегда заваленный книгами, рукописями, гранками, и заполнившие всю комнату простые стеллажи с его библиотекой».

После первого ареста библиотека не изымалась следственными органами, но кабинет А. Е. Снесарева, где она хранилась, был опечатан. В июне 1930 г. на квартире Снесарева

появились сотрудники ОГПУ, распечатали кабинет и кое-что изъяли, но книг не тронули. По воспоминаниям Е. А. Снесаревой, при переселении семьи в августе 1930 г. с Воздвиженки на Зубовский бульвар возникли хлопоты с тем, чтобы «уложить в ящики огромную папину библиотеку». Но библиотека так больше и не приняла «рабочий» вид, многие книги остались неразобранными и хранились в ящиках. После смерти Андрея Евгеньевича и переезда семьи в Кусково (1938 г.) в связи с болезнью Евгении Васильевны и трудным материальным положением, было принято решение о продаже библиотеки. Покупателя на всю коллекцию не нашлось, и библиотека оказалась раздроблена: часть книг приобретена Московским государственным университетом и поступила в фонды Кабинета Востока при историческом факультете, другая часть продана в Государственную публичную библиотеку им. Ленина. Не исключено, что часть книг из библиотеки А. Е. Снесарева каким-то образом оказалась в фондах Среднеазиатского государственного университета в Ташкенте. Известно, что в университете при Военном факультете (образован в 1921 г.) и Восточном факультете (учрежден в 1926 г.) имелись специализированные библиотеки, на пополнение фондов которых выделялись книги из крупнейших книгохранилищ страны. На такую возможность нам указали ташкентские библиофилы, которым в Ташкенте встречались книги из библиотеки А. Е. Снесарева.

Первый опыт рецензионной работы связан у А. Е. Снесарева с публикацией в переводе с английского языка отзыва на книгу британского майора Кобболда «Глубинная Азия», помещенной в газете «Таймс оф Индия» (самой книги у него тогда не имелось). Этот прием написания рецензии на основе другой рецензии (без личного ознакомления с работой) практиковался Снесаревым в период работы над «Сборником сведений». Делалось это в связи с необходимостью как можно оперативнее познакомить читателей с новой важной работой по Средней Азии.

Книга написана Кобболдом по результатам его путешествия в Центральную Азию. Осенью 1897 г. он совместно с капитаном Дизи выехал из Гилгита на Памир, где отделился от основной партии и направился в Восточный Туркестан. Он посетил Яркенд и Кашгар, а затем направился в Семиречье (с разрешения русских властей). Кобболд посетил оз. Иссык-куль, г. Верный, долину р. Или и оз. Балхаш. В окрестностях озера ему удалось убить тигра, который стал необычным трофеем: никогда еще британским офицерам не удавалось убить тигра так далеко к северу от Индии. На обратном пути Кобболд пересек Тянь-Шань и достиг Кашгара, откуда через Сарыкол проследовал на Восточный Памир, посетил оз. Кара-куль и долиной р. Бартанг перешел на Западный Памир, где в кишлаке Калаи-Вамар был арестован начальником Памирского отряда капитаном Кивекэсом. Из Хорога он был выслан в Шугнан и 1 июля 1898 г. покинул русскую территорию, спустившись через пер. Кара-арт в китайский Сарыкол. Из Ташкуртана он через Тагдумбаш-Памир проследовал в Гилгит, которого достиг 4 августа. В предисловии к книге Кобболд писал: «Моей изначальной целью посещения Памира и Средней Азии была охота, и у меня не было намерения доставлять себе проблемы с выяснением социального или политического положения населения [района]». В действительности основной целью Кобболда был сбор географических и военных сведений. Вместе с тем, он собрал интересную ботаническую коллекцию, сделал массу фотографий и приобрел несколько древних рукописей.

В примечании к тексту перевода Снесарев писал: «Мы воздерживаемся от всякой оценки приводимых мнений и рассказов; фантастичность некоторых очевидна без всяких толкований. Интересная книга будет обсуждена самостоятельно по получении ее».

Затем следуют рецензии Снесарева на книги Стенли Лейн-Пула «Бабур», Френсиса Скрайна и Эдварда Росса «Сердце Азии», на статью Ж. Сент-Ива «Китайский Туркестан и Памиры», книги капитана Дизи «В Тибете и Китайском Туркестане» и полковника Йейта «Хоросан и Сеистан». Остановимся подробнее на некоторых из них.

Работа Френсиса Скрайна и Эдварда Росса получила благоприятные отзывы в Европе, как первая крупная работа по Русскому Туркестану, появившаяся много лет спустя после известной книги А. Вамбери «Бухара». Основным достоинством работы было использование известным ориенталистом профессором Эдвардом Россом как письменных источников, к примеру, «Тарих-и Рашиди» (им сделан один из лучших переводов этого классического сочинения), так и работ русских востоковедов – В. В. Григорьева, В. В. Вельяминова-Зернова и др. Френсис Скрайн собрал необходимые сведения для раздела книги, касающегося русского управления Туркестанским краем. С

этой целью он предпринял поездку по Среднеазиатской железной дороге и пользовался сведениями, предоставленными ему авторитетными туркестанскими администраторами – генералом Г. А. Арендаренко и дипломатическим чиновником для пограничных сношений при начальнике Закаспийской области В. О. Клеммом и др.

В рецензии на книгу Скрайна и Росса «Сердце Азии» Снесарев, указав на ряд недостатков книги, все же отдает должное работе, проделанной авторами. «Подводя итог всему нами сказанному, – указывал он, – можно в книге гг. Росса и Скрайна о нашей окраине приветствовать труд авторитетный, занимательно написанный, свободный от предрассудков. Такие книги являются лучшими проводниками на пути взаимного ознакомления между народами, а последнее неизбежно создает взаимное уважение и доброжелательство».

Рассматривая работу французского путешественника Сент-Ива, совершившего в 1899 г. путешествие по Восточному Туркестану и Памиру, Снесарев заметил: «Г-н Сент-Ив, по-видимому, незнаком с трудами русских [исследователей] (главным образом, офицеров Генерального штаба) по изучению Памиров, точно также кроме карт (Туркестанского Военно-топографического отдела и Главного штаба) 40 верст в дюйме и карты Памиров Громбчевского остальные картографические труды по пройденной им территории ему не были известны, что сообщило некоторым его замечаниям и сожалениям дозу несвоевременности».

Снесарев указывал, что работа французского путешественника больше напоминает «предварительное резюме», что в географических названиях много неточностей, существует путаница в цифрах. К рецензии Снесарев приложил составленную им карту (72 версты в дюйме) – «Общий путь, пройденный гг. Сент-Ив и Бургоин в 1899 г.». Карта отпечатана на отдельном листе и как разворот подклеена к нижнему полю последней страницы рецензии.

Как уже указывалось выше, некоторые рецензии ввиду отсутствия под рукой первоисточника были составлены на основе других рецензий и отзывов. Это приводило иногда к поспешности выводов и неточности оценок. Так произошло, к примеру, с книгой британского подполковника Чарльза Йейта «Хоросан и Сеистан». Снесарев приводит извлечение из отзыва в алахабадской газете «The Pioneer Mail», смысл которого сводился к тому, что труд Йейта представляет интерес не в виду описания Хоросана и Сеистана, а как «свидетельство о чувствах симпатии, которые питают афганцы к Англии», и что часть книги, относящаяся непосредственно к Хоросану и Сеистану, полна «излишествами никому не нужных подробностей» (что для целей алахабадской газеты могло быть и верно). Пересказав рецензию газеты, Снесарев упрекнул Йейта за то, что как англичанин он не мог разглядеть «благородного влияния» России в Азии.

В действительности, книга Йейта, серьезная и солидная, представляла большой интерес для русской разведки в Туркестане. Она заслуживала гораздо более внимательного и вдумчивого подхода, поскольку была написана профессиональным британским разведчиком, одним из лучших специалистов по региону того времени. Он участвовал в работах афганской разграничительной комиссии (1884–1886) и прекрасно изучил Северный Афганистан, продолжительное время находился на дипломатической службе в Персидском заливе, Белуджистане, при персидском губернаторе Хоросана и Сеистана, в течение трех лет занимал должность генерального консула в Мешхеде. Книга Йейта содержала подробные сведения об округах Персии, начиная от юго-восточного побережья Каспийского моря, вдоль границ с Россией и Афганистаном, и до персидского побережья в Персидском заливе. В работе приводятся ценные описания персидских и афганских войск, с которыми автор лично ознакомился в Мешхеде, Кандагаре, Фарахе и Герате. Значительное место в книге занимают сведения этнографического характера – описания различных племен, проживающих на границах Русского Туркестана, Афганистана и Персии. Книга для русской разведки представляла интерес и в силу приобретавшего все большую остроту «сеистанского вопроса». Работа «Хоросан и Сеистан» вышла из печати в сентябре 1901 г., два месяца спустя Генерального штаба капитан Л. Г. Корнилов направился с секретной миссией в Сеистан и о таком подарке, как книга Йейта, он мог только мечтать. Корнилов высоко оценивал труды Йейта и использовал их при подготовке отчета о рекогносцировке Сеистана.

Из других рецензий, опубликованных в сборнике, следует упомянуть относящиеся к

работам Н. А. Аристов, Доналда Стюарта и Александра Гарднера.

Обращаясь к работам Н. А. Аристов, русского востоковеда и историка, бывшего дипломатического чиновника при военном губернаторе Семиреченской области, Снесарев отмечал их общий недостаток – слабость источниковедческой базы. Последнее, по его мнению, не было удивительным, «имея в виду те ограниченные сведения, которые имеются об Афганистане и степень точности, которую вообще преследуют в подобных произведениях нашей публицистики <...>».

Снесарев справедливо указывал на слабую осведомленность об Афганистане в России: «Что можно сказать цельного об Афганистане? Ничего. Если мы не располагаем достаточным числом астрономических определений пунктов, чтобы начертить сносную карту Афганистана, если в нашем распоряжении имеется лишь самый гадательный материал об народонаселении Афганистана – количестве, этнографии, занятии; если представления об истории этой страны и ее административном устройстве полны неточностей, и если, наконец, таким скудным и шатким материалом владеют люди, близко и много изучавшие Афганистан, то что же может об этом сказать публицист?».

Обращаясь к другой работе – книге Доналда Стюарта, британского новеллиста, совершившего поездку через Россию в Персию в 1901–1902 гг., Снесарев высказывает мнение о полной некомпетентности автора. «Книга производит такое впечатление, – писал Снесарев, – что автор не только выехал беспристрастным, в чем еще можно сомневаться, но, главное, малоподготовленным для изучения и понимания Персии, а к тому же еще не особенно умеющим наблюдать». Вообще странно, что такая поверхностная книга привлекла внимание Снесарева и была им рецензирована на страницах сборника. Вполне возможно, что она обратила его внимание, как наиболее свежее британское издание, в котором затрагивались англо-русские отношения и содержались призывы восстановить пошатнувшееся влияние Великобритании в Персии.

В рецензии на книгу Александра Гарднера «Воспоминания» Снесарев указывал: «Мемуары Гарднера, опубликованные уже шесть лет тому назад, но, сколько известно, не обратили на себя внимания русской печати, хотя такового вполне заслуживают». С этим трудно согласиться, ознакомившись с сочинением Гарднера. Книга не только полна неточностей, но и изобилует прямыми вымыслами и фантазиями о приключениях автора и событиях, которым он якобы был свидетелем. Книга никогда не воспринималась всерьез среди людей, осведомленных в среднеазиатском вопросе. Если чем и могут быть полезны мемуары Гарднера, то только как свидетельство того, что в 1860–70-х гг. район к северу от британской границы в Кашмире наводнили люди сомнительных профессий: шпионы, контрабандисты и аферисты.

Важным направлением работы в «Сборнике сведений» стало издание переводов наиболее интересных и свежих работ британских авторов по Индии и сопредельным с ней странам. В известном смысле это было продолжение традиции, заложенной в ВУК Главного штаба, где была хорошо поставлена практика издания переводных работ по Британской Индии. Среди авторов подобных работ следует указать на офицеров Генерального штаба – Н. Я. Шнеура, К. Н. Десино, В. Х. Роопа, А. А. Дмитриева, В. Ф. Новицкого, М. В. Грулева, А. Д. Шеманского и др. При выборе работы для перевода Снесарев учитывал актуальность темы, возможность практического использования приводимых в ней сведений, а также «свежесть и солидность источников» (по его выражению), которые использовались в работе. Он ценил хорошо сделанный перевод, следил за тем, чтобы перевод не выглядел «переделкой» (по его выражению) оригинала. Известна его требовательность к точности библиографических указаний, к переводу военных и специальных терминов. Из переводных работ А. Е. Снесарева, опубликованных в сборнике, следует отметить извлечения из книг А. Дюранда «Труды на границе» и Дж. Робертсона «Кафиры Гиндукуша».

Работа британского полковника Алджернона Дюранда, имея несколько общее название, относится преимущественно к истории установления британского господства в пригиндукушских владениях Хунза, Нагар и части Дардистана. В ней содержатся общие сведения о владениях, подробности военной экспедиции 1891 г., об учреждении британского политического агентства, политических событиях на границе и пр. Работа богато иллюстрирована фотографиями и снабжена картами. В предисловии к публикации Снесарев отмечал: «Ввиду интереса, представляемого книгой, написанной таким знатоком северной границы [Индии], как полковник Дюранд, на страницах

“Сведений” будет дано возможно полное извлечение из нее. Некоторые поправки к устаревшим данным сочинения будут приведены в примечаниях составителем извлечения, лично посетившим многие места, упоминаемые в книге полковника Дюранда».

А. Е. Снесарев обращал внимание читателей на необходимость критического восприятия текста книги и советовал делать поправку на тот факт, что она написана видным деятелем индо-британской администрации и апологетом ее имперской политики. «Все картины, – отмечал Снесарев, – касающиеся беспорядков в кашмирской армии, недостатков ее организации, бесчестности туземных начальников, жестокостей по отношению к кули, хотя в этих картинах и немало правды, должны быть понимаемы осторожно; надо знать манеру англичан писать: чтобы оттенить свои организаторские способности, честность своих деятелей и гуманность своего обращения, они всегда склонны сгущать краски, при описании положения дел до их появления на сцену. Нельзя упускать также из виду сознательное или бессознательное стремление автора книги обрисовать сферу и особенности своей деятельности в наиболее выгодном свете».

К мысли издать полный перевод работы Дюранда А. Е. Снесарев вернулся в период службы в Главном управлении Генерального штаба. В 1905 г. он опубликовал русский перевод книги, снабдив ее более точным названием – «Созидание границы».

Второй крупной переводной работой, опубликованной Снесаревым в сборнике, стала книга Джорджа Робертсона «Кафиры Гиндукуша». Выход в свет перевода работы Робертсона имел важное значение, так как в России имелись весьма отрывочные сведения о Кафиристане. Капитан Б. Л. Громбчевский ставил целью своей второй центральноазиатской экспедиции (1889–1890) пройти за Гиндукуш в Кафиристан, но политические обстоятельства помешали ему это сделать. Работы Робертсона о Кафиристане впервые попали в поле зрения русского Главного штаба после публикации его статьи «Кафиристан», появившейся в британском «Географическом журнале» в 1894 г. Перевод этой статьи в извлечении подготовлен Генерального штаба подполковником С. Д. Гескетом и опубликован в «Сборнике материалов по Азии».

Стремясь восполнить имевшийся пробел в русской литературе по Кафиристану, Снесарев задумал осуществить перевод книги Робертсона, лучшего на тот момент труда по малоизвестному азиатскому владению. Здесь, однако, возникла трудность – большой объем книги (652 страницы). Тогда было принято решение перевести из книги только наиболее значимые главы. Как уже указывалось выше, Снесареву удалось привлечь к работе над переводом А. А. Половцова, дипломатического чиновника при туркестанском генерал-губернаторе. Примечательно, что родной брат Половцова – Петр, в 1904 г. заканчивал учебу в НАГШ и предназначался для службы в Туркестанском военном округе.

Работа над «Сборником сведений» имела важное значение для становления Снесарева как востоковеда. В это время формируется круг его научных интересов, вырабатывается авторский стиль, совершенствуются методы и приемы исследовательской работы. Уже первые работы выявили особенности его подходов к рецензированию: учет в них достоинств и недостатков, определение степени компетентности автора, качества источниковедческой базы и др. Снесарев хорошо изучил историю, организацию и быт индо-британской армии и внимательно следил за ее развитием. Он был один из первых, кто обратил серьезное внимание на стандартизацию британских военных терминов и точность их перевода. Это имело важное значение в условиях, когда в России отсутствовали специальные словари английской военной лексики. Работы Снесарева выгодно отличались высокой лексикографической культурой, использованием приема дублирования русских переводов оригиналами английских военных терминов. Пояснения отдельных военных терминов и реалий часто приводились им в постраничных сносках. Во всей работе с иностранными текстами у Снесарева чувствуется большая культура, новаторский, системный и ответственный подход.

От Каспия до Алая и обратно: неизвестная поездка Снесарева

Из Индии А. Е. Снесарев вернулся полный впечатлений от увиденного и желанием как можно эффективнее использовать свой «индийский» багаж знаний. Картины жизни британской колонии, наблюдения за боевой подготовкой и бытом индо-британской армии были слишком свежи, и Снесареву не терпелось приступить к написанию большого труда об Индии. Однако ему еще предстояло подготовить официальный отчет о командировке. Этот отчет был одним из условий поездки в Индию, высказанным лично военным министром А. Н. Куропаткиным, желавшим знать, на что ушли несколько тысяч рублей золотом. У этого эпизода будет продолжение, и к нему мы еще вернемся ниже.

Ташкент встретил Снесарева совсем не как героя головокружительного броска за Гиндукуш. Сразу по возвращению начались штабные будни, заполненные работой с документами, поездками в войска и неожиданными поручениями. На письменные работы совершенно не оставалось времени, и приступить к составлению отчета было все труднее. Атмосфера тех дней видна из его письма к сестре: «Почти месяц как в Ташкенте. Занят работой по составлению отчета о путешествии в Индию: самая тяжелая и скучная часть работы. Раз мне уже перебили работу, заставив представить один доклад начальнику штаба... Опять было взялся и опять перебивают: посылают встречать английского военного агента, [который] выезжает из Петербурга для путешествия по Туркестану; 19 марта выезжаю в Красноводск для встречи желанного гостя. Поручение более или менее почетное. Вероятно, придется провожать до границы, и, значит, опять садись верхом на лошадь и катай по Памирам... на ангельских высотах...».

«Почетное» поручение Снесарева имело свою интересную предысторию. Долгое время доступ британским военным дипломатам в Среднюю Азию был закрыт. Положение изменилось благодаря личной инициативе тогдашнего командующего войсками Закаспийской области генерал-майора А. Н. Куропаткина, считавшего, что поездки британских военных атташе при правильном выборе маршрута и хорошо организованной встрече будут способствовать укреплению доверия между британскими и русскими военными и помогут снять многие напряженные вопросы англо-русских отношений в военной области в Средней Азии. Главный штаб нашел доводы Куропаткина заслуживающими внимания, и военный министр П. С. Ванновский «открыл» Русский Туркестан для посещения британских военных дипломатов. Как условие было высказано, что поездки должны осуществляться по Среднеазиатской железной дороге и в сопровождении специально назначенного офицера Генерального штаба. Первым британским офицером, поспешившим воспользоваться уникальной возможностью увидеть русскую армию в Туркестане, стал военный атташе в Петербурге подполковник Уоллкотт Уотерз, посетивший части Туркестанского военного округа в ноябре 1894 г.

В начале 1900 г. британская разведка в Индии получила сведения о якобы начавшейся мобилизации русских войск близ границы с Афганистаном. Сведения эти весьма обеспокоили британские власти, но нуждались в проверке. С этой целью в начале марта 1900 г. британское военное министерство через британское посольство в Петербурге запросило у русских властей разрешение на поездку в Русский Туркестан подполковника Чарльза Бересфорда. Годом ранее он с разрешения военного министра А. Н. Куропаткина проехал по Транссибирской железной дороге. Куропаткину Бересфорд был хорошо знаком, британский военный атташе несколько раз встречался с ним и вел продолжительные беседы о ситуации в Азии. Поэтому просьба британской стороны была уважена военным министром без лишних формальностей. О предстоящей поездке Главный штаб уведомил штаб Туркестанского военного округа и просил оказать должное содействие. Для встречи британского военного атташе штаб округа и направил штабс-капитана Снесарева, как знающего английский язык и только что вернувшегося из Индии.

В британских архивах сохранился уникальный документ, проливающий свет на подробности командировки А. Е. Снесарева для сопровождения по Туркестанскому краю британского военного атташе. Обратимся к официальному отчету подполковника Бересфорда.

Запись отчета за 5 апреля 1900 г.: «В Красноводске я был встречен Генерального штаба капитаном Снесаревым, который по распоряжению туркестанского генерал-губернатора, встречал меня и сопровождал в поездке. Он оказался чрезвычайно приятным и осведомленным попутчиком, и я обязан высказать ему слова благодарности за тот такт, с

которым он исполнил возложенное на него поручение».

Как следует из отчета, Бересфорд и Снесарев отправились из Красноводска в 3 часа пополудни 5 апреля, миновали Геок-тепе и 6 апреля приехали в Асхабад. После непродолжительного отдыха и официальных визитов офицеры направились в Ак-тепе – большой летний лагерь русских войск в 28 верстах от города. Лагерь был рассчитан на одновременное размещение до 10 тыс. военнослужащих. Здесь они наблюдали личный состав 2, 3 и 4-го батальонов Кавказской стрелковой бригады, прибывших на учения с Кавказа. «Я осмотрел все постройки, – доносил Бересфорд, – в которых был размещен один из батальонов, и нашел медицинскую часть, санитарные условия, запасы продовольствия и снабжение водой вполне удовлетворительными. Пища, которую я пробовал, оказалась хорошей. Войска выглядят молодцевато и в добром здравии. По своему типу они не настолько рослы как солдаты линейных английских полков».

На обратном пути в Асхабад Бересфорд и Снесарев посетили селение Каши (в 3 верстах от города), где располагался Туркменский конно-иррегулярный дивизион. Гостей встречал командир дивизиона ротмистр Марганя. Поскольку основной состав дивизиона находился в разъездах, то Бересфорду была представлена небольшая часть подразделения. Британский офицер отметил, что всадники обладали «хорошей физической выправкой и умением держаться в седле».

На следующий день состоялось посещение 1-й Закаспийской стрелковой бригады, четыре батальона которой расквартировывались в Асхабаде. Бересфорд отметил в своем отчете, что батальоны почти полностью укомплектованы поляками – «невысокими, но ладно скроенными и сильными».

В тот же день офицеры присутствовали на обеде у командующего войсками Закаспийской области генерал-лейтенанта А. А. Боголюбова. Командующий был в дружественных отношениях с военным министром Куропаткиным и, среди прочего, получил известность как большой любитель этнографии и древностей Средней Азии. После обеда Боголюбов показал Бересфорду свою знаменитую коллекцию туркменских ковров, в которой были представлены лучшие образцы изделий различных туркменских племен. Вечером состоялся ужин у начальника штаба Закаспийской области, где, как отмечал Бересфорд, ему были оказаны «отменное гостеприимство и большая учтивость». После ужина Бересфорд и Снесарев проехали в Каши, где британский офицер осмотрел 1-й Таманский казачий полк из состава Закаспийской казачьей бригады.

Из Асхабада Бересфорд и Снесарев выехали утром 8 апреля и в тот же день вечером прибыли в Мерв. К югу от Мерва располагались гарнизоны русской армии – в Керки, Келифе и Патта-Гиссаре, которые представляли для Бересфорда особый интерес в связи с тем, что именно там в последние годы происходило быстрое наращивание военных сил, о чем было известно британской разведке в Индии. Кроме того, важность этих трех пограничных пунктов, как отмечал в отчете Бересфорд, обуславливалась наличием переправ через Амударью и контролем над путями, ведущими от Самарканда (через Карши) и Ширабад в афганские Андхой, Балх и Мазар-и-Шариф. Бересфорд при этом цитирует слова одного «очень осведомленного» русского офицера, что «это место, где находится авангард русских войск, нацеленных на Кабул». Однако посетить русские гарнизоны близ границ с Афганистаном Бересфорду не удалось. С самого начала его визит в Русский Туркестан сопровождался условием, что в пограничные гарнизоны он допущен не будет.

Подполковнику Бересфорду также не удалось посетить крепость Кушку, которая в связи с усилением ее фортов, вооружением новыми орудиями и усилением гарнизона, представляла большой интерес для главного штаба индо-британской армии. Обобщая систему инженерной обороны в Русском Туркестане, Бересфорд замечал: «Во всей Средней Азии существует только одна крепость – в Кушке. Я сожалею, что мне не разрешили ее посетить. Но из всего, что мне удалось собрать в ходе поездки, я делаю вывод – предыдущие сообщения о степени ее готовности были несколько преувеличены. Т. н. “форты” в Мерве, Асхабаде, Самарканде, Ташкенте, Маргелане, Андижане или бывшие текинские укрепления не имеют никакого [военного] значения, это редуты, построенные русскими, как правило, вблизи или внутри существующих [городских] построек. Они могут служить укреплениями на случай восстаний местного населения, но не представляют препятствия для войск, располагающих современной полевой артиллерией».

Выехав из Мерва, Бересфорд и Снесарев отправились в бухарские владения, пересекли Амударью по старому деревянному железнодорожному мосту. Новый стальной мост грандиозных размеров еще строился, вокруг кипела работа, тысячи туркмен работали под руководством русских инженеров. На Амударье Бересфорд впервые увидел суда Амударьинской речной флотилии. Маленькие пароходики с клубами дыма возникали словно мираж среди раскаленной безжизненной пустыни. Бересфорд тут же отметил, что суда флотилии значительно усиливают мобилизационные возможности русской армии при развертывании войск у границ Афганистана.

9 апреля офицеры прибыли на станцию Новая Бухара, близ которой находилось русское политическое агентство и дислоцировалась сотня казаков. В Старой Бухаре, где находилась резиденция эмира бухарского, русских войск не было. По приезду в Бухару офицеры были приняты русским политическим агентом В. И. Игнатьевым.

Любопытно впечатление Бересфорда от посещения Бухары: «Это наиболее интересный древний город, из всех тех, которые мне удалось видеть. Описанию его можно уделить много страниц, но в военном отношении он ничего из себя не представляет. Армия Бухары ничтожна, население пребывает в упадке, ее правитель сладострастник и стяжатель. Жизнь Бухары зависит от вод р. Зеравшан, истоки которой в Самарканде и находятся в руках русских. Отведя воды реки, русские в любой момент могут привести бухарцев к покорности, вызвав голод. Русские не несут расходов по управлению этой провинцией, но она находится в их абсолютной власти. Бухара имеет собственные деньги, что немало затрудняет ведение коммерческих операций, но русские рубли здесь в большом ходу, а почта и телеграф находятся в руках русских».

В полдень 10 апреля Бересфорд и Снесарев покинули Бухару и утром следующего дня прибыли в Самарканд, который поражал обилием и красотой исторических памятников, напоминавших о великом и славном прошлом древнего города. Интересны наблюдения Бересфорда, сделанные им в период остановки в Самарканде. Вполне возможно, что часть наблюдений, особенно в части взглядов русских офицеров на Индию, сделаны под впечатлением непосредственного общения с А. Е. Снесаревым.

«Новый город в Самарканде, – сообщал он в отчете, – очень приятно расположен; засажен большим количеством деревьев и хорошо снабжается водой из многочисленных арыков. Здание офицерского собрания, где я присутствовал на лекции, – замечательной постройки. Хотя я остановился в гостинице, но фактически был на положении личного гостя [военного] губернатора генерала Мединского, чье гостеприимство было безграничным и у которого отсутствовало предубеждение по отношению к Англии. Я вообще заметил, что выражение враждебных к нам чувств (которые в последнее время раздуты в Европейской России), редко встречается в Туркестане, где трудности с управлением местными народами лучше понимаются. Методы планировки населенных пунктов и многие другие вещи в Средней Азии показывают, что они в значительной степени скопированы (с Индии или, точнее, с нашей системы управления там). Но в некоторых случаях русские могут преподать урок и нам. Чистота базаров в Самарканде и Ташкенте, состояние таких древних городов, как Андижан и Ош, производят весьма благоприятное впечатление. Отношения между завоевателями и покоренными народами вполне удовлетворительные, и на базарах можно ходить в полной безопасности. Хотя отдельные волнения, как это было в прошлом году в Андижане, показывают, что на исламских территориях под внешним спокойствием всегда тлеют невидимые угли. Меня поразило то обстоятельство, что все [русские] офицеры в Средней Азии, вне зависимости от того, как бы дружелюбно они к нам не относились, совершенно убеждены, что миллионы туземцев в Индии только и ждут момента, чтобы поднять против нас восстание. Они в самом деле были уверены, что такой момент настал в 1899 г. Рассказы о возмущениях и недовольствах в Индии, о близкой гибели государства эмира в Афганистане, волнениях среди сикхов, возможной измене гурков, которые я слышал, были настолько многочисленны, что их не было возможности опровергать».

Дорога из Самарканда в Ташкент заняла 14 часов. За окном вагона проносились чудные пейзажи, особенно близ Джизака. Через Сырдарью поезд переправился по замечательному новому стальному мосту, от которого до Ташкента было около 80 верст пути. Вокзал в Ташкенте Бересфорд признал самым лучшим во всей Средней Азии. «Город Ташкент, – доносил британский офицер, – занимает большую площадь с населением около 50 тыс. человек. Улицы очень широкие, возле каждого дома сад, зеленые листья приятно радуют глаз. Военные казармы добротные, светлые и

просторные, но несколько устаревшие. Я наблюдал здесь 3-ю Туркестанскую артиллерийскую батарею, вооруженную восьмью орудиями (калибра 4.6 дюйма). Кроме того, в остальных батареях – 1, 2 и 5-й также имелось по восемь орудий. Личный состав Туркестанского саперного батальона и сотни [5-го] Оренбургского казачьего полка произвел очень хорошее впечатление, настоящие воины. Истории, встречающиеся в книгах русских писателей, о праздности русских офицеров уже отошли в прошлое».

В Ташкенте Бересфорд имел встречу с помощником командующего войсками Туркестанского военного округа генерал-лейтенантом Н. А. Ивановым, исполнявшим в то время должность туркестанского генерал-губернатора в связи с отъездом С. М. Духовского из края. Бересфорд был также принят в штабе Туркестанского военного округа. С большой долей вероятности Снесарев при этих встречах выступал в роли переводчика, так как штатного переводчика английского языка при туркестанском генерал-губернаторе не имелось, а в штабе округа штатные переводчики в то время отсутствовали вообще. Бересфорд также упоминает о неких дискуссиях с русскими офицерами по вопросам англо-русских отношений. Следует предположить, что участников таких дискуссий было немного: строевые офицеры к беседам с Бересфордом не подпускались, а у штабных был языковой барьер и соответствующие инструкции. Беседовать и дискутировать, особенно в часы отдыха и продолжительных переездов, Бересфорд мог с одним офицером – Снесаревым, которому темы дискуссий, упоминаемые Бересфордом в его отчете, были по-настоящему интересными и познавательными.

Обратимся вновь к отчету британского офицера, в котором он описывает встречи в Ташкенте. «Генерал Иванов принял меня с большой вежливостью. Он наиболее способный офицер, хорошо разбирается во всех азиатских вопросах. Он не представляет собой человека воинственного, но твердой воли, и способен подготовить [войска] к войне также хорошо, как это могут сделать и другие военачальники в России. Он опирается на весьма способных штабных офицеров. Его начальник штаба, генерал Сахаров, приятный человек и способный руководитель. Офицеры в Средней Азии часто убеждали меня в том, что нам не следует “бояться” вторжения в Индию, но при этом задавали вопрос – “где в Афганистане мы собираемся соединить свой железнодорожный путь с русским”. Я избегал дискуссий по этому вопросу, замечая только, что мы совсем не “боимся” вторжения, поскольку мы хорошо подготовлены и рассчитываем быть таковыми и в будущем. При этом я постоянно добавлял, что больше всего мы хотели бы жить с Россией в мире как в Азии, так и повсюду».

18 апреля Бересфорд и Снесарев выехали из Ташкента и вечером 19 апреля прибыли в Андижан – конечную станцию Среднеазиатской железной дороги. Для Снесарева это был второй приезд в Фергану. В Андижане они были радушно встречены командиром 15-го Туркестанского линейного батальона. Им показали казарму, в которой была устроена резня нижних чинов 20-го Туркестанского линейного батальона во время андижанских событий 1898 г.

Из Андижана дальнейший путь лежал в город Ош, до которого было около 65 верст. «Окружающая страна, – отмечал Бересфорд, – была великолепна, дорога хорошей, в кишлаках встречались люди, довольные жизнью. Повсюду овцы, скот, лошади. В Оше путешественники, следующие на Памиры или в Кашгар, обычно покупают лошадей и снаряжают свои караваны, запасаются провизией и пр. В Гульче, расположенной далее в 70 верстах, [колесная] дорога и телеграфная линия заканчиваются. Полковник Зайцев принял меня в чудесной вилле, расположенной на фоне снежных вершин Алайского хребта, в которой раньше жил генерал Скобелев. В этом великолепном климате прекрасно растут все европейские фруктовые деревья; 22 апреля, в день русского Светлого Христова Воскресения, повсюду были цветы, а рожь и ячмень достигали 2 футов высоты. Я принял участие в вечернем пасхальном богослужении в гарнизонной церкви, затем похристосовался со всеми офицерами гарнизона. После этого мы отправились в дом Зайцева «разговляться», на пасхальную трапезу по случаю окончания Великого поста. Здесь мы провозгласили здравицы за здоровье Её Величества и Государя Императора и многие другие. В этом доме полковник Зайцев принимал Дютрейль де Рэна, Свена Гедина, генерала Жерара, полковника Уотерза и многих других путешественников. Он очень хотел, чтобы о нем хорошо вспоминали его английские друзья, также как и госпожа Зайцева, самая очаровательная и умная женщина».

Первым на некоторое время повествование подполковника Бересфорда и заметим, что

день Пасхи 22 апреля 1900 г. стал очень важным в судьбе А. Е. Снесарева, хотя он мало об этом догадывался. Во время посещения дома полковника Зайцева Снесарев впервые увидел красивую девочку-подростка, Женю, единственного ребенка четы Зайцевых. Женя приехала домой из Оренбурга на пасхальные каникулы. В Оренбурге – городе, где начиналась служба ее отца, она училась в Николаевском женском институте и серьезно увлекалась музыкой. Среди собравшихся на ужин было известно, что штабс-капитан Снесарев обладал хорошим голосом и любил пение, его попросили исполнить что-нибудь из его репертуара. Снесарев исполнил просьбу собравшихся под овации. В это время за ним с восхищением наблюдала Женя, впервые увидевшая в своем доме такого необычного и талантливого русского офицера. Не исключено, что в тот же вечер был и первый поцелуй, совсем невинный: приглашенные на вечер христосовались друг с другом. Интересно, что даже при этой, почти исторической, первой встрече Снесарева с будущей любовью всей его жизни рядом присутствовал британский подполковник.

«Мне было жаль расставаться с Ошем, – отмечал в отчете подполковник Бересфорд. – Комфортабельное здание офицерского собрания, красивые виды и теплый прием сделали мое пребывание очень приятным. Я посетил лошадиную ярмарку, где видел крепких и выносливых лошадок по цене от 30 шиллингов и выше. Личный состав 4-го Туркестанского линейного батальона имел хороший вид. Они часто принимают участие в охотах, поскольку Алайские горы изобилуют дикими кабанами, оленями, утками и пр. живностью. Здешние туземцы хоть и считаются ревностными мусульманами-суннитами, но употребляют в пищу мясо дикого кабана.

Русские часто весьма предубедительно сравнивают свое отношение к среднеазиатским народам и наше к туземцам Индии. Но как я заметил им, они имеют дело только с пятью, а нам приходится управлять 350 миллионами подданных. Более того, мусульманское население к северу от Гиндукуша совершенно свободно от кастовых предрассудков, в то время как в Индии оно ассимилировалось с индусами. Я также пытался убедить их, что подавляющее большинство населения Индийского субконтинента спокойно, довольно жизнью и не нищенствует. Но невозможно в одночасье искоренить в их сознании эффект от рассказов о плохом обращении со слугами, злоупотреблениях при опиумной торговле и еще о многом, чем их подбивали люди злонамеренные.

Я бы хотел, чтобы было больше контактов между Индией и Средней Азией. Я порекомендовал русским офицерам совершить поездки к югу [в Индию]. Было бы хорошо, чтобы наши люди могли увидеть своими глазами положение дел в Средней Азии. Это взаимное ознакомление с реальным положением дел позволит сделать многое для устранения превратных представлений, которые имеются у каждой из сторон.

Я узнал, что колесная дорога была проведена до седловины перевала Джиптык, к югу от Оша. Мне также стало известно, что несколько пехотных полков в Туркестане получили пулеметы Максим, что остальные получают их в скором времени. Общее желание молодых офицеров – двинуться на Герат, но старшие командиры проявляют спокойствие и в настоящее время какое-либо движение вперед маловероятно. Я думаю, что несколько месяцев назад дела в Средней Азии действительно имели осложнение, но была принята во внимание Высочайшая воля Его Императорского Величества, и воинственные настроения угасли. Но до этого ходили самые абсурдные и тревожные слухи, и, как это часто бывает в Азии, распространяясь с молниеносной скоростью от базара к базару, они еще более преувеличивались».

23 апреля Бересфорд и Снесарев выехали из Андижана в обратный путь. Через Маргелан, Самарканд (с остановкой на сутки), Чарджуй они добрались до Мерва (26 апреля), проделав путь в 1200 верст. В Мерве их застало уже лето, было очень жарко, температура днем поднималась до 36°С в тени. В Мерве они осматривали 2-й Закаспийский железнодорожный батальон и 1-й Кавказский казачий полк. Командиром полка полковником фон-Бекманом в честь британского офицера был дан товарищеский ужин. Звучали здравицы в честь английской королевы и русского императора, оркестр 6-го Закаспийского стрелкового батальона сыграл «Боже, храни Королеву». Кубанские казаки исполнили для гостей зажигательную лезгинку.

28 апреля офицеры прибыли в Красноводск, и миссия А. Е. Снесарева подошла к концу. Подполковник Бересфорд горячо поблагодарил Снесарева за труды, приятное и полезное путешествие. В донесении он подвел итоги своей довольно продолжительной

поездки: «Результаты моей поездки по Средней Азии скорее негативные, чем позитивные. Это связано, прежде всего, с невозможностью проехать в район Кушки. <... > Еще раз считаю долгом отметить, что повсеместно и от всех я встретил отменную вежливость и гостеприимство». Несомненно, что в этом была немалая заслуга и штабс-капитана Снесарева.

На рубеже Китая

Весной 1900 г. в штаб Туркестанского военного округа стали поступать сообщения о дестабилизации обстановки в Западном Китае в связи с началом «боксерского восстания» в Китае. О волнениях в Кашгаре сообщали русский генеральный консул Н. Ф. Петровский и состоящий при консульстве Генерального штаба капитан Л. Г. Корнилов. В начале мая 1900 г. Корнилов был вызван в Ташкент и докладывал руководству о военно-политической обстановке в сопредельной Кашгарии. Корнилов высказал предложение о необходимости выдвижения сильного отряда на границу, чтобы в случае массовых волнений двинуть его на Кашгар с тем, чтобы обеспечить безопасность русских подданных.

В начале июля 1900 г. последовало Высочайшее повеление о мобилизации войск Семиреченской области. Одновременно из Ташкента в Джаркент (1100 верст почтового тракта) двинута походным порядком 1-я Туркестанская стрелковая бригада и две батареи 1-й Туркестанской артиллерийской бригады. Для действий в Западном Китае на случай военного похода был образован Джаркентский отряд под командованием военного губернатора Семиреченской области генерал-лейтенанта М. Е. Ионова. Отряд внушительной силы располагался в Семиречье в г. Джаркенте близ китайской границы. Часть русских войск направлена в китайский город Кульджу на усиление охраны русских консульских учреждений в Западном Китае, этот отряд получил название Кульджинского и находился под командованием Генерального штаба капитана Д. Я. Федорова. В Фергане был образован войсковой резерв, получивший название Кашгарского отряда. Очерк деятельности Джаркентского отряда представлен в ряде публикаций Генерального штаба капитана В. Ф. Новицкого, участника событий.

На таком военно-политическом фоне состоялась полевая поездка офицеров Генерального штаба Туркестанского военного округа по Семиречью летом 1900 г., в которой принял участие штабс-капитан Снесарев. Целью полевой поездки было изучение маршрутов, ведущих из восточной части Ферганской долины в Семиреченскую область и далее к государственной границе с Китаем. Отдельно ставилась задача изучения группы перевалов, ведущих в Кашгарию со стороны Семиречья, – Туругарт, Суяк, Терек, Бедель и др. Результаты рекогносцировки должны были подтвердить возможность переброски войск из Ферганы к перевалам у китайской границы через долину р. Нарын. Разработка маршрутов в пределах этого операционного направления позволяла сосредоточить русские войска у границы Китая не только с южного направления – Ош – Гульча – укр. Иркештам, но и с северного – Джелалабад – укр. Нарынское – группа восточных перевалов на границе с Китаем в пределах Семиреченской области.

В состав рекогносцировочной группы входило несколько офицеров Генерального штаба под общим руководством помощника начальника штаба Туркестанского военного округа генерал-майора М. Д. Евреинова. Снесарев в рекогносцировочной группе исполнял обязанности делопроизводителя и находился при генерале Евреинове. В письме к сестре из Андижана он сообщал: «Видишь, откуда пишу тебе... меня опять ветром подхватило и носит по углам Азии; на этот раз я участвую в полевой поездке офицеров Генерального штаба и состою при генерале... "Место архиерейское", ворчат мои товарищи, принужденные работать в поле с утра до вечера... "Что делать, если я такой симпатичный", – возражаю я со свойственной мне скромностью, складывая калачиком губки...».

В середине июня 1900 г. рекогносцировочная группа отправилась из Андижана на северо-восток Ферганской долины к городу Джелалабаду и достигла небольшого села Таран-базар, за которым колесная дорога закончилась и началась вьючная тропа. Далее группа проследовала к пер. Кугарт (10520 ф.), спустилась в долину р. Кугарт и далее через урочище р. Ор-Гезган и пер. Ой-Кайин проследовала в долину р. Ала-Буга и через урочища Терек-Чат и Ак-Тал спустилась в долину р. Нарын, следуя которой, достигла укрепления Нарынского. Протяженность всего маршрута от Джелалабада до укр. Нарынского составила 278 верст.

В конце июня в Нарынском укреплении рекогносцировочная группа разделилась, офицеры получили самостоятельные задачи по изучению отдельных путей и направлений. На Снесарева была возложена задача изучить пути, ведущие из укр. Нарынского до пер. Терек на китайской границе. Перевал Терек лежал на оживленном

караванном пути из Кашгарии в Семиречье и был известен со времен торговли на Шелковом пути. Однако о нем имелось мало сведений с военной точки зрения, особенно в видах движения через него крупных частей войск с артиллерией. Для изучения вопроса Снесарев совершил рекогносцировку по маршруту: укр. Нарынское, долина р. Атбаши, пер. Бугушты в Атбашинском хребте, урочище р. Терек, пер. Терек (11800 ф.). Всего на этом отрезке пути им пройдено 162 версты.

Сохранились интересные подробности этой рекогносцировки, приведенные Снесаревым в письме к сестре Клавдии. «Рано окончил переход и выхватил время написать тебе, – сообщал он. – Сейчас я нахожусь под перевалом Б[угушт]ы, в 30–35 верстах к югу от укр. Нарынского. До вчерашнего дня я был при генерале, но в конце-концов это меня утомило, (хотя генерал – прелестнейший человек: добрый, ровный и простой), захотелось быть одному и я убедил его отпустить меня; генерал согласился с моими доводами и... я один. Моя небольшая команда состоит из двух казаков, одного переводчика и двух туземцев. Казаки в полном вооружении (по 30 боевых патронов), я с моим старым револьвером и шашкой. Послезавтра думаю быть на китайской границе (у пер. Терек), а потом хочу пройти по этой территории верст 30–40, до встречи с препятствием в форме большого китайского разезда. Сейчас я сижу в кибитке, перед самой дверью (чтобы было светлее писать) и люблюсь, когда отрываюсь от писания, расстилающимся перед глазами видом: передо мной широкая долина р. Ат-Баши с каменистым руслом посередине, за равниной поднимаются небольшие горы; все это зелено, заходящее солнце дает всему какой-то своеобразный оттенок – светло-желтый; в дополнение к картине мне легко вообразить находящиеся за моей спиной высокие горы – Ак-Таш – отроги Тянь-Шаня, покрытые вечным снегом. Мне придется завтра переваливать их по пер. Бугушты (12 тыс. фут.). Кругом меня в общем тихо; тихо журчит ручей, иногда прогремит на горах гром или донесется из соседних кибиток киргизский говор».

Снесарев вышел на пер. Терек 4 июля, и надо предполагать, что на этом его задание было выполнено. Однако дальше произошло событие, которое не предусматривалось программой рекогносцировки и выглядело как его личная инициатива. «Вчера, в сопровождении 2 казаков, – сообщал он в письме к сестре, – я двинулся по китайской территории, сделал 29 верст и на обратном пути натолкнулся на вооруженных китайских солдат. Дело, в конце концов, кончилось благополучно, и я проскочил. Конечно, будь начальник китайского караула хоть немного решительнее (а у него было еще 15–20 киргиз, его подданных), дело бы кончилось не так добродушно... Вспоминая инцидент, я должен сознаться, что мне везет». Везение Снесарева могло обернуться большим скандалом. Вторжение на китайскую территорию с вооруженным конвоем в обстановке, когда общее состояние дел на русско-китайской границе в Семиречье грозило открытым конфликтом, являлось, по сути, провокацией. Он испытывал выдержку китайцев, или, по известной китайской поговорке, «дергал старого тигра за хвост».

Снесарев знал, что шел по китайской территории и повернул только тогда, когда оказался перед селением Артуш (не дошел до него три версты), с которого ему навстречу был выслан китайский пограничный караул. Более того, как следует из признания самого Снесарева, на самом деле вторжений на китайскую территорию было два. Второе произошло 6 июля – «через день после побывки в Кашгарии, я опять шел по китайской территории, причем пришлось на ней и ночевать...». Чем руководствовался Снесарев, открыто играя с огнем, теперь сказать трудно. Может быть, это был акт бравады, демонстрация пренебрежительного отношения к китайцам – проявление внешних психологических рефлексий, довольно широко распространенных в русском офицерском корпусе в период похода в Китай 1900–1901 гг. У Снесарева уже был прецедент бесцеремонного отношения к китайским пограничным властям, достаточно вспомнить о его конфликте с пограничным караулом (на пути в Индию) и его угрозу выпороть китайских киргизов нагайкой. В своих воспоминаниях генерал П. Н. Краснов приводил похожую историю, сообщив, как сотник Б. В. Анненков и казаки-разведчики его сотни при объезде границы решили заехать на китайскую территорию, посмотреть «каков он Китай», и разрушили при этом «из баловства» китайский караул и перепугали китайских пограничников. В случае с поездкой к китайскому Артушу могло иметь место желание Снесарева сделать для самоутверждения некий дерзкий рейд, подобно тому, что совершил капитан Корнилов, отправившись без санкции командования к афганской крепости Дейдади.

Рискованность рейда Снесарева к китайскому Артушу усугублялась тем обстоятельством (тогда ему неизвестным), что в эти дни положение дел в Кашгаре приобрело

критический характер. По донесениям британского политического агента в Кашгаре Дж. Макартни, в городе со дня на день ожидали нападения китайцев на русское консульство. Китайским властям было известно о концентрации русских войск на границе, и они готовились к возможному вторжению в любую минуту. Все это только подогревало страсти, горячие головы в китайской администрации Кашгара призывали расправиться с русскими. Близ русского консульства звучали выстрелы, собирались многочисленные толпы. В эти дни капитан Л. Г. Корнилов деятельно готовил оборону дипломатической миссии, куда спешили в поисках укрытия жены и дети русских подданных.

На следующий день после рейда Снесарев комментировал «артушский инцидент»: «... Мне вспоминать теперь, что китайские солдаты стояли вокруг нас с толпой киргизов (в 5 шагах и начальник держал наготове, почти перед моим носом, свой карабин... Лишнее слово, подъем карабина (на 2 вершка) и я, выцеленный почти в упор, шлепнулся бы как мешок с лошади». При этом он ничего говорит о казаках, хотя они подвергались не меньшей опасности, а главное, не по своей воле. Снесарев отправил рапорт о случившемся генералу Евреинову и приготовился к худшему. Однако Евреинов счел благоразумным не поднимать шума вокруг этой истории, во всяком случае, до появления официальной реакции китайской стороны. Китайцы, видимо, не стали делать официального представления русскому консулу в Кашгаре и, тем самым, нагнетать страсти в условиях взрывоопасной ситуации на границе. Косвенно о возможности такого развития событий говорит факт отсутствия каких-либо документальных свидетельств об «артушском инциденте» как по линии военного ведомства, так и по линии министерства иностранных дел.

Сотрудничество с газетой «Туркестанские ведомости»

Газета «Туркестанские ведомости» была создана в 1870 г. как официальный орган администрации Туркестанского края. Газета сыграла исключительно важную роль в становлении в крае науки, культуры, образования и гражданского общества. Она не только освещала внутреннюю жизнь Туркестана, но и являлась важным источником ознакомления читателей с событиями в сопредельных с краем странах Востока. Этой информацией, особенно в ранний период, широко пользовалось и военное ведомство. По свидетельству М. И. Венюкова, в середине 1870-х гг. газета «Туркестанские ведомости» являлась для Главного штаба одним из источников получения информации о событиях, происходивших в сопредельных с Русским Туркестаном странах (преимущественно в Афганистане и Западном Китае). В разные годы с газетой сотрудничали выдающиеся русские ученые, общественные деятели, литераторы. В газете публиковались отчеты о русских научных экспедициях по Туркестану и сопредельным странам, сообщения о работах иностранных исследователей в регионе Центральной Азии. Газета представляет собой уникальный источник по истории Туркестанского края и соседних азиатских государств, ее без преувеличения можно назвать энциклопедией Русского Туркестана.

Туркестанский период жизни А. Е. Снесарева оказался тесным образом связан с газетой «Туркестанские ведомости». С ней он активно сотрудничал, присылая в редакцию авторские статьи, рецензии, сообщения. В газете часто публиковались материалы, сообщавшие о разнообразной деятельности Снесарева в культурной и научной жизни столицы Туркестана. В силу этих особенностей газета «Туркестанские ведомости» является важным источником для изучения туркестанского периода жизни Снесарева.

Сотрудничество Снесарева с газетой началось в период редакционной деятельности Генерального штаба подполковника М. В. Грулева. Благодаря дарованиям и энергии Грулева «Туркестанские ведомости» в непродолжительное время редактирования им газеты превратились в издание, которое все более отходило от формата официального печатного органа туркестанской администрации. Представляет интерес мнение самого Грулева о газете и изменениях, произошедших в редакционной политике в период его редакторской деятельности. «Созданная по образцу обычных губернских ведомостей, – вспоминал Грулев, – газета эта в течение своего 30-летнего существования приобрела выдающееся положение среди нашей провинциальной печати, как в виду исключительного военно-политического и экономического значения азиатской окраины, так и благодаря некоторым талантливым редакторам с известными литературными именами, руководившим направлением газеты. Наконец, это все же был орган не губернский, а генерал-губернаторский. Должен сказать, однако, что ко времени моего вступления в редакторство газета очень захирела и представляла собой сухой официальный листок, выходивший 2 раза в неделю. Мне предоставлена была полная независимость относительно направления газеты, которая в короткое время совершенно преобразилась, стала выходить пять раз в неделю, завела отдел передовых статей и все прочие отделы больших столичных ежедневных газет».

К моменту, когда Снесарев установил свое сотрудничество с газетой, в редакционной политике уже сформировался подход, в котором приоритетное право публикаций принадлежало офицерам Туркестанского военного округа, особенно офицерам Генерального штаба. Темы публикаций офицеров не затрагивали вопросы политики или экономической жизни Туркестана, но были посвящены преимущественно вопросам о положении на границах края и в сопредельных странах, о географических и этнографических исследованиях, о жизни удаленных гарнизонов, как например, Памирского отряда, Кушки и Термеза и т. п. В описываемый период с газетой сотрудничали сослуживцы А. Е. Снесарева по Генеральному штабу – В. Ф. Новицкий, Л. Г. Корнилов, П. В. Черкасов и др.

Всего А. Е. Снесаревым в период сотрудничества с редакцией «Туркестанских ведомостей» (1900–1904 гг.) было подготовлено семь авторских статей, две рецензии и два некролога. С точки зрения периода сотрудничества – больше четырех лет – и высокой творческой активности Снесарева цифра эта может показаться не такой уж и значительной. Однако при этом следует иметь в виду большую загруженность Снесарева по службе – командировки, отчетные работы, служба в Памирском отряде. Следует заметить, что из чуть менее чем четырех с половиной лет общего срока службы в Туркестане Снесарев почти два года (23 месяца) провел за пределами Ташкента.

Некоторые его статьи были написаны и присланы в редакцию газеты буквально из «поля», как, например, серия очерков «Вести с Памира», написанная им в период командования Памирским отрядом.

Первым литературным опытом А. Е. Снесарева на страницах «Туркестанских ведомостей» стала рецензия на работу «Задачи России в Средней Азии в связи с вопросом о проведении Среднеазиатской железной дороги» (СПб., 1900). Своей первой работой Снесарев, как это следует из его переписки, остался недоволен. В письме к сестре он писал: «Получила ли ты мой фельетон в «Туркестанских ведомостях»? Мне очень жаль, что я написал очень небрежно, работая над ним в вагоне, на корточках, безо всяких книг под рукой... Я был вынужден к тому настоянием редактора, обратившегося ко мне как специалисту по некоторым сторонам брошюры... Товарищи меня поругали за то, что я был несколько резок... Напиши твое мнение».

Работа Снесарева представляет интерес как исторический документ, раскрывающий процесс формирования его военно-востоковедных взглядов и позицию по наиболее злободневным вопросам англо-русских отношений. Работа интересна еще и в том отношении, что написана на опыте и знаниях по среднеазиатскому вопросу, приобретенных в очень короткий – менее года – период времени. До службы в Туркестанском крае Снесарев не интересовался вопросами международных отношений в Средней Азии и имел о них самые общие представления.

Рецензия на работу «Задачи России в Средней Азии» относится к периоду так называемой «железнодорожной гонки» в регионе – малоизвестному в отечественной историографии сюжету, связанному со строительством сети стратегически важных дорог в Русском Туркестане и Британской Индии, а также борьбы за железнодорожную гегемонию в Персии. В тот период тема эта была очень актуальна и вызвала большой интерес как у специалистов, так и читающей публики. Автор работы «Задачи России в Средней Азии» кроме железнодорожной темы поднимал и ряд других вопросов, прежде всего, о состоянии англо-русских отношений, и осторожно выдвигал идею о необходимости их нормализации. В условиях, когда большая часть русского общества и особенно офицерский корпус рассматривали Великобританию как непримиримого соперника России в Средней Азии, такая постановка вопроса не могла не вызвать резонанса в русской прессе.

Снесарев в вышеуказанном письме сообщал, что был вынужден взяться за рецензию по настоянию редактора «Туркестанских ведомостей», т. е. подполковника М. В. Грулева. Для Грулева вопросы, поднимаемые в рецензируемой книге, представляли большой интерес, как и вся тема англо-русского соперничества в Азии. Снесарев взялся за написание работы в период подготовки к полевой поездке 1900 г. по Семиречью, и, возможно, написал основную часть рецензии («фельетона») в Ташкенте и дописывал уже в пути в Андижан, т. е. по словам Снесарева – «работая над ним в вагоне, на корточках».

Снесарев не случайно назвал в письме к сестре свою рецензию фельетоном. По сути это то, что у него в конечном итоге получилось, хотя изначальный замысел и порядок разбора работы предполагали написание рецензии. Тон рецензии, по его собственному признанию, оказался «несколько резок», а сама она написана довольно небрежно. В рецензии Снесарев ставил под сомнение профессионализм автора («слабое знакомство с вопросом», «автор не вник в природу вопроса» и пр.), сам язык рецензии несколько высокомерный, в поучительном тоне, полон передергиваний и неуместной иронии. Приводимая Снесаревым система доказательств несколько хаотичная, местами малоубедительная и не вполне ясная.

Несмотря на то, что работа «Задачи России в Средней Азии» была анонимной, из ее текста следует, что она написана человеком не военным, но хорошо разбиравшимся в текущих вопросах железнодорожного строительства, неплохо знавшим реалии Русского Туркестана и особенности международного положения в Средней Азии. Автор работы, как представляется, был достаточно хорошо известен в Туркестане и в военной среде. По уровню своей подготовки и знаниям он вполне заслуживал более серьезного отношения к своей работе. Поэтому форма рецензии Снесарева, больше напоминающая фельетон, и ее снисходительно-ироничный тон вызвали недопонимание даже у сослуживцев («товарищи меня поругали за то, что я был несколько резок»). В письме к сестре Снесарев пытался назвать причины, которые легли в основу не совсем удачной рецензии: «Относительно тона моей статьи ты совершенно права: не к чему так писать, и

в жизни всегда это дурно. Чтобы объяснить, почему я взял такой тон, приведу причины: 1) слишком не люблю англичан и теряю равновесие при всяком вопросе их касающемся; 2) г-н, против которого писал, под личиной общемиролюбивого настроения, питал самые торговые замыслы... и мне это было известно; 3) редактор слишком торопил меня, и мне не удалось даже хорошенько просмотреть своей работы».

Вообще, следует заметить, что рецензии, как литературный жанр, удавались Снесареву не всегда удачно, несмотря на отличное владение темой, знание широкого круга источников и личный опыт. С точки зрения анализа содержания, глубины подхода и способности оценить достоинства и недостатки какого-либо труда его рецензии близки к совершенству. В них не доставало, если так можно выразиться, тактичности и доброжелательности, баланса между чувственным и рациональным. В его рецензиях часто можно наблюдать некую соревновательность с рецензируемым автором в степени знания предмета, нарочитую демонстрацию абсолюта знания и монополии на здравый смысл.

Вместе с тем, нельзя не отметить ряд интересных положений в системе аргументации и доводов, используемых Снесаревым при рецензировании статьи «Задачи России в Средней Азии». Он, к примеру, категорически не был согласен с тезисом автора, что англо-русское соперничество в Средней Азии есть продукт «укоренившегося противоречия», и предлагал четко разделять два понятия – соперничество России и Англии вообще и соперничество России и Англии в Азии, которые «совершенно различны между собою». Снесарев справедливо указывал на невозможность при анализе международных отношений рассматривать только экономическое содержание вопроса и опускать другие факторы – политические, военные, идеологические. Обращаясь к теме англо-русского соперничества в Азии, он замечал, что эта сторона вопроса имеет устоявшееся освещение в литературе, которое автору работы было не в полной мере знакомо. Снесарев категорически выступал против утверждения автора о нейтральности взглядов лорда Керзона на среднеазиатский вопрос, считая, что Керзон всегда был убежденным русофобом. Применительно к вопросам русской политики в Азии Снесарев справедливо замечал, что политика эта исторически определялась общегосударственными задачами России, общим направлением государственной политики, а не действиями отдельных русских военных. Применительно к оценке стратегического значения дорог Снесарев отмечал неразрывную связь этого вопроса с общегосударственным планом обороны и задачами мобилизации вооруженных сил на случай войны. Он критически воспринял мысли автора работы относительно боевого применения войск Туркестанского военного округа, значения Ферганы, Семиречья и Северной Индии в военном отношении относительно боевого применения войск Туркестанского военного округа, значения Ферганы, Семиречья и Северной Индии в военном отношении и др.

Несмотря на тон и стилистику, рецензия Снесарева представляет собой пример довольно профессионального подхода в области военно-политического анализа, показывает хорошее владение им темой англо-русского соперничества в Средней Азии. Обширная по объему рецензия, опубликованная в двух номерах «Туркестанских ведомостей», способствовала росту авторитета Снесарева как офицера-востоковеда, особенно в начальный период его военной карьеры.

В конце апреля 1900 г. М. В. Грулев покинул должность редактора «Туркестанских ведомостей» и уехал из Туркестанского края в Европейскую Россию. На смену ему пришел капитан Сергей Александрович Геппенер (1863-?), служивший до того в Фергане по линии военно-народного управления. Геппенер получил специальное военно-востоковедное образование на офицерских курсах восточных языков при Азиатском департаменте МИД (1886-1889), изучал арабский, персидский и турецкий языки. В период службы в Туркестане самостоятельно овладел казахским и узбекским языками. При Геппенере редакционная политика приобрела заметный востоковедный уклон. Газета активно сотрудничала с Туркестанским отделением Общества востоковедения, Туркестанским отделом ИРГО и Туркестанским кружком любителей археологии, привлекала к сотрудничеству известных ташкентских ориенталистов. В период редакторской деятельности Геппенера Снесаревым в газете опубликована всего лишь одна статья – «Последний индийский национальный конгресс». В статье содержатся общие сведения об истории возникновения индийских национальных конгрессов – протобраза самоуправления индийского народа, рассмотрены вопросы повесток конгрессов, отмечена их роль в общей политической организации индийского общества

и отношение к ним со стороны индо-британской администрации.

В июне 1901 г. в должность редактора «Туркестанских ведомостей» вступил Николай Гурьевич Маллицкий (1873–1947). Представление о назначении Маллицкого сделал Геппелер, который хорошо его знал по совместной деятельности в Ташкенте. Маллицкий с отличием окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского педагогического института (историческое отделение). Он был зятем Н. П. Остроумова, известного ташкентского общественного деятеля и просветителя, директора Ташкентской мужской гимназии. Маллицкий владел несколькими восточными языками, являлся автором большого числа исторических и востоковедных работ. Как редактор он часто публиковался на страницах газеты, но никогда не брал гонораров за свои статьи.

Сотрудничество А. Е. Снесарева с газетой «Туркестанские ведомости» в период редакторской деятельности Маллицкого явилось наиболее продолжительным и плодотворным. Именно в этот период Снесарев публикует большинство своих газетных статей, наиболее интересными из которых явились «Религия и обычаи горцев Западного Памира», «Поездка в Горную Бухару» и цикл корреспонденций «Вести с Памира».

В период службы в должности начальника Памирского отряда Снесарев подготовил и опубликовал в «Туркестанских ведомостях» несколько статей, посвященных жизни небольшого русского отряда на «Крыше мира». Это была своеобразная хроника жизни Памирского отряда и событий на Памире, интересное описание этнографических особенностей киргизского и таджикского населения. В статьях содержатся сведения о специфике русской администрации на Памире, роли начальника и офицеров отряда в управлении населением Восточного и Западного Памира. Отдельная статья в цикле относится к англо-русским отношениям и политическим событиям на границе.

Одной из этапных стала для Снесарева работа «Религия и обычаи горцев Западного Памира», в которой он впервые предпринимает попытку систематического изложения материала по этнографии таджиков Памира. Материалом для работы послужили полевые наблюдения, сделанные им в ходе поездки на Памир летом 1901 г. и в период командования Памирским отрядом в 1902–1903 гг. Работа представляет собой интересный и живо написанный публицистический очерк и не претендует на научное исследование. В России изучением таджиков Памира до Снесарева занимались капитаны Д. В. Путята (Памирская экспедиция 1883 г.), Б. Л. Громбчевский (экспедиция 1889–1890 гг.), граф А. А. Бобринской (три Памирские экспедиции – 1895, 1898 и 1901 гг.), А. А. Семенов (1898 г., совместно с А. А. Бобринским). В период пребывания Снесарева на Памире там вели полевые исследования М. С. Андреев (1902 г.) и А. А. Половцов (1903 г., совместно с М. С. Андреевым). Однако ни одному из вышеназванных исследователей не пришлось наблюдать общественный и семейный быт таджиков столь продолжительный период, как это удалось А. Е. Снесареву. Преимуществом наблюдений Снесарева было и то обстоятельство, что, в отличие от других исследователей, он имел возможность наблюдать годовой цикл жизни таджикского народа: сезонные виды хозяйственной деятельности, праздники, религиозные, общественные и семейные ритуалы.

Работа А. Е. Снесарева «Поездка в горную Бухару» написана им по материалам рекогносцировки путей из Ферганы к Кулябу (лето 1904 г.). В статье приводится описание маршрута по территории Ферганской области и в бухарских владениях, даются краткие сведения о Каратегине и его административном центре, кишлаке Гарм, а также Кулябском бекстве и городе Кулябе, сообщаются этнографические сведения о киргизах Алайской долины, таджиках Каратегина и Куляба. В заключении статьи Снесарев приводит описание р. Амударьи и основных переправ на ней в пределах Кулябского бекства.

Описывая нравы местного бухарского населения, Снесарев замечал: «<...> здесь лгут на каждом шагу, по каждому поводу. И ложь, может быть, нужная, и ложь явно бестолковая – бросается вам в глаза повсюду в Горной Бухаре, сначала поражает вас, а затем вызывая в вас чувство скуки и досады. Только с глазу на глаз, да и то при удачном выборе собеседника, получается разгадка этой бесконечной, все опутавшей здесь лжи; оказывается, что это необходимый здесь способ самообороны, оберегания своих интересов, охранения своей собственности; так некоторые создания в мире животных должны выбрасывать вонючую, гадкую жидкость, чтобы сохранить в иных случаях свое существование».

В другом месте статьи Снесарев касается вопросов взаимоотношений между киргизами и таджиками. «В некоторых кишлаках киргизы живут вместе с таджиками, – сообщал он, – и между ними совсем не заметно какой-либо вражды или взаимной отчужденности. В старину такая вражда существовала; теперь же оба народа живут рядом в добром согласии; говорят, однако, что киргизы, берущие у таджиков в замужество девушек, сами никогда не отдают за таджиков своих дочерей. Точно также поступают и узбеки. Обычай этот напоминает собою правило, соблюдаемое индийскими кастами; высшая каста берет в замужество девушек от касты более низкой, но не отдает в нее своих девушек».

В период сотрудничества с газетой «Туркестанские ведомости» Снесарев опубликовал ряд рецензий на печатные труды русских и иностранных авторов. Часть из них представляла собой перепечатку из тех, что ранее были опубликованы в выпусках «Сборника сведений». Весьма интересна его рецензия на сборник «Обзор Ферганской области. Т. III», особенно раздел, касающийся работы С. И. Полякова «Записки Бабера», представляющей собой перевод на русский язык со староузбекского (чагатайского) «Записок Бабера». Последние были изданы известным русским востоковедом Н. И. Ильминским в оригинале языка рукописи в Казани в 1857 г. В рецензии Снесарев отмечал несовершенство перевода, выполненного С. И. Поляковым, а также отсутствие научного комментария («примечаний»). Представляется, что Снесарев пользовался мнением специалистов, когда оценивал качество перевода Полякова, поскольку сам он чагатайским тюрки² не владел. В Ташкенте имелось несколько крупных специалистов, владевших этим языком, и на помощь которых мог рассчитывать Снесарев, к примеру, генерал Н. С. Лыкошин, В. П. Наливкин, А. А. Семенов и др. С солидной научной лингвистической рецензией на работу Полякова, опубликованной в «Записках Восточного отделения Императорского Русского археологического общества» (ЗВОИРАО), выступил известный русский тюрколог А. Н. Самойлович. Ему была известна рецензия Снесарева в «Туркестанских ведомостях» на работу Полякова. В рецензии Самойлович отметил, что, соглашаясь с мнением Снесарева о недостатках перевода, он все же не видит необходимости в составлении каких-либо примечаний к нему, поскольку это не улучшало качества самого перевода.

Другой рецензией Снесарева, на которую стоит обратить внимание, стал отзыв на работу Ю. Д. Головиной «На Памирах: Записки русской путешественницы» (М., 1902). Достаточно популярная и ни на что серьезное не претендующая книга путешественницы, совершившей в 1898 г. поездку на Памир, неожиданно привлекла внимание Снесарева, уделившего этой незначительной книге весьма объемную рецензию. Отдавая дань литературным способностям автора – «[дневник поездки] написан изящно, не без остроумия и сильно подкупает своею непосредственностью и искренностью», Снесарев подвергает критике вторую часть работы, которая представляет собой географический очерк Памира. Требования Снесарева к автору выглядят чрезмерными: указания на неточности карты Памира, неправильное использование географических терминов, плохое знакомство с литературой вопроса («литература не полна и слишком неудачно подобрана») и др. Он отметил отсутствие у автора ссылок на ряд важных печатных работ по Памиру, в том числе специальных, как например, отчеты офицеров Генерального штаба Д. В. Путяты и П. А. Кузнецова (помещены в закрытом издании Главного штаба), или отчета британской миссии Т. Д. Форсайта в Кашгар, издания настолько редкого, что его не имелось ни в одной российской библиотеке. В конце рецензии Снесарев отмечал: «Может быть, сказанного нами будет довольно, чтобы или удержать читателя, окончившего интересный и изящный дневник, от дальнейшего чтения книги, или внушить ему большую осмотрительность при чтении второй части. Географический очерк и карта только могут поселить путаницу среди широкого круга читателей, вообще так мало знакомых с интересной высокой страной».

Со стороны рецензия напоминала избиение младенцев, интеллектуальный вес и компетенция рецензента были очевидны, но оставлял этот литературный разгром какое-то странное чувство. Могло показаться, что рецензент приложил всю свою интеллектуальную мощь не к тому объекту и перепутал жанр легкого повествования с академическим исследованием. Такой критический напор мог быть частично связан и с тем обстоятельством, что Снесарев только что издал свою собственную работу – «Краткий очерк Памира», – которую считал эталонной. Обостренная реакция Снесарева на работу Головиной могла быть вызвана и сильной конкуренцией, неожиданно возникшей на «памирской ниве». В 1899 г. свой «Очерк Памира» в журнале «Военный

сборник» опубликовал известный исследователь Памира полковник А. Г. Серебренников (в 1902 г. очерк вышел в Петербурге отдельной работой). В 1902 г. Серебренников издает еще одну работу на ту же тему – «Памир (краткий очерк)». Снесареву было также известно о том, что его сослуживец по окружному штабу Генерального штаба капитан З. И. Зайченко завершал свое собственное исследование по Памиру. Над темой Памира работал в это время полковник М. В. Грулев, который вскоре также издал свою работу.

Рецензия Снесарева многими была воспринята несправедливой, в защиту Головиной написал в редакцию «Туркестанских ведомостей» такой видный знаток Памира, как генерал М. Е. Ионов. Любопытна реакция Снесарева на это событие: «Моя критика Головиной вызвала письмо в редакцию (Ионова – губернатора Семиреченской области)... я не счел нужным отвечать, с чем и редактор, видимо, согласился».

Сотрудничество Снесарева с газетой «Туркестанские ведомости» оказалось весьма полезным для становления его как публициста и военного писателя. Это было тем важнее, что в период службы в Туркестане связи Снесарева с центральной прессой еще не были налажены, и газета «Туркестанские ведомости» оставалась для него почти единственной возможностью публично излагать взгляды и мысли. После перевода на службу в Петербург Снесарев вплоть до 1908 г. продолжал публиковать в «Туркестанских ведомостях» статьи и рецензии на среднеазиатскую тематику.

Поездка на Памир (1901 г.)

В период 1898–1900 гг. от начальников Памирского отряда в штаб Туркестанского военного округа поступали донесения о неудовлетворительном состоянии служебных и жилых помещений постов отряда, а также о необходимости ремонта ряда участков Памирского тракта и внутренних коммуникаций, связывавших посты Памирского отряда между собой. Высказывалась также мысль о необходимости изменения дислокации некоторых постов с целью занятия более выгодных тактических позиций, обеспечения бесперебойного сообщения и улучшения медико-санитарного состояния путем выбора мест с более здоровыми условиями.

По докладу начальника штаба округа командующий войсками генерал-лейтенант Н. А. Иванов распорядился создать специальную комиссию из чинов инженерного ведомства округа и окружного штаба для оценки состояния построек Памирского отряда и дорог и выработки плана необходимых мероприятий по их улучшению. Одновременно командующим принято решение о передаче всех построек и дорог на Памире в ведение инженерного ведомства округа.

Была образована комиссия, в которую от военных инженеров вошли помощник начальника военных инженеров округа генерал-майор И. Т. Пославский (председатель) и военный инженер капитан С. К. Афанасьев. От штаба округа в комиссию был включен Генерального штаба капитан А. Е. Снесарев. На военных инженеров возлагались работы по оценке состояния служебных и жилых помещений Памирского отряда, укрепления Иркештам, а также сети дорог. В задачу капитана Снесарева входила стратегическая оценка положения отряда, выработка предложений по расположению постов и тактических позиций, а также по организации разведки в приграничной полосе Афганистана, Китая и Британской Индии. Первоначально предполагалось участие в поездке военного губернатора Ферганской области генерал-лейтенанта А. П. Чайковского, но против этого высказался командующий войсками Н. А. Иванов. Очевидно, это произошло в связи с готовившимся назначением Чайковского на новую должность (начальника 12-й пехотной дивизии) и близким отъездом его из Туркестанского края.

К рекогносцировочной группе на Памир помимо членов комиссии присоединились еще два человека. Один из них был старший сын генерала Пославского Александр, юнкер артиллерийского училища. Другим – адъютант командующего войсками округа поручик П. П. Родственный, который увлекался фотографией и был одним из основателей Ташкентского общества любителей фотографии и изящных искусств. Он воспользовался поездкой на Памир с тем, чтобы провести фотофиксацию всего маршрута рекогносцировочной группы через каждые полторы версты пути. Всего в ходе поездки им было подготовлено около 1000 негативов с видами местности, дорог, рек, озер, перевалов, караван-сараев, кишлаков, памятников древности, а также с этнографическими сюжетами. С 30 сентября по 7 октября 1901 г. П. П. Родственным в Ташкенте была показана фотопанорама Большой Памирской дороги от г. Ош до Хорогского поста. Выставка пользовалась огромным успехом, ее посетило более 3000 человек.

Рекогносцировка Памира, в которой принял участие капитан Снесарев, продолжалась с конца мая по начало июля 1901 г. Перед отъездом на Памир члены комиссии по распоряжению начальника штаба округа были ознакомлены с имевшимися в штабе округа отчетами начальников Памирского отряда, о чем свидетельствуют, к примеру, пометки И. Т. Пославского и А. Е. Снесарева на отчете начальника Памирского отряда 1899–1900 гг. Генерального штаба капитана Аносова. Первоначально планировавшийся отъезд из Ташкента состоялся с задержкой почти в две недели в связи с полученным известием о том, что перевалы в Алайском и Заалайском хребтах еще закрыты из-за снега. Из Нового Маргелана рекогносцировочная группа генерала Пославского проследовала в Ош, где несколько дней готовила все необходимое к дальней дороге: покупали провиант, нанимали лошадей, запасались теплыми вещами. Большую помощь в снабжении группы оказал начальник Ошского уезда полковник В. Н. Зайцев, который был уведомлен о предстоящих работах на Памире еще в апреле 1901 г. Снарядившись, рекогносцировочная группа из г. Ош совершила переход в укр. Гульча. Отсюда начиналась Большая Памирская дорога, обустроенная в середине 1890-х гг. военными саперами под руководством капитана А. Г. Серебренникова. Строительство одного из

участков этой дороги (от Гульчи до пер. Талдык) велось под руководством подполковника Б. Л. Громбчевского. Пройдя из Гульчи по ущелью р. Гульчинки, группа в несколько переходов через урочища Суфи-курбан, Кызыл-джар достигла урочища Ольгин луг, на котором во время Алайской военно-научной экспедиции 1876 г. останавливался генерал М. Д. Скобелев. Русское название урочища, сохранившееся до наших дней, звучит необычно среди киргизских названий этой местности. Во время Алайского похода своих мужей-офицеров сопровождали несколько дам, среди них были четыре Ольги, в числе которых – супруга майора М. Е. Ионова, начальника одного из отрядов. 11 июля 1876 г., во время дневки, в урочище праздновался Ольгин день, и в честь этих смелых именованных название «Ольгин луг» осталось навсегда и нанесено на географическую карту.

Ольгин луг часто служил стоянкой войск и караванов перед подъемом на пер. Талдык (11 600 ф.) в Алайском хребте, с которого начинался спуск в Алайскую долину. Пройдя достаточно трудный пер. Талдык, рекогносцировочная группа вышла в Алайскую долину – традиционное место летних пастбищ ферганских киргизов. Здесь состоялась встреча рекогносцировочной группы с двумя русскими экспедициями, занимавшимися в том году исследованиями на Алае и Памире, – третьей Памирской графа А. А. Бобринского (совместно с Н. В. Богоявленским) и ботанической Ф. Н. Алексеенко (совместно с А. Я. Дзейвером). Сохранилась уникальная фотография встречи русских экспедиций на Алае, сделанная поручиком П. П. Родственным.

Из Алайской долины рекогносцировочная группа через пер. Кызыл-арт в Заалайском хребте спустилась на Восточный Памир и проследовала к оз. Кара-куль – большому соленому озеру близ границы с Китаем. Отсюда дальнейший маршрут группы лежал в долину р. Музкол и к пер. Ак-байтал, с которого начался спуск в долину р. Мургаб и далее к Памирскому посту. На путях к Памирскому посту экспедиционную группу встретил начальник поста и командир казачьей полусотни Памирского отряда подъяесаул Леонтий Андреевич Овчинников с казаками 6-го Оренбургского казачьего полка. На Памирском посту члены группы были тепло встречены офицерами поста, отрядным врачом младшим врачом Кокандского лазарета Владимиром Павловичем Дедовым и его супругой.

Здесь А. Е. Снесарев познакомился с подпоручиком 9-го Туркестанского стрелкового батальона Ф. А. Глуздовским, который на тот момент исполнял должность начальника поста в связи с откомандированием есаула Овчинникова на лечение в Хорог. 4 марта 1902 г. поручик Глуздовский на Ишкашимском посту покончил жизнь самоубийством. А. Е. Снесарев, с болью воспринявший это известие, опубликовал в газете «Туркестанские ведомости» некролог по Глуздовскому. Сам факт публикации некролога на смерть малоизвестного обер-офицера (в газете редко помещались некрологи даже на смерть командиров батальонов), к тому же покончившего жизнь самоубийством, являлся случаем неординарным. «Причина тяжелого акта, – отмечал в некрологе А. Е. Снесарев, – была сложна и чисто личного характера; ее говорить миру не следует, ибо, если сам покойный был сломлен борьбою, не вполне разобравшись в тех тяжелых вопросах, которые жизнь создала для него, то как же поймут и оценят эти вопросы люди посторонние? Я знал Ф. А.; я с ним встречался в одно из своих странствий по окраинам, и мы провели несколько часов в непринужденной тихой беседе. Это был человек молодой, пылкий, учащийся; в нем бушевали надежды, одна другой розвей и увлекательнее. Он готовился в академию, почитывал немало книг в целях самообразования, любил поговорить о вещах умных, более общих и интересных, чем повседневная сутолока. <...> Все в нем носило следы природы неустоявшейся, не вполне “нацеленной”, но природы Богом не обиженной, способной на порывы, а, значит, и на подвиги, во всяком случае, способной на работу. И не жалко ли, не обидно ли, что такой человек, успев так мало дать миру, не отработав своего долга перед людьми и родиной, отошел в страну, откуда no traveller returns?».

От Памирского поста рекогносцировочная группа в сопровождении есаула Овчинникова направилась в Вахан. Пребывание русских офицеров на Памирском посту и их дальнейшие действия не остались незамеченными для британской разведки, имевшей на Памирском посту своего агента (news writer). В донесении политического департамента индо-британского правительства о событиях на Памире за июль 1901 г. сообщалось: «Пять русских офицеров, один из которых занимает видное положение в Ташкенте, которые прибыли на Мургаб в начале июня и занимались выбором места под новый пост, отправились далее в Вахан и Шугнан».

Рекогносцировочная группа через пер. Найза-таш спустилась в Аличурскую долину, прошла мимо озер Сасык-куль и Чукур-куль и через пер. Харгуш (Хоргош) вышла в долину р. Памир, достигнув, тем самым, территории Западного Памира. Редкая фотография вида этой местности, сделанная известным британским археологом Аурелом Стайном, приводится в настоящем издании. Отсюда рекогносцировочная группа направилась к Лянгарскому посту, расположенному в месте слияния рек Памир и Вахандарья, образующих после слияния р. Пяндж. Лянгарский пост располагался напротив выхода долины р. Вахандарья и контролировал пути, ведущие из афганского Вахана в Восточный Памир и китайский Сарыкол. На Лянгарском посту члены рекогносцировочной группы были встречены начальником поста подъесаулом Рыжковым и нижними чинами. С поста открывался великолепный вид на Ваханскую долину и ущелье р. Пяндж. Окружающая местность носила на себе следы некогда оживленной культурной жизни, о чем свидетельствовали многочисленные руины крепостей, сторожевых башен и древних замков.

Из Лянгарского поста группа отправилась вниз по течению р. Пяндж к посту Ишкашимскому. Вьючная тропа шла вдоль правого берега Пянджа, порой очень близко прилегая к афганскому берегу. В пути также встречались древние руины, среди которых особенно выделялись отчатки древней крепости Каакха. Ишкашимский пост располагался напротив афганской крепости Ишкашим, прикрывавшей вход в урочище Игитарг, самое узкое место Ваханского коридора. Расстояние от русского поста Ишкашим до индо-британских владений в этом месте составляло около 20 верст. Эта близость к границе Индии произведет большое впечатление на Снесарева, и позже в его военно-географических трудах станет почти метафорой – «русская граница в двух переходах от Индии».

Начиная от Лянгарского поста и до Хорога речная долина Пянджа была сплошь заселена таджикским населением, весьма малочисленным, проживавшим в небольших кишлаках и отдельных усадьбах. Здесь Снесарев впервые столкнулся с жизнью народа древнего, с самобытной культурой, языком и традициями. «Удовольствием дорогой получаю без конца, много записываю, – сообщал он в письме к сестре. – В долине Пянджа знакомился с таджиками, [которые] являются наиболее чисто сохранившимися арийцами: некоторые их слова так напоминают некоторые наши, или немецкие, или французские слова, что просто поражаешься. <...> Словом, путешествие становится моей сферой, областью громадных и разнообразных для меня наслаждений. Тут такая масса неожиданностей, сказаний, легенд, оригинальных сближений, что при моей пытливости и фантазии – образов и картин (внешних и духовных) не оберешься. Какой интересный народ, сколько поэзии, какие причудливые ландшафты!».

Из Ишкашимского поста рекогносцировочная группа генерала Пославского через теснины Пянджа и пер. Зебак-джангаль достигла кишлака Хорог, в котором размещался одноименный русский пост и управление Памирского отряда. В Хороге рекогносцировочная группа была встречена начальником Памирского отряда подполковником М. С. Бадрицким и подпоручиком П. М. Яременко. В это время Памирский отряд готовился к плановой смене личного состава, намеченной на август 1901 г. Подпоручик 9-го Туркестанского стрелкового батальона Петр Мартинианович Яременко прибыл в отряд весной 1901 г. и остался в нем на второй годичный срок. Находился в Памирском отряде в период командования им капитаном Снесаревым и вместе с ним сменился с Памира. Сохранился уникальный фотографический снимок, сделанный поручиком П. П. Родственным, на котором члены рекогносцировочной группы сняты совместно с офицерами отряда и бухарскими чиновниками.

В Хороге рекогносцировочная группа разделилась: генерал Пославский и другие участники группы отправились к Памирскому посту через ущелье р. Гунт, долину р. Тогуз-булак и пер. Кой-Тезек. С Памирского поста генерал Пославский проследовал к укр. Иркештам на китайской границе и оттуда через Гульчу вернулся в Фергану. Снесарев провел в Хороге около двух недель, занимаясь сбором географического и статистического материала о Памире, а также изучая особенности организации разведки в Памирском отряде. Во время посещения Лянгарского поста Снесарев совершил короткую поездку на верховья р. Памир и посетил оз. Зор-куль («Памирское озеро Виктория»), открытое в 1838 г. британским морским офицером Джоном Вудом (John Wood). Озеро и прилегающие к нему территории были свидетелями многих эпизодов Большой игры – англо-русского соперничества в Центральной Азии. По российско-британскому соглашению 1895 г. по озеру прошла граница между Российской

империей и Афганистаном. Из Хорога Снесарев отправился на исследование долины р. Шахдары, левого притока р. Гунт, откуда вышел на Большую Памирскую дорогу, достиг Памирского поста и через Гульчу вернулся в Фергану.

Участие в рекогносцировке Памира имело чрезвычайно важное значение для Снесарева, как исследователя этой удаленной окраины Русского Туркестана. Поездка на долгие годы определила направление военно-географических и востоковедных исследований Снесарева – Памир и Северная Индия. В ходе поездки им был собран ценный военно-географический и военно-статистический материал, который он блестяще использовал при подготовке специального исследования по Памиру, которое следует признать одним из лучших среди военно-востоковедных работ, – аналитической записки «О Памирах».

Долгое время о записке было мало что известно даже специалистам, занимавшимся изучением Памира в географическом, историческом и этнографическом отношении. При работе над книгой нам удалось обнаружить записку в фондах РГВИА и подготовить ее полный текст с комментариями к печати (публикуется в приложении). Это одна из последних крупных неизданных работ раннего периода деятельности Снесарева. Ввод ее в научный оборот, безусловно, будет способствовать развитию исследований по памироведению, а также изучению истории русской политики на Памире и международных отношений в Центральной Азии в конце XIX – начале XX вв.

Записке Снесарев придавал большое значение, справедливо считая, что содержащиеся в ней сведения и выводы важны не только для будущего Памирского отряда, но и всей русской политики в регионе. В письме к сестре он сообщал в этой связи: «<...> перед отъездом в Лондон я написал докладную записку «О Памирах» на 42 листах и все время за границей думал, что она сдана под сукно. По приезде узнаю, что она дошла до самого командующего войсками, последний от нее в восторге (называл всякими лестными словами), приказал ее переписать и везет с собой в Петербург к военному министру; если и этот окажется в таком же восторге, то записка может дойти до Государя... многочисленные выписки дойдут во всяком случае, ибо статья поднимает много реформ, [которые] разделяются генералом Ивановым».

Записка имеет гриф «секретно» (проставлен рукой А. Е. Снесарева) и составлена, судя по датам ознакомления с ней старших начальников, в конце июля 1901 г., то есть сразу после возвращения из командировки на Памир. Записка представляет собой машинописный текст, напечатанный через два интервала, текст на листе двухсторонний. Общее количество страниц – 113, по архивной описи – 57 листов с оборотами. Нумерация страниц проставлена Снесаревым от руки по центру верхнего поля листа. Каждая страница имеет широкое левое поле, в котором дается оглавление. В нижнем поле страниц помещаются сноски, указанные в тексте. Текст рукописи содержит отдельные правки, сделанные рукой Снесарева, относящиеся преимущественно к исправлению допущенных опечаток. Автографические пометки Снесарева также имеются на ряде страниц – в левом и нижнем полях, и относятся преимущественно к библиографическим сведениям. Часть таких пометок принадлежит другому лицу, очевидно, одному из офицеров, помогавших Снесареву в поиске библиографического материала.

Рукопись имеет многочисленные резолюции и пометки, сделанные в левом поле (преимущественно) страниц и на самом тексте. Они принадлежат различным должностным лицам: командующему войсками Туркестанского военного округа генерал-лейтенанту Н. А. Иванову, помощнику командующего генерал-лейтенанту Е. И. Мациевскому, начальнику штаба округа генерал-лейтенанту В. В. Сахарову, генерал-квартирмейстеру штаба округа генерал-майору М. Д. Евреинову.

Записка «О Памирах» является отчетной работой Снесарева по поставленной ему задаче и вместе с отчетом военных инженеров была представлена командованию военного округа руководителем рекогносцировки генерал-майором И. Т. Пославским. Работа Снесарева вызвала большой интерес со стороны высших должностных лиц округа. Написанная в не совсем свойственной для подобного рода документов манере, с элементами публицистики и академизма (максимальное использование печатных источников, в том числе, иностранных), записка больше напоминает развернутый текст лекции о Памире. В записке Снесарев позиционирует себя как безусловный авторитет в памирском вопросе, он подчеркнуто демонстрирует свою эрудицию, иногда даже излишне применительно к поставленной ему задаче. Разбирая вопросы военного и административного управления Памиром, Снесарев рассматривает их по-новому,

широко, без оглядки на традиционные взгляды. Этот неожиданно новый подход, судя по пометкам высших должностных лиц, вначале обескураживал, но затем заставлял прислушиваться к мнению, часто основанному на трезвом взгляде и рациональном подходе. Неслучайно командующий войсками округа генерал-лейтенант Н. А. Иванов, несмотря на ряд критических замечаний по тексту записки, остался весьма доволен новаторским подходом Снесарева. В документе имеется пометка Н. А. Иванова: «<...> впервые читаю подробный отчет офицера, составленный отличительно, хотя и с наивными толкованиями».

Отзывы старших начальников на взгляды Снесарева в памирском вопросе представляют несомненный интерес, так как дают редкую возможность получить представление об оценке его взглядов и служебной деятельности внутри «военной корпорации». В целом, они положительные, но достаточно критичны, особенно в части вопросов, по которым у Снесарева еще не имелось достаточно знаний и опыта. Это особенно заметно в распределении критических отзывов и пометок по тексту записки. «Военный» раздел вызвал мало возражений у руководства округа, наибольшей критики подвергся раздел административного управления Памиром, в котором Снесарев высказывал ряд радикальных и порой оторванных от реальной жизни идей. К тому времени он имел еще недостаточные познания в области гражданской администрации, особенно применительно к общей политике туркестанских властей по управлению инородческим населением Туркестанского края и особенностям политики в отношении Хивинского и Бухарского ханств, находящихся под русским протекторатом.

Работа Снесарева структурно делится на две большие части – военное и административное управление Памиром. В первую часть, собственно военную, вошли две главы – «Задачи Памиров» и «Деятельность чинов Памирского отряда». Вторая часть работы относится к вопросам административного управления и состоит из двух глав – «Припамирские ханства Вахан, Шугнан и Рошан» и «Памирские киргизы». Работа имеет небольшую заключительную часть, в которой рассматривается военно-политическое значение Памира.

В записке подробно анализируются вопросы организации военного управления Памиром. Снесарев приходит к заключению о наличии в таком управлении ряда недостатков: отсутствие четких инструкций начальнику Памирского отряда, двойственность его подчинения – штабу округа и военному губернатору Ферганской области – и т. д. Снесарев предлагал для простоты управления Памирским отрядом передать его в непосредственное подчинение штаба Туркестанского военного округа. При этом он допускал мысль, что это может привести к обременению штаба округа дополнительной работой, и без того значительной ввиду присоединения к округу Закаспийской и Семиреченской областей. Против этой идеи категорически выступил начальник штаба округа, сделав пометку в тексте документа: «Как бы массой подчиненных слабо организованных частей нач[альник] штаба [округа] действительно не сделался ком[андиром] корп[уса] или н[ачальник]м дивизии и не перестал бы быть нач[альником] штаба. Железнодорожные батальоны, флотилия, кадет[ские] школы, да еще и Памирский отряд!». Соображения Снесарева все же были признаны разумными, и уже в 1904 г. такое переподчинение состоялось, правда, по другой схеме – управление делами Памирского отряда по военным вопросам передали в ведение командира I-го Туркестанского армейского корпуса через начальника 3-й Туркестанской стрелковой бригады (дислоцировалась в г. Новый Маргелан); гражданское управление Памиром оставили за военным губернатором Ферганской области.

Другим важным вопросом, поднятым Снесаревым в записке, явилось обоснование распределения постов Памирского отряда в зависимости от их важности в военном отношении. Существовавшая до этого практика распределения постов отряда не всегда учитывала важность прикрытия наиболее опасных направлений, а чаще основывалась на климатических и санитарных условиях, не всегда обоснованных. Снесарев предложил упразднить ряд постов, перенести другие и перераспределить на них силы и средства. Все посты Памирского отряда делились на две группы – Восточные и Западные. Группа Восточных постов располагалась на Восточном Памире и осуществляла контроль путей, ведущих из китайского Сарыкола и индо-британских владений (Хунза и Гилгит) в глубь Памира и далее к Фергане. В эту группу входили посты: Памирский (центральный в этой группе), Истыкский, Ранг-кульский. В летнее время от них могли выделяться небольшие передовые пикеты с целью непосредственного наблюдения за караванными путями и действиями китайских войск. Группа Западных постов располагалась на Западном

Памире и обеспечивала прикрытие границы со стороны Афганистана. К этой группе постов относились: Хорогский (центральный), Лянгарский и Ишкашимский.

Снесарев, исходя из военной значимости и географического положения, определил наиболее важные в политическом и тактическом отношении посты. При этом он тщательно проанализировал наиболее опасные направления на Памире, обосновал их привязку к перевалам и караванным путям, отметил их оценку в британской географической и военной литературе. Это был, безусловно, инновационный подход в изучении вопроса. В группе Восточных постов по порядку значимости Снесарев выделил Памирский, Ранг-кульский и Истыкский посты. В виду важности Памирского поста он настаивал на переносе всего управления Памирским отрядом из Хорога на Мургаб. «Памирский пост, - отмечал Снесарев, - по своему центральному положению в узле всех памирских путей, по сравнительной близости к культурным центрам, и в частности к телеграфной станции в Гульче, и по расположению в центре торговых движений должен признаваться главным постом на Памирах». Он также обоснованно предлагал перенести пост Истыкский в другое место - на урочище Ак-таш в долине р. Аксу, как наиболее отвечающее тактическим и санитарным условиям. В группе Западных постов Снесарев определил их степень важности в следующем порядке: Хорогский, Ишкашимский, Лянгарский. Он высказался против учреждения поста в Калаи-Вамар, на необходимость существования которого продолжительное время не было единого взгляда, пост то упразднялся, то вновь учреждался. «<...> Калаи-Вамарский пост, - отмечал Снесарев, - не имея ни наблюдательного, ни оборонительного значения, ослабляет маленький Памирский отряд и мог бы принести гораздо больше пользы, будучи присоединен к Хорогскому посту, а частью к Лянгарскому; это вместе с тем облегчило бы продовольствие постов, разрешило бы вопрос о расквартировании людей и облегчило бы службу постов».

Рассматривая группировку индо-британских войск близ Памира и географические условия района, Снесарев пришел к выводу о наиболее важном участке русско-афганской границы на р. Пяндж - «юго-западный угол Памира. В том месте, где р. Пяндж делает самый южный излом». Вывод этот напрашивался сам собою из общего взгляда на карту и знания группировки сил и средств индо-британской армии в Хунзе и Читрале. Однако именно Снесарев впервые доказательно обосновал важность прикрытия этого направления. Суммируя свои доводы, он отмечал: «Сказанные данные показывают, что самая южная излучина р. Пянджа является наиболее важным местом на границе Памиров: здесь возможны наступление как афганских, так и англо-индийских войск, близости расположены значительные их части, прилегающие земли богаты предметами продовольствия, тактические условия благоприятны и, наконец, при дальнейшем продвижении наши войска выходят в обход Хайбера и оборонительных позиций Сулеймановых гор, а войска неприятеля <...> на Памирский пост дорогой, открытой и вполне доступной в течение круглого года». Для прикрытия этого участка границы Снесарев предлагал разместить Ишкашимский пост напротив афганской Ишкашимской долины и усилить его состав. Командующий войсками округа полностью согласился с этим важным выводом Снесарева.

Интерес представляла оценка Снесаревым роли Памира в организации разведки сопредельных государств - Индии, Афганистана и Китая. Сравнивая разведывательную часть Памирского отряда с другими разведывательными центрами Туркестанского военного округа - штабом II-го Туркестанского армейского корпуса, Керками, Термезом, Кашгаром и Кульджой, Снесарев делал вывод, что «как разведывательная инстанция Памиры являются чуть ли не самым важным районом среди других». Этот вывод основывался на географических и этнографических особенностях Памира. С географической точки зрения Памир представлял собой выступ, окруженный с востока, юга и юго-запада китайскими, индийскими и афганскими владениями. С него открывались сравнительно доступные и короткие маршруты в Кашгар, Хунзу и Кабул. С другой стороны, Памир был населен киргизами и таджиками, имевшими родственников в Кашгарии и Афганском Бадахшане. Эти трансграничные связи были весьма удобны для ведения разведки на сопредельных территориях. «Вышеизложенные обстоятельства, - отмечал Снесарев, - указывают, как легко и удобно на Памирах производить разведки: таджик и киргиз всегда без труда проберется к своим заграничным родственникам или единоверцам, а через них и далее в глубины соседних стран, от него не уберется никакая тайна, да, наконец, все новости, слухи, события сами собою будут перебрасываться через те рубежи, которые являются такими лишь для карт и договоров, но не признаются таковыми в глазах прилегающего населения».

Следует заметить, что в целом верное суждение Снесарева на практике не всегда оказывалось подтвержденным. Разведывательная практика Памирского отряда показала, что по мере ужесточения пограничного режима и усиления контрразведывательных мероприятий властями сопредельных стран посылка разведчиков из числа местных жителей становилась очень сложной и не всегда выполнимой задачей. Отсутствие по ту сторону границы крупных городов, оживленной караванной торговли значительно сковывали возможность агентурной работы. Появление незнакомцев в небольших селениях, где все друг друга знали, редко оставалось незамеченным и сразу становилось известным властям. Сам характер местности – горный ландшафт, перерезанный стремительными реками и ущельями, не всегда доступными перевалами и т. п., допускал движение по очень ограниченному числу маршрутов, легко контролируемых постами и дозорами. Наконец, разведчики совершенно не имели возможности проникнуть в военные центры Афганистана и Северной Индии, достаточно удаленные от Памира, и ограничивались действиями в приграничной полосе. В силу этих причин разведка Памирского отряда велась преимущественно в тактической зоне и редко осуществлялась в глубине территории приграничных государств. Кроме того, имелась большая проблема с подготовленными кадрами из числа местных разведчиков – проблема, на которую указывал в своей записке и Снесарев, но которая так и не была решена вплоть до 1917 г. Добытых сведений вполне хватало для разведывательного обеспечения самого Памирского отряда, но они совершенно не удовлетворяли потребностей штаба Туркестанского военного округа.

Значительный интерес представляет часть записки, относящаяся к вопросам административного управления Памиром. По условиям афганского разграничения бухарский эмир в обмен на территорию Запанджского Дарваза в качестве компенсации получал правобережную часть Вахана, Шугнан и Рошан. Формально к моменту завершения афганского разграничения эти территории принадлежали России, поскольку после занятия Памира оказались в сфере ее фактического контроля. Чтобы завершить процесс разграничения и избежать осложнения отношений с бухарским эмиром, русским правительством было принято решение о передаче вышеуказанных территорий под контроль бухарских властей. Сам бухарский эмир, мало знакомый с этими землями, не проявлял особого желания стать их полноправным хозяином, опасаясь, что расходы по содержанию бухарской администрации в этих территориях превысят ожидаемые доходы. В 1896 г. последовало Высочайшее повеление о передаче эмиру бухарскому восточной части Шугнана и Рошана и северной части Вахана. Этим же документом была в общих чертах установлена граница между русскими и бухарскими владениями на Памире. Фактически весь Западный Памир передавался под управление бухарской администрации. На начальника Памирского отряда в пределах Западного Памира возлагалась обязанность охраны государственной границы и общий контроль над населением, без вмешательства в дела внутреннего бухарского управления. Последнее осуществлялось на Западном Памире особым беком, назначаемым бухарским эмиром по согласованию с русским политическим агентом в Бухаре. Несмотря на переход частей Шугнана, Рошана и Вахана под бухарскую юрисдикцию местное население отказывалось признавать себя подданными бухарского эмира и платить налоги бухарским сборщикам. Ситуация фактического двоевластия на Западном Памире значительно осложняла деятельность начальника Памирского отряда, приводила к ситуациям, требовавшим его непосредственного вмешательства в дела административного управления, что вызывало неудовольствие бухарских властей и служило источником бесконечных объяснений и переписки начальника отряда со штабом округа. С этой ситуацией Снесарев столкнется в период командования Памирским отрядом.

Трения между местным населением и бухарской администрацией были особенно нежелательны для туркестанских властей в виду стратегического положения Памира близ границ Британской Индии. В мае 1897 г. туркестанская администрация отправила командиру Памирского отряда Генерального штаба капитану В. В. Эггерту распоряжение использовать всю силу морального авторитета для воздействия на бухарскую администрацию с целью обеспечения справедливого отношения к местным жителям. В декабре 1898 г. Генерального штаба подполковник П. А. Кузнецов по поручению туркестанского генерал-губернатора встретился в Бухаре с эмиром и обсудил возможность перевода припамирских бекств под русскую администрацию. Эмир бухарский не возражал, но заявил, что возврат территорий нанесет удар по его репутации. Российский политический агент в Бухаре В. И. Игнатъев также выступал за

полную передачу территорий Западного Памира под управление России. В начале 1899 г. российское Министерство иностранных дел разрабатывало проект секретного договора между Россией и Бухарским эмиратом о передаче Западного Памира под российскую юрисдикцию. Готовились меры и частного порядка, чтобы компенсировать эмиру репутационные потери от самого факта такой передачи, к примеру, добавление к его имени титула «Высочество», награждение орденом Святого Андрея Первозванного или производство в генералы от инфантерии. Однако против передачи территорий выступил туркестанский генерал-губернатор С. М. Духовской, полагавший, что этот шаг может быть использован Великобританией для получения территориальных уступок в регионе. Этот довод имел под собой серьезное основание, особенно в условиях приобретающего остроту сарыкольского вопроса и попыток индо-британских властей добиться от Китая территориальных уступок на Тагдумбаш-Памире и в Раскеме в пользу Хунзы.

А. Е. Снесарев, кратко напомнив в записке историю перехода припамирских бекств под юрисдикцию бухарского эмира, остановился на всей невыгодности для России создавшегося положения и указал на возможность обострения ситуации из-за «наличности на Памире двух властей». Снесарев предлагал взять за основу административного управления Памиром разработанный в туркестанской администрации в 1899 г. проект управления, общий смысл которого сводился к образованию особого Памирского отдела и передаче начальнику Памирского отряда управления всеми памирскими областями, с наделением его в служебном отношении правами начальника отдела (по примеру Амударьинского отдела). Весь Памирский отдел предполагалось разделить на четыре волости, которые подчинялись бы начальникам соответствующих постов. Предполагалось также ввести налогообложение местного населения с целью покрытия расходов по управлению уездом. В записке Снесарев высказывался за полный перевод припамирских бекств под управление России, как единственное условие создания нормальных условий для жизни местного населения: «<...> По вопросу о воссоединении к нам припамирских ханств – Вахана, Шугнана и Рошана мы вправе сделать вывод, что по причинам общегосударственным, военным и экономическим эти ханства должны быть отобраны от эмира бухарского и взяты под непосредственное владение». Снесарев считал, что не следует выдумывать предлога для того, чтобы забрать у эмира бухарского то, что «ему не принадлежит». «Беспокойство относительно эмира дошло до того, – отмечал Снесарев, – что стали даже сомневаться, какой предлог придумать, чтобы взять от него ханства. Казалось бы, что вековая практика англичан в Индии доказала, что это дело совсем пустое и над ним совсем не стоит задумываться».

Как мы уже отмечали выше, записка Снесарева в части административного управления Памиром вызвала наибольшую критику со стороны высшего руководства. Идея Снесарева о полном переводе припамирских бекств под юрисдикцию России имела своих сторонников как в Военном министерстве, так и в Министерстве иностранных дел. В известном смысле, это было лишь отдельным эпизодом общей дискуссии в военной, дипломатической и административной элите о будущем Бухарского эмирата в составе Российской империи. В России в то время уже имелась довольно влиятельная партия государственных и общественных деятелей, военных и журналистов, призывавших покончить с независимостью «страны бесправия» (по образному выражению Д. Н. Логофета) и «водворить в ней русскую гражданственность». Для туркестанского генерала-губернатора Н. А. Иванова, разделявшего взгляды своего предшественника генерала С. М. Духовского, предложения, вроде высказанного Снесаревым, были неприемлемыми. Иванов, подобно Духовскому, не желал создавать самим актом передачи земель осложнений с Великобританией, особенно в условиях сарыкольского кризиса и тревожного положения на границе Семиречья в связи с «боксерским восстанием» в Китае. Кроме того, Иванов понимал, что эмир бухарский пользовался расположением российской императорской семьи, и высшая власть не была готова к осложнению отношений с эмиром по памирскому вопросу.

Применительно к другим вопросам административной политики на Памире Снесарев демонстрировал типичный для того времени имперский подход с доминирующей идеей о высокой цивилизирующей роли России в отношении диких окраин и ее культурном превосходстве над «некультурными государствами». Применительно к киргизскому населению Памира он указывал на необходимость «приобщить киргиз к культуре» и подчинить решению общегосударственных задач. В этом отношении он был идейно близок к другим представителям «туркестанского ориентализма» – Н. А. Маеву, В. П.

Наливкину, Н. П. Остроумову и др.

Снесарев считал необходимым внушать киргизам дух «семьи русской» и всячески бороться с их «кочевым космополитизмом» – задачи неподъемные по тем временам и, как справедливо заметил Н. А. Иванов, выполнение которых займет жизнь нескольких поколений. Снесарев предлагал разработать такую систему мер, которая препятствовала бы перекочевкам киргизов на территории соседних Афганистана и Китая. Он придерживался в вопросе перекочевки крайних взглядов и считал, что «бежавшие должны признаваться государственными преступниками». Этот неожиданный подход поразил даже консервативных туркестанских администраторов, в этом месте записки командующий войсками поставил пометку: «Господи помилуй!». Туркестанское начальство смотрело на перекочевки киргизов как на неизбежное зло, понимая, что происходили они не от желания киргизов уклониться от уплаты налогов или трудовой повинности, а больше от бескормицы, являющейся результатом суровых климатических условий Памира. С перекочевками киргизов покончили в более позднее время, когда в 1927 г. войска ОГПУ перешли на Памире к сплошной охране государственной границы.

Весьма интересны взгляды Снесарева на требования, которые должны были предъявляться командному составу Памирского отряда. Он указывал на необходимость тщательного подбора офицеров, особенно начальника отряда. Специфика деятельности отряда, большой пространственный разброс постов предъявляли особые требования к кандидату на должность начальника Памирского отряда. Снесарев указывал, что сама обстановка службы требует иметь «человека молодого, свежего, исключительно высоких нравственных принципов, тактичного, имеющего строевую и хозяйственную опытность, знающего основательно Памиры, подготовленного к пониманию явлений в соседних странах и производству в них успешных рекогносцировок, и, наконец, способного на случай осложнений повести дело на свой страх и риск. Едва ли ошибочно будет сказать, что такому требованию может удовлетворить или исключительно дарования строевой офицер, владеющий разносторонним общим и военным образованием, или офицер с высшим образованием, скорее всего, офицер Генерального штаба, при условии удовлетворения им тех из перечисленных качеств, которые не могут быть усвоены в стенах академии».

В деятельности Памирского отряда особая роль принадлежала заведующему отрядным хозяйством. Снесарев считал, что кандидатом на такую должность должен быть офицер с безукоризненной служебной репутацией и высокой нравственностью. От младших офицеров он требовал высокую физическую выносливость, способность переносить продолжительные конные поездки и умение вести топографическую съемку местности. Для службы на Памире Снесарев считал необходимым отбирать исключительно людей здоровых в физическом и психическом отношении. По его, почти крылатому, выражению: «Климат Памира здоровый, но только для здоровых людей».

Важное значение имели мысли Снесарева об организации быта офицеров и нижних чинов Памирского отряда. В условиях сурового памирского климата и продолжительного нахождения вдали от цивилизации бытовая сторона службы приобрела особую роль. Снесарев считал важным обставить жизнь офицеров с максимальным комфортом: снабдить удобной мебелью, книгами, организовать правильную доставку почты и др. Для нижних чинов он предлагал создать хорошие бытовые условия и организовать правильное питание. Он также призывал обратить внимание на духовно-религиозную сторону быта солдат и казаков и разными мероприятиями поддерживать религиозное настроение людей. Большое значение он придавал организации в отряде солдатской библиотеки и возможности пользоваться ею нижним чинам с дальних постов. Он также указывал на охоту, которая могла быть не только хорошим средством развлечения и физической подготовки, но и способствовать совершенствованию навыков в стрельбе. «Проходить курсы стрельбы на Памирах, – отмечал Снесарев, – не представляется возможным по многим причинам, в результате чего нижний чин может в 2 года не сделать ни одного выстрела. Явление, по нашим воззрениям на винтовку и отношение к ней нижнего чина, весьма не похвальное. Охота давала бы возможность человеку до некоторой степени не забывать своего оружия и не привыкать смотреть на него как на дубину, оттягивающую плечи».

В заключении работы Снесарев кратко остановился на значении Памира в политико-экономическом и стратегическом отношениях. Применительно к первому, он замечал, что занятие Памира создало для России выгодную геополитическую позицию, с которой

возможно не только наблюдать, но и влиять на события в сопредельных странах. Владение Памирами, по мысли Снесарева, лишало Британскую Индию возможности использовать кратчайшие пути для торгового проникновения в соседний Восточный Туркестан.

В стратегическом отношении Памир позволил России приблизиться к индо-британским владениям и занять выгодное исходное положение в случае военного конфликта как с Афганистаном, так и с Британской Индией. По мысли Снесарева, движение русских войск за Амударью являлось исторически неизбежным. «Что же касается до Северного Афганистана, - замечал он, - то здесь рано или поздно мы должны ожидать борьбы и нашего дальнейшего продвижения на юг <...>». В другом месте его видение предстоящего конфликта с Афганистаном, а следовательно и с Британской Индией, высказано более конкретно: «<...> Амударья, являясь границей в настоящее время, вероятно, играет эту роль временно, что повторность и аналогичность исторических явлений должна сказаться в переходе нашей границы через реку и продвижения ее до Гиндукуша и его западных отрогов. Что последний хребет должен быть нашей естественной границей с Англией и будет ею <...>». Этот географический детерминизм русской политики в Средней Азии и поход за Амударью, как стратегический императив, составили основу геополитических воззрений Снесарева на историческую перспективу. После англо-русского соглашения 1907 г. эти идеи ушли из сферы публичности, но по-прежнему составляли теоретическую основу взглядов Снесарева на среднеазиатский вопрос.

Записка «О Памирах» имеет чрезвычайно важное значение для изучения туркестанского периода жизни А. Е. Снесарева, того времени, когда происходило формирование его геополитических, стратегических и военно-востоковедных взглядов. Она предоставляет в распоряжение историка ценный материал по истории русской политики на Памире и в сопредельных странах в период активного англо-русского соперничества. Записка важна для истории военного и административного управления Памиром, взаимоотношений России с Бухарским эмиратом на Западном Памире. В записке Снесарев заложил те основы управления Памиром, организации и деятельности Памирского отряда, которые практически без изменений просуществовали до последних дней Российской империи.

Русский с улицы Монтагью

Мысль посетить Лондон возникла у Снесарева сразу после поездки в Индию. Однако приступить к реализации замысла ему помешала большая служебная занятость. В письме к сестре Клавдии летом 1900 г. он сообщал о возможности переноса поездки по времени: «Свою поездку в Лондон я пока не оставил и, вероятно, осуществлю, но только позже». В 1900 г. совершить путешествие в Великобританию ему не удастся, но он полон решимости сделать это в следующем году. В письме к сестре в новогоднюю ночь 31 декабря 1900 г. он пишет, что главные его задачи в 1901 г. – поездка в Лондон для усовершенствования в языке и знаниях по Индии и подготовка отчета по Индии.

Основной целью поездки в Великобританию, как ее определял Снесарев, была работа в британских библиотеках с целью изучения основных печатных изданий по Средней Азии и Индии, что позволило бы приступить к написанию крупной военно-географической работы по Индии. Этот труд замыслился им как итоговый отчет о поездке в Индию. Об этом свидетельствует и архивный документ. В письме командующего войсками округа на имя начальника Главного штаба это сформулировано следующим образом: «Поездка в Лондон предпринята капитаном Снесаревым в видах возможно широкого сбора литературного материала, необходимого для полноты его отчетной работы по командировке в Индию».

В литературе иногда встречается указание на то, что Снесарев находился в Лондоне в командировке. Это не соответствует действительности, послужной список Снесарева не содержит записи о служебной командировке. Кроме того, подобная командировка офицера за границу являлась служебным заданием и подразумевала необходимость получения Высочайшего соизволения. В фондах РГВИА, относящихся к этому эпизоду, таких сведений – переписки между штабом Туркестанского военного округа и Главным штабом, служебной записки управляющего делами ВУК на имя начальника Главного штаба, докладной записки по Главному штабу с резолюцией военного министра и пр. – нам обнаружить не удалось. Для поездки в Лондон Снесарев мог воспользоваться полагавшимся ему отпуском. По действовавшему тогда положению, офицеры, окончившие курс в Николаевской академии Генерального штаба, имели право на четырехмесячный отпуск с сохранением полного содержания, но воспользоваться этим правом они могли лишь в течение трех лет. Предоставленным правом Снесарев решил воспользоваться в 1901 г. после завершения служебной поездки на Памир. В письме к сестре с маршрута рекогносцировки на Памире он сообщал: «Думаю там [в Ташкенте] быть 8-10 июня, а через 10-15 дней тронусь в Лондон». В реальности командировка на Памир несколько затянулась, и Снесарев вернулся в Ташкент только 10 июля.

Подав рапорт начальнику штаба округа, Снесарев 20 августа получил разрешение на отпуск с правом выезда за границы Империи. Представляется, что это разрешение было получено Снесаревым только благодаря хорошему расположению к нему начальника штаба генерал-лейтенанта В. В. Сахарова. Окружной штаб в это время готовился к предстоящей инспекции войск округа военным министром А. Н. Куропаткиным, и каждый офицер Генерального штаба был на счету. Полученные им денежные средства в размере трети годового жалования – 420 руб., были невелики, и для поездки за границу ему пришлось изыскивать дополнительные средства. К примеру, стоимость проезда на одном из участков выбранного Снесаревым пути от Ташкента до Астрахани (через Баку) в вагоне и каюте I-го или II-го класса составляла примерно 70 руб. При этом прогонных денег ему не выдавалось, что существенно ограничивало его бюджет.

Из Ташкента Снесарев выехал немедленно по получении разрешения начальника штаба округа, продолжительность отпуска была крайне небольшая для задуманной поездки, и он был очень ограничен во времени. По Закаспийской железной дороге Снесарев добрался до Красноводска, откуда пароходом через Баку достиг Астрахани и по Волге совершил поездку в Самару. «У устья Волги, – писал Снесарев, – я вступил в среду чисто русскую: люди и речь – все было родное и после Азии вздыхалось легче». Далее точное направление его маршрута не совсем известно, предположительно, путь из Самары лежал в Москву или Петербург. Известна точная дата пересечения Снесаревым границы с Германией на пограничной станции Вержболово – 3 сентября.

Накануне отъезда из Ташкента Снесарев договорился с редакцией «Туркестанских ведомостей» о публикации серии очерков в форме писем с дороги. Серия эта получила название «От Ташкента до Лондона». Всего им было опубликовано три очерка, каждый

из которых относился к определенному отрезку пути: по России (Письмо I), по европейским странам – Германии, Бельгии и Франции (II), и Англии (III). Последний очерк менее всего напоминает путевые наблюдения и целиком посвящен теме восприятия в Великобритании событий второй англо-бурской войны. Очерки оказались не самым лучшим литературным произведением Снесарева, они были сыры, во многом тенденциозны, в них отсутствовал единый замысел. Тем не менее, они имеют значение для лучшего восприятия взглядов и убеждений Снесарева в начальный период службы в Туркестане.

Значительную часть впечатлений первого очерка – о Русском Туркестане – составляют наблюдения над коренными жителями Туркестана, оказавшимися в одном вагоне с Снесаревым. В тоне его наблюдений чувствуется влияние настроений в высшем туркестанском обществе – имперского превосходства, колониальных парадигм и этнической сегрегации, всего того набора воззрений, столь характерного для правящих колониальных элит. «Заплативши лишний полтинник или рубль, – замечает Снесарев о пассажирах вагона, в котором он ехал, – он [туземец], оставаясь дикарем, получает доступ в общество людей, с ним ничего общего не имеющих, и деспотически распоряжается общим спокойствием и настроением. <...> Не лучше ли было создать такой порядок вещей, при котором туземец мог усматривать, что ему нет доступа к людям образованным, будь он хоть миллионер, если он не умеет выполнять общепринятых элементарных правил культурного общежития». Эта мысль, безусловно, подсказана опытом поездки по Индии, в которой британцы предусмотрели возможность раздельного проезда европейцев и местных жителей.

От русской границы путь Снесарева пролегал по территории Германии – Эйдукунен, Диршау, Крайц, Берлин, Кельн. Описание увиденного достаточно скучно и сильно отягощено предвзятыми оценками: поезда в Германии движутся медленнее, чем в России (что было вполне естественно, с учетом плотности германских станций), местность скучная, вокзалы пропахли пивом и т. п.

На одной из немецких станций его внимание привлек стеллаж с русскими книгами. «На одной из зал станции, – писал Снесарев, – обращал на себя внимание большой шкаф с книгами, среди которых было много русских *запрещенных* (курсив Снесарева. – М. Б.)... правильнее говоря, только запрещенные, иных не было. Мне приходилось уже знакомиться с этого типа литературой неоднократно, и я мог, не боясь их опьяняющего действия, приобрести несколько для дорожного чтения. Мне было интересно узнать, изменился ли хоть отчасти нервно-враждебный тон всех этих книг, почти всегдашняя безграмотность – результат отчуждения авторов от родины, какая-то наивная приподнятость в изложении, а что главное, – почти постоянная бесцеремонность по отношению к правдивости содержания.

Приходилось с грустью убедиться, что все эти особенности были налицо в том нервном книжном материале, который я пробежал теперь; ярче же всего он сказывался в произведениях явно еврейского штемпеля; в последних уродования нашего прекрасного языка и всевозможные натяжки были просто комичны. Но не перечисленные выше особенности литературы поражали меня – с ними приходится встречаться в других местах, – а общий безотрадно пессимистический тон, всюду сказывающееся отсутствие веры в зиждательные силы своей родины.

В этом отношении книги удивительно сближались с произведениями английских писателей, трактовавших об успехах России в Азии; почти начиная со времен Крымской кампании в этих сочинениях с болезненным упорством повторялось, что Россия – накануне банкротства, что в ней нет сил для продолжения усвоенной ею политики, что Россию вот-вот ожидает нечто ужасное и т. д. и т. д.; это с удивительной пунктуальностью повторяется до наших дней. И что же? Некоторые из пророков уже покоятся в могиле, а наша родина все ширится и крепнет, поражая мир неистощимостью и богатством своих духовных сокровищ».

В Берлине во время короткой остановки Снесарев прогулялся по центру ночного города и был приятно удивлен его оживленными, залитыми электрическим светом улицами. В Кельне он осмотрел знаменитый своей готической архитектурой Кельнский собор. «Когда вы вступаете под своды храма, – замечал Снесарев, – когда вас окутает его таинственный полумрак, и сверху нависнут величественные художественные формы, вы должны неминуемо пережить приподнятое настроение. Поражает единство и

определенность религиозной мысли, вылившиеся во всей архитектуре и во всех ее деталях. В строителях храма не было артистических причуд или каких-либо разлагающих сомнений; они знали, что строят храм Божий, и их религиозная мысль выливалась в яркую и цельную форму».

Путешествие по Бельгии также не вызвало никаких восторгов у Снесарева: «Это была сплошная фабрика, производившая неприятное впечатление страшной теснотой и скученностью». Франция в очерках представлена двумя сюжетами: о том, что весь Париж танцует, и об особенностях французского смеха.

Последний очерк серии, как уже было сказано выше, не представляет собой путевых наблюдений, но заключает в себе взгляд автора на англо-бурскую войну. Этот очерк, исходя из даты публикации, был написан уже после возвращения в Ташкент. Была еще и четвертая часть очерков, целиком относящаяся к Великобритании. Она осталась неопубликованной. Причины, по которым это произошло, нам не известны. Очерк вполне мог забраковать редактор «Туркестанских ведомостей», от идеи напечатать его мог отказаться и сам Снесарев. Четвертая часть очерков представляет собой крайне тенденциозный продукт, пронизанный англофобией. В этой части Снесарев, например, указывал, что «при первом знакомстве с английским обществом вас резко поражает его невежество, необладание той суммой сведений, которая на континенте считается необходимой для всякого образованного человека». Встречаются и замечания вроде: «англичане почти ничего не читают», что у них «узость умственных интересов» и «нету голов» и пр.

Весьма странно, что эти суждения были вынесены после знакомства с культурной столицей Великобритании (Снесарев не видел британской глубинки), после посещения музеев и библиотек, живого общения с образованной публикой. Пройдет всего несколько лет, и он заметно пересмотрит свои взгляды, они приобретут большую зрелость и объективность. В 1906 г. у него звучат уже другие оценки: «культурное преимущество» Англии перед Россией, «большая культура Англии», и что в смысле развития политического дарования «Англия как нация, и англичанин, в частности, стоят значительно выше России и русского». Может быть, на эту эволюцию взглядов сильно повлияло поражение в войне с Японией и последовавший за ней всероссийский погром. Эти события позволили русской интеллигенции критичней взглянуть на себя и на окружающий Россию мир.

Снесарев застал Великобританию в период смены веков – перехода от викторианской к эдвардианской эпохе. Лучше всего получить представление о том, чем жила страна в 1901 г., поможет хронология некоторых событий. 22 января 1901 г. умерла королева Виктория, на престол взошел ее старший сын Эдвард VII. 31 марта состоялась перепись населения Англии и Уэльса, которая показала наивысший за всю историю страны уровень занятости населения в промышленном производстве. 2 мая открылась международная выставка в г. Глазго, в которой приняли участие русские промышленники и торговцы. О подготовке к ней Снесарев знал из публикаций в «Туркестанских ведомостях». 16 мая в доках в Дамбартоне (Шотландия) спущено на воду первое в мире коммерческое судно с паровой турбиной. 1 июля Скотланд-Ярд открыл свое первое дактилоскопическое бюро, существенно усложнив жизнь британским преступникам. 5 августа в лондонском районе Ислингтон открылся первый в стране кинотеатр. 6 августа экспедиция известного полярного путешественника Роберта Скотта отправилась на исследование моря Росса в Антарктику. 30 августа Губерт Бут запатентовал первый в мире электрический пылесос. 7 сентября Великобритания вместе с несколькими другими странами подписала протокол о завершении военной операции по подавлению «боксерского восстания» в Китае. 2 октября первая британская подводная лодка заложена на верфях Барроу-ин-Фернесс. 12 декабря Гульельмо Маркони принял первый трансатлантический радиосигнал, посланный из Корнвалла в Ньюфаундленд. В этом году (1901) электрические трамваи появились на улицах Лондона, Глазго и Портсмута.

В Лондон Снесарев приехал в начале сентября 1901 г. Огромный город с величественной архитектурой, парками, вокзалами, толчеей народа не мог не поразить его воображение. В Лондоне он буквально разминутся с Лениным, приехавшим туда вместе с Крупской по делам газеты «Искра». Снесарев покинул Лондон в декабре 1901 г., Ленин приехал в апреле 1902 г. Они останавливались в одном районе города, посещали библиотеку Британского музея. В библиотеке Британского музея (ныне Британской библиотеке) и

сегодня Ленина помнят и часто упоминают его слова о том, что коллекции русских книг в библиотеке лучше библиотечных собраний Москвы и Петербурга. «Лондон поразил нас своей грандиозностью», – вспоминала Надежда Крупская.

Эта грандиозность была видна Снесареву каждый день из окна его квартиры. В Лондоне он остановился в меблированной комнате с пансионом (9 фунтов в месяц или 66–67 рублей по тогдашнему курсу) в доме № 9 на короткой улице Монтагью (Montague Place), обращенной на северный фасад Британского музея. Улица носила свое название по имени герцога Монтагью, чей большой дом с парком был в 1755 г. продан Британскому музею (осн. в 1753 г.). При строительстве музея в 1823–1847 гг. дом был снесен, но название улицы сохранилось. Ко времени приезда туда Снесарева эта улица представляла собой сплошной ряд викторианских доходных домов и небольших недорогих отелей. В 1927 г. участок земли, прилегающий к площади Рассел (Russel Square), с викторианскими домами был приобретен фондом Рокфеллера и подарен Лондонскому университету для строительства нового университетского городка. В 1932–1937 гг. на участке велось строительство головного корпуса университета – здания Сената (Senate House) и дом, в котором останавливался А. Е. Снесарев, снесли вместе с другими домами на улице Монтагью. Теперь здесь высится громада Сената, построенная в стиле арт-деко по проекту английского архитектора Чарльза Холдена (Charles Henry Holden), больше известного своими проектами станций лондонской подземки. Как говорят сами лондонцы, здание Сената больше подходит для Нью-Йорка, чем для Лондона. Во время Второй мировой войны в здании размещалось британское министерство пропаганды. Неудивительно, что этот район Лондона бомбился немцами с особым ожесточением.

Главной целью поездки в Лондон для Снесарева была работа в знаменитой библиотеке Британского музея – крупнейшем книгохранилище мира. В то время, чтобы получить доступ в библиотеку, требовалась особая рекомендация. Снесарев представил в библиотеку рекомендацию, выданную ему российским императорским посольством в Лондоне. За рекомендацией Снесарев обратился заблаговременно. В этом деле ему могли помочь русский военный агент в Лондоне полковник Н. С. Ермолов или русский политический агент по азиатским делам П. М. Лессар. Последний был известен своими географическими исследованиями в Средней Азии, участвовал в работах афганской разграничительной комиссии и служил политическим агентом в Бухаре, т. е. был тем человеком, который не мог не помочь офицеру-туркестанцу.

Библиотека и ее атмосфера произвели большое впечатление на Снесарева: «Можно ли вообразить себе что-либо более возвышающее, как сидеть в этой громадной комнате, имеющей по стенам тысячи книг – вековое воплощение человеческой мудрости и дум... <...>. В комнате тихо, везде народ серьезный и сосредоточенный... <...> Читаю, главным образом, по своему сочинению по Индии».

При работе в библиотеке он часто сталкивался с затруднениями, связанными с недостаточно высоким уровнем знания английского языка, о чем свидетельствует характер записей в тетрадях-конспектах. Интересующие его книги просматривались и реферировались в наиболее интересных местах. Количество книг и периодики, с которыми удалось ознакомиться Снесареву, значительно. Основной интерес был связан со среднеазиатской тематикой: Афганистан, Памир, Индия и северо-западная граница Индии.

При работе над книгой нам удалось получить небольшую, но весьма ценную информацию о работе Снесарева в библиотеке Британского музея. Она явилась результатом запроса в центральный архив Британской библиотеки о наличии документов, относящихся к А. Е. Снесареву. По сведениям архива, капитан Снесарев (Capt. Andreas E. Snesareff) на основе рекомендации российского посольства в Лондоне в сентябре 1901 г. получил право доступа (ticket) для работы в библиотеке сроком на три месяца. При сверке журнала регистрации читателей (Establishment list), допущенных в читальный зал (Reading Room) библиотеки Британского музея, было установлено, что Снесарев посещал библиотеку только в сентябре 1901 г. Записей в журнале регистрации о посещении Снесаревым библиотеки за период октябрь–ноябрь 1901 г. не обнаружено, что свидетельствует о том, что он не посещал библиотеку в указанный период. По справке из центрального архива Британской библиотеки, Снесарев в декабре 1901 г. (перед самым отъездом из Лондона) продлил право пользования библиотекой еще на три месяца. С какой целью им это было сделано, остается не вполне ясно, но одно

предположение имеется, и скажем мы о нем ниже.

По какой причине Снесарев, с таким трудом вырвавшийся в Лондон, отказался от продолжения работы в библиотеке Британского музея, оставалось для нас загадкой. Этот эпизод требовал какого-то логического объяснения. Первоначально возникла следующая версия событий. Вполне возможно что при работе в библиотеке он столкнулся с языковыми трудностями не столько при обработке самих книг, сколько с трудностями, связанными с поиском книг в каталогах, оформлением заказов, общением с персоналом. Тот из иностранцев, кто первый раз попадал в читальный зал Британской библиотеки или в британские архивы, поймет, о чем идет речь. Этот языковой дискомфорт мог оказывать большое психологическое давление на Снесарева.

Другой причиной, по которой он мог отказаться от продолжения работы в библиотеке, стало осознание того факта, что значительная часть интересующей его литературы имелась в свободной продаже в многочисленных книжных лавках, разбросанных на прилегающих к Британскому музею улочках района Блумсбери. Действительно, большую часть интересовавших Снесарева книг по индийской и среднеазиатской тематике составляли свежие географические и статистические издания, которые отнюдь не являлись библиографической редкостью. Это наглядно видно из списка литературы, которой он пользовался при составлении большинства своих военно-востоковедных трудов. Было бы интересно в связи с этим вопросом изучить полный список законспектированной Снесаревым литературы, содержащейся в его конспектах, которые он вел в период пребывания в Лондоне. По сведениям А. А. Снесарева, в архиве семьи Снесаревых хранятся две такие тетради-конспекта, общим объемом около 150 страниц текста, написанных уборым почерком. Первая запись в тетрадях датирована 13(26) сентября 1901 г., последняя – 28 ноября (11 декабря) 1901 г. Фотография странички одной из тетрадей публикуется в настоящей книге. На ней имеется дата, проставленная рукой Снесарева, – 4 октября, т. е. время, когда он уже не работал в читальном зале библиотеки. Книга, к которой относится конспект записей за 4 октября – *The Valley of Kashmir. by Walter R. Lawrence. London, 1895* – была новой и достаточно заурядной, имелась в широкой продаже в Лондоне. Ходить в библиотеку Британского музея, чтобы ознакомиться с ней, действительно не имело для Снесарева никакого смысла. Ее можно было купить и обрабатывать на дому в более комфортной обстановке, чем в библиотеке. По этому сценарию могла разворачиваться работа и с другими книгами, которые он легко мог приобрести в книжных магазинах Лондона. Известно, что из поездки в Лондон Снесарев привез большую коллекцию книг на английском языке. Эта версия событий была лишь попыткой объяснить имеющийся факт – отсутствие Снесарева в библиотеке Британского музея в октябре-ноябре 1901 г.

Когда работа над книгой была уже практически завершена, и сюжет о работе А. Е. Снесарева в библиотеке Британского музея исчерпан, в нашем распоряжении оказались архивные документы, поиск которых был долгим и, как казалось, безнадежным. Документы Национального архива Великобритании неожиданно дали ключ к разгадке того факта, что в общей сложности в библиотеке Британского музея Снесарев проработал не более двух недель.

Ключевую информацию предоставили списки пассажиров, прибывающих в Великобританию морем из Соединенных Штатов Америки, хранящиеся в Национальном архиве в г. Кью. Списки велись эмиграционной службой Великобритании в портах прибытия и охватывают значительный период времени – с 1878 по 1960 гг. Нами были просмотрены десятки списков пассажиров из Америки за вторую половину 1901 г. Оговоримся сразу, надежды найти искомое было крайне мало, здесь действительно все напоминало поиск «иголки в стоге сена». Удача улыбнулась и на этот раз. Запись эмиграционной службы в порту Ливерпуля от 10 октября 1901 г. сообщала о прибытии из Нью-Йорка на борту лайнера «Кимрик» (*Cymric*) незамужних сестер Лейтер, которых сопровождали две гувернантки. Одним словом, «*Cherchez la femme!*»...

В Великобритании Рита находилась почти шесть недель. Документы британской эмиграционной службы сообщают, что сестры Лейтер и сопровождавшие их гувернантки 20 ноября 1901 г. на пароходе «Маджестик» (*Majestic*) отправились из порта Ливерпуль в Нью-Йорк.

В Лондоне Снесарев работал достаточно интенсивно до приезда Риты, и как представляется, пытался наверстать время после ее отъезда. Именно с этой целью им и

было продлено разрешение для работы в библиотеке Британского музея, которое он сделал в декабре 1901 г. Однако воспользоваться им, судя по всему, ему так и не удалось.

Снесарев посещал не только библиотеку, но и сам Британский музей, благо для этого нужно было всего-навсего перейти на другую сторону улицы, где он проживал. В это время Британский музей привлекал толпы посетителей всех возрастов и сословий. Людской поток сильно возрастал в выходные и праздничные дни. Район Британского музея был окружен большим числом антикварных и книжных лавок, последние пользовались особым вниманием Снесарева. Благодаря лондонским приобретениям его книжная коллекция значительно расширилась и обогатилась рядом редких и ценных работ по Азии. Связь с лондонскими книжниками Снесарев поддерживал вплоть до начала Первой мировой войны.

В общей сложности Снесарев провел в Лондоне чуть больше 2,5 месяцев. В начале декабря он был уже в пути на родину. Поездка в Лондон имела важное значение для становления Снесарева как исследователя, для расширения его политического и общего кругозора. Из Лондона он увозил ценный багаж знаний, который пригодился ему на всю последующую жизнь. Теперь у него, как у специалиста по Средней Азии, имелось два зримых преимущества – личное знакомство с Индией и ее метрополией.

О значении поездки в Лондон Снесарев замечал в письме к сестре: «Обернувшись на пролетевший год (1901 г. – М. Б.). Он был у меня очень удачный. Полгода я пробыл вне Ташкента – 2 месяца на Памирах и 4 – за границей, и если Памиры дали мне возможность видеть и пережить многое среди простых людей и дикой обстановки, то за граница придала мне такой суммой выводов и впечатлений, что под их тяжестью я останусь еще очень долго. Эти 4 месяца я должен считать истинным благом на страницах своей жизни. Запасу наблюдений и общего материала захватил я за все 6 месяцев столько, что мне их переработать удастся не скоро. <...> Со стороны научной могу назвать год подготовительным, годом накопления материалов. <...> По отношению к своему мирозерцанию год считаю влияющим, ибо за граница уяснила и укрепила многие из моих взглядов, до того смутных и робких».

Из поездки в Великобританию Снесарев вернулся 20 декабря 1901 г. В Ташкенте его ждал неприятный сюрприз – выговор военного министра за непредоставление письменного отчета о служебной командировке в Индию. Это был очень серьезный удар по его самолюбию и служебному положению. В письме к сестре он сообщал об этом эпизоде: «Приехал я в Ташкент с бесчисленными сомнениями, но все они разъяснились в первые же 2-3 дня. Выговор сделать мне и Полозову было приказано военным министром; второму сделано. Обо мне же командующий войсками написал лично письмо начальнику Главного штаба с просьбой не простирать на меня выговора, т. к. я и так сделал много и больше сделать не мог бы. Встретило меня начальство очень ласково, а командующий войсками свои вопросы заключил такими словами: “Я очень, очень рад, что снова вижу Вас в своем округе... своими знаниями и развитием, как и прежде Вы нам много поможете”.

При отправлении подполковника Полозова и штабс-капитана Снесарева военный министр потребовал по возвращении их представить письменный отчет о результатах служебной поездки. Такие отчеты были обычной практикой при командировании офицеров за границу, являясь одновременно и источником военных сведений, и документом отчетности о расходовании средств. Когда до штаба Туркестанского военного округа дошло сообщение об объявлении военным министром выговора двум офицерам Генерального штаба, то в штабе поднялся переполох и стали искать документ, который предписывал подготовку офицерами письменного отчета. Такого документа в делах штаба округа не оказалось. Вполне возможно, что он действительно не был своевременно отправлен ВУК Главного штаба в Ташкент. Выговор военного министра в отношении сразу двух офицеров Генерального штаба был событием чрезвычайным и бросал тень на авторитет высших должностных лиц округа. Это было особенно неприятно на фоне недавней инспекции округа военным министром и данного им в целом положительного отзыва о результатах инспекции. В спешном порядке были предприняты меры для исправления ситуации.

В середине декабря 1901 г. командующий войсками округа написал на имя начальника Главного штаба письмо, в котором изложил суть дела и предпринял попытку изменить

ситуацию. В письме он, в частности, сообщил, что «от офицеров предварительного отчета не требовалось, потому что указаний свыше на этот счет окружному штабу передано в 1899 г. не было <...>». Иванов не предпринял попытку защитить одновременно Полозова и Снесарева. Вполне возможно, что он мало надеялся на отмену принятого министром решения сразу в отношении двух офицеров. Может быть, и в самом деле считал, что у подполковника Полозова было больше времени на подготовку отчета, но он им не воспользовался. Как бы то ни было, Иванов решил встать на защиту только одного офицера – штабс-капитана Снесарева. В отношении Полозова командующий отмечал в своем письме: «резюмируя <..> военного министра по объявлению выговора офицеру Генерального штаба, не представившему своевременно отчета по командировке в Индию, мною выполнена в отношении полковника Полозова, ибо сей офицер по возвращению из командировки, кроме командования батальоном, не был отрываем никакими назначениями и командировками и имел достаточно времени для составления отчета».

В отношении Снесарева командующий просил «не ставить ему в вину» отсутствие отчета по причине его большой занятости – командировка по сопровождению британского военного атташе, полевая поездка по Семиреченской области, обязанности по исполнению должности старшего адъютанта отчетного отделения штаба округа, преподавание арифметики в Ташкентской приготовительной школе, командировка на Памир и поездка в Лондон.

На письме генерал-лейтенанта Н. А. Иванова военный министр оставил следующую резолюцию: «Секретно. Причины для меня малоуважительны. Но ясно видно, что само окружное начальство не заботилось о своевременном предъявлении отчета. Надлежит требовать возможно строже предварительные отчеты. И Полозов, и Снесарев обязаны были даже писать с пути. Когда же однако мы получим этот отчет? 24/12». Через несколько дней после появления этой резолюции начальник Главного штаба сообщал в Ташкент командующему войсками: «Военный министр в виду представленных объяснений разрешил не накладывать взыскание на капитана Снесарева». Что касается вопроса Куропаткина о сроках выхода отчетных работ, то они были представлены: полковником Полозовым в 1902 г. и капитаном Снесаревым в 1903 г.

В 1902 г. Снесарев участвовал в редакции отчетной работы подполковника А. А. Полозова – «Северо-Западная граница Индии». В письме к сестре он пишет по этому поводу: «Брошюра Полозова отпечатана, в ней вышло 143 страницы. Я пришло ее тебе, ибо, хотя мое имя там и не стоит (я не согласился), но редакция и корректирование от первой страницы до последней – мои». Здесь обращает на себя внимание снисходительный тон в оценке работы Полозова – «брошюра». Характеристика работы как «брошюры» с малым числом страниц как-бы оттеняла объем и значимость его собственной отчетной работы по Индии – «Северо-индийский театр» (450 страниц только в первой части, подготовленной на тот момент). Вместе с тем, работа Полозова целиком отвечала критериям, предъявляемым к такого рода изданиям, – дать в сжатой форме свод описаний стратегических направлений, основанный на наиболее свежих и достоверных данных. Объем таких работ был небольшим по причине еще одного требования – удобства для пользования ими офицерами. Следует заметить, что Снесарев в период службы в Туркестане редко достаивал кого-нибудь из своих сослуживцев лестными отзывами на их печатные труды. К своим работам он хоть и относился критично, но считал их по сравнению с работами других офицеров штаба округа более совершенными в научном плане. Эти элементы внутреннего интеллектуального превосходства и повышенной самооценки были весьма свойственны ему в рассматриваемый период.

Военно-востоковедные труды: взгляды, идеи и подходы

Туркестанский период имел чрезвычайно важное значение для формирования А. Е. Снесарева как исследователя. В короткий период времени он получил известность как один из авторитетных военных востоковедов, как автор крупных военно-географических и страноведческих работ. Несмотря на значительное число печатных работ Снесарева в туркестанский период его теоретические взгляды еще не представляют собой целостной системы, он больше выступает в роли талантливого публициста, нежели академического исследователя. Оформление его идей и взглядов в геополитические и геостратегические концепции произойдет в более позднее время, уже в советский период. Наиболее заметный вклад в рассматриваемый период Снесарев внес в изучение таких вопросов, как памироведение, афганистика, индология. Военно-географическое изучение Памира велось Снесаревым на протяжении всего пребывания в Туркестанском крае. Личный опыт пребывания на Памире – короткое путешествие в августе 1899 г., рекогносцировка в мае-июле 1901 г. и командование Памирским отрядом в 1902–1903 гг., позволил Снесареву хорошо ознакомиться с Памиром в географическом, этнографическом и геополитическом отношении. Работы Снесарева по памирской тематике поставили его имя в ряд с другими известными русскими исследователями Памира. Крупным шагом вперед в развитии военного востоковедения стала работа «Северо-индийский театр», в которой впервые в системном виде рассмотрены вопросы военно-географического изучения малоизученного региона Центральной Азии. Качественно новым этапом в творчестве Снесарева стала работа «Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе», в которой он пробует свои силы в области политической социологии, экономики и статистики. Эта работа стала для него этапной, она позволила отойти от классического формата военно-географического исследования и перейти к изучению сложной военно-страноведческой темы, лежащей на стыке нескольких наук – военного страноведения, политологии, истории, экономики и статистики. С военной точки зрения в работе Снесарева поднята тема, которую условно можно определить как «стратегическое ресурсоведение» – определение совокупной мощи государства в военном, финансово-экономическом, научно-технологическом, информационном, военно-антропологическом и этно-психологическом отношениях. Снесаревым была предпринята попытка отойти от традиционного взгляда на военный потенциал Британской Индии и найти наиболее уязвимые места британского могущества, знание и использование которых позволило бы одержать верх в потенциальном военном конфликте в Средней Азии. Снесарев выдвинул идею о важности учета таких факторов, как антогонизм между британцами и местными народами, рост национального самосознания и формирование национального освободительного движения в Индии.

Вопросам изучения Памира Снесарев посвятил три самостоятельные работы – аналитическую записку «О Памирах» (1901), «Краткий очерк Памира по сведениям к 15 сентября 1901 г.», «Памиры. Военно-географическое описание» и две отдельные главы в первой части книги «Северо-индийский театр». Работы «Краткий очерк Памира» и «Памиры. Военно-географическое описание» представляют собой сокращенный и частично переработанный вариант аналитической записки «О Памирах». Эти работы продолжают традицию военно-географического изучения Памира, заложенную известными русскими военными востоковедами Д. В. Путятой, Б. Л. Громбчевским, П. А. Кузнецовым, А. Г. Серебренниковым и др. Особенностью работ Снесарева является использование метода районирования при изучении физико-географических и этнографических вопросов. Выделение двух крупных районов внутри Памира – Восточного и Западного, позволило более системно подойти к изучению ландшафтных, климатических, почвенно-ботанических, а также этнографических особенностей каждого из районов. Другой особенностью памироведческих исследований Снесарева было использование методов исторической географии для выяснения специфики исторических, экономических и этнографических связей как между двумя районами Памира, так и связей этих районов с соседними территориями Северной Индии, Афганистана, Бухарского эмирата (для Западного Памира), с Ферганой и Восточным Туркестаном (для Восточного). В этой связи представляет интерес гипотеза Снесарева о существовании древнего Болорского пути, связывавшего Восточный Туркестан с Индией. Изучение этих связей строилось на основе максимально широкого использования имевшихся на то время литературных источников. Отдельно им был рассмотрен вопрос о военном значении Памира – «подступа к Индии» (по выражению Снесарева), для обороны Туркестанского края и для наступательных действий против Британской Индии.

Самой значимой работой А. Е. Снесарева в период службы в Туркестане, бесспорно, стало исследование «Северо-индийский театр. Военно-географическое описание». Работа замышлялась как отчет о результатах служебной командировки в Индию. Ввиду отсутствия доступного статистического материала о многих приграничных территориях Северной Индии Снесарев был вынужден ограничить свою работу форматом военно-географического исследования. Вместе с тем, работа не является классическим военно-географическим исследованием, в ней применен новаторский поход, который заключался в широком использовании исторических, этнографических и этнолингвистических данных.

К работе над книгой Снесарев приступил в конце декабря 1901 г. Хронология этой работы хорошо просматривается из его писем к сестре: «[Новый год] я начинаю писанием сочинения по Индии; сначала одно, популярное для публики, потом специальное, м. б. секретное. Почему-то чувствую, что с задачей, ожидающей меня, справлюсь» (31 декабря 1901 г.); «Сочинение по Индии подвигалось одно вперед – популярное, но начальник штаба, боясь, что я с официальным сочинением (секретным) не кончу, приказал мне перейти к последнему, что я и начинаю» (26 марта 1902 г.); «С моим сочинением идет дело довольно спешно, но рамки, в [которые] я поставлен для выполнения работы, все-таки ужасные; придется в 2-3 месяца написать целое сочинение; одно хорошо, что пишу относительно областей, никому в России не известных, почему и критиковать меня будет некому. Написал пока около 250 печатных страниц; остается около 200...» (13 мая 1902 г.).

К моменту отъезда на Памир для командования Памирским отрядом первая часть работы была завершена. «Всего своего сочинения не кончил, – писал Снесарев сестре, – а только первую часть, [которая] будет иметь 400–450 печатных страниц; с Памиров пришлю 2-ю часть такого же объема. 1-я часть будет отпечатана отдельно и разослана, 2-я последует за ней дополнительно. <...> Первой частью своего сочинения не вполне доволен: слишком спешил, почему в некоторых местах вышло не вполне ясно, а может быть и нескладно. За 4 (даже меньше) месяца 450 страниц – разве это писание? Это черт знает что: какой-то невроз, зуд пера по бумаге... Пришлю – увидишь сама...».

Вторая часть книги закончена Снесаревым в период памирской командировки 1902–1903 гг. Отдельные главы книги по мере завершения отправлялись им для редактирования в Ташкент, в свою очередь, из Ташкента для вычитки ему присылали печатные оттиски готовых разделов. «Первый том моего сочинения, – сообщал он в письме к сестре, – отданный мною в печать, подвигается очень медленно: пока мне прислали 48 печатных страниц (самую маленькую из 7 глав). На этой неделе я кончаю две главы 2-го тома (стр. 170–190 печатных) и посылаю в Ташкент».

Работа над книгой была закончена в декабре 1902 г., она вышла из печати в Ташкенте в марте 1903 г. в отсутствие Снесарева. «На днях кончил свое сочинение «Северо-индийский театр», – писал он сестре, – вышло 2 тома, около 400 страниц каждый, не считая приложений; маршруты, которыми скоро займусь, составят уже приложение, и, вероятно, будут помещены в 3 томе... Помнишь, как я тебе год тому назад писал, что я приступаю к писанию, и то, что я при этом переживал. Теперь все это позади меня; я работу выполнил среди других: а как сделал, об этом будут говорить другие. Последний месяц (даже менее) мною было написано около 200 печатных страниц; пиши я так весь год, пришлось бы родить ежегодно 5–6 томов сочинений... Но только я не хотел бы такой работы». Как видно из письма, Снесарев намеревался издать отдельный третий том, куда должны были войти маршрутные приложения. Этот том так и не появился, о чем приходится только сожалеть, принимая во внимание объем географической информации, в которой достаточно сложно ориентироваться без картографического материала и маршрутных описаний.

Особенностью исследования «Северо-индийский театр» является использование широкого круга источников, прежде всего, на иностранных языках, многие из которых не были доступны в то время в России. При работе над книгой Снесарев в полной мере использовал библиографический массив, полученный им во время работы в библиотеке Британского музея. В своей оценке использованных источников Снесарев замечал, что для отдельных разделов книги оказалось сложно найти необходимые источники. «Что касается до источников, – отмечал Снесарев, – которыми пришлось пользоваться, то они были характера весьма разнородного, нередко случайного, были разбросаны по периодическим (преимущественно географическим) изданиям, почему оказывались

крайне неполными и даже в лучшем случае не всегда отвечающими целям военно-географического исследования. Только при описании Кашмирской долины, в конце труда, пришлось иметь дело с литературой полной, отвечающей требованиям всесторонней научной критики. При таком характере материала трудно ручаться за полноту источников, трудно претендовать даже на то, что исчерпано все более или менее существенное. Во всяком случае, я старался, сколько мог, восполнить пробелы работой в Британском музее в Лондоне в течение 3 месяцев и сношениями с лицами и обществами, которые так или иначе могли помочь моей работе». Замечание это следует больше отнести к скромности автора. Привлеченные источники вполне служат целям исследования и достаточно полно раскрывают поставленные вопросы. Работа содержит многочисленные постраничные сноски с комментариями автора, указания на источники, пояснения восточных терминов и переводы на русский язык тюркских и персидских топонимов Памира. При описании физико-географических свойств местности – перевалов, рек, высот и пр. Снесарев широко использует метод сопоставления данных, приводимых в различных источниках. В результате обобщения значительного и многопланового информационного массива ему удалось составить своего рода энциклопедию Памира и Северной Индии. Это было, пожалуй, первое в России востоковедное исследование, в котором с такой системностью и полнотой были представлены районы Памира и Северной Индии.

Структурно исследование состоит из двух частей. В первой части автор подробно останавливается на военно-географическом описании Памира и Северо-индийского театра, дает описание физико-географических свойств театра в целом и отдельных операционных направлений, подробно рассматривает вопросы орографии и гидрографии, климата. Для полноты описания приводятся также краткие сведения о флоре и фауне. Значительное место отводится характеристике народонаселения – распределение, этнический и религиозный состав, политические настроения, боевые качества, языки и пр.

Во второй части основное внимание фокусируется на военно-географическом описании территорий Северной Индии – Дардистана, Балтистана, Ладакха и Кашмира. Военно-географический обзор также строится на основе максимального использования исторических, географических и статистических описаний, трудов путешественников и официальных повременных изданий. В этой части приводится оценка территорий в военном отношении. Подробно рассматриваются ресурсы региона: минеральное сырье, сельское хозяйство, кустарная промышленность, торговля, система налогообложения и пр. Военно-географический обзор заканчивается общим историческим обзором Кашмира, его административной системы, вооруженных сил, политического положения.

Рассматривая Северо-индийский театр с военной точки зрения, Снесарев приходит к убедительному выводу, что этот театр является второстепенным по сравнению с афганским (операционные направления Кабул-Пешавар и Герат-Кветта), но вполне может иметь и самостоятельное значение для ведения демонстрационных действий с целью отвлечения сил индо-британской армии от основного театра войны. Северо-индийский театр также был важен с точки зрения обороны Русского Туркестана, в пределах театра располагались основные пути, ведущие через Памир в Фергану. Работа научно обосновывала признание второстепенной роли памирского направления в случае военного конфликта с Британской Индией. В оценке Северо-индийского театра Снесарев уделил больше внимания вопросам ведения наступательных действий, как наиболее сложным в условиях горного театра. В русской стратегической мысли наступление традиционно пользовалось приоритетом над обороной. Как справедливо замечал историк русского Генерального штаба генерал П. А. Гейсман, «принятие оборонительного плана требовало наименьшей работы мысли». Работа Снесарева имела важное значение для русского военного планирования в Средней Азии в период, предшествовавший Первой мировой войне.

Весьма любопытен один из первых отзывов на работу «Северо-индийский театр», поступивший от полковника В. Н. Зайцева, одного из знатоков Памира и сопредельных территорий Центральной Азии. «Прочитал оба тома с большим интересом, – отмечал В. Н. Зайцев в письме к Снесареву, – и только теперь составил себе ясное представление о Кашмире и прилегающих к Гиндукушу границах и о тех трудностях, которые предстоит одолеть демонстрационному отряду в случае войны с Англией».

Другой важной работой Снесарева, которая во многом оформила его воззрения на англо-

русское соперничество и способствовала росту его известности в Петербурге, стало исследование «Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. Взгляд туземцев Индии на англичан и их управление» (СПб., 1906). Хотя книга вышла в свет уже в петербургский период деятельности Снесарева, но основная работа над ней была проделана именно в туркестанский период. О сборе материала для книги и написании отдельных ее частей Снесарев упоминал в личной переписке. Работа представляет собой доклад, прочитанный в январе 1906 г. в Петербурге на соединенном заседании обществ востоковедения и ревнителей военных знаний. Мысль написать отдельную крупную работу по Индии возникла у Снесарева в ходе командировки в эту страну. В период поездки в Лондон и во время работы в библиотеке Британского музея он вел сбор необходимых данных для этого исследования. В период службы в Туркестане Снесарев приступил к написанию отдельных глав, и, как представляется, к моменту отъезда в Петербург уже имел рукопись книги в более или менее законченном виде.

Основная цель работы – «ознакомить русскую публику с воззрением туземцев Индии на англичан и их управление» и «найти центр тяжести нашей азиатской политики». Исследование Снесарева строится на основе широкого круга источников, большая часть которых на иностранных языках – английском, немецком и французском. При написании работы использован широкий круг источников – 84 книги, журнальные и газетные статьи. Исследование содержит ряд интересных трактовок истории колониального управления Индии и роли колонии в росте могущества метрополии. Работа, несмотря на противоречивость некоторых оценок и выводов, представляет интерес как образец интеллектуального эксперимента, новаторского поиска новых подходов и методов исследования.

Структурно работа делится на четыре главы, которые не имеют названий, а лишь обозначены латинскими цифрами. Первая глава представляет собой ретроспективу расширения русских территориальных владений в Азии и взгляд англичан на этот процесс. Вторая глава рассматривает значение Индии для экономического и военного могущества Англии. Третья глава вскрывает систему колониального управления Индией. Четвертая глава относится к вопросам взаимоотношений англичан и коренных народов Индии.

В первой главе работы Снесарев кратко остановился на состоянии вопроса изучения Индии в России. «Интерес к Индии со стороны русской публики, – отмечал автор, – всегда отличался непостоянством и непрактичностью: в 60-х и 70-х годах прошлого столетия любили поговорить и почитать о факирах Индии и о разных ее чудесных, чаще выдуманных историях, а в новейшее время можно скорее натолкнуться на своеобразные политические мечтания о ненависти туземцев к англичанам, о рискованном положении последних, о надеждах индусов на Россию и т. д.». Снесарев также отмечал отсутствие в России «серьезных и дельных трудов» по Индии. В России изучение Средней Азии, по его мнению, всегда было хаотичным и не имело широкого размаха.

В работе Снесарев дал свое определение «среднеазиатского вопроса» и очертил его географический ареал. Под первым он понимал «группу политических, экономических и др. задач, относящихся к региону Средней Азии». В регион он включал Русский Туркестан с Памиром, Афганистан, Белуджистан, Восточную Персию, Кашгарию, Северную Индию и собственно Индию. В среднеазиатском вопросе, по мысли Снесарева, имелось три основных движущих фактора – Россия, Великобритания и коренные народы Средней Азии. Оценивая роль Великобритании в среднеазиатском вопросе, он считал, что «политическая победа в Средней Азии почти всегда оставалась за Англией». Последнее достигалось искусным сочетанием трех факторов: культурным преимуществом, использованием принципа «полной осведомленности» и деньгами.

Обращаясь к вопросам побудительного движения России в глубь азиатского континента, Снесарев в большей части повторяет распространенные в то время в России геополитические идеи, высказанные в разное время С. М. Соловьевым, В. О. Ключевским, В. И. Ламанским, Д. А. Милютиным, В. П. Семеновым-Тянь-Шанским и др. В общих чертах эти побудительные мотивы в изложении Снесарева сводились к следующим: «неудовлетворительность» территории Европейской России в качестве «территории великого государства»; «естественное однообразие равнины», ограничивающее «виды народного труда» и развитие промышленности (например, горной); отсутствие естественного выхода к «теплому океану»; «сомнительные и ненадежные границы»; переход к более сложной организации русского общества в

период централизованного государства («равнина оказалась тесной»); внутренний импульс нации по расширению сферы своего влияния («стремление к власти»); ограниченность исторического маневра на севере («холодная линия океана»), на западе («германское племя») и юге (Турция, и политика Англии, Германии и, отчасти, Австрии). Он также отмечал основные направления русского проникновения в Азию: Кавказ, Киргизская степь (по направлению к Индии), Сибирь (к Тихому океану и Китаю).

В этой же главе Снесарев кратко останавливается на анализе тезиса о стремлении России захватить Индию и его эксплуатации англичанами. Здесь он во многом повторяет идеи, высказанные в разное время рядом русских авторов, прежде всего, историком англо-русского соперничества в Средней Азии генерал-лейтенантом М. А. Терентьевым. Снесарев указывает на ложность тезиса о стремлении России к захвату Индии, обосновывая это отсутствием в России масштабной и системной деятельности по сбору сведений о предстоящем театре войны, работы по составлению конкретных планов войны и масштабной подготовки общественного мнения в пользу похода на Индию.

Наиболее противоречивой оказалась вторая глава книги, в которой рассматривается значение Индии для экономического и военного могущества Англии. Основываясь на, безусловно, аксиоматичной идее о важном значении Индии для экономического, политического и военного могущества Великобритании, автор делает ряд выводов, совершенно нестыкующихся с исторической реальностью. Прослеживается явная подгонка исторического материала и отдельных фактов под самодовлеющую идею – всеми средствами убедить читателя в том, что Индия представляет собой основу могущества Великобритании. Подробное рассмотрение ошибочности тезисов Снесарева не входит в задачи настоящей работы, но для иллюстрации тенденциозности приводимых в работе идей остановимся на некоторых из них более подробно.

Одним из центральных тезисов Снесарева является утверждение, что только благодаря Индии, как богатой колонии, в Англии смогла произойти индустриальная революция. По его мысли, только после утверждения англичан в Бенгалии, после победы лорда Клайва (Robert Clive) над навабом Бенгалии Сирадж-уд-Даулом в битве при Плесси в 1757 г., в Англию хлынул золотой поток, который дал необходимые оборотные средства для развития английской промышленности. «С этого же достопамятного года, – отмечал Снесарев, – из Индии потекли богатства в Англию. До этого момента последняя была страной бедной, без оборотного капитала, с примитивной промышленностью, с небольшими городами, утопавшими в грязи и слабо освещенными масляными лампочками. Англия в богатстве и промышленности не только уступала многим странам Европы, например, Франции, Голландии, – она несомненно уступала и самой Индии».

Заявление это несколько не соответствует действительности. Вопрос экономических, политических, научных и культурных предпосылок индустриальной революции в Англии достаточно хорошо изучен в мировой историографии. Во времена, когда Снесарев работал над этой темой, уже существовала масса добротных трудов историков и экономистов, подробно и всесторонне рассматривавших этот процесс. Промышленная революция началась в Англии задолго до 1757 г., ей предшествовала целая серия революций – «географических открытий», «торговой» и «научной». Всего того, что в концепции известного исследователя Самуэля Хантингтона (Samuel Phillips Huntington) названо «великим расхождением» (The Great Divergence), историческим процессом, в ходе которого западный мир (Западная Европа и часть территорий Северной Америки) создал мощную и богатую цивилизацию.

К 1757 г., пороговой дате в концепции Снесарева, Англия уже активно участвовала в мировой океанской торговле и имела обширные колонии. Торговля с колониями приносила Англии большие доходы, и ее объемы увеличивались с каждым годом. Английский экспорт в Северную Америку быстро наращивался, увеличившись с 524 тыс. фунтов в конце 1720-х гг. до 1 млн. фунтов по прошествии двадцати лет. За тот же самый период объем годовой торговли с Вест-Индией вырос с 473 тыс. фунтов до 732 тыс. фунтов, торговля с Индией – с 112 тыс. фунтов до 522 тыс. фунтов. Управление колониями в Индии было сконцентрировано в руках частной акционерной Ост-Индской компании, получавшей от правительства Великобритании лицензию на ведение административной и коммерческой деятельности на покоренных территориях. Вопреки распространенному мнению о доходности компании, она испытывала постоянные проблемы с ликвидностью и несколько раз находилась на грани банкротства. Финансовые проблемы компании были связаны с большими административными

расходами по содержанию чиновников, большой частной армии – индийских и британских войск, а также расходами на ведение военных действий, создание и поддержание инфраструктуры – портов, дорог и мостов, служебных и жилых зданий, фортификационных сооружений и пр. В период правления губернатора Бенгалии Уоррена Хастингса (Warren Hastings) в Бенгалии собиралось налогов на сумму в 3 млн. фунтов (в стоимости того времени), из которых большая часть средств уходила на покрытие расходов по содержанию 70-тысячной армии индийских сипаев и 15-тысячного английского корпуса. Значительная часть собираемых налогов шла на невероятно высокое денежное содержание чиновников Ост-Индской компании. Бюджет компании в значительной степени пополнялся за счет грабежа индийских княжеств во время военных кампаний, но большая часть захваченных ценностей оседала в карманах руководства компании и командного состава английских войск. После победы при Плесси лорд Клайв в одночасье стал сказочно богат, получив свою долю в награбленном имуществе – 180 тыс. фунтов, астрономическую сумму по тем временам. Ост-Индская компания уже в 1772 г. запросила крупный кредит у британского правительства в связи с тяжелым финансовым положением. Монополия компании на торговлю с Индией сокращала возможности для развития торговых связей Индии и, соответственно, для получения дополнительной прибыли.

Таким образом, возможности Индии до начала XIX в. по финансированию индустриальной революции в метрополии были весьма скромными. Роль и значение Индии, как решающего «триггерного» фактора в индустриальной революции в Англии, оказались у Снесарева значительно преувеличенными.

Это же в полной мере относится и к посылке Снесарева о том, что «железная деятельность и горнозаводские дела были в Индии всегда невысоки, но и в Англии они были в середине XVIII столетия на очень низкой ступени». Снесарев неверно интерпретировал причинно-следственные связи между «истреблением лесов» и состоянием британской металлургии. По его мнению, истощение древесных ресурсов в Англии привело к «полному упадку» английской «железной промышленности». На самом деле имело место совершенно обратное явление. При этом он просмотрел всемирно-исторический процесс последовательной смены основных энергоносителей – замену древесного угля на каменный. Промышленной традиции той же упоминавшейся Снесаревым Швеции, ввозившей наряду с Россией значительный объем железа в Англию, переход мировой техники на минеральное топливо нанес сокрушительный удар. Процесс использования каменного угля в английской металлургии начался еще в конце XVII в., но получил свое быстрое развитие после 1709 г., когда британский изобретатель и бизнесмен Абрахам Дарби (Abraham Darby) впервые применил кокс при выплавке чугуна в доменной печи. В середине 1750-х гг. сыну Дарби, Абрахаму 2-му, удалось запустить производство железа с использованием кокса. С этого времени кокс начал стремительно вытеснять древесный уголь в металлургии. Поскольку металл стал дешевле и его больше производилось, то он получил широкое распространение в строительстве. В 1774 г. британский мастер обработки металлов Генри Корт (Henry Cort) изобрел способ намотки рулонов и пудлинговый процесс, что позволило ему создать прокатный стан и пудлинговую печь.

Чтобы не отходить слишком далеко от основной темы, заметим только, что от такой же неверной интерпретации пострадали и другие сюжеты, приведенные Снесаревым в его работе, например, о «преимуществах» индийского судостроения, составлявшего якобы «блестящую промышленность» Индии, или об одинаковой технической оснащенности индийской и английской текстильной промышленности.

Некоторые тезисы, представленные в книге, не свободны от предвзятого подхода, в силу чего происходит искажение исторической реальности. Это относится, в частности, к оценке британской армии, которую Снесарев в предыдущих работах признавал серьезным соперником. В работе, к примеру, можно встретить утверждение, что «<...> ее [Англии] лучшие сыны не хотят служить под знаменами и на военную службу поступает лишь пьяный, гнилой от сифилиса и распущенный отброс страны». Проблемы с качеством рядового состава британской армии действительно существовали, и их наличие признавали сами английские военные специалисты. Это были естественные трудности в стране, в которой в отличие от России отсутствовала всеобщая воинская обязанность. Основные проблемы были связаны с тем, что в армию поступали добровольцы из малообеспеченных семей. Выходцы из нижнего класса британского общества приносили с собой на службу все качества, унаследованные в своей

социальной среде. Наиболее распространенными видами дисциплинарных нарушений среди рядового состава были пьянство, дезертирство и неподчинение начальникам. Однако эти явления не носили в британской армии массового характера и в целом не влияли на ее высокую боеспособность. На протяжении всего периода своего существования британская армия выгодно отличалась от армий других европейских стран высоким уровнем боевой подготовки, оснащенности и бытовых условий. Служба в офицерском корпусе была весьма популярна и привлекала многих представителей аристократических и состоятельных семей, высоким оставался и образовательный ценз офицерского состава.

Третья глава книги, ставившая своей целью раскрыть систему колониального управления Индией, представляет собой наиболее ценную часть работы. Оговоримся сразу, она во многом компилятивна и опять же страдает известной подгонкой фактуры под доминирующую идею, но тем не менее, представляет интерес в силу того обстоятельства, что впервые знакомит читателя с тонкостями административного управления Индией, новейшими на тот момент политико-экономическими и статистическими исследованиями по этому вопросу. Глава содержит разработку экономических вопросов британской управленческой модели – доходов на душу населения, распределения национального богатства, статистики неурожаев, голода и пр. При разработке этих вопросов Снесареву пришлось обратиться к теме, для которой ему не хватало квалификации и специальных знаний. Ранее он никогда не занимался вопросами политической экономии, социологии и экономической статистики. При разработке темы он широко использовал данные и оценки двух зарубежных исследователей – индийского и британского экономистов, по своим идейным воззрениям примыкавших к группе индийских националистов и, соответственно, находившихся в определенной оппозиции к британской администрации в Индии. Работы основывались на значительном использовании официального статистического материала, были добротны и вполне научны. Их появление вызвало широкую дискуссию в среде экономистов и статистиков, как Индии, так и метрополии.

Автором первой работы, которую широко использовал Снесарев при подготовке своей книги, являлся Дадабхай Наороджи (Dadabhai Naoroji, 1825–1917), известный ученый, основатель Индийского национального конгресса, первый политик азиатского происхождения, ставший членом британского парламента. Он также являлся одним из учредителей Второго интернационала. Наороджи принадлежит работа «Бедность и небританское правление в Индии», которая сыграла важную роль в пробуждении индийского национального движения.

Работа Наороджи содержит концепцию «финансового дренажа» Индии в период колониального господства Великобритании. Основу ее составляет статистическая разработка численных параметров национального богатства и дохода на душу населения и распределение этого дохода в различные периоды истории колониальной Индии. Наороджи предпринял также попытку сравнить этот показатель с аналогичным показателем в метрополии. Цель экономико-статистического исследования состояла в том, чтобы показать, что Великобритания выкачивала финансы Индии, ничего не давая взамен, а британские инвестиции в экономику Индии (железные дороги, каналы и пр.) служили лишь средством для еще большей эксплуатации страны.

В современной историографии нет единого взгляда на концепцию «финансового дренажа». Она по понятным причинам имеет большую популярность у современных индийских историков, экономистов и социологов. Существует и другая, достаточно распространенная точка зрения, что к моменту прихода британцев на Индийский субконтинент экономика Индии уже находилась в упадке, и что деградировавшая система правления Великих моголов с их мнимым процветанием привела страну к нищете и анархии. Реинтерпретация истории правления Великих моголов представлена, к примеру, в исследованиях британского историка Питера Маршалла (Peter James Marshall), который, отвергая подходы индийских националистов, считает, что утвердившись в Индии, англичане не разрушили могольскую традицию в системе управления и налогообложения, а предоставили значительную автономию региональным могольским правителям, что обеспечило относительное процветание индийской экономики вплоть до конца XVIII века.

Другим исследователем, на данные которого широко опирался Снесарев, являлся Уильям Дигби (William Digby, 1849–1904) – журналист, издатель и политик. Дигби явился

автором книги «Процветающая Британская Индия: откровение официальных данных». На основе сведений официальной статистики, Дигби изучил падение уровня доходов на душу населения в Индии в исторической ретроспективе. Работа имела большой резонанс, поскольку появилась как раз в тот момент, когда лорд Керзон представил доклад правительству, в котором фиксировался рост доходов на душу населения Индии. В книге на основе статистических данных устанавливалась зависимость уровня смертности населения от циклических экономических кризисов, сопровождавшихся массовым голодом, в период британского колониального правления. Работа Дигби была не столь академична, как работа Наороджи, но несла большую идеологическую и политическую направленность, имела все признаки совершенного политического памфлета, и, соответственно, больше подходила для изобличительных целей Снесарева, признававшего, что Дигби «действует скорее как страстный памфлетист, но не как уравновешенный экономист».

Концептуально третья глава книги Снесарева строится на использовании некоторой части идей Дигби и Наороджи, подвергающей критике систему британского колониального управления, с дополнением этих идей публицистическими примерами из разнообразных источников. Серьезный смысл работ Дигби и Наороджи нивелируется использованием вырванных из их контекста идей и положений, в то время как сами работы шире и серьезнее того формата, в который пытался поместить их Снесарев. Вместе с тем, следует иметь в виду и то обстоятельство, что, кроме работ исследователей националистического толка, в Индии и Великобритании имелись труды не менее авторитетных статистиков, занимавшихся изучением сходных тем, к примеру, Фред Аткинсон (Fred T. Atkinson). Однако их работы и выводы не были приняты во внимание, поскольку не соответствовали изначальной концепции Снесарева. В итоге, автор не убеждает читателя логическими и системными выводами, а как-бы «продавливает» свою идею путем использования вырванных из контекста серьезных работ отдельных тезисов и суммативным набором подтверждающих их эмоциональных примеров.

Четвертая глава работы «Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе» акцентирует внимание на взаимоотношениях колонизаторов и местного населения. С точки зрения аргументации и источниковедческой базы это самая слабая глава книги, по форме и содержанию близкая к нарративному рассказу и историческому анекдоту. Наибольший интерес в главе представляет ее конечная часть, то место, в котором Снесарев кратко обрисовывает задачи России на индийском направлении. Кроме общего тезиса о необходимости изучения Индии, Снесарев фактически подводил читателя к мысли о временном характере тогдашней русской среднеазиатской политики, он упоминал о некоей искусственной паузе в русском движении в сторону Индии: «мы повисли беспомощно на р. Аму-Дарье, остановились в нескольких стах верстах от океана, имея двухтысячную границу с Афганистаном, отказались от всяких с ним сношений... <...> Мы поддались влиянию Англии, может быть, невольному, и из прежних активных и вполне самостоятельных деятелей обратились в оппортунистов». Снесарев уделял большое внимание политическим и этническим противоречиям внутри Британской Индии, считая, что борьба с Великобританией в Средней Азии будет во многом зависеть от хода национального движения в Индии. Этот взгляд Снесарева на значение дестабилизации Британской Индии изнутри не остался незамеченным в Великобритании. Газета «Таймс» в связи с лекцией Снесарева в Обществе востоковедения в январе 1906 г. замечала: «Полковник Снесарев, начальник среднеазиатского стола в Генеральном штабе в своей недавней лекции остановился на необходимости координировать усилия русской армии и российской дипломатии, чтобы достичь теплых вод Персидского залива. Интересно, однако, отметить, что он лелеет мысль о завоевании Индии, больше рассчитывая на предполагаемый распад британского правления в Индии, что поможет плану Российской империи».

Снесарев призывал русскую военную элиту быть в готовности к продолжению соперничества с Англией и указал на необходимость перестать смотреть на среднеазиатский театр, как на второстепенный, утверждая, что он должен иметь для России такое же важное значение, какое имел западный театр. Это, пожалуй, один из ключевых идейных посылов книги, озвученный как раз тогда, когда Снесарев в ГУГШ вел разработку концепции усиления наступательных возможностей Туркестанского военного округа. В основу этой концепции была положена программа развития разведки в Туркестанском военном округе, которая по своей организации, подготовке кадров, финансовым и интеллектуальным возможностям позволяла бы обеспечить выполнение стратегической задачи – иметь полную осведомленность об Индии и ее вооруженных

силах. Как следует из смысла книги, Снесарев проводил грань между двумя понятиями: завоевание Индии и поход на Индию. Если первое он относил к «области психиатрии», то второе считал вполне допустимым и реализуемым. В концепции похода на Индию Снесарев видное место отводил борьбе за «обретение естественной границы по хребту Гиндукуша». Эта концепция полностью разделялась другим видным русским военным востоковедом генералом Л. Н. Соболевым. Обосновывая естественность такой границы для России, Снесарев практически ничего не говорил о том, что попытка создать границу на рубеже Гиндукуша неизбежно привела бы к вооруженному столкновению с Афганистаном (как и с Британской Индией – союзницей Афганистана), к необходимости оккупации значительной территории этой страны. Эта легкость в восприятии похода на Афганистан отчасти была продуктом пренебрежительного отношения к афганцам как военному противнику – рокового предубеждения, господствовавшего в элите русской армии в тот период. Такой взгляд на Афганистан отчасти проистекал из того факта, что эта страна по сравнению с Индией была ему менее известна. Этим можно объяснить то обстоятельство, что в работах Снесарева дореволюционного периода странным образом не содержится упоминаний о трудностях похода в Афганистан, о его воинственных племенах, сложных физико-географических условиях. В интеллектуальном пространстве Снесарева Афганистан представлен метафизически бесплотным, неким виртуальным миром на картографический плоскости. Изменения в подходах Снесарева к оценке Афганистана произойдут значительно позже, уже в советский период, в большей степени под впечатлением итогов третьей англо-афганской войны 1919 г.

В рецензии на работу «Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе» М. В. Грулев высказывался против идеи Снесарева придать приоритетный характер русской внешней политике и военному планированию в Средней Азии. Грулев полагал, что это приведет к разбрасыванию сил и средств и не даст возможности сконцентрировать оборонные усилия на западном театре, как потенциально наиболее опасном. Грулев призывал придерживаться в вопросах определения «жизненных интересов» России чувства меры и реальности.

М. В. Грулев отмечал в частности: «Что касается кардинального вопроса – о значении Индии во взаимных отношениях России и Англии, то в этом отношении трудно согласиться с автором во всех его тезисах именно потому, что он желал бы видеть среднеазиатский вопрос центром всей нашей внешней политики, высказывая в предисловии своем такое положение: “не покажут ли хотя бы теперь наши неудачи на Ближнем и Дальнем Востоке тот центр тяжести нашей азиатской политики, который так давно и систематично нами упускался из виду”; в конце книги автор высказывает пожелание, что среднеазиатский театр “должен иметь такое же право на наше внимание, какое имеют, например, наши западные театры”. Мне кажется, что нам следует, наконец, вспомнить то, что служило основанием нашей политики еще во время Ярослава Мудрого, Петра Великого и во все позднейшее время, а именно, что Россия – государство европейское, а не азиатское; что жизненные интересы России кроются не в Азии, а в Европе; притом же необходимо иметь в виду, что при огромном пространстве России, раскинувшейся на доброй половине Старого Света, мы не можем разбрасывать своей силы на отдаленные окраины и ослабить тем самым наш жизненный центр; лучше всего это обнаружилось во время последней войны на Дальнем Востоке, когда нам пришлось наносить удары рукой, вытянутой на десять тысяч верст. Желание быть сильным везде ведет к неминуемому ослаблению сил на главных фронтах...».

Книга Снесарева появилась незадолго до подписания англо-русского соглашения 1907 г., круто повернувшего вектор англо-русских отношений в Средней Азии. Изменившиеся политические условия не могли не отразиться на военном строительстве в Русском Туркестане и в Британской Индии. Формально Россия и Великобритания после 1907 г. не считались врагами, и это новое политическое положение застало врасплох русских и британских военных, для многих из которых военная карьера в Туркестане и в Британской Индии состоялась в эпоху военно-политического противостояния в Средней Азии. В Британской Индии англо-русское соглашение нанесло серьезный удар по русофобской партии войны, привело к серьезному сворачиванию программ усиления индо-британской армии. Намеченная лордом Китченером программа переустройства индо-британской армии была приостановлена, британские политики не желали тратить огромные средства на армию, у которой больше не было врага в Средней Азии.

Изменившаяся реальность привела не только к уменьшению военного противостояния в регионе, но и к заметному снижению воинственной риторики. Тема англо-русского

соперничества быстро выходила из моды, пресса двух стран все активнее обсуждала европейские проблемы, угрозу со стороны Германии и необходимость совместных действий в рамках нового военно-политического союза России, Англии и Франции. В изменившейся политической обстановке англофобия Снесарева входила в противоречие с новыми внешнеполитическими ориентирами русского правительства и с изменившимися настроениями в русском обществе. Официальное положение Снесарева, как представителя русского Генерального штаба, значительно сужало его возможности для отстаивания ставшего ортодоксальным взгляда на Великобританию, как извечного врага России, он вынужден был приспосабливаться к изменившейся политической атмосфере тех дней, и голос его вынужденно стал звучать все реже и тише. Англо-русское соглашение оказало крайне негативный эффект не только на идеологическую доктрину Снесарева, но и привело к заметной утрате у него интереса к востоковедной деятельности вообще. Это особенно наглядно видно из количества опубликованных востоковедных работ. В период с конца 1907 до 1909 г. Снесарев проявлял большую публицистическую активность, основу которой составляла открытая или завуалированная критика англо-русского соглашения. В дальнейшем эта активность заметно падает, обнаруживая резкое сокращение публикуемых работ на востоковедную тематику и смещение фокуса интересов на военную проблематику. За период с 1910 по первую половину 1914 г. Снесаревым опубликовано востоковедных работ: 1910 – 2; 1911 – 2; 1912 – 1 (совместная); 1913 – нет; 1914 – нет. Для сравнения укажем, что только в 1908 г. Снесаревым было опубликовано 19 авторских работ на востоковедную тематику.

Сразу после подписания англо-русского соглашения 1907 г. Снесарев выступил в русской прессе с рядом статей, в которых поставил под сомнение ценность достигнутого соглашения с Великобританией. Он отстаивал идею, что соглашение мало что изменило в сущности англо-русских отношений в Средней Азии, что от соглашения выиграла только Великобритания. В качестве трибуны для дискуссии по вопросу англо-русского соглашения он избрал газету «Голос правды», которая принадлежала его тестю В. Н. Зайцеву и в которой Снесарев выступал в качестве редактора и корреспондента. В одной из статей того периода он замечал: «Зачем это недоверие после англо-русского соглашения, возразят нам. Согласны, что это недоверие, но для него у нас есть основания. Разве после того же соглашения Англия в Персии действовала корректно против России? Разве в своем проекте македонских реформ она не обещала с три короба народностям полуострова, чтобы щегольнуть своей благотворительностью, по сравнению с нами, и тем, естественно, подорвать наш кредит среди родственных народов? Судя по телеграммам и сочувствию по адресу сэра Эд. Грея, Англия этого уже достигла. Разве после того же соглашения англо-индийская печать не выливает разных помоев на голову нашей страны и, в частности, на нашу армию? Жить в “согласии” дело хорошее, но только при неременном условии, чтобы обе стороны исполняли его честно и искренно. <...> расчет тех, которые еще недавно уповали на мир и тишину Среднего Востока после русско-английского соглашения, оказывается далеко не основательным. Радоваться этому, конечно, грешно, но еще грешнее было, под диктовку Англии, предаваться некогда разным политическим утопиям. <...> Связавши нам руки 18-м августа, Англия получила тем самым удобную обстановку для сведения в Азии всяких счетов и для завершения давно намеченных задач, почему, естественно, может только поощрять и даже создавать поводы для использования даровой обстановки».

Вместе с тем, вполне сознавая изменившуюся реальность, Снесарев пытался занять по возможности нейтральную позицию в отношении соглашения и избегать крайних оценок. В лекции «Англо-русское соглашение 1907 г.», прочитанной в Обществе востоковедения 8 января 1908 г., он охарактеризовал соглашение как «громадный плюс в политических делах обеих держав» и «первую пробу Англии и России более обстоятельно урегулировать свои отношения в Средней Азии». Вместе с тем, обращаясь к рассмотрению вопроса по существу, он указал на бессознательное желание сторон замаскировать истинное положение вещей, что, по его мнению, представляло «главную опасность» соглашения. В выступлении Снесарев вновь коснулся невыгодности соглашения с Великобританией: политическую изоляцию Афганистана, «пренебрежение к азиатским государствам», неопределенность положения в Персии и др. По его мнению, от соглашения больше выиграла Великобритания. Тональность лекции и двойственность оценок свидетельствовали, что в новых политических условиях Снесарев внес в свою концепцию перманентного англо-русского соперничества в Средней Азии элементы «примирительного» характера, не изменив саму концепцию по существу.

Перемены в политической обстановке после англо-русского соглашения 1907 г.

в значительной степени сказались на деятельности другого известного русского военного востоковеда генерал-майора М. В. Грулева, подобно Снесареву, отстаивавшего идею перманентного англо-русского соперничества в Азии. Не сотрудничая в востоковедной деятельности со Снесаревым и не солидаризируясь с ним (во всяком случае, открыто) во взглядах на среднеазиатский вопрос, Грулев в развитии своих идей и воззрений фактически шел параллельным со Снесаревым курсом. В 1909 г. Грулев издал работу «Соперничество России и Англии в Средней Азии», которая вызвала большой резонанс, как в русском обществе, так и за рубежом. Книга Грулева подверглась серьезной критике в русской прессе за продвижение идеи «антогонизма и соперничества Англии и России». В одной из рецензий на книгу отмечалось: «Главная мысль г. Грулева собственно и заключается в том, что настоящей ареной соперничества Англии и России должна быть Персия, на которой и надо сосредоточить все силы, не отвлекаясь ни Памирами, ни вообще путями в Индию. При этом все изложение проникнуто плохо прикрытой англофобской тенденцией, понятной в человеке, прошедшем школу нашего Генерального штаба. <...> Словом, книга опоздала лет на десять. Десять лет тому назад было бы интересно услышать от русского военного писателя систематическое опровержение мысли, будто бы Туркестан не должен служить плацдармом для похода в Индию. Теперь же доказывать это, пожалуй, и излишне».

Снесарев и Грулев – два стойких адепта идеи перманентного противостояния России и Англии в Средней Азии – оказались в новой политической обстановке крайне неудобными фигурами, авторитетный голос которых создавал нежелательные проблемы для русского правительства и дипломатии. Вполне возможно, что с этим связано удаление Грулева из армии и Снесарева из ГУГШ с приходом к руководству военным министерством В. А. Сухомлинова. Хотя, что касается Снесарева, то перевод его из ГУГШ на строевую должность мог быть больше связан с перспективами дальнейшей службы (необходимостью иметь строевой ценз), чем с желанием руководства военного ведомства убрать его из Петербурга за публицистическую деятельность. Ближайшим негативным последствием изменившихся политических условий после англо-русского соглашения 1907 г. стало для Снесарева ухудшение обстановки вокруг редактируемой им газеты «Голос правды» (имевшей имидж англофобского издания), которая к рубежу 1910 г. сильно потеряла в популярности и находилась в состоянии банкротства. В начале 1911 г. газета приостановила свою деятельность, и ее фактический владелец генерал В. Н. Зайцев был вынужден приступить к процедуре банкротства газеты и к выплате немалых долгов. Эта неприятная ситуация на какое-то время обострила отношения между Зайцевым и Снесаревым. Зайцев, как известно, втянулся в проект с газетой и, соответственно, понес большие финансовые убытки по инициативе Снесарева.

Следует обратить внимание на своеобразное отношение Снесарева к конфиденциальности сведений, помещенных в секретных и ведомственных изданиях штаба округа. Как видно из его переписки с сестрой, он нередко отправлял ей свои работы, которые предназначались лишь узкому кругу лиц. Многие печатные работы Снесарева относились к разряду секретных, содержали конфиденциальные сведения разведки, указания на мобилизационную готовность войск округа, и пр. Из письма к сестре: «Посылаю тебе посылкой две свои работы, они, может быть, несколько специальные, но все же кое-что найдется для прочтения... <...> Я надписал “не подлежит оглашению”, что надо понимать так, что другим, (кроме своих) их давать не нужно, ибо издание считается конфиденциальным». Представляется, что Снесареву, как автору работ очень хотелось поделиться с сестрой своими творческими успехами, может быть, он считал большой несправедливостью относить к области служебных тайн исследования, представляющие очевидный интерес для науки и гуманитарного знания. На многое может указать и его замечание, относившееся к работам (в том числе и конфиденциальным) известного индо-британского ориенталиста доктора Г. Лейтнера (Gottlieb Wilhelm Leitner): «Он был слишком учен, чтобы секретничать».

В туркестанский период развитие теоретических взглядов и концептуальных идей у Снесарева происходило не только в печатных работах, но и в ходе лекционной деятельности. Этому во многом способствовала существовавшая в русской армии практика выступлений офицеров Генерального штаба с сообщениями на военную тематику перед строевыми офицерами.

Первое выступление А. Е. Снесарева в Ташкентском военном собрании состоялось 16 февраля 1901 г. и было посвящено теме британской армии, с которой он имел возможность ознакомиться во время поездки в Индию. Сообщение носило название

«Английские строевые учения». О выступлении сообщили газеты, туркестанские и официальная газета военного ведомства «Русский инвалид». Последняя, в частности, указывала: «Пользуясь дневником, веденным во время своего путешествия в 1899 году в Индию, лектор сумел сделать свой доклад, несмотря на специальность темы, чрезвычайно живым и интересным, обильно иллюстрируя его своими личными наблюдениями, которые дали ему возможность очень рельефно охарактеризовать английские войска вообще и офицеров в особенности».

11 марта 1902 г. в Ташкентском военном собрании Снесарев сделал сообщение на тему «Народы Афганистана». На мероприятии присутствовали исполняющий должность командующего войсками генерал-лейтенант Е. О. Мацевский, командир I-го Туркестанского армейского корпуса генерал-лейтенант Д. А. Топорнин, начальник штаба округа генерал-лейтенант В. В. Сахаров, начальник 7-го округа ОКПС генерал-лейтенант А. П. Куницкий, офицеры штаба округа и строевые офицеры. В выступлении Снесарев привел описание и дал краткую характеристику основных этнических групп Афганистана – таджиков, узбеков, хазарейцев, патанов и др. Снесарев также выделил военные качества народов Афганистана. Он отметил в выступлении, что «<...> афганцы, особенно вследствие той военной подготовки, которую они имеют теперь благодаря деятельности англичан, не представляют из себя противника достойного пренебрежения». При чтении доклада Снесарев пользовался специально подготовленной схематической картой Афганистана.

18 января 1904 г. Снесарев в Ташкентском военном собрании выступил с сообщением на тему: «Очерк сухопутных нашествий на Индию». В сообщении ретроспективно рассмотрены девять наиболее крупных походов на Индию – Александра Македонского, Чингис-хана, Тимура и др., – и дана им краткая характеристика. Тема сообщения, предложенная Снесаревым, звучала как военно-историческая и не подразумевала какое-либо указание на современность. Вместе с тем, подводя итоги, Снесарев сделал выводы из опыта прошлого в связи с возможностью его использования в обозримом будущем при планировании операций русской армии против Британской Индии. Снесарев пришел к заключению, которое сводилось к следующим положениям: всякому нашествию на Индию предшествовала тщательная подготовка; народы Индии никогда не могли сплотиться для отпора завоевателям и в силу этого становились легкой добычей; Западный Гиндукуш никогда не представлял для наступающих войск серьезных препятствий; Афганистан (не говоря об Индии) обнаруживал значительные материальные ресурсы, способные удовлетворить потребности армии вторжения. Общий смысл выступления сводился к обоснованию концепции военного похода на Индию на военно-исторических примерах.

Снесарев указал в выступлении на наличие слабых мест на границе современной Индии и возможности их использования для создания угрозы вторжения. «В настоящее время, – замечал он, – границы Индии находятся всего в двух переходах от южного рубежа наших Памиров, и что вследствие такой близости мы получили возможность угрожать Англии в самом уязвимом ее месте».

У стыка четырех границ: Снесарев во главе Памирского отряда

В конце зимы 1902 г. в штабе Туркестанского военного округа обсуждался вопрос о составе сменного отряда, которому предстояло нести службу на Памире в 1902–1903 гг. Необходимо было найти подходящую кандидатуру на должность начальника отряда. Выбор затруднялся тем обстоятельством, что возникла идея увеличить срок пребывания начальника отряда на Памире с одного до двух лет в связи с тем, что в период одного года службы он только успевал войти в курс событий, но не имел возможности довести до конца выполнение ряда крупных хозяйственных задач – постройку и ремонт жилых помещений, обустройство постов в военном отношении, и т. п. Возникла также необходимость иметь во главе Памирского отряда инициативного и работоспособного офицера Генерального штаба в связи с предполагаемыми крупными изменениями в военном и административном управлении Памиром, намеченными в разработанной в штабе округа «Инструкции начальнику Памирского отряда» (утверждена туркестанским генерал-губернатором 21 июня 1902 г.).

Вскоре кандидатура начальника Памирского отряда была найдена. Свое желание возглавить отряд высказал Генерального штаба капитан А. Е. Снесарев, для которого наступал срок цензового командования ротой. Командование Памирским отрядом могло быть засчитано Снесареву как цензовое командование ротой. Представляется, что руководство округа охотно пошло навстречу желанию Снесарева, особенно с учетом идей и предложений, выдвинутых им в записке «О Памирах». Все подробности этого назначения не вполне известны, существует только версия самого Снесарева – добровольное согласие. Однако нельзя исключать той возможности, что назначение на должность произошло в связи с составленной им запиской, содержащей реформаторские идеи, и ему предоставили возможность реализовать на практике многое из того, что им было предложено накануне. Другими словами, после представления записки руководству округа у Снесарева не оставалось шанса не быть назначенным на должность начальника Памирского отряда.

В письме к сестре, в связи с предстоящей командировкой на Памир, он писал: «Командование ротой я делаю так: отправляюсь на год на Памиры и принимаю в управление тамошний отряд (т. е. 7 офицеров, 1 доктор, 200 с лишним человек и население). Управление последним зачитывается нам в командование ротой. Начальник штаба изъявил свое согласие на командирование меня на Памиры, и теперь вопрос представляется усмотрению командующего войсками и потом пойдет в Петербург. Те в Ташкенте, [которые] меня не знают совсем, развели руками, услышав о моем решении, тебя же... оно не удивит... Ты-то меня знаешь. На Памирах у меня будет полно работы, полная свобода и возможность испытать свои силы и принести пользу... Ведь, подумай, кроме своих людей (до 300), у меня будет свыше 2 тыс. кара-киргизов и до 15 тыс. таджиков. Хотя подвластных Бухаре, но весьма зависящих от меня. Кроме того, граница Памира теперь крайне тревожна: наступают из Индии мои друзья – англичане (такое положение дел и мое знание Памира выставлены начальником, как причины моего назначения). Кроме возможности разнообразно работать, командировка представит мне случай закончить изучение Памира и написать о нем сочинение, [которое] давно необходимо. Кроме того, мне хочется дальше еще по одной причине: мы переживаем какое-то смутное время... в воздухе что-то тяжелое и нехорошее. Многие из получаемого от вас производит на меня страшное впечатление... От этого томления меня тянет в сторону к дикарям. Я не в первый раз с ними встречаюсь, они меня знают (есть даже какое-то прозвище вроде “долговязый тюря”), я знаю их. Отчего же мне не надеяться принести им пользу. А через год, может быть, все уляжется и я вернусь назад в культурную сферу. <...> Моя поездка на Памир сильно меня интригует и я о ней думаю беспрестанно. Первую ночь, как начальник штаба согласился, я почти не спал... видно таким дураком и умру».

С целью решения ряда организационных вопросов по новому сменному Памирскому отряду Снесарев в начале мая 1902 г. совершил непродолжительную поездку в г. Новый Маргелан. Поездка, по-видимому, была связана с необходимостью лично участвовать в отборе офицеров и нижних чинов, предназначенных в состав отряда для службы на Памире в 1902–1903 гг. Личный состав Памирского отряда формировался из туркестанских стрелковых батальонов и 6-го Оренбургского казачьего полка, расквартированных в Фергане. Выбор людей для службы на Памире был непростым делом, от кандидатов требовалось хорошее здоровье, устойчивая психика и высокие

нравственные качества. Существовала и другая проблема, на которую указывал капитан Кивекэс: «При выборе нижних чинов, назначаемых в состав [Памирского] отряда, всякий старательный ротный и сотенный командир, конечно, пользовался случаем, чтобы избавиться от нижних чинов, присутствие которых почему-либо не было желательно в подчиненных им ротах и сотнях. Таким образом, в отряде получался из ферганских войск своего рода экстракт, который был вполне удовлетворительным в физическом отношении, но нравственные качества которого были менее удовлетворительны». В период пребывания в Фергане Снесарев не только лично отбирал личный состав для вверенного ему отряда, но и успел отправить на Памир первую группу этого отряда – 5 казаков под командованием подпоручика 12-го Туркестанского стрелкового батальона П. А. Конюхова, назначенного на место умершего поручика Глуздовского. Другое подразделение отряда отправлено из Ферганы в отсутствие Снесарева, он в это время находился в Ташкенте и, по его выражению, «управлял Памирским отрядом (за тридцать земель)». В конце июня на Памирский пост под командованием поручика 10-го Туркестанского стрелкового батальона Е. Т. Тамарова прибыли хорунжий 6-го Оренбургского казачьего полка В. Г. Голявинский, 39 нижних чинов, 2 казака и фельдшер. Из этой команды была выделена смена для Лянгарского поста, остальные прибыли на пост Хорог 12 июля.

Накануне отъезда из Ташкента в Фергану Снесарев в письме к сестре сообщал: «Стою на пороге новой для меня деятельности. Приходится с первого шага быть самостоятельным, только отдавать (а не получать, как прежде) приказания, и думать над вопросами жизненными, широкими и сложными. Когда-нибудь поговорю с тобою специально о моих памирских задачах, и теперь скажу лишь, что самой трудной в них стороной для меня будет хозяйственная... В моем распоряжении более 100 тыс. рублей, деньги ассигнуются на самые разнообразные нужды, требуют сложной отчетности... надо знать, где и как купить: возможны злоупотребления. Отношение к последним по многим причинам не может быть формально карающим... Словом, я в первый раз буду решать вопрос о суммах казны и о том, как к ним относиться, чтобы и не быть формальным фарисеем, но и не попасть в разнузданные попустители».

Из Ташкента Снесарев должен был выехать в Фергану в середине июня 1902 г., но ввиду необходимости завершить ряд плановых работ, смог прибыть к месту сбора отряда только 2 июля. В письме к сестре он писал с дороги: «Рад, что выпустили. Еду со светлым и жизнерадостным челом, хотя меня ожидает много хлопот... доверие начальства и его хорошее мнение иногда бывают очень неудобны. Непосредственная моя задача – управлять отрядом, т. е. жить с ним, производить учения, делать в соседних странах разведки и т. п. Все мои предшественники этим только занимались и имели дела довольно, мне же прибавили столько лишнего, что не знаю, как и справлюсь; начальник штаба просил писать сочинение (это меня устраивает и дает возможность отпечатать еще тысячу страниц), его помощник дал ряд частных задач; ген. Иванов: 1) поручил вопрос о податном обложении киргизов (было решено уже, что командующий войсками сказал: теперь едет Снесарев, пусть пересмотрит) и 2) по поручению из Петербурга вопрос о припамирских ханствах... перехода их к нам... Пока я еще не разобрался и смотрю на все, как на какую-то кашу... По управлению отрядом мне дана большая свобода карать и миловать, что меня сильно облегчает: не надо будет сноситься с начальством...».

В Новом Маргелане Снесарев представился генерал-майору Г. А. Арендаренко, командующему войсками Ферганской области, и 5 июля во главе главных сил отряда выступил на Памир. Направляясь по Большой Памирской дороге, отряд достиг поста Памирского, где Снесарев приступил к проверке Восточных постов и распределению по ним личного состава. Капитан Кивекэс, подразделения которого уже выдвигались в Фергану, задержался в Хороге до прибытия Снесарева и сдачи ему дел отряда. Снесарев выступил с Памирского поста с частью отряда, предназначенного для занятия Западных постов, и направился на пост Хорог по пути, уже знакомому ему по рекогносцировке 1901 г. Через пер. Тагаркаты и Кой-тезек он проследовал в долину р. Гунт, отсюда начинался район, который ему не удалось посетить во время памирской рекогносцировки 1901 г.

Из кишлака Ван-кала Снесарев отправил капитану Кивекэсу короткую записку: «Многоуважаемый Эдуард Карлович. Сегодня – 21 июля – прибыл в кишлак Ван-кала. Завтра утром трогаюсь отсюда, в Риваке переменяю лошадь и к ночи буду пробираться к Вам в Хорог. Прошу на завтра считать меня частным путешественником и никого из-за

меня не тревожить. За чай и постель скажу спасибо. Жму Вашу руку. Вам преданный и благодарный А. Снесарев. Поклон товарищам».

Как указывал капитан Кивекэс, в Хорог Снесарев прибыл ночью 23 июля. На следующий день была завершена процедура сдачи и приема дел отряда, и капитан Кивекэс покинул Хорог, чтобы успеть застать на Памирском посту уходящий эшелон своего отряда. В начале августа Снесарев совершил короткую поездку на Лянгарский и Ишкашимский посты с целью распределения личного состава и изучения положения дел на месте.

В письме к сестре он сообщал об этом событии: «Только что приехал из объезда своих западных постов и застал целую кипу писем. В поездке был 8 дней: надо было посмотреть 2 поста, [которые] я еще не видел, а, главное, замутили дело англичане: разведка донесла мне, что 300 человек их войска заняли Сархад (важный пункт в узкой афганской полосе, отделяющей меня от англо-индийских владений). Взял я с собою отсюда 12 казаков и через 4 дня прибыл на Лянгарский пост (в 80 верстах от Сархада). Здесь у меня образовалось: 2 офицера, врач (классный фельдшер), 28 казаков и 16 солдат плюс несколько (45) вооруженных туземцев. В штаб донес, что если англичане не очистят Сархада, то или двинусь их выгонять, или займу пункт, не менее важный чем Сархад. Все кончилось пустяком: англичане не думали занимать, а только затеяли небольшую пограничную ссору, да и всего было у них 150 человек, из [которых] только 50 были вооружены. Вероятно, услышав о моем приходе, они удрали как зайцы. Бегство их тебе будет понятно, если ты вспомнишь, как боятся русских в Азии... Кроме того, я велел распустить слух, что еду с 25 казаками, сзади меня идут еще казаки, а с вооруженных постов пошла целая сотня».

При работе над книгой нам не удалось обнаружить в фондах РГВИА следов официального донесения об этом событии, как и какой-либо реакции штаба округа на него. Оставляя без внимания задиристый тон письма и очевидное желание произвести на сестру определенный эффект, следует заметить, что «пограничная ссора» Снесарева, если она действительно имела место, грозила обернуться серьезными последствиями. В соответствии с инструкцией, начальнику Памирского отряда предоставлялось право самостоятельного принятия решений в кризисной ситуации, но в ней не предусматривалась возможность пересекать границу и открывать боевые действия на территории иностранного государства. Даже если бы действия британцев, упомянутые в письме, действительно имели место и не являлись просто слухом, то у Снесарева не было полномочий на тот образ действий, который он предпринял. Прямой угрозы русской границе не было, предполагаемое событие целиком относилось к сфере англо-афганских отношений. При этом Снесарев вполне отдавал себе отчет в опасности предпринимаемых им действий и серьезности последствий. Это видно из упомянутого выше письма к сестре: «<...> особенно боялся, что придется по своему решению переходить границу с военными целями; страшно было не идти против 300 англичан (как я думал) с 50 человек своих, а начинать это дело по своему почину, без разрешения (у нас есть основная статья закона, карающая за подобные подвиги каторгой, если для решения не усмотрится достаточно оправдывающих мотивов). Но теперь все обошлось благополучно, и я смиренно жду из Ташкента нагоняя... "брань на ворота не виснет"...».

Весь эпизод, с учетом отсутствия у Снесарева достоверной информации о событиях на границе, напоминает излишнюю демонстрацию силы, пустую браваду, с приданием ей известного масштаба (с помощью слухов). Эпизод имеет прямую аналогию с действиями Снесарева на китайской границе в полевую поездку 1900 г., с той лишь разницей, что на Памире он обладал широкими полномочиями и значительной воинской силой. К счастью, эта легковесная демонстрация силы осталась незамеченной индо-британскими властями, упоминание об этом событии отсутствует в фондах британских архивов, во всяком случае, его нет среди основного массива сведений, относящихся к политическим событиям на Памире и северо-западной границе Британской Индии за август-сентябрь 1902 г.

О «лянгарском инциденте» в канун Нового 1903 г. сообщит сам Снесарев в газете «Туркестанские ведомости», правда, в несколько иной редакции, по сравнению с версией, изложенной в письме к сестре. «Богатая фантазия памирского таджика, – писал он, – находила хорошую для себя пищу в разноречивых отдельных слухах и создавала картину грядущего нашествия британцев на наши бедные Памиры. В начале августа слухи быстро окрепли, получили выпуклую форму, и пограничное население заговорило о том, что англичане взяли Сархад (поселок в афганском Вахане, лежащий на пути через

перевал Борогиль), собираются взять афганский Вахан и идут к Пянджу в количестве 400–500 человек; в населении замечалась какая-то смута, заставившая слухами заняться специально. При рассмотрении дела получилась картина обычного поведения англичан в захолустных темных углах: произвол пограничных политических агентов и офицеров, насильственное внушение народу о своем могуществе, правах, богатстве, поселение смут в соседних странах всеми возможными средствами, а из них главные сплетня и клевета и т. п.». Далее в тексте следует продолжительное изложение всех проделок коварной Англии и напоминание, что «благодатные времена для Англии минули». Газетная версия свела весь «лянгарский инцидент» к слухам и возникшей для Снесарева необходимости «заняться ими специально».

Задачи, которые пришлось решать Снесареву по должности начальника отряда, были чрезвычайно разнообразны – организация охраны границы и разведки, хозяйственная деятельность, забота о здоровье и быте нижних чинов, обеспечение бесперебойной почты, снабжения отряда всем необходимым, участие в разборе конфликтов и жалоб местного населения. На многообразии стоявших перед ним задач он указывал в письме к сестре: «Как разнообразно, живо и симпатично мое теперешнее дело, ты и представить не можешь; я с утра до вечера весь словно на свежих, упругих ресурсах: бегаю, распоряжаюсь, пишу, ругаю, ласкаю... На верхней полке лестницы моей работы стоит вопрос о войне с англичанами и возможность перейти с отрядом границу – на нижней – необходимость разобрать жалобу публичной женщины, [которой] казак, вместо установленных 20 копеек ночью, всунул в руки старую пуговицу от шинели».

Одной из важных задач, возложенных на Памирский отряд, была разведка сопредельных территорий. В «Инструкции начальнику Памирского отряда» эта задача формулировалась следующим образом: «Изучать сопредельные страны (физическое состояние, народонаселение, занятия его, богатство страны, администрация и т. д.), афганские, англо-индийские и китайские, и бдительно следить за их текущей жизнью, обращая главное внимание на военно-политическую сторону, донося о всем заслуживающем внимания 1 и 15 [числа] каждого месяца».

В дополнение к основному пункту о задачах разведки «Инструкция» содержала и более детальные требования: «1) Пользуясь выдающимся к югу положением Памиров, облегчающим наблюдение за жизнью сопредельных стран, начальник отряда должен непрерывно изучать их через особо отправляемых разведчиков, опросом купцов и лиц, ездящих по своим личным делам и т. п. способами. Изучение Афганистана и Северной Индии (пригиндушских стран, Балтистана, Ладакха, Ягистана и Кашмира) должно быть возможно полное, ибо о них нам мало известно, а потому для нас интересны все стороны их жизни; изучение китайских владений в подобной мере не нужно и довольно следить лишь в них за текущей жизнью. 2) Желательно конечно иметь в больших городах (Кабуле, Файзабаде, Читрале, Гильгите, Яркенде и др.) надежных людей, постоянно там живущих, которые бы нам сообщали о всем заслуживающим внимания и помогли бы в деле изучения сопредельных стран, но эти задачи должны выполняться с крайней осторожностью, осмотрительностью и умением. 3) По усмотрению начальника отряда, некоторые местности и работающие в них разведчики могут быть переданы в ведение кого-либо из начальников постов (офицера), с предоставлением ему некоторой инициативы в частных задачах. 4) Главное внимание в разведках должно быть устремлено как на сторону военную – проведение в сопредельных странах новых дорог, устройство новых укреплений, численность гарнизонов, их смен, так и на политическую – те или иные вести и слухи, сманивание и подкупы наших разведчиков, наличность влиятельных при дворах или начальниках лиц, настроение народонаселения и т. п. 5) К первому мая, августа и ноября доставляются сведения о численности (с пояснительной, если нужно, запиской и кроки) своих, афганских, англо-индийских и китайских постов и гарнизонов».

Задачи по разведке сопредельных стран с территории Памира ставились еще в период «памирских походов». В предписании начальнику Памирских отрядов генерал-майору М. Е. Ионову для действий в 1894 г. эта задача формулировалась следующим образом: «Пользуясь установившимися постоянными сношениями туземного населения Памира с жителями соседних стран и случайными обстоятельствами необходимо организовать систематическое соби́рание возможно подробных военно-статистических сведений о Канджуте, долинах рек Ишкашима, Ясина, Ярхуна, Читрала, доступов к ним и о путях от р. Пянджа к озеру Шива и по Бадахшану особенно через Файзабад к Рустаку и Кундузу». Разведка велась путем непосредственного осмотра границы, а также с использованием

специально подготовленных разведчиков из числа местного населения (джигитов) и путем опросов старшин торговых караванов, местных жителей, побывавших по торговым и личным делам на сопредельных территориях.

Иногда посылка джигитов-агентов осуществлялась для решения отдельных задач, поставленных штабом округа. В основном они касались вопросов уточнения дислокации индо-британских, китайских и афганских войск в полосе ответственности отряда, а также для обновления сведений о состоянии перевалов, дорог, вьючных троп, переправ и т. п. Такие разведки длились от нескольких недель до нескольких месяцев, и связь с разведчиками могла надолго прерываться, особенно в зимний период. В 1902 г. от отряда посылались разведчики в Кабул, Файзабад, Читрал, Гилгит и Ташкурган. Часто отряд выделял разведчиков для проверки сообщений, поступавших от генерального консула в Кашгаре Н. Ф. Петровского. Консул был известен своим пристрастным взглядом на деятельность англичан в Кашгарии и на сопредельных территориях и нередкими алармистскими донесениями в штаб Туркестанского военного округа. Так, для проверки сообщений Петровского о разработке англичанами пер. Калик и о строительстве у северных отрогов Гиндукуша военного укрепления от Памирского отряда посылались «две партии опытных и надежных лазутчиков». Сведения Петровского не подтвердились, но лазутчиками были собраны важные сведения о положении дел в Хунзе, о дислокации индо-британских войск, состоянии перевалов и дорог.

В 1902 г. в распоряжении Памирского отряда имелось три постоянно действующих разведчика, производивших разведку на афганской и британской территории. Для ведения разведки на сопредельных территориях штабом Туркестанского военного округа Памирскому отряду выделялись значительные суммы, к примеру, в 1906 г. было выделено 3 500 руб. По объему выделяемых на разведку средств Памирский отряд уступал только штабу II-го Туркестанского армейского корпуса (Асхабад) и разведывательному отделению штаба округа.

Вместе с тем, разведка Памирского отряда не отличалась большой эффективностью. Одной из причин было отсутствие специально разработанной программы, в которой определялись приоритеты и цели разведки, порядок ее ведения, привлекаемые силы и средства и другие вопросы. Впервые вопрос разработки такой программы был поднят командующим войсками Туркестанского военного округа генерал-лейтенантом Н. А. Ивановым. Ознакомившись с рапортом начальника Памирского отряда штабс-капитана Кивекэса в части ведения разведки, Иванов задал вопрос (в резолюции на документе) начальнику штаба округа: «Дается ли программа начальнику поста по сбору сведений, или представляется это производство работы личному усмотрению начальника отряда?». Осталось неизвестным, имел ли вопрос командующего какие-либо последствия.

Ведение разведки сопредельных территорий с Памира было сопряжено с большими организационными трудностями. Достаточно сказать, что в зимний период разведдеятельность Памирского отряда фактически приостанавливалась. «Долгий зимний период, – замечал Генеральный штаба капитан Аносов, – обыкновенно прекращает на Памире и в прилегающих к нему областях всякую деятельность не только военно-политическую, но и вообще общественного характера... Обилие снега, засыпавшего непролазным слоем проходы Гиндукуша, дороги Бадахшана, Дарваза и Памиров, до крайности затруднило сообщение этих стран и между собой, и с внешним миром. Насколько труднопроходимы были здесь этой зимой дороги можно судить по тому, что вверенного мне отряда штабс-капитан Трубоченинов, командированный мною в конце января по делам службы в г. Новый Маргелан, должен был от Хорога почти до поста Памирского – 200 верст, пройти пешком буквально по поясу в снегу. И это в направлении дороги, разрабатывавшейся нами в течение последних двух лет!».

По сведениям капитана Аносова, разведчики, специально посылаемые на сопредельные территории, не соответствовали своему предназначению как по образованию и уровню профессиональной подготовки, так и по моральному облику. «В первое же время, – доносил он, – выяснилась полная неблагонадежность способа собирать сведения посредством разведчиков, периодически посылавшихся с заранее определенными целями в наиболее интересные пункты Афганистана, Кашгарии и Северо-Западной Индии. Большинство этих разведчиков, по преимуществу профессионалов, высоко ценили свои услуги, но в то же время обыкновенно даже не давали себе труда проникать в те пункты, в которые обязывались пройти, а, перейдя нашу границу, проводили

некоторое время в каком-нибудь приграничном кишлаке и затем возвращались обратно со сведениями не только вымышленными, но сплошь и рядом совершенно неправдоподобными и даже невероятными».

До назначения на Памир Снесарев достаточно хорошо разбирался в специфике разведывательной деятельности Памирского отряда. Это наглядно видно на примере составленной им записки «О Памирах». Однако отсутствие у него личного опыта в деле организации разведки привело при разработке записки к несколько оторванным от реальности выводам, в частности, об удобстве ведения разведки с Памира, о возможности широкого использования местных жителей и т. п. Реальность оказалась иной, и очень скоро он убедился в ошибочности ряда сделанных ранее выводов. Эффективность разведки на Памире оказалась сильно преувеличена, сами разведанные часто были неполные и ненадежные, имели частный характер. В разведсводках, отправленных Снесаревым в штаб Туркестанского военного округа, часто можно встретить выражение «по слухам».

В фондах РГВИА сохранились разведсводки, представленные Снесаревым в штаб округа за период ноябрь 1902 – март 1903 гг. Донесения Снесарева наряду с информацией других разведывательных центров Туркестанского военного округа – начальника Керкинского гарнизона, офицера Генерального штаба в Кашгаре и др. – сводились в общую отчетную разведывательную сводку штаба округа – «Рапорт со сведениями о сопредельных с округом странах», которая ежемесячно докладывалась в Главный штаб. В связи с важностью разведывательных донесений Снесарева для целей настоящей работы, приведем некоторые из этих редких документов в полном виде.

«Ноябрь 1902 г. От начальника Памирского отряда.

Подтверждается сообщенное штабом II-го [Туркестанского армейского] корпуса известие о воспрещении афганским эмиром вывоза различных продуктов, а также лошадей в Индию.

Сообщается маловероятный слух от файзабадского купца Мурата, будто Вахан, Зебак и Ишкашим уступлены Хабибуллоу-ханом англичанам. Занятие названных областей английскими войсками последует весной 1903 г. На случай противодействия с нашей стороны гарнизон Калаи-Пянджа (около сотни пехоты) будет увеличен на одну сотню пехоты, которая под видом смены должна туда прибыть весной. В виде вознаграждения за отходящую к Индии часть афганской территории, английское правительство предложило перевооружить всю афганскую армию огнестрельным оружием последних образцов.

В Файзабад доставлено 4 горных скорострельных орудия, из числа заказанных в Германии.

Чума на людях и скоте в Файзабадском округе почти совсем прекратилась, в Рустаке же падеж скота все еще продолжается, хотя в значительно меньшем размере. Сведения о состоянии чумной эпидемии на людях в афганском Дарвазе, появившейся в начале ноября в кишлаке Джумар (к северу от Калаи-Вамара) и в некоторых других кишлаках вниз по Пянджу, смутны и сбивчивы, благодаря тому, что жители как бухарского, так и афганского берегов Пянджа, стараются скрыть ее, дабы восстановить прерванные сношения. В качестве замеченного явления передается, что все куры во время эпидемии погибли. Вместе с тем сообщается о какой-то новой эпидемической болезни, ныне уже ослабевающей, в Файзабадском округе, повлекшей за собою большую смертность среди населения. На туземном языке болезнь эту называют «табларза» (лихорадочная болезнь), по некоторым признакам она походит на холеру».

«Декабрь 1902 г. От начальника Памирского отряда.

В дополнение сообщенного купцом Муратом сведения об уступке англичанам Вахана, Зебака и Ишкашима, капитан Снесарев доносит, что Мурат слышал об этом от одного из командиров батальонов, расположенных в Файзабаде, причем, англичане обещали снабдить за это оружием не всю афганскую армию, как сообщалось раньше, а лишь войска Бадахшана. Слух этот подтверждается рядом сведений из других источников.

Так, халиф пира Ша-Заде-Лаиса, Ша-Камбар, живущий в афганском Ишкашине, сообщил разведчику, что он получил письмо от своего пира, в котором тот пишет, что получил

приглашение от Ага-хана, как и другие пиры Читрала и Бадахшана, приехать в г. Дели, в который прибудет Ага-хан с вице-королем Индии на какие-то устраиваемые там празднества (коронационный дурбар в честь короля Эдуарда VII). Во время празднеств вице-король объявит присутствующим пирам и народу о занятии весной будущего 1903 года “Бадахшана” (Вахан, Зебак, Ишкашим, Горан и Шугнан называются общим именем Бадахшан). Ага-хан, по просьбе вице-короля, будет просить присутствующих пиров, которые имеют мюридов в Бадахшане, подготовить их к тому событию.

Ваханский наиб Бабаран-ша на этих днях получил письмо от бывшего ваханского хана Али-Мардана-Ша приблизительно следующего содержания: “Весной этого года ты и афганцы угнали у меня около 1300 баранов и, несмотря на мои просьбы, их мне не возвратили. В этом же году ты хотел хитростью вызвать моего брата и его семью из Сарыкола ложною бумагою будто бы от эмира, чтобы выдать его афганцам, как это ты хотел сделать со мной. Все это мне известно и я извещаю тебя, что будущей весной буду в Вахане и за все твои дела, по отношению меня и моего брата жестоко отомщу тебе и афганцам”.

Содержание этого письма можно поставить в связь с предполагаемым занятием англичанами Вахана потому, что Али-Мардан-Ша без помощи последних не располагает никакими средствами, чтобы привести в исполнение вышеприведенную угрозу.

Обращает на себя также внимание, что Хабибулла-хан отдал файзабадскому биргиту приказ отобрать расписки от жителей Бадахшана в том, что они вполне довольны правлением эмира и привязаны к нему, а наиболее влиятельным лицам предложено прибыть в Кабул на поклон эмиру.

Появление такого приказа со стороны неограниченного правителя капитан Снесарев объясняет тем, что слухи о происках англичан в Бадахшане достигли Кабула и эмир решил заручиться формальным заявлением населения о том, что существующим режимом они довольны, дабы тем не дать возможности англичанам захватить страну под предлогом якобы гнета населения под афганским правлением.

Стремление привязать Бадахшан к центральной власти и насколько возможно изолировать его от чужеземных влияний сказалось также на распоряжении эмира не продавать хлеба ни в Индию, ни в Бухару, причем для понижения цены на хлеб дома у себя аксакалы обязаны ежедневно доставлять на базары некоторое количество хлеба. Кроме того, таджикам афганского Бадахшана запрещено заключать брачные союзы с лицами, живущими на нашем берегу».

«Январь 1903 г. От начальника Памирского отряда.

Эмир Хабибулла-хан был некоторое время серьезно болен. Доказательством тому служит то обстоятельство, что вызванные эмиром для личных переговоров некоторые таджики из Шугнана, хотя и пробыли в Кабуле значительное время, но эмира все-таки не видели. Затем, в течение двух недель все приказания, присланные в Бадахшан и другие провинции, были за подписью Насрулла-хана.

Имеются маловероятные сведения о восстании в Гезараджате, инициатором которого является будто бы Аюб-хан. Хабибулла-хан отдал, как говорят, приказ, в котором объявил, что весной он двинет в названную провинцию войска и усмирит повстанцев.

С Англией эмир продолжает быть в натянутых отношениях. В Читрале, Файзабаде и Кабуле ходят слухи, будто весной эмир объявит войну Англии. Говорят, будто бы в вышеупомянутом приказе, который получен, между прочим, биргитом Файзабада, эмир спрашивал, согласны ли войска выступить на борьбу с англичанами, приглашал начальников усиленно заняться подготовкой войск в строевом отношении, причем за усиленные труды войскам прибавил жалование. И действительно, по словам бежавших к нам таджиков, в соседних с Памирами гарнизонах ежедневно ведутся строевые занятия, чего раньше не замечалось.

Насколько можно судить из донесений разведчиков, Англия тоже делает приготовления на своей северной границе. Так, имеется известие, будто гарнизон Кала-и-Дор будет усилен на 2 тыс. чел. и 6 горных орудий; в Читрале формируется милиция из туземцев; последовало распоряжение о поставках туземцами в Мастудж весной текущего года большого количества вьючных лошадей и провианта, причем для последнего в

упомянутом пункте строится третий по счету магазин.

Прошел слух, что где-то в Афганистане вспыхнула чума. В Бадахшане, а также по Гунту и Шах-даре свирепствует корь».

«Февраль 1903 г. От начальника Памирского отряда.

Отношения Англии и Афганистана по-прежнему рисуются обостренными и получают подтверждения, что обе стороны готовятся к осложнениям. Так, имеется сведение, что Хабибулла-хан послал к турецкому султану джарнеля Сардар Абдул-Джана (бывшего на празднестве в Дели) и своего главного секретаря Мирзу Ша-бек-хана с поручением передать султану собственноручное письмо эмира, в котором Хабибулла «как младший брат» испрашивает благословения на предстоящую весной войну с англичанами. Эта цель от народа скрыта, и названные лица отправились за пределы Афганистана под предлогом посетить Мекку. Кроме того, имеются известия, что бадахшанскому биргиту приказано исправить все дороги и мосты в Бадахшане; в Файзабаде гарнизону проводится учение и стрельба из ружей и пушек; отдано распоряжение, чтобы зорко следили за деятельностью мюридов Ша-Заде-Лаиса, которые в случае войны могут явиться хорошими разведчиками для англичан.

Подтверждается известие о восстании в Гезараджате, и что будто бы эмир послал туда отряд под начальством Насруллы-хана».

«Март 1903 г. От начальника Памирского отряда.

Есть слух, что в Кабуле пойманы два английских шпиона, пробравшихся туда под видом юродивых. Шпионы были подвергнуты пытке, во время которой сознались, что кроме них английское правительство содержит в разных местах Афганистана до 40 разведчиков, между которыми есть не только таджики, китайцы, сарты, но и афганцы. После пыток оба шпиона были расстреляны из орудий.

Из крепости Калаи-Пяндж получен приказ эмира с печатью Насруллы-хана о том, что военные действия с англичанами начнутся через два новолуния. В этом же приказе рекомендуется кормить солдат как можно лучше, а равно больше обращать внимания на строевую подготовку войск.

Подтверждается слух об исправлении путей сообщения в Бадахшане.

Военные действия в Гезараджате приняли чисто партизанский характер: народ покинул селения и живет в горах, делая частые нападения на афганцев. Во главе восстания слухи по-прежнему ставят Аюб-хана, поддерживаемого будто бы англичанами. Посланный туда отряд под личным начальством Насрулла-хана вернулся скоро назад, не достигнув никаких результатов, вследствие непроходимости для больших масс войск горных перевалов, сильно заваленных в этом году снегом. С наступлением весны в Гезараджат послан 1 палтан пехоты в 1 тыс. человек.

Из придворной жизни эмира упоминается о полном разладе Омар-хана с эмиром и о ссоре между Хабибуллой и Насруллой-ханом».

Летом 1902 г. в связи с участвовавшими слухами о подготовке британцев к захвату Зебака и афганского Ишкашима (оказавшимися впоследствии ложными) возникла необходимость проверки реального положения дел в этой части сопредельного Афганистана. По распоряжению начальника Главного штаба Снесарев в сентябре 1902 г. организовал отправку в афганский Ишкашим проверенного агента – купца Мурата. В январе 1903 г. Мурат вернулся на Хорогский пост и представил собранные им сведения о политической обстановке в афганском Вахане. Часть из них цитировалась выше в разведывательных сводках Памирского отряда.

В Памирском отряде за сбор сведений о сопредельных странах отвечал специальный офицер, занимавший должность заведующего разведкой Памирского отряда. Он находился на посту Хорог и к нему поступали донесения с постов и от разведчиков-туземцев. В период командования Снесарева эту должность занимал подпоручик Петр Мартенианович Яременко. Уроженец Ферганской области, он с детства знал тюркский язык, что значительно облегчало ему проведение рекогносцировок на Памире и работу с агентами из числа местных жителей. Яременко с риском для жизни совершил тайную

рекогносцировку Афганского Бадахшана. В период Первой мировой войны за отличие в боях удостоен ордена Св. Георгия 4-й ст.

После смены отряда капитана Кивекэса в Памирском отряде кроме подпоручика Яременко остался на второй год службы поручик 18-го Туркестанского стрелкового батальона Николай Трофимович Давыдов, занимавший при Снесареве ответственную должность заведующего хозяйством отряда. Вместе с ним в Хороге находилась его жена – единственная женщина во всем Памирском отряде. Еще один офицер – хорунжий 6-го Оренбургского казачьего полка Виктор Георгиевич Голявинский, прослужил на Памире в составе отряда капитана Кивекэса и после непродолжительного отпуска вновь вернулся на Памир для продолжения службы в составе отряда Снесарева. Хорунжий Голявинский занимал должность начальника Лянгарского поста. Из новых офицеров на Памир прибыли поручик Петр Апполонович Конюхов, занявший должность начальника Памирского поста, и поручик 9-го Туркестанского стрелкового батальона Евгений Владимирович Скобин – начальник Ишкашимского поста. Из медицинского персонала в отряде имелся врач Меркулович и два фельдшера – В. Р. Смирнов и Пропащих.

Начало службы Снесарева на Памире омрачилось печальным событием. По пути в отряд на станции Бордаба у южной окраины Алайской долины 28 сентября 1902 г. скоропостижно скончался поручик 10-го Туркестанского стрелкового батальона А. Ф. Путинцев. Причиной смерти стала горная болезнь. «Смерть Путинцева, – отмечал Снесарев, – являющаяся второю в этом году после смерти Ф. А. Глуздовского (в феврале месяце) произвела тяжелое впечатление на памирцев». В письме к сестре Снесарев делится своими чувствами по поводу этого трагического события: «Недавно у меня случилось несчастье: умер от горной болезни ехавший в мой отряд офицер. На всех это произвело тяжелое впечатление. Приказал описать имущество и похоронить: священник и другие атрибуты для нас роскошь. А по постам отдал приказ, чтобы офицеры объяснили нижним чинам, что на службе Его Императорского Величества умер наш офицер, одели бы чистую одежду и перед образом помолились бы об успокоении души усопшего... Так у нас и было устроено: я сказал солдатам о смерти, подошли к образу и начали петь, что припомнили: отче, верую, еще что-то. Упокой, господи и вечную память... при последней молитве стали на колени. В этом было много грустного, но это отсутствие формализма, непосредственность молитвы при нашей обстановке носили в себе что-то трогательное и удовлетворяющее...».

В октябре-ноябре 1902 г. Снесарев совершил объезд всех постов Памирского отряда. Осмотр начался с группы Западных постов и был продолжен на Восточных постах. В одном из писем он сообщал о поездке: «<...> два раза чуть не погиб (раз терял проводника): возвращался по Орошору, где один раз чуть не утонул, или, по крайней мере, не застудился в воде... словом, как-то не везет; не умею без горячности». Закончив инспекцию, Снесарев с Памирского поста совершил поездку в Орошорскую волость, расположенную в западной части долины р. Мургаб на границе с бухарскими владениями. Поездки начальников Памирского отряда в труднодоступную Орошорскую волость, населенную исключительно оседлыми таджиками, были редки, и по этой причине население имело смутное представление о русской власти. Первую поездку для ознакомления с населением волости совершил Генерального штаба капитан Н. С. Аносов в период командования Памирским отрядом в 1899–1900 гг. «Бедное, но трудолюбивое население этой волости, – сообщал в годовом отчете капитан Аносов, – как бы совершенно обособленной от остального мира, живет чисто патриархальным образом, производя лишь то, что потребно в незатейливом его домашнем обиходе, едва понимая ценность и значение денежных знаков. Средства этого края настолько ничтожны, что в этом отношении он едва ли может представлять для нас какой-либо интерес, но зато высокие нравственные качества населения его – трудолюбивого, выносливого и неиспорченного, казалось бы заслуживают более тесного общения с ним, в видах, хотя бы приобретения полезного материала на случай каких-либо осложнений в населенных такими же таджиками областях восточного Афганистана. Единственным средством для этого может служить улучшение путей, ведущих с Памирской волости в Орошор, и возможно частая посылка в последний из отряда офицерских разъездов и контроля над деятельностью ставящихся нами чинов туземной администрации: волостного, пятидесятников, казия и др.».

Из Орошора на пост Хорог Снесарев мог вернуться двумя возможными путями: по долине р. Бартанг к кишлаку Калаи-Вамар и далее вверх по течению Пянджа до Хорога или через пер. Марджанай к северной оконечности оз. Яшилькуль с выходом на

Большую Памирскую дорогу и дальнейшим движением через пер. Буромал в долину р. Гунт и далее к Хорогу. Предположительно, Снесарев воспользовался вторым маршрутом, поскольку путь по ущелью р. Бартанг был очень трудным и кружным.

В октябре 1902 г. Снесарев получил новую «Инструкцию начальнику Памирского отряда». В соответствии с ней, начальник отряда получал права уездного начальника в Памирской и Орошорской волостях и непосредственно подчинялся военному губернатору Ферганской области; имел право сменять и утверждать в должности лиц туземной администрации, утверждать постановления народных судей, судивших по местным обычаям. Взыскания за проступки и преступления налагались лишь по утверждению их начальником отряда, которому предоставлялось «право отменять и видоизменять взыскания, соображаясь с обычаями населения, справедливостью и интересами высшей власти».

С первых дней службы Снесарев столкнулся с проблемой, о которой прекрасно знал ранее и к радикальному решению которой призывал в своей записке «О Памирах», – фактическим двоевластием в административном управлении страной. Это ненормальное положение, вопреки рекомендациям Снесарева, было закреплено в тексте «Инструкции начальнику Памирского отряда» (Гл. I, § 3, п. «д») – «Бдительно следить за бухарской администрацией в бывших ханствах Шугнан, Вахан и Рушан в целях привлечения симпатий населения на сторону русских и в целях предупреждения насилий и злоупотреблений со стороны бухарских властей». Фактически инструкция распространяла власть русского воинского начальника на всю территорию Западного Памира, превращая бухарскую администрацию в некий бутафорский элемент. Введение нового порядка управления Памиром сопровождалось конфликтами с местной бухарской администрацией, вызывало поток жалоб и разбирательств.

В письме к сестре он сообщал: «Два дня тому назад возвратился, (был в походе как Святослав: без одеяла, подушки, шел быстро) и застал [в Хороге] значительное смятение: бухарцы в мое отсутствие начали грабить народ, приказали мулле утром и вечером кричать со своей крепости молитву... Написал резкое письмо беку, выругал бухарского чиновника, запретил мулле кричать «азан»... Жду ответа от бека, народ успокоился...». Из этого фрагмента письма становится очевидным, что разногласия между командованием Памирского отряда и бухарской администрацией Западного Памира возникали не только на почве экономических отношений, но и в вопросах религиозной политики. После установления власти бухарского эмира над припамирскими бекствами, новая бухарская администрация и духовенство предприняли меры для поднятия среди местного населения авторитета ислама как религиозной догмы и этико-правовой системы. Усиление пропаганды ислама суннитского толка было неоднозначно воспринято местным населением, большинство из которого придерживалось шиитского направления ислама с сильным влиянием исмаилизма. Это различие в восприятии ислама служило причиной отчуждения, существовавшего между бухарцами-суннитами и памирцами-шиитами. Бухарцы считали памирцев нечистыми и часто демонстрировали к ним свое пренебрежение: не садились вместе есть, не спали под одной крышей и т. д.

В начале октября 1902 г. Снесарев сообщал сестре о первых возникших у него проблемах с руководством округа из-за разногласий с военными инженерами по поводу первоочередности строительных работ на Памире и их стоимости, а также по поводу конфликта с бухарской администрацией. На фоне этих конфликтов Снесарев впервые обмолвился о возможности «быть прогнанным» (по его словам) с Памира. Подробности этих проблем хорошо видны из письма к сестре: «У меня же сумбур, гвалт и суматоха. Я окупился в такие дебри жизни: предо мной вьются лентой любостыжатели, с их первой целью пограбить; формалисты, согревающие свое благополучие под мертвой буквой закона, бездельники, [которые] столь ленивы, что их не пробудишь ни палкой, ни уговором... Если я пробуду здесь год, то усвою жизнь с многих, мне малоизвестных до сего времени сторон... И во всю эту суматоху я вляпался с моей горячностью, идеализмом (иногда сентиментализмом) и большой дозой самоуверенности. Были у меня в последнее время особенно большие схватки с военными инженерами; пошло много на меня жалоб, собираются съезды, а мне наплевать: они меня в горло, чтобы сожрать, а я поперек, они на меня донесение, а я – благо грамотный – свое; они меня своими паршивыми правилами, а я общим разумом и требованием совести... и какая это все сволочь, как они лгут (т. е., ей Богу, прямо-таки брешут, как сивые мерини), как готовы продуть все родное из-за пришлых проходимцев, [которые] им выгодны на работе и с

[которыми] они, может быть, делят барыши...

С бухарцами у меня пока все спокойно; я уже получил за них нагоняй (седые ташкентские дети додумались, что я куда-то лезу не в свое дело и погрозили пальцем...). Ты не можешь себе представить, как все это течет живо, нервно, напряженно. Я сказал выше, если пробуду год. Видишь ли, в чем дело. Общее направление дел из Ташкента ныне очень дрябло, беспринципно и бестолково, что я уже получил нагоняй за то, что не сделал по-ихнему, а в дальнейшем, если зарвусь, могу быть прогнанным отсюда. Удовлетворить общему их направлению право нет сил. Теперь усваиваю манеру делать, что считаю нужным и молчать, но, к сожалению, кругом меня много соглядатаев... донесут».

Позиция, занятая Снесарев в вопросе защиты прав местного населения, создала ему авторитет среди таджиков, которые относились к нему с большой симпатией. В этом отношении Снесарев не был исключением среди других начальников Памирского отряда. В письме к сестре он сообщал: «Среди волнений и невроза моим утешением является отношение ко мне народа; теперь он перестал меня дичиться и если я еду верхом или гуляю, он приветствует меня. Улыбается и всеми сторонами говорит о преданности. Иной даст 2-3 яблока, другой поднесет цветы, один бедняк дал какую-то маленькую тыкву, а один дал мне недоеденную лепешку... Еще более трогают меня дети, эти прежние дикие зверьки: они бегут мне навстречу, смеются, несут что-либо – чаще цветы, а еще чаще – веселый поклон... Я чувю, что если вылечу отсюда, то это именно за этот забитый, несчастный народ, за [который] я уже грызся с беком, ругал его чиновников и за [который] буду стоять, что бы мне ни стоило».

Представляет интерес зарисовка Снесаревым взаимоотношений, установившихся между чинами Памирского отряда и местным населением. «Наше общество, – писал Снесарев, – и люди, с которыми мы имеем дело, – без исключения халатники; они часто обедают у нас, пьют чай, и круг наших бесед и тем составляет нечто среднее арифметическое между тем, что интересует нас, памирцев, и наших оригинальных посетителей; применять русский язык можно лишь при помощи переводчиков, почему часто пускаются в ход язык тюркский, а в иных (правда, редких) случаях и персидский.

Кроме подобных обычных посетителей иногда приходят к нам гости случайные, беглецы из соседних стран, прохожие, темные люди. Так, иногда у нашего порога просит убежища оборванный, исхудалый путник, с небольшим ребенком на руках; его рассказ бывает сбивчив и отрывист, но и сквозь смутную пелену его повести мы узнаем в пришельце некогда значительного человека, игравшего в соседней стране роль, а теперь по скрытым причинам спасающего свою буйную голову в русских пределах. Или к нам время от времени приходит полоумный старик, слабый, с мутным взором и с неуклюжими робкими движениями; по странной случайности старик приходит к воротам форта в дни необычайные: или когда съедутся офицеры, или придет новый эшелон, или прибудет транспорт. В эти дни наш посетитель не уходит далеко от форта и ночует вблизи его где-либо под камнем. Посланный нами джигит с удивлением передает нам, что, прчась под камнем, старик упорными глазами по несколько минут следит за фортом, словно что-то подсчитывает или запоминает, и что взор его в эти минуты горит интересом и осмыслен. Мы создаем свои предположения о странном старике и предполагаем, что в одну из темных ночей, он, пользуясь дотоле искусно скрытым турсуком, плывет по волнам Пянджа на чужую сторону, вором крадетс к одной сакле и здесь долго и тихо о чем-то шепчется с другим человеком; а через несколько дней в каком-либо углу соседней страны о наших скромных делах ведется обстоятельный деловой разговор».

В период командования отрядом Снесарев, как уже отмечалось выше, интенсивно работал над трудом «Северо-индийский театр». Среди других работ, созданных им в памирский период, следует назвать уже упоминаемые нами ранее статьи в «Туркестанских ведомостях» – «Зима на Памирах» и «Вести с Памира». Связь с газетой не прерывалась за все время командования Снесаревым Памирским отрядом. Это порой проявлялось в довольно неожиданных формах, так он отправил в канун Нового 1903 г. в редакцию телеграмму: «Памирцы поздравляют своих родных и знакомых с Новым Годом; все живы и здоровы. Голявинский, Давыдовы, Конюхов, Меркулович, Пропащих, Скобин, Смирнов, Снесарев, Яременко». Этот маленький акт внимания к сослуживцам был очень искренним и дружественным. Для людей, затерянных в дебрях Азии и оторванных от родных и друзей, он имел важное значение.

Параллельно с работой над книгой «Северо-индийский театр» Снесарев внимательно изучал вопросы этнографии таджиков Памира, вел полевой сбор материала, который впоследствии широко использовал при написании работы «Религия и обычаи горцев Западного Памира». Сохранились интересные наброски Снесарева по этнографии таджиков, к примеру – генеалогия владельцев Шугнана и Рушана и долины реки Шахдары. По роду службы Снесареву были доступны сведения этнографического характера о народах, населяющих Восточный Гиндукуш и Северную Индию. Население верховьев Пянджа было неплохо информировано о жизни соседних народов по ту сторону Гиндукуша и в силу этого представляло неплохой источник сведений. По свидетельству Генерального штаба капитана А. К. Разгонова, совершившего в 1907 г. рекогносцировку Памира, таджикское население по Пянджу от Хорога до Лянгара и особенно в Вахане испытывало на себе влияние северо-индийской культуры, чему способствовало достаточно оживленное сообщение через перевалы Гиндукуша. По свидетельству Разгонова, на местном населении можно было видеть английские вещи, многие жители бывали в Северной Индии. Этнографические сведения о народах Северной Индии, полученные Снесаревым во время службы в Памирском отряде, широко использовались им при разработке этнографических вопросов Пригиндукушья и Северной Индии.

Присутствие в отряде командира-«академика» не могло не сказаться на общей духовной и культурной атмосфере всего отряда. Снесарев не только сам занимался литературной и научной деятельностью, но, по возможности, вовлекал в круг своих интеллектуальных интересов памирских сослуживцев. При содействии Снесарева поручик П. М. Яременко опубликовал в газете «Туркестанские ведомости» статью «Афганский эмир и его приближенные». Работа в значительной мере основана на материалах разведывательных донесений из Афганистана и содержала интересные и неизвестные ранее сведения об эмире Хабибулла-хане и его ближайшем окружении.

При поддержке и под редакцией Снесарева Яременко в «Сборнике сведений» опубликовал две другие работы – «Эмир Хабибулла-хан и его двор» и «Афганистан. Организация, устройство и вооружение афганских войск в Бадахшане». Первая работа содержит интересные сведения об афганском эмире – описание его внешности, распорядка дня, развлечений, среди которых основными были охота, гарем и... мальчики. «Эмир очень любит мальчиков, – отмечалось в работе, – и содержит их при дворе около ста; больше времени проводит на половине мальчиков, чем жен. Мальчики обставлены во всех отношениях роскошно и вообще пользуются большими заботами эмира, чем его жены». Работа «Афганистан» имела особую ценность по той причине, что впервые в системном виде и на основе свежих данных давала описание афганской армии в Бадахшане – той группировки афганских войск, о которой в Главном штабе имелось меньше всего сведений.

Снесарев также способствовал развитию интереса к военно-востоковедным исследованиям и у другого офицера Памирского отряда – хорунжего В. Г. Голявинского – начальника Лянгарского поста, контролировавшего пути, ведущие с перевалов западной группы Восточного Гиндукуша в глубь Памира и в китайский Сарыкол. Снесарев предложил Голявинскому на основе имевшихся в географических трудах сведений и на служебном материале составить обзорную статью, предметом которой стали бы перевалы Восточного Гиндукуша. Разработка Голявинским этой темы завершилась публикацией интересной военно-географической работы – «Перевалы Борогильской и Дорахской групп (в Восточном Гиндукуше)», опубликованной в «Сборнике сведений». Работа впервые в системном виде приводит сведения о перевалах западной группы Восточного Гиндукуша, связывающих Памир с индо-британскими владениями в Хунзе, Гилгите и Ясине. Описание каждого перевала включает не только указание его физико-географических свойств, но и особенности движения через него в разное время года, наличие воды, топлива и подножного корма и т. д. Отдельно дается указание на значимость перевалов с военной точки зрения.

В начале 1903 г. до Памирского отряда дошли слухи о начале эпидемии чумы в Кашмире. Снесарев уведомил штаб округа о возможном осложнении эпидемиологической обстановки на Памире с наступлением весны, когда откроются перевалы в Гиндукуше и возобновится по ним сообщение. Вопрос об угрозе распространения чумы на Памире неожиданным образом оказался связанным с дальнейшими служебными планами Снесарева. Как уже отмечалось выше, при назначении Снесарева на Памир командование отрядом было оформлено в виде

цензового командования ротой (один год). Однако в штабе округа считали необходимым увеличить срок службы начальников отряда до двух лет, полагая, что это наиболее оптимальное время для выполнения крупных задач, прежде всего, хозяйственных. Снесарев, судя по всему, оставаться на второй срок не желал, так как это входило в противоречие с его дальнейшими планами, особенно в связи с задуманной продолжительной поездкой за границу. Перспектива провести еще год в полной изоляции, вне сферы активной культурной и научной деятельности, была для него менее всего желательной. Вместе с тем, он не предпринимал каких-либо действий, чтобы смениться с Памира по истечению первого года командования отрядом. Снесарева больше волновали интересы дела, и он полагал, что если командование усмотрит необходимость оставить его на второй срок, то это не будет для него личной драмой. В письме к сестре он замечал: «Относительно того, возьмут ли меня отсюда или нет, пока не знаю... Туземцы подали мне какие-то прошения, чтобы меня оставили здесь; конечно, это вздор и все будет зависеть от чумы: будет она опасна, вероятно оставят...».

В середине февраля 1903 г. сведения об эпидемии чумы в Северной Индии не подтвердились. Об этом, со ссылкой на индо-британское правительство, уведомил туркестанскую администрацию российский генеральный консул в Бомбее В. О. Клемм. В этих условиях командование округа нашло возможным отозвать Снесарева с Памира для продолжения работ в штабе округа. О предстоящей смене он писал сестре: «Имею известие, что назначен новый начальник отряда, один подполковник, значит, через 3-4 месяца я двинусь отсюда; два месяца пишу в Фергане отчет, а затем к ноябрю или декабрю в Ташкент... затем скоро постараюсь вырваться за границу». На смену Снесареву для командования Памирским отрядом готовился подполковник М. М. Арсеньев, который станет первым из офицеров-начальников Памирского отряда, кто прослужит на Памире два годичных срока подряд. Последующие за ним командиры отряда будут служить на Памире не менее двух календарных лет подряд, а некоторые и более (К.-Э. К. Кивекэс, А. В. Муханов, И. Д. Ягелло).

В начале 1903 г. Памирский отряд пережил короткий период недоразумений между начальником и офицерами отряда, всего того, что Снесарев назвал «офицерской смутой». Небольшой конфликт возник в связи с проверкой Снесаревым правильности ведения отрядного хозяйства, отчетов о расходовании отрядных средств, наличия продовольствия на складах и пр. Мера эта была вполне естественна и предусматривалась инструкцией по управлению отрядом, но в условиях маленького офицерского коллектива, где все строилось на доверии и понятиях об офицерской чести, внезапная проверка Снесаревым отрядного хозяйства была воспринята как акт открытого недоверия со стороны старшего начальника, как посягательство на основы офицерской этики. Об этом событии он писал: «В отряде у меня был небольшой период офицерской смуты, теперь, кажется, миновавшей. Задумал я экстренно проверять хозяйство отряда и лавочки постов; все пришло в смущение, немного пообиделись, но я свое дело довел до конца и теперь был спокоен... Всюду у меня дело получает ту ясность и отчетность, [которые] мне хотелось иметь и [которые], все думали, на Памирах невозможны, ибо им сам Создатель велел быть приютом мошенников и разных темных дел...».

Другим источником недопониманий между Снесаревым и подчиненными являлась его позиция в отношении употребления спиртных напитков. Начиная с ранней истории Памирских отрядов, установился взгляд на спиртное, как на неизбежное зло, на которое, как и на всякую неизбежность, старались не обращать внимания. Существовал даже неофициальный взгляд, установленный не без помощи отрядных врачей, что «винная порция» в условиях высокогорья при умеренном потреблении даже полезна. На постах всегда имелся спирт для нижних чинов, офицеры привозили с собой запасы коньяка, вин и ликеров. Спиртное было неотъемлемой частью отрядных праздников и офицерских застолий.

Ситуация в Памирском отряде не была отличной от остальной русской армии. В начале 1900-х проблема алкоголизма в армии и на флоте была официально признана и с «зеленым змием» повелась планомерная борьба. Этому особенно способствовала работа комиссии доктора М. Н. Нижегородцева, состоящей при «Русском обществе охранения народного здравия». Комиссия, изучив вопрос алкоголизма в военной среде, пришла к выводу, что хотя он распространен в армии в меньшей степени, чем среди остального населения страны, но искоренение злоупотребления спиртными напитками составляет в армии важную задачу. Комиссия высказалась за безусловную отмену в русской армии казенной винной порции, за запрет продажи водки в солдатских артелях, увеличение

чайного довольствия и др.

Снесареву, с его нетерпимостью к спиртному, начавшаяся в армии борьба с алкоголизмом была близка и понятна. С первых дней в должности начальника отряда он сильно «закрутил гайки» и заставил всех подтянуться. Во время объезда Восточных постов в апреле 1903 г. Снесарев вел воспитательную беседу с нижними чинами одного из постов, что послужило поводом к этому, осталось неизвестным, но нельзя исключить и тему пьянства. «На Восточных постах, – сообщал он в письме к сестре, – все нашел благополучно. Люди без меня позволили себе какое-то неудовольствие: беседовал с ними (8 чел.) и сказал, что они не мои... просили сами наказать их, да только не обижаться... теперь поставил кающихся под ружье 5 раз...».

Известна его борьба с отрядным врачом, человеком пьющим и беспутным. «Из Хорога, – сообщал он сестре, – уехал после некоторой сцены: моему старшему врачу (одного со мной университета, но на год меня младшего) пришла мысль приводить в крепость туземку, под ту же кровлю, где с нами живет жена одного из офицеров; мне пришлось предложить увести гостью и более не приводить. Произошел разговор, в [котором] мой врач дал мне понять, что это его личное дело, на что я ответил, что в своем отряде никаких республик не позволю и предлагаю ему исполнить мое приказание... Доктор был обижен; пока я был на Хороге, не выходил к общим обедам и чаю. Подал мне два иезуитских рапорта, словом хотел меня втянуть в историю... Мне волноваться было не из-за чего и я скрутил его по рукам и ногам... Сейчас не могу тебе объяснить, почему я поступил так резко, но упомяну лишь, что: 1) при слабости начальников здесь были раньше ужасные истории, из этой тоже могла вытечь; 2) туземцы смотрят на сношения с туземками крайне нервно и 3) доктор – человек пьющий, распущенный и выброшенный сюда за ненадобностью – вызывал на меры решительные и суровые».

Однако меры «решительные и суровые» не могли быть в полной мере применимы к людям, оказавшимся не по своей воле в условиях полной и продолжительной изоляции от внешнего мира. Натуры особенно жизнелюбивые и общительные искали праздника в серых буднях пограничной жизни и иногда им это удавалось. Интересен в этой связи рассказ поручика 10-го Туркестанского стрелкового батальона Н. Л. Корженевского, будущего известного исследователя Памира, член-корреспондента Академии наук Узбекской ССР, о посещении им постов Памирского отряда в период командования Снесарева. Корженевский, прошедший курс гелиографии (оптического телеграфа), летом 1903 г. командирован на Памир для обустройства оптической связи между постами. Это была его первая самостоятельная экспедиция на Памир. Закончив работы на Памирском посту, Корженевский проследовал на Западные посты – в Лянгар, Ишкашим и Хорог.

О событиях на Лянгарском посту, имевших место около 20 июля 1903 г., повествует запись в его полевом дневнике: «Случилось в эти дни нечто, принудившее меня изменить немного планы. Мирно выехали с казаками из Птупа на Ишкашим, я в кишлаке... встретил «тюрей» – Николая Трофимовича Давыдова, заведующего хозяйством Памирского отряда, и Евгения Владимировича Скобина, направлявшихся, как мне еще в ночь сообщили прибежавшие таджики, в Лянгар, к Голявинскому. Начались приветствия и расспросы, и меня силком толкнули назад в Лянгар, чтобы провести вместе вечерок, а затем на другой день вернуться в два перехода на Ишкашим вместе с начальником поста Скобиным. Станным кажется, между прочим, как не дорожат памирские обитатели своим временем и пространством. Поехать, например, к товарищу на рюмку водки в три дня за 300 верст, как это сделал Давыдов, дело по памирским понятиям пустякове, плевое. Нужно, впрочем, признать, что, не имея такого обыкновения, привычки к невероятным переходам в нашем европейском смысле, памирским обывателям пришлось бы очень плохо, и они были бы обречены на полнейшее одиночество... Вернулись на Лянгар и сочинили там выпивку и гулянку. Все необходимое привез Давыдов, нижним чинам выдали спирту до отказа, и попойка началась. То грустные, полные тоски наши чудные песни, то бешенные страстные пляски с громом хохота, свиста всю ночь раздавались в Вахане в пустынных горах».

По условиям передачи припамирских бекств ввиду крайней бедности населения бухарский эмир соглашался предоставить отсрочку в сборе налогов до 1 октября 1899 г. Затем эта отсрочка была продлена до 1901 г. с тем, чтобы избежать бегства местных жителей в соседний Афганистан. С разрешения русских властей бухарский бек приступил к сбору налогов только в июне 1903 г. В Шугнанах акция была проведена

сравнительно спокойно, но в Вахане население пришло в волнение. Начальника Лянгарского поста хорунжего Голявинского стали осаждать местные жители с просьбами об отмене подати. Голявинский ничем помочь не мог ввиду указаний не вмешиваться в дела бухарской администрации. Видя нежелание русских властей помочь, ваханцы стали собирать домашний скарб и готовиться к массовому переходу границы с афганским Ваханом. Движение людских масс хорунжему Голявинскому удалось остановить у самой переправы через Пяндж. После долгих уговоров он убедил ваханцев не переходить границы и вернуться на русскую часть Вахана. Эти события грозили сильно ударить по политическому престижу России в Средней Азии. Снесарев в эти кризисные дни прилагал большие усилия для разрешения ситуации, при этом он запрашивал срочного вмешательства в события туркестанских властей. В ходе возникшего разбирательства бухарские зякетчи обвинили хорунжего Голявинского в организации народных волнений. Возникла очень неприятная для Снесарева ситуация, которая разрешилась только с приездом на Памир дипломатического чиновника при туркестанском генерал-губернаторе А. А. Половцова. Разобравшись в ситуации, Половцов целиком встал на сторону Снесарева и сделал соответствующее представление туркестанскому генерал-губернатору. После вмешательства русского дипломатического агента в Бухаре бухарские власти отозвали с Западного Памира своего бека. Эти события в значительной степени повлияли на позицию туркестанского генерал-губернатора в вопросе о припамирских бекствах. Генерал-лейтенант Н. А. Иванов выступил с инициативой покончить с двоевластием на Памире.

Весьма интересные сведения о событиях тех дней на Памире содержатся в одном редком архивном документе – рукописи воспоминаний А. А. Половцова, написанной им в эмиграции и переданной в собрание Русского исторического архива в Праге (в настоящее время находится в фондах Государственного архива Российской Федерации). «Я попал туда следующим образом, – вспоминал А. А. Половцов. – Раз вечером после обеда Николай Александрович [Иванов] по телефону потребовал меня к себе. Он хмуро сидел за рабочим столом, я стал против него. Он только что получил из Бухары донесение, судя по которому выходило, что русские офицеры на Памирских постах устроили восстание против бухарских властей. Эмир просил, почти требовал ареста одного определенного офицера (хорунжего Голявинского. – М. Б.), влиянию коего он приписывал восстание. С нашей стороны мы ничего не получили. Дело пахло скверно, зная, как нервно Лондон реагировал на припамирский вопрос, надо было действовать с крайней осторожностью и к тому же безотлагательно. <...> Я высказался за немедленную командировку доверенного лица. “Но кого послать? – отвечал Н. А. – Вы сами знаете, какие при мне легковесные элементы для командировок. Раз вопрос связан с возможным арестом русского офицера, надо послать, по меньшей мере, полковника. А кто у меня имеется без определенного дела, от которого его могу я оторвать? Такие, которых посылать не стоит. К тому же в полковничьем или генеральском чине придется для такой дальней командировки платить огромные прогоны, а теперь уже вторая половина года, командировочный кредит значительно растрепан. Раз послали туда генерала: у него сердце не выдержало и он там же умер”. После некоторого молчания он посмотрел на меня поверх очков и процедил: “Чиновник (он всегда так звал меня в шутку), поезжайте Вы”. “Разрешите два дня на сборы”, – отвечал я.

Через 2 дня я выехал, взяв с собой Михаила Степановича Андреева и киргизского слугу Етмыша (что значит “70”; киргизам дают именами первое слово, которое произнесла их мать после родов, по непонятным причинам Етмышкина мать произнесла “70”). Ник[олай] Ал[ександрович] провожал меня на вокзале (я ехал сначала поездом до Андижана). Испугавшись, что я, попавши в такие страны, забуду все надолго, он мне сухо сказал: “Я считаю, что Вы можете обернуться в 50 дней”. Так вышло, что я вернулся на 49-й.

В Маргелане я кинулся к военному губернатору [Ферганской области]. Этот олух, получив шифрованное донесение от начальника Памирского отряда, счел, что столь секретную бумагу он никому не может показать. Шифра он понять не смог и пять дней уже потел над ним безрезультатно. Не зная военного шифра, я в это дело не вмешался, а поехал дальше разбирать его на месте. Текст донесения я привез с собой из Хорога; из Маргелана мы так его никогда не получили. Из Андижана я на почтовых доехал до очаровательного города Ош, где сел верхом. Существовали керекешы, т. е. туземцы, которые брались за известную плату поставлять вам верховых лошадей и фураж для поездки по Памирам. Два дня мне и понадобились в Ташкенте для сговора с керекешем. Беда в том, что на Памирах ничего купить нельзя, ибо ничего нет, ничто не растет, а из

казенных запасов ничего не давали; они нужны были для [Памирского] отряда. Лошадь может на себе нести собственное продовольствие примерно на три недели. Несмотря на спартанский масштаб, мне приходилось, однако, кое-что иметь с собой. Из платья, разумеется, только то, что было на себе и очень мало белья. Из съестных припасов чай, сахар, рис и сушеный урюк, да еще сухари. Но у меня был фотографический аппарат, стекла к нему (не пленки) и штатив, палатка, спальный мешок из овчины, да письменные принадлежности. Как и где были распределены ячмень и сухая люцерна для наших трех верховых лошадей и для одной вьючной – секрет керекеша.

На Памирах приходится делать переходы от воды до воды, т. е. от одного родника до другого, расстояние обыкновенно верст в 40. Костер разжигается с помощью корней одного вида горной травы, всюду растущей, и поддерживается кизяком, т. е. сухим пометом лошадей предыдущего каравана. Как устроились первые путники, туда сунувшиеся, когда не было кизяка от предшественников, о том история умалчивает. Однообразие и уныние этих ночлегов превосходят усилия всякого воображения. Разнообразие вносится тем, что есть места тутечные, есть не особенно тутечные. Тутék, или горная болезнь, не связан непосредственно с высотой. Есть места, более возвышенные, где не страдаешь, и другие, менее высокие, где страдаешь. Туземцы уверяют, что это испарения, идущие из земли. Не нашлось еще ученого, который бы занялся изучением этого явления. Я знаю только, что на одном тутечном ночлеге я много часов подряд сидел, судорожно обхватывая согнутые колена и в полном убеждении, что мой конец настал, и что дольше двух минут я прожить не смогу; до того доходил астматический спазм дыхательных органов.

Не добравшись еще до Хорога, я встретил ехавшего ко мне начальника отряда, полковника Снесарева. По его словам, весь скандал вышел из-за того, что явились бухарские сборщики податей и вели себя так разнузданно, что народ освирепел, связал их, побил, и, испугавшись того, что сделал, бежал целыми селениями, спрятался в камыши и думал бежать в английские пределы, искать защиты у англичан. Если бы это случилось, для нас последовала бы значительная утрата престижа в Азии. Что касалось офицера, на котором сосредоточился гнев эмира, то его ни в чем серьезном упрекнуть было нельзя.

Передохнув сутки в Хороге, я направился к южной границе. Деревни на самом деле стояли пустые, никого не было видно. Я разбил свою единственную палатку и расположился ждать. На следующий день появился соглядатай. Я отправил его к главарям (где-то в камышах), приглашая их прийти со мной беседовать. Они выползли из своих нор, и мы два дня беседовали (по-таджикски). Они понимали свою вину, но утверждали, что если бухарцы снова появятся, все начнется сначала. То, что с них причиталось, они готовы были заплатить, но мне, а не бухарцам. В конце-концов, разъяснив им всю тяжесть совершенного преступления, я установил порядок, по которому они ежегодно будут сдавать дань на русский пост, а начальник Памирского отряда будет ее препровождать бухарскому беку. (Мне потом потребовалось три года, чтобы заставить Военное министерство с этим согласиться).

Оттуда я спустился в Кала-и-Вамар к [бухарскому] беку. Ему я высказал часть того, что я о нем думал (всего было бы слишком много) и ругал его так, что бедный Михаил Степанович совсем сконфузился. В одном месте этого длинного пути вниз вдоль Пянджа туземцы предложили мне спуститься на плоту. Они делают небольшие легкие плоты из тростника на надувных воздухом пузырях; вокруг плота с полдюжины пловцов направляют его и то и дело своим дыханием вновь надувают пузыри, поминутно выпускающие воздух. Надо сидеть на плоту неподвижно, ибо он не только несетя сказочной быстротой, но вальсирует головокружительно в водоворотах; только и скачешь из одного водоворота в другой. Зато я в 1½ часа времени доплыл до резиденции бека, куда караван мой дотащился лишь поздно ночью. Почему-то начальник отряда навязал мне конвой из четырех казаков. Они были очень милые парни, но вовсе мне не были нужны, кроме разве для важности при ночевке у бека, но я оттуда же отправил их назад, ибо твердо решил, что раз попал в такие интересные места, я вернусь другим путем и увижу что-нибудь другое, а не только скучные Памиры».

Пребывание русского дипломатического чиновника на Памире совпало по времени с объездом приграничных территорий Северной Индии новым главнокомандующим индо-британской армии лордом Китченером. Это событие тогда не было известно ни Половцову, ни Снесареву. Половцов сообщал в своих воспоминаниях по этому поводу:

«Когда я туда попал (на Памиры. – М. Б.), это случайно сопало с объездом Китченера, только что назначенного командующим войсками в Индии. Позднее (когда он был комиссаром в Египте) мы вспоминали с ним эти дни. Он говорил мне, что приписывал мою командировку желанию следить за тем, что он там делает, и рассказывал, как он в подзорную трубу разглядывал мой лагерь».

В июле 1903 г. на Памир стали прибывать эшелоны сменного отряда подполковника М. М. Анисимова и началась сдача и приемка постов, вооружения, хозяйства и документации отряда. В письме к сестре Снесарев сообщал: «Сюда пришел новый отряд и происходит смена. Я полагаю с моим отрядом выступить в середине августа и в конце сентября быть в Маргелане, где буду сидеть за годовым отчетом. <...> Кончаю тебе писать, ибо очень хлопотно. Смена отрядов, хозяйственная отчетность, суматоха... сущий извод для меня. К этому сумбуру присоединяется недостаточное спокойствие на Западном Памире».

Служба капитана Снесарева на Памире подходила к концу. Это был чрезвычайно важный и ответственный период его деятельности в Туркестане. На Памире Снесарев получил разносторонний опыт как строевой начальник, у него выработались те основы командирской подготовки, приемов и методов воспитательной работы с личным составом, который он в полной мере использовал в период Первой мировой войны. Опыт горной подготовки и знание специфики горной войны весьма пригодились ему в период ожесточенной борьбы за Карпаты в Первую мировую войну. Служба на Памире также дала Снесареву отличное знание региона, большой личный опыт в вопросах пограничной политики, разведки, администрации. Здесь он изучил тонкости психологии, ментальности и душевной организации восточных народов. На Памире у него сформировался интерес к этнографическим исследованиям. Индия и Памир имели не только ключевое значение для формирования Снесарева как исследователя, но и определили круг его востоковедных интересов на многие годы вперед, выдвинули в число наиболее авторитетных специалистов по этим странам.

Поездка в Горную Бухару

Начало русско-японской войны мало чем отразилось на деятельности войск Туркестанского военного округа, на территории которого не проводились массовая мобилизация и отправка войск на маньчжурский театр войны. Вместе с тем, война давала о себе знать отпавкой от войск округа добровольцев, сообщениями о первых боях и потерях. С объявлением войны чины штаба Туркестанского военного округа на общем собрании постановили устроить единовременную подписку на нужды Красного Креста и отчислять ежемесячно 2 % с получаемого ими содержания на усиление военного флота и на обеспечение семейств убитых на театре войны. С началом войны офицеры округа подавали рапорты с просьбой отправить в действующую армию, из штаба округа убыли на фронт добровольцами офицеры Генерального штаба подполковники В. В. Нагаев, М. А. Зеленецкий, капитан Н. Г. Чернозубов, подал рапорт об отправке на фронт Генерального штаба подполковник Л. Г. Корнилов. Командование округа с большой неохотой шло навстречу офицерам, изъявившим желание отправиться добровольцами на войну. Такая позиция во многом объяснялась негласным переводом войск округа на особое положение в связи с войной на Дальнем Востоке. Главный штаб не исключал в Средней Азии возможного осложнения отношений с Великобританией и роста антирусских настроений среди мусульманских народов Туркестана в результате религиозной пропаганды со стороны Афганистана.

По англо-японскому договору, подписанному в Лондоне 30 января 1902 г., Великобритания и Япония вступали в союзнические отношения. Договор имел антирусскую направленность и был использован Японией для подготовки войны с Россией. В период, предшествовавший войне, Великобритания оказала Японии значительную помощь кредитами и поставками вооружений. В этих условиях русское правительство не исключало втягивания Великобритании в русско-японский конфликт на стороне Японии или ее попыток повлиять на итоги войны в случае благополучного ее исхода для России. Одним из возможных районов вооруженного столкновения с Великобританией русский Главный штаб рассматривал Среднюю Азию, причем, в двух вариантах – как рубеж обороны Русского Туркестана в случае британского военного вторжения, или как исходный район развертывания русских войск для нанесения удара по Индии. Эта гипотетическая возможность привела к изменению русского военного планирования применительно к Туркестанскому военному округу. Войска округа не привлекались к участию в войне с Японией, в округе были усилены мероприятия по боевой подготовке войск, продолжено строительство и обустройство приграничных укреплений и постов, стратегически важных железных дорог – Мургабской ветки и Оренбург-Ташкентской железной дороги. Начались проектные и изыскательские работы для строительства железнодорожной ветки Самарканд-Термез.

Важное место в русском военном планировании на случай войны с Великобританией в Средней Азии занимала разведка. В период русско-японской войны разведка Туркестанского военного округа значительно активизировалась. Основные усилия прилагались для выявления мероприятий индо-британского правительства по подготовке к войне с Россией в Средней Азии. Значительное внимание уделялось также разведывательной деятельности против Афганистана, как вероятного союзника Великобритании в войне с Россией. В элите русского Генерального штаба был широко распространен взгляд на афганскую армию, как на авангард индо-британской армии (Л. Н. Соболев, А. В. Каульбарс и др.).

В этот период произошло еще одно важное событие, имевшее непосредственное отношение к А. Е. Снесареву. 18 мая 1904 г. в Ташкенте скоропостижно скончался командующий Туркестанским военным округом генерал-лейтенант Н. А. Иванов. В декабре 1903 г. он отправился на лечение за границу, но в связи с началом русско-японской войны был отозван в Ташкент. Смерть Н. А. Иванова была большой потерей для Снесарева, пользовавшегося полным расположением и симпатией командующего. Как мы знаем, именно Иванов отстоял Снесарева перед Куропаткиным, а позже, в период командования Снесаревым Памирским отрядом, терпеливо выслушивал жалобы на него бухарских властей. О том, что Иванов весьма его ценил, Снесарев упоминал в своей переписке. Сожаление о кончине Иванова прозвучало и с неожиданной стороны. Британский военный атташе в Петербурге сообщал в Лондон: «Генерал Иванов был спокойным, прямым и скромным солдатом, далеким от всякой интриги, его смерть не может не быть потерей для правительства Индии». В другом сообщении британский

военный атташе отмечал, что назначение генерала от кавалерии Н. Н. Тевяшева новым туркестанским генерал-губернатором было для многих неожиданным и вызвало некоторое разочарование.

Интересную характеристику Н. А. Иванова оставил в своих воспоминаниях А. А. «Николай Александрович был одним из самых светлых людей, – сообщал, – каких я встречал на своем веку, самым, быть может, светлым. Он являл собой редчайшее сочетание большого и тонкого ума с кристаллической порядочностью. Во время завоевания края в [18]60-х годах он был артиллерийским офицером и на первых порах остался служить в Туркестане. У него был старший брат, после смерти которого он женился на его вдове (младший ребенок этого брата был, кажется, на самом деле его дочерью, хотя она официально считалась его племянницей). Женитьбы на невестках в то время не были разрешены, и Николай Александрович вышел в отставку и жил много лет частным человеком в Киеве. Куропаткин поторопился снова притянуть его к работе, как отличного знатока Туркестанского края. Очень высокий, худощавый, с окладистой белой бородой, как патриарх на иконе, с очками в золотой оправе на тонком и прямом носу, он пользовался ими для чтения, а в разговоре смотрел на собеседника через них.

Спокойный и несловоохотливый, он чутко понимал людей и склонен был извинять их слабости. Не раз, когда я с негодованием обращал его внимание на какой-нибудь плохой поступок, всплывший при проверке во время одного из его объездов (он всегда брал меня с собой при объездах), он спокойно замечал: «И ему кушать хочется», и разрешал вопрос справедливо, но без злобы. В глазах туземцев авторитет его был громаден. Он никогда не говорил ни на каком языке, кроме русского, но отлично понимал по-сартовски и никакой переводчик не смог бы его надуть, как они подчас надували других генералов. Два раза в неделю он принимал просителей, среди которых часто бывали туземцы, и как часто я бывал свидетелем того, что он заранее знал подноготные и прошлое этих просителей. Всем вокруг он являл пример безупречной честности и неустанной плодотворной работы. Очень простой и невзыскательный в своей частной жизни, он однако принимал в генерал-губернаторском доме всех тех, кого ему надлежало приглашать. Жена его, Лидия Ивановна, была ему хорошей помощницей. Он ее боготворил, а она добросовестно старалась делать все то, что его положение от нее требовало».

Следует заметить, что Н. А. Иванов был последним генерал-губернатором «старого» туркестанского образца, отличавшимся широким государственным взглядом и природной мудростью, последовавшая за ним череда высших туркестанских сановников оставила после себя слабый след в истории Русского Туркестана, частью по своим способностям, частью по кратковременности управления краем. Исключение в этом списке составляет, пожалуй, последний предвоенный генерал-губернатор А. В. Самсонов (1909-1914).

Таков был общий фон военно-политических событий, на котором состоялась рекогносцировка А. Е. Снесаревым Восточной Бухары (15 июня – 15 июля 1904 г.). Цель рекогносцировки заключалась в доразведке операционных путей, ведущих из Ферганской области в Восточную Бухару и к переправам на р. Амударью. Сбор сведений предназначался для уточнения мобилизационного плана штаба Туркестанского военного округа на случай военных действий с Британской Индией и Афганистаном. Снесареву ставилась задача выяснить кратчайшие пути и наиболее выгодные в тактическом отношении позиции, операционную емкость путей, пункты лагерных стоянок, специфику движения войск с обозами и артиллерией, их обеспечение продовольствием и фуражом и другие вопросы. Отдельно ставилась задача уточнения данных о переправах через р. Амударью. Район, в котором предстояло действовать Снесареву, был уже достаточно хорошо известен по работам других офицеров, но от него требовалось уточнить и обновить имевшиеся в штабе округа данные.

Подробности рекогносцировки и ее основные итоги представлены Снесаревым в двух основных работах – «Поездка в Горную Бухару» и «Восточная Бухара (военно-географический очерк)». Последняя работа представляет собой официальный отчет о результатах рекогносцировки. В связи с отъездом из Туркестана Снесарев не успевал составить этот отчет и представить руководству Туркестанского военного округа. К его составлению он приступил уже в период службы в Главном управлении Генерального штаба, работа закончена в 1905 г. и издана в следующем году военно-статистическим отделом ГУГШ.

В путь А. Е. Снесарев выступил 23 июня из г. Новый Маргелан в сопровождении штабс-капитана 17-го Туркестанского стрелкового батальона К. Н. Чуйкина и четырех казаков 6-го Оренбургского казачьего полка. Из Нового Маргелана рекогносцировочная группа направилась строго на юг к пер. Тенгиз-бай в Алайском хребте. Выбранный Снесаревым путь считался достаточно легким и доступным во все времена года, но в первой половине июня довольно сложным в виду схода снежных лавин. Впервые этой дорогой воспользовались русские войска по время Алайского похода в 1876 г. Движение рекогносцировочной группы шло по хорошо разработанной вьючной тропе через кишлаки Уч-курган, Караул и Лянгар. Подъем на пер. Тенгиз-бай, не особенно трудный, путники проделали верхом. «Сам подъем на Тенгиз-бай удивительно красив, – писал Снесарев. – По бокам гор растут леса арчи, тополя и вербы; отдельные горы поднимаются на страшную высоту; река бурлит по сплошным обломкам деревьев; все так перепутано и дико, но так выразительно и красиво; пред нами угол Дантовского ада. Дорога идет по сплошному камню и сплошными зигзагами; лошадь с трудом находит себе место, чтобы поставить ногу; она дышит и время от времени выразительно поднимает вверх голову, чтобы увидеть, много ли ей осталось мучиться». Спуск с перевала, около 7 верст, выводил на дорогу в узком и мрачном ущелье р. Дараут-курган. По этой дороге, совершив несколько относительно небольших подъемов и спусков, Снесарев вышел на западную оконечность Алайской долины и остановился на ночлег в крупном кишлаке Дараут-кургане, расположенном на р. Кызыл-су.

Пройденный район Снесарев характеризовал следующим образом: «Весь путь от г. Маргелана до Дараут-кургана вьючный и удобопроходимый для всех родов оружия, понимая под артиллерией только горную. На прохождение пути нужно 6 дней, считая в том числе одну дневку в Карауле. Вода и топливо найдется повсюду, подножный корм почти всюду. Форсированно путь может быть пройден в четыре перехода, с ночлегами в Уч-кургане, Карауле и Лянгаре. Лучшее время для движения лето и осень, зимою двигаться трудно, а весной, благодаря снежным обвалам на Тенгиз-бае, опасно. Население, живущее на пути следования, нам не враждебно, но в случае военных действий потребует бдительного и строгого к себе отношения».

От Дараут-кургана путь лежал в бухарское бекство Каратегин. Дорога эта была достаточно известна, в свое время по ней проехали и составили подробные маршрутные описания Генерального штаба капитан Ф. Н. Васильев (1886) и капитан Б. Л. Громбчевский (1889), Генерального штаба капитан П. А. Кузнецов (1893).

Пройдя от Дараут-кургана до зимовья Джакенды, Снесарев по правому берегу р. Катта-Карамук вышел на пер. Бок-Баш, по которому проходила граница между русскими и бухарскими владениями. Дорога с перевала, длинная и пологая, шла берегом р. Кызыл-су. В 30 верстах от зимовья Джакенды Снесарев и его спутники достигли кишлака Ачиг-Альма, первого селения в бухарских владениях. «Власти Каратегина не успели получить известие о нашем приезде, – писал Снесарев, – и первые три дня нашего путешествия по бухарским владениям не лишены были некоторых неудобств и неприятностей. Для темного народа мы являлись какими-то странствующими чужестранцами, путешествующими по своим личным, но не казенным делам. Только мирахуры (что-то вроде наших аминов) старались быть нам полезны, но это не всегда им удавалось; как ни старались они, как ни ругались с народом, прибегая даже к столь характерным для Бухары побоям, – хлеб, куры и яйца для нашей потребности собирались крайне медленно, и мы подолгу сидели в тщетном ожидании пищи, поместившись на веранде или крыльце какой-нибудь мазанки. Найти лошадей было совсем трудно; после того как какой-нибудь киргизенок притащит откуда-то пять яиц, да казаки отыщут еще где-то пять, мы можем уже утолить свой голод, но ехать решительно не на чем».

Проехав ряд кишлаков – Дамбурачи, Джиргатол, Калаи-Хоит, Нумич, Снесарев достиг большого кишлака Гарм, столицы Каратегинского бекства. Весь участок пути от Дараут-кургана до Гарма (185 верст) Снесарев охарактеризовал как удобный для движения всех родов войск. Сам Гарм не произвел на него впечатления – «большой кишлак, как-бы вчера построенный и не имевший никаких следов прошлого». Местность, окружавшая Гарм, была живописна, особенно вид на долину р. Сурхоб. Кишлак окружали поля ячменя и пшеницы, посевы льна; в садах спели арбузы, дыни, виноград. По замечанию Снесарева, ландшафт вокруг Гарма очень напоминал юг России.

Из Гарма Снесарев направился в г. Куляб, столицу Кулябского бекства. Дорога от Гарма шла по предгорьям через невысокие перевалы, пересекая небольшие речки и

болотистые ключи. На двадцатой версте от Гарма рекогносцировочная группа достигла пер. Камчирак (8890 ф.) и вступила в пределы Дарваза. «Перед нами, – писал Снесарев, – открылась теперь панорама иного характера. Долина, куда нам нужно было спускаться, и ее боковые разветвления были глубоки, остры и носили какую-то белую окраску. Не было прежних мягких, пологих и неизменно зеленых рельефов. Голые и крутые бока долин, одинокие остроконечные скалы и редкий, но высокий, чисто строевой лес – вот что прежде всего бросалось в глаза в новом пейзаже. <...> Скоро навстречу стали попадаться дарвазцы. Они были черны, угрюмы и в лохмотьях; их голые, сухие как палки, ноги делали их на вид еще более жалкими. Как известно, жители Дарваза очень бедны, а их политическое положение не из таких, чтобы народу можно было бы хоть немного поднять отяжелевшую голову».

Пребывание в Дарвазе было не долгим, как заметил Снесарев, он лишь «зацепил» его территорию, и вскоре вступил в пределы Кулябского бекства. 7 июля рекогносцировочная группа достигла Куляба и разместилась в небольшом бухарском укреплении. Значение города определялось удобным положением – в центре развитого сельскохозяйственного района и на важнейших путях из Бухары в Бадахшан. Куляб представлял собой типичный среднеазиатский город и по своим постройкам не отличался от большого кишлака. В нем находилась резиденция местного бека и квартировали две роты бухарских солдат. Имелся небольшой базар, открывавшийся раз в неделю, с очень простым набором товаров, необходимых в быту неприветливых местных жителей. Население города составляли таджики, узбеки, афганцы, проживало даже несколько индусов. Среди населения Кулябского бекства Снесарев выделял узбеков, как наименее надежный элемент с точки зрения русских интересов. «К узбекам, – отмечал Снесарев, – как к тюркам, отношение должно быть очень осторожное; в Северном Афганистане у них много родичей; это поможет раздобыть сведения, но изобличает и наши действия». Замечание это может показаться странным, принимая во внимание тот факт, что таджики также проживали в Северном Афганистане в значительном количестве.

Из Куляба Снесарев в сопровождении одного казака совершил короткую поездку в небольшой кишлак Чубек (60–70 дворов), расположенный в 28 верстах от Куляба на берегу Амударьи. В Чубеке дислоцировался пограничный отряд, организационно входивший в 3-й отдел 31-й Амударьинской бригады 7-го округа ОКПС, и русская таможня. Ниже кишлака равнинная полоса Амударьи сплошь поросла камышовыми и древесными зарослями (тугаями) – приютом тигров и мириад комаров. Близ кишлака находилась удобная переправа через Амударью на афганскую сторону, которой пользовались в малую воду с октября по март. В Чубеке Снесарев был радушно принят начальником отряда штаб-ротмистром В. Г. Поповым и его женой и провел в обществе гостеприимных хозяев более суток. На следующий день он в сопровождении штаб-ротмистра Попова осмотрел переправы на Амударье – две турсучные (на плотках из турсуков) и две вброд. «Чубекские переправы, – отзывался о них Снесарев, – не лежат на больших дорогах, как, например, Патта-Гиссарская или Келифская, и роль их всегда была и будет довольно скромной. Это переправы для небольших отрядов, для контрабандистов и воров, для всякого вида и типа беглецов. Приходилось и покойному афганскому эмиру Абдуррахман-хану в годы его скитаний познакомиться с переправами на Дарье; неплохо знал их и Бабур, в период его продолжительных странствий».

После посещения Чубека Снесарев вернулся в Куляб, откуда совершил короткую поездку в городок Бальджуан, столицу небольшого Бальджуанского бекства. Бальджуан, насчитывавший около 300 дворов, служил резиденцией бека, в нем имелось небольшое укрепление и базар. Основное население бекства составляли узбеки, но проживали и таджики. Из Бальджуана Снесарев отправился в обратный путь в Фергану, воспользовавшись той же дорогой. Всего во время рекогносцировки им было пройдено 996 верст пути.

Описание рекогносцировки, представленное в отчетной работе «Восточная Бухара», содержит общую физико-географическую характеристику страны, подробное описание перевалов, данные по гидрографии и орографии, климатологии. Отдельно представлена характеристика основных этнографических групп – таджиков, узбеков и киргизов, их хозяйство, промыслы и торговля. В качестве приложения к работе имеется подробная опись кишлаков с указанием числа жителей двух восточных бекств – Каратегина и Дарваза, а также оценочная опись кишлаков западных бекств – Кулябского и Бальджуанского. Отчет содержит важные маршрутные описания (всего – четыре) с подробным указанием деталей местности, расстояний, с характеристиками дорог,

перевалов и переправ. В качестве справочного материала приведена статья «Подати и налоги в Восточной Бухаре», заимствованная из «Туркестанских ведомостей». Специально для военно-географического обзора Снесарев подготовил две схематические карты (помещены в отчете) – «Реки и горы Восточной Бухары» и «Чубекские переправы».

Представляет интерес характеристика, данная Снесаревым основным этническим группам Восточной Бухары. Он отмечал различия, существовавшие между таджиками Восточной Бухары и их собратьями с Западного Памира, при этом он считал, что последние в политическом отношении значительно развитее первых. В религиозном отношении таджики изученного Снесаревым района исповедовали ислам суннитского толка (в Каратегине), в Дарвазе же были распространены последователи исмаилизма. Снесарев не разделял мнения графа А. А. Бобринского, что в правобережном Дарвазе половина таджиков исповедовала исмаилизм, а другую половину составляли последователи секты Асно-ашария (исна'ашария). По мнению Снесарева, в исследованном им районе представители Асно-ашария не проживали, и речь, скорее всего, шла о таджиках-суннитах. Таджики Восточной Бухары, по свидетельству Снесарева, говорили на двух основных языках – каратегинском и дарвазском, причем, первый был разновидностью бадахшанского диалекта персидского языка, а второй – вариантом бадахшанского диалекта с сильным влиянием шугнанского и ваханского языков. Он также отметил способность таджиков Восточной Бухары воспринимать персидский язык.

Признавая за таджиками несомненное наличие симпатичных черт, Снесарев считал необходимым дополнить их портрет и чертами отрицательными. «Таджики – лживы, невозможно скрыты, скаредны – замечал Снесарев. – Вероятнее всего эти черты привиты горцам продолжительным пребыванием в рабстве или у победителей, или у своего владыки, но факт остается фактом и с ним надо считаться. Нужно всегда быть готовым на то, что таджик солжет и скроет то, что в его интересах скрыть. Лжет он не только по мотивам той или иной выгоды, но еще и потому, что обладает большой фантазией и любит жить образами. Как разведчик таджик очень ненадежен, хотя к делу может относиться и старательно. Скрытность его так велика, что попытки узнать у него, например, о месторождении золота (в Орошоре), серебра (в Гунте), места складов разного добра или, наконец, какие-либо религиозные тайны, всегда оставались тщетными. Скупость таджиков вошла в поговорку среди окрестного населения. Таджик постоянно ходит оборванным, независимо от его состояния, в дороге всегда понесет в руках свою обувь, хотя бы пришлось идти по снегу, ест чаще всего дурно. Из-за недополученной тениги таджик готов поднять гвалт, удариться в слезы, пойдет на унижение. Кара-киргизы, узбеки, да подчас и сами таджики утверждают, что у них у всех накоплены “большие” (конечно, большие по-своему) деньги, а у зажиточных будто бы, есть запасы хлеба на 2–3 года. Алайские киргизы рассказывали мне, что какое бы ни было время года и какой бы ни был неурожай, у таджика “всегда” можно найти зерно и “сколько хочешь», дай только денег”».

Узбеки Кулябского бекства населяли предгорные районы и вели преимущественно полукочевой образ жизни. Главное богатство узбека составлял скот, для выпаса которого он совершал перекочевки на значительные расстояния. Снесарев дал следующую характеристику узбекам Восточной Бухары: «По натуре узбеки представляют собой чистый тип тюрка-кочевника, т. е. он страшно ленив, свободолюбив, горд, гостеприимен, добр, в хозяйственном отношении небрежен, по природе правдив и прост, но при наличии расчета не прочь и соврать, любопытен, умен и политически очень развит. <...> Узбеки – сунниты, в старое время отличались большим религиозным безразличием, но в последние годы бухарский режим сумел их значительно фанатизировать. <...> Как тюрки и кочевники, они должны быть непостоянны и политического упорства с их стороны ждать не нужно. Из трех государств – России, Афганистана, Бухары, нужно полагать, узбеки скорее стоят на стороне последней и мы едва ли в праве считать нашу родину чем-то особенно для них заманчивым. К Афганистану узбеков может тянуть общность религии, но ничего больше. Непримируемая взаимная ненависть узбека и афганца отмечена многими наблюдателями (укажу хотя бы на И. Л. Яворского, “Путешествие русского посольства по Афганистану”); эта ненависть, питаемая племенными контрастами, усугубляется еще крайним презрением афганцем узбека. Как известно, например, афганец считает все народности, включая и таджиков, пригодными к военной службе, но узбека – нет.

Во всяком случае, в узбеках Бухары мы имеем политически непостоянный, с нами слабо связанный народ и очень восприимчивый материал для всяких политических агитаций. Если в наши ближайшие задачи не входит привлечение узбеков на нашу сторону и мы готовы оставить их в теперешней стадии политического настроения, то в случае смут или войны отношение к этому народу с нашей стороны должно быть недоверчивое и осторожное».

По свидетельству А. Е. Снесарева, киргизы составляли небольшую этническую группу среди населения Восточной Бухары. Расселены они были преимущественно в восточной части Каратегина, начиная от западной части Алайской долины до кишлака Сарион, близ впадения р. Оби-Кабула в р. Кызыл-су. Они принадлежали к родам теит, кыпчак и хыдырша, к трем наиболее распространенным и влиятельным киргизским родам, кочующим на Алае, в Восточном Памире и частично в китайском Сарыколе. Основным занятием киргизов было скотоводство в сочетании с примитивным земледелием. По замечанию Снесарева, каратегинские киргизы, бывшие в прежние времена довольно равнодушными к религии, под влиянием бухарской администрации стали обнаруживать «значительную набожность». В каждом киргизском селе имелись малые мечети (молитвенные дома), а в каждой волости – большие пятничные мечети. Повсеместно можно было заметить мулл, на молитвах помимо старых людей нередко встречалась и молодежь. Снесарев также отмечал, что из всех народов Восточной Бухары каратегинские киргизы наиболее расположены к России, что могло найти объяснение в их частых контактах с родственниками, проживающими в русских владениях. «Мы имеем право, – подводил итог своим наблюдениям Снесарев, – в случае войны рассчитывать на некоторое к нам расположение киргизов, не упуская однако из виду их враждебной к нам религии и их тюркского политического непостоянства».

В компании с сыном генерал-фельдмаршала: поездка с Нейпиром по Туркестану

Так получилось, что служба Снесарева в Туркестане началась и закончилась выполнением схожих служебных заданий – сопровождением британских военных атташе в их поездках по Туркестанскому военному округу. Незадолго до перевода на новое место службы в Петербург Снесарев получил от начальника штаба округа поручение сопровождать британского военного атташе в Петербурге подполковника Генри Нейпира в его поездке по Туркестану. Генри Дандас Нейпир (Henry Dundas Napier, 1864–1941) был сыном известного британского фельдмаршала Роберта Нейпира, возведенного за военную экспедицию в Абиссинию в 1868 г. в дворянство с титулом барона Магдалийского. Получив образование в привилегированной школе Харроу, Нейпир в 1884 г. поступил на военную службу и в чине лейтенанта отправился на службу в Индию. В 1900 г. в чине капитана участвовал в подавлении «боксерского восстания» в Китае, в 1901–1902 гг. служил британским военным атташе в Тегеране, где много ездил по стране и учил персидский язык. Затем служил военным атташе в Петербурге (1903–1907), в Софии и Белграде (1908–1911), в Софии и Бухаресте (1914). Нейпир принимал участие в Первой мировой войне, попал в австрийский плен (1916–1917). После войны служил британским военным представителем в Софии (1918–1919). В период службы в России совершил несколько поездок по стране и изучал русский язык. За заслуги в установлении доверительных отношений между британской и русской армией удостоен ордена Св. Анны 2-й степени.

Поездке Нейпира в Туркестан предшествовал ряд важных событий первой половины 1904 г. Как уже отмечалось выше, в связи с началом русско-японской войны отношения России и Великобритании в Средней Азии переживали своеобразный режим «холодной войны», который в значительной мере поддерживался недостоверными сведениями о намерениях каждой из сторон. Самой острой и политически чувствительной точкой англо-русских отношений в это время оставался Афганистан. Первые сведения о подготовке русских к массированному вторжению в Афганистан поступили в Лондон в середине февраля 1904 г. от вице-короля Британской Индии лорда Керзона. В сообщении, на основе сведений, полученных британским генеральным консулом в Мешхеде из «надежных» источников, указывалось о скорой мобилизации русских войск численностью до 40–50 тыс. человек на границе с Афганистаном. Накануне британский военный атташе в Петербурге подполковник Нейпир сообщил британскому послу о появившихся слухах о внезапном отъезде из Петербурга в Туркестан командующего Туркестанским военным округом генерала Н. А. Иванова, начальника штаба округа генерала В. В. Сахарова и командира II-го Туркестанского армейского корпуса генерала Е. Е. Уссаковского. Нейпир сообщал также о росте антибританских настроений в русском обществе в связи с британской поддержкой Японии. «Нельзя игнорировать, – доносил он, – распространенные в настоящее время среди всех слоев русского общества чувства негодования в отношении Англии, а также открыто высказываемое сожаление об упущенной возможности нанести удар по Афганистану в период Бурской войны». По запросу из Лондона Нейпир 20 февраля посетил Главный штаб, где его официально заверили в отсутствии планов по усилению русских воинских гарнизонов в Средней Азии.

События, между тем, продолжали развиваться. 21 февраля лорд Керзон снова сообщил в Лондон, что по сведениям британского агента в Красноводске, из Асхабада на Кушку отправлены 1250 кавалеристов, 8 тыс. пехотинцев, 60 вагонов с боеприпасами и 322 вагона с имуществом и продовольствием. Одновременно британский консул в Батуми сообщал о движении 6 батальонов пехоты из Ташкента в Фергану и 7 тыс. пехоты в Ташкент для замены убывших. По его сведениям, из Европейской России на Кушку и в Термез переброшены четыре кавалерийских полка и 250 тыс. винтовок.

Основным поставщиком алармистских сведений, обостривших англо-русские отношения в Средней Азии в начале 1904 г., был британский генеральный консул в Мешхеде подполковник Минчин (Charles Frederick Minchin). Генеральное консульство Великобритании в Мешхеде являлось важным центром сбора сведений о Русском Туркестане, особенно о группировке русских войск в Закаспийском крае. Подполковник Минчин, участник второй англо-бурской войны, непродолжительное время исполнял должность британского политического агента в Читрале, отвечал за сбор сведений в пригиндукушских странах, а также о Памире и русском Памирском отряде (в период командования Снесарева). Алармистские сообщения из Мешхеда стали поступать в

Калькутту сразу после занятия Минчином должности генерального консула (назначен в октябре 1903, прибыл в Мешхед два месяца спустя). Большинство сообщений Минчина строилось на сомнительной информации, основанной на таких «солидных» источниках, как «продавец верблюдов в Асхабаде», «еврейский торговец в Самарканде», «пастухи в Каратепе», «мешхедские армяне» и т. п. Эти сообщения часто вызывали известную долю скептицизма в разведывательном департаменте британского военного министерства. Однако сообщения Минчина, как представляется, вполне устраивали лорда Керзона для нагнетания политических страстей в Средней Азии, чтобы продемонстрировать Лондону правильность выбранного им внешнеполитического курса, основанного на сдерживании России на дальних подступах к Индии. Это было особенно важно в момент, когда наметился серьезный кризис во внутреннем управлении Индии, обострились разногласия Керзона с главнокомандующим индо-британской армии Китченером по вопросам военной политики и популярность Керзона стала заметно падать. Во внешней политике лорда Керзона также возникли осложнения, особенно в отношениях с Россией по поводу Афганистана, по персидским делам и в отношениях с Тибетом.

В мае 1904 г. после некоторого затишья ситуация в среднеазиатских делах снова приобрела тенденцию к обострению. Лорд Керзон серией телеграмм сообщал в Лондон о необычной активности русских у границ с Афганистаном. Со ссылкой на «заслуживающий доверия источник», он уведомил о начавшейся мобилизации Туркестанского военного округа, о массовых перебросках войск и военных грузов в Закаспийском крае в сторону границы с Афганистаном (до 20 поездов в сутки в обоих направлениях).

Сведения, сообщаемые лордом Керзоном, не подтверждались ни британским послом в Петербурге, ни британским консулом в Батуми. Более того, они были поставлены под сомнение начальником департамента военных операций британского генерального штаба генералом Дж. Грирсоном (James Moncrieff Grierson). В специально подготовленной записке для Форин офиса он потребовал перепроверки сведений, в основе которых лежали так называемые «заслуживающие доверия» и «надежные» источники. Грирсон отметил, что панические сообщения, поступающие из Индии и, особенно, из британского генерального консульства в Мешхеде, не подтверждались сообщениями британских офицеров, недавно проехавших по Среднеазиатской железной дороге, – майора Майлза (Miles), исполняющего обязанности британского политического представителя в Кашгаре и подполковника британского генерального штаба У. Дугласа (William Douglas). От последнего накануне была получена открытка, отправленная из Самарканды, с зашифрованным донесением, что вдоль Среднеазиатской железной дороги все спокойно. Грирсон также заметил, что переброска из Европейской России через Баку в Закаспийскую область 48 тыс. резервистов не могла бы остаться незамеченной для британского консула в Батуме, возможности которого по разведке были значительно расширены в последние месяцы. Грирсон считал, что если сообщения о 20 поездах в каждом направлении в сутки для Среднеазиатской железной дороги были бы верны, то это было бы невероятным мировым рекордом для одноколейной железной дороги.

Тем не менее, по запросу из Лондона подполковник Нейпир 19 мая вновь посетил Главный штаб, где ему подтвердили, что обстановка в Средней Азии спокойная и никаких массированных перебросок войск не производится. Нейпир считал, что донесения лорда Керзона «содержат ошибки и преувеличения, поскольку основаны на сведениях, почерпнутых из азиатских источников». Об отсутствии у русского правительства каких-либо планов по усилению войск в Туркестане сообщил также 26 мая русский посол в Лондоне граф А. К. Бенкендорф в личной беседе с маркизом Ланздауном.

В июле – начале августа 1904 г. лорд Керзон вновь информировал Лондон о необычной активности русских войск в Туркестане, а также о начавшейся мобилизации войск Кавказского военного округа. Чтобы окончательно прояснить ситуацию, британское военное министерство приняло решение направить в Туркестан британского военного атташе подполковника Нейпира. В конце августа Форин офис согласился с предложением военного министерства и обратился с запросом к русскому правительству о разрешении подполковнику Нейпиру посетить русские среднеазиатские владения. Эта просьба вполне соответствовала интересам русского правительства и потому была удовлетворена. В это время мало кто знал, что в англо-русских отношениях уже был запущен механизм установления союзнических отношений. Антибританские настроения

в русском обществе и возможный германо-русский союз, извечная головная боль британских политиков, были всерьез восприняты в Лондоне. В начале 1904 г. в правительственных кругах Великобритании обсуждался проект британских предложений России по урегулированию спорных вопросов в Средней Азии («меморандум Ланздауна»), которые в дальнейшем составили основу англо-русского соглашения 1907 г. В апреле 1904 г. король Великобритании Эдвард VII на встрече с русским послом в Копенгагене А. П. Извольским заявил о желании Великобритании установить с Россией такие же союзнические отношения, какие имелись у нее с Францией. Этот очень важный политический сигнал был весьма серьезно воспринят в Петербурге. В конце весны 1904 г. в Петербург в качестве нового британского посла был направлен сэр Чарльз Хардинг (Charles Hardinge), которому была поставлена специальная задача добиться установления с Россией такого же уровня взаимопонимания, какое имелось с Францией. Хардинг неплохо разбирался в особенностях русской внутренней политики (служил секретарем британского посольства в Петербурге в 1898-1903 гг.), знал русский язык и пользовался расположением британской королевской семьи.

1 сентября 1904 г. Нейпир выехал из Петербурга и через Москву и Киев прибыл в Одессу. Здесь состоялась его встреча с командующим войсками Одесского военного округа генералом от кавалерии бароном А. В. Каульбарсом, видным специалистом по среднеазиатским делам. В ходе беседы барон Каульбарс поинтересовался, имеется ли у Нейпира разрешение русских властей на поездку в Туркестан, и был очень удивлен, что разрешение было дано в такое тревожное для Средней Азии время. Из Одессы Нейпир через Севастополь, Керчь, Новороссийск, Поти добрался до Батуми. Здесь он встретился с консулом Патриком Стивенсом (Patrick Stevens), резидентом британской разведки на Кавказе. Стивенс имел собственную агентурную сеть на Кавказе, в том числе в Баку, и был достаточно осведомлен о русских воинских перевозках по железным дорогам Кавказа и о морском сообщении по Каспию. С точки зрения целей поездки Нейпира Стивенс был очень информированным лицом. В Тифлисе Нейпир не был принят руководством Кавказского военного округа, что он принял за «неприличие, которое редко встречал в России». Вполне возможно, что встреча не состоялась из-за отсутствия уведомления штабу округа из Петербурга.

Из Баку Нейпир пароходом отплыл в Красноводск, куда прибыл в полдень 21 сентября. На станции Красноводска он познакомился с начальником Закаспийской области генерал-лейтенантом Е. Е. Уссаковским, который встречал своего сына, кавалерийского офицера из Вильны. В Красноводске состоялась встреча Нейпира с А. Е. Снесаревым. «На меня буквально налетел офицер Генерального штаба, - вспоминал Нейпир. - Я узнал, что этот несчастный человек десять дней провел в Красноводске, дожидаясь моего приезда. Как я понял, он будет моим спутником на все время поездки».

Из Красноводска Нейпир и Снесарев 22 сентября приехали в Асхабад. Здесь Нейпир успел заметить несколько десятков локомотивов, хороший вокзал, семь подъездных путей, депо и пр. По приезду Нейпир получил приглашение навестить генерала Уссаковского, ему также было дано разрешение осмотреть артиллерийскую батарею, стрелковый батальон и кавалерийский полк. В отеле он успел пообщаться с портье - бывшим солдатом, и узнать от него общее число солдат в стрелковых ротах и резервных батальонах, сведения о движении по железной дороге запасников и пр. Портье также сообщил, что в Закаспийской области все спокойно.

На следующий день Нейпир и Снесарев посетили казармы 1-й легкой батареи 2-й Туркестанской артиллерийской бригады, где были встречены командиром батареи подполковником С. Н. Баярским и офицерами. Были показаны казармы, личный состав - все произвело на британского офицера хорошее впечатление. «На мой вопрос, - сообщал Нейпир, - получили ли они скорострельные орудия, командир батареи вежливо уклонился от ответа. Орудия оказались заперты в батарейном парке, и мне не разрешили их осмотреть. Я не стал настаивать, считая благоразумным сначала увидеть все, что было разрешено».

Затем состоялась поездка во 2-й Закаспийский стрелковый батальон. Встречал гостей командир батальона полковник М. И. Шишкин, который кратко рассказал о батальоне и сообщил, что в нем по штату мирного времени числится 843 человека и в военное время - 1031 человек. Батальон произвел на Нейпира хорошее впечатление: люди выглядели здоровыми, подтянутыми, физически крепкими и умственно развитыми. Стрелковые

приемы и тактические построения были проделаны превосходно. По замечанию Нейпира, Асхабад был одним из самых здоровых мест в медико-санитарном отношении, здесь не было случаев холеры, очаги которой отмечены в Закаспийском крае летом 1904 г. Британскому офицеру были показаны казармы, транспортные средства, гелиографная команда. «Перед отъездом из батальона, – писал Нейпир, – мне показали солдатскую чайную, в которой солдаты могли приобрести продукты, сигареты, различные необходимые предметы и безалкогольные напитки. Полковник послал за вином, собрались все офицеры, и он, после извинений за скромную обстановку, провозгласил тост за здоровье английского монарха, затем за английскую армию и за меня. Я ответил подобным же образом, и мы расстались сердечными друзьями».

После обеда Нейпир и Снесарев посетили 1-й Таманский казачий полк. Одна из сотен полка прошла перед гостями церемониальным маршем. Лошади в сотне прибыли на службу вместе с казаками, были невысокие, но все хорошо подобраны по росту и выносливы. По выходе на льготу казаки забирали лошадей с собой на Кубань. «Кавалерийская подготовка [казаков] была великолепна, – отмечал Нейпир. – Я никогда не видел кавалерии, казачьей или иной, которая была бы подготовлена лучше. Было самое удачное время наблюдать казаков, так как они только что вернулись из летних лагерей, и старослужащие казаки еще не ушли на льготу. Они также основательны, как и регулярная кавалерия, но больше похожи на драгун. Была показана атака в боевом порядке лавы, но эффект получился неполный из-за густых облаков пыли, скрывших казаков из виду. <...> После этого наступила очередь джигитовки. Индивидуальные номера смотрелись слабо, но в сотне каждый проделывал что-то свое особенное, в целом, смотрелись казаки лучше, чем индийская кавалерия».

Затем был осмотрен Туркменский конно-иррегулярный дивизион. «Туркмены очень хорошо сложены, – отмечал Нейпир, – и крепко сидят в седле. Командовавший ими офицер состоит в должности уже 12 лет, это бывший казачий офицер. В разговоре с ним было интересно подмечать, насколько он привязан к своим людям. Он сожалел, что не удалось показать джигитов во всей их красе, но заметил, что они подготовлены лучше казаков. Всего [в дивизионе] две сотни по 135 сабель. Люди поступают на службу на два года, затем могут продлевать службу на каждый год, но не более 10 лет. После этого они увольняются без всякой пенсии. Содержание всадника – 25 руб. в месяц, все снаряжение, за исключением винтовок, свое. Младшие унтер-офицеры получают 37,5 руб., старшие – 45 руб. Офицерские чины как в армии – поручик, ротмистр и т. д. Последний получает 205 руб. ежемесячно. Туркмен тратит 5 руб. в месяц на пропитание, 12 руб. – на корм лошади, и у него еще остается 8 руб. В целом содержание подразделения обходится правительству в 100 тыс. руб. Офицер полагает, что если правительство пожелает, то имеется возможность быстро развернуть 15 эскадронов: 10 в Асхабаде и 5 в Мерве».

Вечером состоялась встреча Нейпира с командиром II-го Туркестанского армейского корпуса генералом Уссаковским. «Вечером я ужинал с генералом Уссаковским, – писал Нейпир. – Это высокий, симпатичный, с военной выправкой человек. У меня осталось очень приятное впечатление от встречи с ним. Я выразил искреннее восхищение его войсками и заметил, что они выгодно отличаются от тех, что я видел на севере России». Уссаковский, соглашаясь в целом с замечанием Нейпира, заметил, что условия боевой подготовки солдат и офицеров в Закаспийском крае выгодно отличаются от северных территорий России. В Закаспии личный состав имел возможность вести боевую подготовку круглый год на свежем воздухе, для стрельбы также имелись хорошие условия благодаря сухому и чистому воздуху.

В конце встречи состоялся небольшой обмен мнениями по вопросам политического положения в Средней Азии. «Генерал поговорил со мной немного о политике, – сообщил Нейпир. – Он высказал мысль, что Россия и Англия создали для себя фантомы в Средней Азии (это замечание показывает, что не только мы пребываем в состоянии нервозности), что мы ходим по “порочному кругу” взаимного недоверия. Мы создаем трудности для России и стараемся ослабить ее по той причине, что она угрожает нашей индийской границе, а она [Россия] улучшает свои возможности для нанесения удара по Индии потому, что мы везде противодействуем ей. Он полагает, что нам нужна совместная граница, а России – рынки и выход к теплому морю. Но у нас нет видимых причин противостоять друг другу. Все наши трудности искусственно созданы. Если две страны будут лучше понимать друг друга, то это будет очень желательным. Русские, заметил он, мало знают ваших государственных деятелей, а ваши – ничего не знают о России. Он

упомянул г-на Чемберлена, как человека враждебного России. Когда я выразил удивление и сказал, что мне не известно, чтобы Чемберлен занимался вопросами англо-русских отношений, то он ответил: «Нет, не в этом смысле; но если ему удастся реализовать программу объединения всех колоний, Англия станет сильнее России, и в этом смысле я вижу в господине Чемберлене угрозу нам». Затем он напомнил, как английские политики подняли шум по поводу занятия Россией Мерва и пр., и что Индия больше не будет в безопасности. Но вот прошло уже 15 или 20 лет и с Индией ничего не случилось. Когда наши границы будут соприкасаться, то все проблемы исчезнут сами собой».

24 сентября Нейпир и Снесарев с опозданием на два часа из-за ремонта железнодорожного пути выехали из Асхабада. На следующее утро поезд был остановлен на полчаса для медицинской инспекции на предмет выявления холеры. Вскоре они проехали знаменитый Чарджуйский мост, самый длинный на то время в Российской империи. К востоку от моста от основной магистрали отходила железнодорожная ветка на пристань на Амударье.

В Самарканд Нейпир и Снесарев добрались ранним утром 26 сентября. Станция располагалась в 3,5 верстах от города. Днем Нейпир при содействии Снесарева получил разрешение командующего войсками Самаркандской области осмотреть дислоцированные в Самарканде 3-й Зерабулакский резервный батальон и 4-ю батарею 1-й Туркестанской артиллерийской бригады. Нейпир нашел личный состав резервного батальона несколько неряшливо одетым, в людях слабо чувствовался дух «военной корпорации». Сам батальон был больше похож на мастерскую, чем на строевую часть. Люди были заняты пошивкой обуви и одежды. Вместе с тем, ротные учения были произведены довольно четко, значительно лучше того, что можно было ожидать от людей, имевших такой невыгодный внешний вид. Нейпира поразил вид кожаных шаровар на солдатах батальона. «Все войска в Средней Азии, – замечал он, – за исключением саперных и железнодорожных батальонов, носят в летнее время темно-красные брюки, а зимой обычного защитного цвета. Любопытно, что летние брюки изготовлены из кожи и смотрятся очень стильно (за исключением солдат резервного батальона). Привилегия носить их берет начало со времен туркестанских походов, когда люди изнашивали одежду и были вынуждены находить ее в местных условиях. Красная кожа до сих пор здесь в ходу, материал для обмундирования и шинелей поступает из России».

Затем была осмотрена артиллерийская батарея. Нейпиру показали артиллерийские орудия и зарядные ящики устаревшего образца, но транспорты были новыми. По отзыву Нейпира, батарея содержалась в очень хорошем порядке, выездка лошадей также была неплохая.

В 11 часов вечера 27 сентября офицеры выехали из Самарканда. Проехали станцию Черняево, откуда уходила ветка железной дороги на Андижан, затем миновали Голодную степь, с хлопковыми полями и русскими поселками. Вблизи станции Голодная степь Министерство земледелия и государственных имуществ вело крупный проект по орошению земель. Главный оросительный канал с отводами был построен на личные средства Великого Князя Николая Константиновича. Каналом орошалось до 7000 десятин земли. После станции Сырдарьинской поезд пересек р. Сырдарью по новому четырехпролетному железному мосту. На всем пути от Самарканда до Ташкента отсутствовали разъездные станции.

Ближе к полудню 28 сентября офицеры приехали в Ташкент. Нейпира приятно удивил красивый вид ташкентского вокзала. Железнодорожная станция Ташкент имела широкую платформу, семь подъездных путей, депо. К станции прилегал терминал строящейся Оренбург-Ташкентской железной дороги, к которой у Нейпира имелся особый интерес. В тот же день при содействии Снесарева состоялась встреча Нейпира с А. А. Половцовым. «Вчера вечером, – сообщал Нейпир, – по предложению сопровождавшего меня офицера Генерального штаба я посетил дипломатического чиновника г-на Половцова. Оказалось, что [туркестанский] генерал-губернатор высказал пожелание, чтобы я был ему представлен г-ном Половцовым. Я нашел это довольно странным, но согласился. Половцов живет в большом прекрасном доме на западной окраине города. Он весьма приятный человек, и, как говорят, очень богат. На вид ему около 36 лет, он говорит на отличном английском языке. Раньше он служил в Гвардии, а затем перешел на дипломатическую службу. Довольно странно, что человек такого

положения и на дипломатической службе согласился занять этот пост [в Ташкенте]. Он недавно женился, его юная и миловидная жена – дочь генерала, который здесь служит. Он спросил, есть ли у меня вопросы, которые бы я хотел задать генерал-губернатору, чтобы тот успел подготовить на них ответы. Я пояснил, что, как военный атташе, не имею дел с дипломатией и политикой, соответственно, у меня нет других вопросов к Его Превосходительству, кроме просьбы осмотреть некоторые войска, находящиеся под его командованием. Я также упомянул о моем желании вернуться [в Петербург] по Оренбург-Ташкентской железной дороге».

Встреча Нейпира с вновь назначенным туркестанским генерал-губернатором генералом от кавалерии Н. Н. Тевяшевым состоялась на следующий день в его резиденции. «Я нашел генерала Тевяшева приветливым пожилым человеком, – писал Нейпир. – Он извинился за беспорядок в его доме, сославшись на то, что только что приехал с семьей по Оренбург-Ташкентской железной дороге. И семья еще не оправилась после трудной дороги. Госпожа Тевяшева пришла в ужас, найдя дом в столь запущенном состоянии и к тому же неудобным. Я попросил осмотреть войска и сразу получил разрешение. Мне было предложено встретиться с генералом Сахаровым. Затем я спросил его о дороге и попросил разрешения вернуться в Петербург через Оренбург. Он ответил, что вряд ли сможет дать такое разрешение. Он и его семья проехали по этому пути с большими трудностями, и он не может взять на себя ответственность за мою безопасность. Железнодорожный путь в некоторых местах был уложен прямо на песок, чтобы дать возможность его поезду проехать, а затем был вновь разобран.

В ходе нашего дальнейшего разговора генерал сообщил частным неофициальным порядком, что он совсем не считает себя англофобом, доказывая это наличием английской гувернантки у его детей (в действительности, внуков) и желанием дать им английское образование. Что касается границы, то [по его словам] раньше имелись некоторые трудности, как это бывает на любой границе. Однако, что касается главного вопроса, то он не видит причин для вражды. По его мнению, современная граница с Афганистаном находится в отличном состоянии не только для Англии, но и для России, и у него нет намерения что-либо менять. Он будет делать все, что в его власти, для сохранения дружественных чувств к Англии».

В тот же день Тевяшев нанес Нейпиру странный визит, появившись у него в гостинице. «Мне пришлось принять его в спальне, поскольку другого места не имелось», – отмечал Нейпир в своем отчете. Тевяшев не поднимал больше политических тем и сообщил Нейпиру о предстоящей отправке в Маньчжурию новых армейских корпусов.

Затем состоялись визиты Нейпира к помощнику командующего войсками округа генерал-лейтенанту Е. И. Мациевскому, начальнику штаба генерал-лейтенанту В. В. Сахарову, генерал-квартирмейстеру штаба округа М. Д. Евреинову и командиру I-го Туркестанского армейского корпуса генерал-лейтенанту К. В. Церпицкому. Все должностные лица оказали Нейпиру самый дружественный прием.

Генерал Мациевский показал Нейпиру карту Ташкента, на которой подробно была нанесена русская часть города. Следует заметить, что Ташкент произвел на Нейпира самое благоприятное впечатление своей европейской застройкой, широкими улицами, добротными каменными зданиями и обилием зелени. С генералом Мациевским Нейпир дважды встретится в Петербурге в конце февраля 1905 г. Мациевский приезжал в столицу для представления императору Николаю II по поводу вступления в должность командира I-го Туркестанского армейского корпуса.

Наиболее интересная встреча состоялась с генералом В. В. Сахаровым. Как замечал Нейпир, 53-летний Сахаров приходился родным братом военному министру, и следовательно, был в Ташкенте влиятельным человеком. Он отмечал его высокий интеллект и ставил его по умственному развитию выше именитого брата. «Генерал Сахаров, – отмечал Нейпир, – повел беседу на пограничные темы и поинтересовался, почему мы желаем иметь буферные государства [вокруг Индии]. Я ответил, что, будучи островной державой, мы имеем врожденное чувство неприятия сухопутных границ, что в Индии мы не можем или не хотим держать большую армию, поэтому нам приходится усиливать ее [оборону] за счет пространства. Генерал сказал: “Рано или поздно наши границы должны будут сомкнуться”. Я ответил: “Лучше позже”. “Это я понимаю, – ответил генерал, – но почему необходимо сооружать эту стену враждебности вокруг Афганистана?”. [Я ответил:] “Полагаю, мое правительство не желало, чтобы Россия по

мере роста ее аппетита начала отхватывать от него куски". Генерал заметил: "Если мы захотим, то можем войти в Афганистан или Персию хоть завтра, но персидская граница остается в безопасности многие годы и там нет враждебного или искусственно созданного барьера на пути торговли и общения"».

Окончательное решение для осмотра войск Нейпир должен был получить у генерала Церпицкого. По замечанию британского офицера, Церпицкий «был настоящим воином, грубоватым, резким в манерах, больше похожим на немецкого, чем на русского офицера». Церпицкий при встрече сообщил Нейпиру, что сталкивался с британскими войсками в период похода в Китай в 1900–1901 гг., и что, несмотря на отдельные конфликты с ними, у него остались о них самые приятные воспоминания.

Вечером того же дня Нейпир отправился к Половцову «поиграть в теннис». Половцов сообщил, что в прошлом году совершил служебную поездку на Памир в Вахан и отсутствовал в Ташкенте около шести недель. Он также посетовал, что «Афганистан отгорожен от России».

Утром 30 сентября Нейпир и Снесарев отправились на осмотр Туркестанского саперного батальона и были встречены его командиром полковником И. С. Меркушевым. Батальон состоял из трех саперных и одной телеграфной рот, общей численностью 700 солдат и офицеров. В военное время штат батальона доводился до 1017 человек, численность телеграфной роты почти удваивалась. Нейпир был удивлен техническими возможностями роты, в наличии которой имелось 15 верст телеграфного провода, а в период войны этот запас доводился до 200 верст. В батальоне Нейпир также заметил наличие понтонных средств, размещенных на 60 повозках.

Затем состоялся визит в 4-й Туркестанский стрелковый батальон, командиром которого был полковник П. В. Карабчевский. Батальон имел пятиротный состав, 5-я рота постоянно находилась в г. Казалинске. Люди в батальоне, по сравнению с закаспийскими стрелками, не смотрелись так молодцевато, а в одной из рот, в последнем взводе, солдаты имели малый рост и выглядели физически слабыми. Большинство новобранцев в батальон прибывало из Курска, Киева и Пензы. Имелось также немного поляков и армян.

После посещения войск состоялся обед у генерала Церпицкого. При встрече Церпицкий рассказывал о своей службе в Китае, об участии в боевых действиях. Нейпиру, как участнику тех событий, было интересно узнать мнение Церпицкого о войне и его оценку британского экспедиционного корпуса в Китае. «Он припомнил несколько анекдотов из жизни наших войск в Китае, не все они лестны, но и не были обидны», – заметил Нейпир.

После обеда состоялась еще одна встреча с начальником штаба округа. «Генерал Сахаров, – отмечал Нейпир, – высказывался честно и доверительно, что Россия не желает военного похода в Индию, что существует полное недопонимание между двумя нациями. Индия – ахиллесова пята [Великобритании], это то место, по которому Россия может нанести чувствительный удар в случае осложнений [с Великобританией] в Европе или на море. Но в Европе наши интересы не входят в противоречия. Русские никогда не собираются соперничать с нами в торговле, особенно сейчас, когда руки у них связаны войной с Японией, было бы абсурдно предполагать, что они хотят войны с нами. Да, они ведут подготовку, но это занятие любой армии быть в готовности, это не будет направлено против нас, разве что произойдет в каком-либо исключительном случае. Если в конце войны с Японией, при ее благоприятном для России исходе, мы захотим нового Берлинского конгресса, то в целях не допустить вмешательства, они будут воевать с нами на этом театре. Он также добавил, что не придает значения газетам и даже не читает «Нового времени». И английская, и русская пресса повинны в раздувании враждебности.

Я согласился, что, к большому сожалению, мы не в состоянии положить конец взаимному недоверию, которое заставляет нас быть яростными противниками России по мере ее движения к Индии, и наоборот. Но политика России по продвижению к Индии это тот случай, когда мы не можем поступиться нашими интересами. Если общая граница [в Средней Азии] станет реальностью, то мы должны будем либо стать послушными слугами России, либо увеличить число наших войск. Россия не желает захватить Индию, поэтому мы не должны так много уделять этому [вопросу] внимания. Я также высказался в том смысле, что для военных в Средней Азии, заикленных на одной проблеме и имеющих массу вдохновляющих исторических примеров, всегда будет

иметься мотив перещеголять [в своем рвении] предшественников. Он горячо возразил против этого взгляда. Если эти люди хорошо изучали историю, то должны задаться вопросом, что стало с империей Тамерлана и др. империями. Желание завоевания истощило их жизненную силу. Ни России, ни Англии не выгодно дальнейшее расширение своих пределов. Что касается Термеза, то как он пошутил, мы с готовностью уступим его вам. Эта аллюзия на Термез выглядела довольно странной, но я думаю, что это был своего рода намек на то, что русские не приняли бы за строительство железнодорожной ветки Самарканд – Термез, если бы наша политика была более дружественной».

После обеда генерал Сахаров распорядился подать Нейпиру верховую лошадь, и они отправились осматривать 5-й Оренбургский казачий полк. Гостей встречал и представлял полк его командир, полковник А. Д. Наумов. Нейпир отметил, что строевая выучка оренбургских казаков уступала кубанским. Лошади у оренбургских казаков были меньше, чем у кубанских. Вооружены они были пиками, шашками и винтовками. Работа пикой и рубка шашкой отрабатывались на соломенных чучелах, пиками казаки владели хуже, рубка удавалась лучше. Хорошее впечатление произвело спешивание казаков и изготовка к бою в цепи. Лошади при этом попарно связывались и оставались рядом с позицией под наблюдением казака. Нейпир нашел этот способ спешивания весьма практичным в бою, позволявшим быстро переходить от пешего к конному строю.

Вечером состоялся ужин у генерала Церпицкого. «Политика не обсуждалась, – отмечал Нейпир, – но он спросил меня об обязательной воинской повинности и возможности ее введения в Англии. Эта тема его очень интересовала. Я ответил, что работа по этому вопросу продвигается. Он спросил, как она отразится на Индии и будет ли распространена на Индию. Я ответил, что она не подходит для Индии, где так много невоинственных народов. Единственное, в чем она отразится на Индии, что в случае призыва в Англии появится возможность создать прочную базу для значительно большей армии добровольцев, которых мы можем использовать за рубежом. Он продолжил тему, указав на большое значение всеобщей воинской обязанности для России, для умственного и физического развития народа, что все уходящие в запас армии умеют читать и писать, становятся более развитыми в умственном и физическом отношении, чем до службы в армии». По итогам своих встреч с руководством Туркестанского военного округа Нейпир сделал вывод, что «ни один из высокопоставленных офицеров не является англофобом». Оказанный ему в Ташкенте прием, как со стороны старших начальников, так и младших офицеров был «очень дружественным» и сильно поразил его.

1 октября Нейпир и Снесарев посетили в Ташкенте осенние скачки, организованные Туркестанским обществом поощрения коннозаводства. Скачки проводились в присутствии туркестанского генерал-губернатора, почетного президента общества. Жокеи – русские и туземцы, были одеты в яркие одежды. Отдельных офицерских скачек в тот день не проводилось, но офицеры на собственных лошадях принимали участие в нескольких заездах. Скачки закончились показательной джигитовкой казаков.

Вечером Нейпир и Снесарев отъехали из Ташкента в Самарканд. В поезде Нейпир познакомился с Гомером Киддером (Homer H. Kidder), сотрудником экспедиции американского геолога и естествоиспытателя Рафаэля Пампелли (Raphael Pumpelly), который в 1903-1904 гг. вел географические и археологические работы в Туркестане. Киддер возвращался из совместной с Пампелли поездки в Кашгар, охотился на Памире и проехал через Фергану. Он сообщил Нейпиру, что в Фергане не было заметно какой-либо необычной активности русских войск.

Из Самарканда Нейпиру удалось, ослабив бдительность Снесарева, совершить ряд коротких разведок с целью проверки имевшихся сведений о начале строительства железнодорожной ветки Самарканд-Термез. «Я вернулся в Самарканд по той причине, – отмечал Нейпир, – что постоянно находился под таким плотным наблюдением со стороны моего спутника во время первого посещения города, что это дало мне основание предположить, что от меня хотят что-то скрыть, возможно, работы по сооружению железнодорожной ветки на Термез. Прием, оказанный мне в Ташкенте, ослабил его бдительность, и у меня появилась возможность самостоятельно проехать несколько миль к востоку от города, а также на север по почтовой дороге на Термез».

3 октября Нейпир и Снесарев осматривали в Самарканде казармы 5-го Туркестанского

стрелкового батальона, которым командовал полковник А. П. Романов. Батальон имел пятиротный состав, 5-я рота постоянно дислоцировалась в г. Ура-Тюбе, в 40 верстах от станции Черняево. Это была резервная рота, из которой в военное время разворачивался стрелковый батальон. Люди в батальоне производили прекрасное впечатление, особенно в 1-й роте, где имелось много рослых нижних чинов.

Затем был осмотрен 2-й железнодорожный батальон, которым командовал полковник Л. В. Суходольский. Общая численность батальона составляла 1816 человек. Две роты батальона были отправлены на театр военных действий в Маньчжурию для укомплектования железнодорожной бригады. Батальон обслуживал протяженные линии Среднеазиатской железной дороги – от Мерва до Андижана и от Кушки до Мерва. «Рацион войск в Самарканде, – отмечал Нейпир, – ½ фунта мяса на человека в день, в некоторых местах, в зависимости от удаленности и сложности службы, – до 1 фунта в день. Каждый солдат получает 3 фунта черного хлеба в день, норма эта введена еще Петром I и никогда не подлежала пересмотру. Солдаты не в состоянии съесть столько хлеба, но получают его столько, сколько хотят, остальное составляет батальонную экономию. Кроме хлеба и мяса люди получают лук, огурцы, кашу, соль, перец, картошку, морковь, чай и сахар. Мясо и овощи кладутся в суп, который вместе с кашей составляет основу рациона, он подается дважды в день. Считается чем-то исключительным, если во время боевых действий личный состав не получил порцию хлеба. В каждой роте или полубатальоне выпекают свой хлеб. В Средней Азии солдат получает 60 коп. в месяц, против 45 коп. в России».

Из Самарканда Нейпир и Снесарев выехали в 11 часов утра. Поезд опоздал на два часа. В 7 часов вечера они прибыли на станцию Каган, откуда поездом проехали в Бухару. Русский политический агент в Бухаре Я. Я. Лютш был в отъезде, и офицеров никто не встретил и не разместил. Остановились в небольшом постоялом дворе – «сарай», который содержал грузин. Это был типичный бухарский караван-сарай с улучшенными условиями: имелось шесть комнат, билиардная и столовая, все неизменно грязное. Прислуживали в постоялом дворе русский повар и его жена.

Утром 5 октября Нейпир и Снесарев вышли из постоялого двора осмотреть базары Бухары. Неожиданно к ним подошел местный житель, в котором Нейпир признал афганского торговца, и предложил проводить их до базара. «Мы приняли его приглашение, – писал Нейпир. – Мой офицер Генерального штаба чувствовал себя очень неуютно, так как он понимал персидский язык, который здесь является универсальным языком, весьма посредственно. Он считал этого человека английским шпионом. Сопровождавший нас сказал, что пришел в караван-сарай встретить друга из Афганистана. Позже я узнал, что в сарай приехал англичанин. Я не видел его и не знаю, было ли это на самом деле. Все это выглядело подозрительным, но афганец, если он действительно был шпионом, проделал все настолько ловко, что напрашивался вывод, что он состоит на полицейской службе у бухарского эмира. Русский не догадывался, что он был афганцем, и я не стал посвящать его в это. Афганец проживал здесь уже 12 лет, был доволен своим положением и не собирался возвращаться в Афганистан. Он очень интересовался Исхак-ханом, спрашивал, был ли Исхак-хан на церемонии “салама” у нового генерал-губернатора. Офицер Генерального штаба сказал: “Нет, он еще не получил на то приглашения”. Офицер сообщил мне, что бухарский эмир имеет своих агентов в русских пределах и очень хорошо информирован обо всем, что делают русские, и что они, русские, плохо осведомлены о Бухаре, особенно о ресурсах различных округов [ханства]. Конечно, русские могли бы потребовать эти сведения, но эмир все равно введет их в заблуждение».

Нейпир оставил краткое описание населения Бухары: «Люди выглядят спокойными и довольными жизнью. Их поведение на улицах не грубое, но и без раболепия. Говоря в целом, в этой части Средней Азии русские не чувствуют своего превосходства над туземцами, они не ожидают того, чтобы перед ними уступали дорогу. На улицах Бухары едущий на ишаке кричит каждому встречному “пушт” и продолжает ломиться вперед без всякого уважения, даже к русскому мундиру».

Что касается качеств различных народов, я заметил, что сарты, несомненно, трусливы, и русские подтверждают это. Наиболее воинственными народами являются туркмены и киргизы. Здесь, в Бухарском ханстве, численность населения составляет около 2,5 млн. чел., то есть в среднем 4 тыс. чел. на квадратную милю. Оно состоит из племен тюркского и персидского происхождения. Первые представлены преимущественно

узбеками, а также туркменами и киргизами. Персидская группа состоит из таджиков, проживающих в городах, и сартов – смеси тюрков и иранцев. Также можно видеть много евреев, армян, персов, афганцев, индусов и цыган. 20 % населения – кочевники, 15 % ведут полукочевой образ жизни. Что касается общей численности населения Средней Азии, то она в 1897 г. составляла 5 250 406 чел. обоого пола на русской территории (включая Семиречье) и 3 022 087 чел. в Бухарском и Хивинском ханствах. Из этого количества русских не более 5 %, включая войска. Общая численность русских – 414 124 чел. Киргизы составляют около 36 % от общей численности населения».

Вечером того же дня Нейпир и Снесарев выехали из Старой Бухары на станцию Каган, где пересели на поезд, следующий до Мерва. В пути к ним подсел железнодорожный служащий, возвращавшийся с охоты. Он с гордостью показывал офицерам сумку с охотничьими трофеями – несколько зайцев и фазанов. По его словам, трофеев могло быть больше, он стрелял в общей сложности по 30 зайцам, но промахнулся.

В Мерв офицеры прибыли в 6 часов утра. Нейпир не смог посетить эту местность на пути в Ташкент из-за введенного карантина в связи с холерой. Тогда он подумал, что ссылка на холеру, скорее всего, была уловкой русских властей, чтобы не дать возможности осмотреть Мервский гарнизон, один из крупнейших военных центров в Туркестане. Оказалось, что эпидемия холеры все же имела место и вызвала большую обеспокоенность у русских властей. Мерв имел важное военное значение, здесь дислоцировались управление 7-й Туркестанской стрелковой бригады, 1-й Кавказский полк Кубанского казачьего войска, Закаспийский саперный батальон, 6-й и 7-й Закаспийские стрелковые батальоны, 7-й Мервский резервный батальон. В Мерве Нейпир осмотрел Закаспийский саперный батальон, которым командовал полковник С. А. Агишев. Командир батальона одновременно являлся начальником железнодорожной станции Мерв. Батальон состоял из двух саперных и одной телеграфной роты и имел штат военного времени с общей численностью личного состава 750 человек. Люди выглядели умственно и физически развитыми и по своему качеству превосходили военнотружущих пехотных батальонов. В казармах батальона Нейпир осмотрел различные макеты фортификационных сооружений, мостов и пр., а также большой стол с установленным на нем лотком с песком, в котором саперы отрабатывали возведение различных инженерных сооружений. Нейпир осмотрел имущество батальона и обратил внимание на то, что все оно было в хорошем состоянии, имелось много совершенно нового оборудования и инструментов. В завершение осмотра был показан пироксилиновый склад.

Затем наступила очередь осматривать 6-й Закаспийский стрелковый батальон. Батальон состоял из четырех стрелковых рот, без пятой роты, формирование которой вскоре ожидалось. Батальон имел штат мирного времени, в каждой роте насчитывалось по 187 человек. В военное время штат увеличивался до 211 человек. В каждой роте имелось два сапожника и девять портных, которые были освобождены от части служебных обязанностей, но проходили полный курс владения оружием. Нейпиру были показаны строевые занятия взвода и занятия по стрелковой подготовке.

Из Мерва Нейпир и Снесарев рано утром 8 октября выехали в Асхабад. Отправление было задержано на два часа из-за поломки локомотива. Как отметил в отчете Нейпир, за две недели путешествия это был уже третий инцидент с железнодорожной техникой. В пути Нейпир вел подсчет станций, подъездных путей, разъездов, платформ, локомотивов и т. п. – всей той информации, которая могла быть использована для определения военных параметров Среднеазиатской железной дороги. Впрочем, задача его сильно облегчалась тем обстоятельством, что имелись добротные печатные справочники по дороге, опубликованные незадолго до того в России, к примеру, «Путеводитель по Туркестану и Среднеазиатской железной дороге» (СПб., 1903) и «Туркестанский календарь на 1904 г.» (Ташкент, 1904). В своем отчете по итогам поездки Нейпир сетовал, что ему не удалось собрать сколько-нибудь ценных сведений о русских железных дорогах в Туркестане и добавить что-либо нового к тому, что было известно из докладов других британских офицеров, путешествовавших по русским среднеазиатским владениям. Вместе с тем, он был первый, кто предложил британскому генеральному штабу иметь постоянного агента в Оренбурге для наблюдения за воинскими перевозками по Оренбург-Ташкентской железной дороге.

Вечером того же дня офицеры прибыли в Асхабад, откуда проехали в Красноводск. Поездка подполковника Нейпира по Средней Азии подошла к концу, вместе с ней

завершилась и миссия капитана Снесарева. В полдень 9 октября в порту Красноводска Снесарев простился с Нейпиром, но, как оказалось, не навсегда. Вскоре им предстояло встретиться в Петербурге, чтобы вновь вернуться к теме англо-русских отношений в Средней Азии. Последняя их встреча состоялась 14 апреля 1907 г. в приемной помощника военного министра генерал-лейтенанта А. А. Поливанова, к которому с прощальным визитом по поводу оставления должности военного атташе в Петербурге прибыл подполковник Нейпир.

В отчете о поездке в Туркестан Нейпир кратко характеризовал роль Снесарева в организации этого мероприятия. «Рассматривая результаты моей поездки, – отмечал Нейпир, – следует иметь в виду, что положение военного атташе, путешествующего по России, особенно в это время, напоминает положение психически нездорового и опасного человека, сопровождаемого днем и ночью попечителем. Присутствие рядом офицера Генерального штаба подводит его на каждом шагу, и если он вступает в разговор с прохожим, то слышит убажывающие неопределенные ответы, либо немедленно уводится подоспевшим офицером Генерального штаба в безопасное место. И только в редких случаях, когда мой спутник засыпал или каким-то образом отвлекался, у меня появлялась возможность неофициально поговорить с людьми. В то же время, я много обязан моему спутнику за множество оказанных услуг и за получение разрешений осмотреть казармы и пр. Одним из главных преимуществ этого была возможность побеседовать с армейскими офицерами, которые иногда сообщали кое-какие сведения».

Нейпир, имевший в течение более месяца возможность общаться с Снесаревым, приводит интересную характеристику его взглядов на различные аспекты среднеазиатского вопроса. «[Этот офицер] хорошо знает Памир, – отмечал Нейпир, – путешествовал по Индии, некоторое время жил в Лондоне, разрабатывая тему по индийскому вопросу в Британском музее. В действительности он считает себя специалистом по индийским делам. Он смотрит на Индию, как на выжатый лимон. С самого первого дня нашего появления там и до настоящего времени мы не прекращали извлекать из нее средства и никогда не вкладывали их. В обнищавшей стране распространились голод, холера и чума. У него даже имеется подозрение, что правительство распространяет эти болезни для истребления излишнего населения. Страна в результате находится накануне восстания. Поразительно, что поездка в Индию не рассеяла эти предубеждения, которые разделяются многими его соотечественниками. Что касается Афганистана, то он читал о жизни [эмира] Абдуррахмана, и поскольку там нет упоминания о секретном договоре с Англией, то он считает [эту книгу] “уткой”, запущенной нашими ловкими политиками. Он очень сомневается, что посягательство [русских] на афганскую границу мы используем как предлог для объявления войны. Он спросил, что мы будем делать, если эмир добровольно уступит Вахан России?

Что касается шансов на успешное вторжение в Индию, то в них он не сомневается. Он не верит в возможность введения в Англии всеобщей воинской обязанности и насмехается над нынешним состоянием нашей военной системы в Англии.

В отношении индийской армии он признает ее многие отличные качества, он допускает мысль, что наши солдаты по сравнению с русскими лучше подготовлены теоретически, но убежден, что туземные войска не смогут продолжить бой по мере выбытия из строя офицеров. Моральное превосходство европейцев над ними будет подавляющим.

Он считает, что у Англии есть голос в мировом сообществе, и этот голос важный, и достигается он исключительно удачным сочетанием ее талантливых дипломатов и государственных деятелей. Что касается нашей стратегии, он считает, что мы тратим слишком много сил и средств на оборонительные сооружения и пр. для соединения гератской и кандагарской [оборонительных] линий и не уделяем достаточного внимания кабульской линии.

Он ожидает скорого повышения по службе и сообщил мне, что получил предложение (и уже его принял) занять должность в разведывательном управлении Главного штаба в Петербурге».

Главный вывод, который сделал Нейпир по итогам поездки в Туркестан, заключался во мнении, что слухи о мобилизации частей Туркестанского военного округа не соответствовали действительности. Войска находились в местах постоянной дислокации и занимались плановой боевой подготовкой. Из бесед с руководством Туркестанского

военного округа он вынес впечатление об отсутствии у командного состава желания воевать с Великобританией в Средней Азии, но, как он заметил, если будет получен приказ о нанесении удара по Индии, то он будет безукоснительно выполнен. Наиболее подготовленными Нейпир считал части II-го Туркестанского армейского корпуса, который находился в высокой степени боевой и мобилизационной готовности и мог двинуть войска в Афганистан спустя несколько часов по получению боевого приказа.

Интересны замечания Нейпира о русских туркестанских войсках. «Общее впечатление, – отмечал он, – которое я вынес относительно качеств солдат и офицеров хорошее. За последние три года офицеры изменились к лучшему, как в смысле образования, так и моральных качеств. Стало меньше пьянства, проделано много работы, им больше нравятся верховые прогулки и спорт на свежем воздухе, что выгодно отличает их от товарищей в остальной России. <...> Личный состав представляет собой отличный материал, солдаты пойдут куда угодно за своими командирами. Отношения между офицером и солдатами напоминают отношения отца к своим детям, это результат той системы [воспитания], которая установилась в России. Обыкновение приветствовать солдат на параде и благодарить их за проделанную работу распространено повсеместно, и это не пустая формальность, она укрепляет взаимные чувства».

У подножия трона царя Соломона. К истории одной фотографии

При работе над книгой через руки автора прошло немало материала – архивного, литературного, иллюстративного. При работе с фотографиями туркестанского периода службы А. Е. Снесарева, внимание привлек один снимок из архива семьи Снесаревых: двое мужчин, один из которых в форме офицера русского Генерального штаба, второй – в европейском дорожном костюме той эпохи, а рядом с ними – юная барышня, в нарядном платье и шляпе. Фотография атрибутирована так: «А. Е. Снесарев, А. Гамильтон и Евгения Васильевна. 1904 г.». Фотография интересна тем, что это, пожалуй, первая из известных фотографий, на которой Снесарев появляется со своей невестой (примерно за полтора месяца до венчания). Фотография атрибутирована не совсем точно: высокий атлетического сложения европеец, запечатленный на фотографии, не является А. Гамильтоном, это его английский товарищ по путешествию в Средней Азии. Сам Гамильтон остался за кадром, так как в это время он и производил фотосъемку у мечети Тахт-и Сулейман в г. Ош. Автором снимка является Джон Ангус Лашингтон Мур Гамильтон или, как чаще его именовали, Ангус Гамильтон.

Сама по себе встреча Снесарева с Гамильтоном символична, поскольку волею случая сошлись вместе два непримиримых антагониста, активные участники Большой игры в Азии, стойко отстаивавшие интересы империй в «холодной войне» того времени.

Место, где они фотографировались, также оказалось очень символичным. Это гора Сулайман-тоо в окрестностях города Ош, возвышающаяся громадой среди плоской, как стол Ферганской долины. У местных киргизов и узбеков она считается священной горой, с которой связано множество легенд, одна из которых повествует о том, что на ее вершине находился «трон царя Соломона». На фотографии Снесарев, спутник Гамильтона и Евгения находятся у входа в мечеть Тахт-и Сулейман, построенную на месте, где, по преданию, родился знаменитый Бабур («тигр») – тимуридский завоеватель Афганистана и Индии, основатель империи Великих Моголов. Вполне возможно, что когда Снесарев пригласил Гамильтона подняться к «домику Бабура» (как мечеть Тахт-и Сулейман еще называют в Оше), то он сам не осознавал символизма этого места, откуда берет начало история завоевания Афганистана и Индии Великим Бабуром. Параллель между Великим Бабуром и русскими, нацеленными на Индию, была слишком очевидной.

Встреча с Гамильтоном – интересный эпизод туркестанской жизни А. Е. Снесарева, малоизвестный в литературе. Поэтому остановимся на нем несколько подробнее. Ангус Гамильтон был одним из первых профессиональных военных корреспондентов, очень яркой и популярной фигурой в Великобритании; он много сделал для пропаганды британской колониальной политики, активно писал на тему англо-русского соперничества в Азии. Он был талантлив, неутомим и с легкостью перемещался по планете, кочуя от одного военного конфликта к другому. Вспоминая много лет спустя свою встречу с Гамильтоном, Снесарев заметит: «Нужно сказать, что Гамильтон был молодым корреспондентом, когда ему, очень бывалому и хорошо пишущему корреспонденту, Лондонское королевское географическое общество дало поручение объехать Средний Восток».

Снесарев оставил краткие сведения об обстоятельствах своего знакомства с Гамильтоном и дал краткую оценку его, как писателя. «Мне пришлось осенью 1904 г. встретиться с ним в гор. Оше, – вспоминал Снесарев. – Случайно я наткнулся здесь тогда на двух англичан. Один из них был высокого роста, а другой – маленький. Один разыскивал какие-то гостиницы, вероятно, это была просто выдумка, другой «изучал нравы и обычаи края». Кроме английского, они никакого другого языка не знали, разве два-три слова по-немецки и 1½ по-французски. Положение их было беспомощное. Когда я наткнулся на них, или они на меня, – британцы поспешили использовать меня в тех отношениях, в каких им это представлялось интересным. Маленький англичанин отрекомендовался членом Лондонского географического общества и назвался Гамильтоном. Он начал меня расспрашивать о населении, о характере его жизни, о городах, об истории страны, ее плодородстве и т. д. Все эти вопросы были столь примитивны, столь порою наивны, что я сразу видел, что передо мною человек, который впервые вступает на территорию Средней Азии и впервые начинает заниматься ею. Каково же было мое удивление, когда через два-три месяца, получивши одну англо-индийскую газету, я нашел в ней длинейшую статью о нашей Средней Азии, написанную Гамильтоном: автор, выдавая себя уже за авторитет, набрасывая цифру за

цифрой, делал всякие обобщения, усматривал какие-то тонкие планы со стороны русских... одним словом, вел себя, как специалист чистой воды. Мое удивление еще более возросло, когда через год тот же Гамильтон выпустил в свет большую книгу, – говорю “большую”, в смысле объема, названную “Афганистан” и посвященную лорду Керзону, в которой он трактовал об этой стране во всей широте затронутого им вопроса. Эта книга одна из характернейших в том смысле, что в ней трудно найти страницу, где в частях ее, касающихся русских владений, не было бы какой-нибудь лжи или выдумки».

Ангус Гамильтон родился 19 февраля 1874 г. в Лондоне в семье офицера британской армии, бывшего капитана одного из индийских полков. Он получил образование в колледже Четенхэм – лучшей в то время общественной школе в Англии, а также в частных учебных заведениях Германии и Франции. В 1894 г. получил работу журналиста в Америке и с той поры стал непрерывно ездить по свету, сотрудничая с редакциями ряда газет и журналов. Он был в Южной Африке, став свидетелем начала второй англо-бурской войны (1899–1902), участвовал в обороне Мафекинга, где на короткое время попал в плен к бурам. После снятия осады Мафекинга и освобождения из плена Гамильтон вернулся в Лондон, чтобы поправить свое здоровье, но вскоре узнал о начале «боксерского восстания» и немедленно отправился в Китай. Затем он принимал участие в британской военной кампании в Сомалиленде. По возвращению из Африки, он в качестве корреспондента британской газеты «Пэлл Мэлл» и индийской «Тамс оф Индия» посетил Ближний Восток и Среднюю Азию. В 1903 г. Гамильтон освещал события македонского конфликта на Балканах, в 1904 г. был в Корее. По итогам последней поездки издал книгу о Корее и составил карту этой страны. Он был военным корреспондентом в русско-японскую войну 1904–1905 гг. и получил от русского правительства медаль «В память русско-японской войны».

По окончании русско-японской войны Гамильтон вновь получил назначение на Средний Восток, откуда отправлял многочисленные корреспонденции и где собирал материал для книги по Афганистану (вышла в 1906 г.). Затем выходят в свет его книги «Проблемы Ближнего Востока» (1909) и «Сомалиленд» (1911). В 1910–1911 гг. Гамильтон редактировал одну из газет в Китае, затем принимал участие в операции британских войск в Ассаме (1911–1912). В октябре-ноябре 1912 г. принимал участие в Первой Балканской войне, на которой попал в плен к болгарам во время их наступления на Чаталджу.

Интересная и насыщенная событиями жизнь Гамильтона оборвалась трагически. 13 июня 1913 г. в одном из отелей Нью-Йорка он перерезал себе горло опасной бритвой. Точные обстоятельства смерти журналиста установлены не были, но предполагали, что на самоубийство его могли толкнуть финансовые трудности. В Америке он совершал тур с чтением лекций о мировых событиях, которые не привлекли внимания американской публики.

Встреча Гамильтона со Снесаревым произошла при следующих обстоятельствах. После возвращения в Лондон с театра русско-японской войны осенью 1904 г. Гамильтон по заданию газет «Пэлл Мэлл» и «Таймс оф Индия» совершил путешествие по Русскому Туркестану, а затем вернулся в Индию через Восточный Туркестан и Гилгит. Кроме отсылки корреспонденций с маршрута путешествия Гамильтон вел сбор фактического материала для написания крупной работы по Афганистану, куда он предполагал поместить несколько глав по русской Средней Азии.

Свое путешествие Гамильтон совершил по маршруту, ранее совершенно не доступному большинству британских военных путешественников по русским среднеазиатским владениям. 14 сентября 1904 г. состоялась смычка путей Оренбург-Ташкентской железной дороги и по ней началось пробное движение составов. В британском военном министерстве и главном штабе индо-британской армии внимательно следили за работами по сооружению нового железнодорожного пути, который существенно увеличивал военный потенциал России у границ Афганистана и Индии. Гамильтон стал первым из британцев, кому удалось проехать по дороге и сообщить о ней подробные сведения. Этому во многом способствовало то обстоятельство, что Оренбург-Ташкентская железная дорога, в отличие от Среднеазиатской, не считалась военной и для поездки по ней не требовалось разрешение Военного министерства. Между тем, Гамильтону для поездки по дороге все же понадобилась поддержка ввиду того, что по ней еще не было открыто постоянного движения и она обкатывалась на различных участках, причем, часто с военными целями – с погрузкой войск, артиллерии и военного

имущества. После обращения британского посла в Петербурге к министру путей сообщения князю М. И. Хилкову, такое разрешение было получено.

В конце сентября 1904 г. Гамильтон приехал из Оренбурга в Ташкент, откуда проследовал в Самарканд и Мерв и через Ташкент проехал в Андижан. В пути он внимательно следил за перемещением военных грузов, составлял списки станций, заносил в дневник разнообразные сведения. С пути он отправлял в редакции своих газет корреспонденции, полные тревожных сообщений, предсказаний скорого русского вторжения в Афганистан и пр. Своими статьями он значительно способствовал нагнетанию антирусских настроений в Европе. Одним словом, сделал то, против чего выступал в свое время командующий войсками Туркестанского военного округа С. М. Духовской, когда предлагал Военному министерству допускать в Среднюю Азию лишь тех лиц, которые будут заслуживать особого доверия русских властей.

Оценивая значение новой железной дороги, Гамильтон в одной из своих корреспонденций замечал: «Каждый пункт [в Русском Туркестане] от Серахса до Оша представляет собой военный лагерь. Русские передовые посты стоят лицом к лицу с постами [афганского] эмира на верховьях Амударьи. Россия постоянно наращивает военные запасы. Поезда, которые движутся степью из Оренбурга в Ташкент, везут солдат, и никто из этих солдат не возвращается обратно». В другой заметке он писал: «Русские военные приготовления в Средней Азии можно считать практически законченными. Это то состояние дел, которое вполне осознается правящими кругами в Кабуле. В этом смысле существует полное основание заключить, что налицо все доказательства того, что с занятием русскими господствующих позиций на Кушке, в долинах Мургаба и вдоль всей линии Амударьи до границы с Бадахшаном и Ваханом, афганские войска не смогут оказать какого-либо действительного сопротивления русскому вторжению. Герат будет взят мгновенно, и если даже [гератская] крепость попытается остановить русское наступление, то она будет в их руках в течение нескольких дней».

В начале октября 1904 г. Гамильтон приехал из Андижана в Ош, где был любезно принят Ошским уездным начальником полковником В. Н. Зайцевым. Дальнейший путь Гамильтона лежал через Кашгар в Британскую Индию. В Оше он снаряжал караван и делал все необходимые приготовления к поездке в Кашгар. В это время в Оше находился А. Е. Снесарев, который занимался свадебными хлопотами в связи с предстоящей женитьбой на Евгении Зайцевой. Воспользовавшись случаем, Снесарев и Евгения пригласили Гамильтона посетить наиболее интересные в историческом отношении места Оша. Так они и оказались на Сулейман-тоо у «домика Бабура».

Гамильтон совершил трудное путешествие из Оша в Кашгар через заснеженные перевалы, в самом Кашгаре он тяжело заболел оспой и вынужден был прервать путешествие. С большой задержкой он через Сарыкол и Тагдумбаш-Памир добрался до Хунзы и далее проехал в Гилгит. По возвращению из Средней Азии Гамильтон в течение года обрабатывал собранный в поездке материал, ознакомился с основными печатными работами по Русскому Туркестану, Восточной Персии и Афганистану, консультировался с ведущими британскими специалистами того времени. В 1906 г. вышла в свет его, пожалуй, основная работа – «Афганистан». Книга, как было указано в предисловии, являлась результатом обобщения имевшихся на тот момент основных работ по Афганистану, преимущественно британских, и основывалась на личных впечатлениях автора от поездки по Средней Азии. Несмотря на интересные сведения и хороший стиль, раздел книги, непосредственно относящийся к Афганистану, во многом имел компилятивный характер, автору заметно не хватало личного знакомства с этой страной. Книга, как справедливо замечал А. Е. Снесарев, была полна предрассудков и односторонних трактовок.

Работа Гамильтона вызвала неожиданно большой интерес у русских военных специалистов, представляется, не вполне заслуженный, мотивированный больше ее явно антирусской направленностью. Книга Гамильтона была переведена на русский язык, издана отдельным сокращенным изданием. С рецензиями на работу в русской военной печати выступили М. В. Грулев и А. Е. Снесарев. Хотя книга была написана автором до заключения англо-русского соглашения 1907 г. и во многом теряла свою актуальность после его подписания, но содержащаяся в ней антирусская риторика была широко использована противниками соглашения с Великобританией, которых в русском обществе в то время было немало.

В более позднее время, когда общая ситуация в среднеазиатском вопросе сильно изменилась, А. Е. Снесарев уже не был столь категоричен в оценке работы Гамильтона и несколько пересмотрел свое к ней отношение. «Относительно Афганистана, - писал Снесарев, - он [Гамильтон] очень искусно использовал многое, что имелось в англо-индийской литературе, сумел найти источники наиболее подходящие и написал эту книгу. В ней собрано все, что английская литература могла дать интересного по этому вопросу, но сам Гамильтон мало, что видел, потому что слишком быстро проскочил через Туркестан в Индию, да и в ней был мало. В книге нет ничего солидного и глубокого. Все, что говорится, например, о нашем Туркестане, малоинтересно и полно ошибок, а что касается Афганистана, тут сведения более серьезные. Эта книга может служить достаточно хорошим источником при изучении Афганистана».

Вместо заключения

27 октября 1904 г. Высочайшим приказом капитан А. Е. Снесарев переведен на службу в Главный штаб. Подробности этого назначения остаются не вполне известны, но имеется большое основание рассмотреть за этим назначением фигуру, которая осталась за кадром событий. Речь идет о подполковнике Л. Г. Корнилове, который волею случая был связан с назначением Снесарева в Туркестан, и, вполне возможно, имел отношение к его переводу на службу в Петербург. Говоря образно, Снесарев в какой-то мере шел по пути, прокладываемому Корниловым. Как известно, после возвращения из командировки в Индию в июне 1904 г. Корнилов получил назначение на должность столоначальника Главного штаба и занимал эту должность до конца сентября 1904 г. Все это время он настойчиво рвался на фронт русско-японской войны, но получил назначение в действующую армию только в начале октября 1904 г. Вполне возможно, что отъезд Корнилова на фронт был обставлен условием руководства Главного штаба, что он найдет на свое место достойного кандидата, знакомого со среднеазиатским театром и способного к аналитической работе. Корнилов, хорошо зная способности и деловые качества Снесарева, сделал ему предложение занять его место в Главном штабе. Снесарев с готовностью такое предложение принял. Эта версия вполне согласуется и с хронологией событий: отъезд Корнилова в Маньчжурию практически совпал с прибытием Снесарева в Петербург. Во второй половине ноября 1904 г. Корнилов передал дела по должности Снесареву и в конце того же месяца выехал в действующую армию, куда прибыл 15 декабря 1904 г.

Отъезд Снесарева из Ташкента состоялся 6 ноября 1904 г. Для большинства ташкентской публики событие явилось достаточно неожиданным, новое место службы Снесарева также оставалось неизвестным. Ходили слухи, что Снесареву предназначается одна из кафедр в Николаевской академии Генерального штаба. В связи с этим событием туркестанская пресса сообщала: «Вчера покинул Ташкент Генерального штаба капитан А. Е. Снесарев. Обширная эрудиция Андрея Евгеньевича и его труды географического и историко-географического характера доставили ему почетное место среди местных работников на поприще туркестановедения, а в вопросах военно-политических, касающихся Индии, Афганистана и припамирских стран, он является одним из авторитетнейших знатоков».

С переводом в Петербург открывалась новая страница жизни А. Е. Снесарева как офицера Генерального штаба и военного востоковеда. Это будет период больших достижений, успехов и разочарований. Смещение фокуса русских военно-политических и стратегических интересов с Востока на Запад и подписание англо-русского соглашения 1907 г. имело негативные последствия для востоковедной деятельности Снесарева. Первая мировая война и Гражданская война надолго оторвали Снесарева от научной и публицистической деятельности. К любимому делу – науке о Востоке – он вернется только с окончанием Гражданской войны. Это будет один из самых плодотворных периодов научной деятельности А. Е. Снесарева, который будет прерван столь трагическими для него событиями. Но это уже другая тема, которая все еще ждет своих благодарных и вдумчивых исследователей.

Приложение

Записка А.Е. Снесарева «О Памирах»

Секретно

О ПАМИРАХ

Вопрос о Памирах, с точек зрения управления ими и выполнения различных военных задач, с ними связанных, имеет за собою почти десятилетнюю давность и довольно обширный материал как в форме напечатанных источников, русских и иностранных, из последних по преимуществу английских, так и в форме сырого материала, представляемого делами строевого и отчетного отделений (а раньше и мобилизационного) Туркестанского военного округа.

Опыт годов, выразившийся в сказанном материале, в связи с личными наблюдениями во время двухкратного посещения Памиров, в одно из которых я посетил все памирские посты и объехал всю границу, начиная от Хорога и кончая Ранг-кулем, дают достаточные данные для сводки к определенным выводам многих из вопросов о Памирах, которые до сих пор были затронуты лишь попутно, решались незаконченным образом и затеривались среди груды сырья и мелочей.

Задачи на Памирах.

Согласно инструкций начальнику Памирского отряда от 1897 года 26 мая и того же года 7 июня, утвержденных военным губернатором Ферганской области, задачи на Памирах сводятся к следующим:

- 1) Наблюдение за границей, путями и производство разведок в сопредельных странах.
- 2) Управление Русскими Памирами.
- 3) Наблюдение за бухарской администрацией в Припамирских «ханствах» – Вахане, Шугнана, Рошане.
- 4) Управление Памирским отрядом (части строевая, инспекторская и хозяйственная).

Инструкции.

Инструкция 7 июня касается главным образом задач, упоминаемых в [пунктах] 1, 2, и 4; инструкция 26 мая касается пункта 3, но, как написанная ранее, содержит некие правила, приводимые вновь в более поздней инструкции.

Существование двух инструкций, не сведенных в одну, и касающихся одновременно одних и тех же вопросов, во всяком случае, должно быть признано неудобным. Сами же инструкции должны быть признаны устаревшими и задачи в них недостаточно ясно и обще изложенными.

Например, 1) среди постов не упомянут один из самых важных, Ишкашимский, который, без сомнения, должен войти в схему основного распределения Памирского отряда.

2) По составу посты в настоящее время резко отличаются от намеченных в инструкции.

3) Пункт в § 5 о том, что «по крайней бедности населения оно освобождается от всяких податей, сборов и повинностей», на самом деле не выполняется, да и не может выполняться, ибо неоткуда взять мясо, топливо (терескен), масло; и эти предметы поневоле должны доставляться киргизским населением под формой обязательной натуральной повинности.

4) Организация почтового сообщения ведется в настоящее время иначе и т. д.

Что же касается до инструкции 26 мая, то та ее часть, которая касается вопроса о наблюдении за бухарской администрацией, представляется и по существу самого дела весьма сомнительной и требующей изменений.

Военный губернатор Ферганской области.

Начальник Памирского отряда подчинен непосредственно военному губернатору Ферганской области, от которого и последовали вышеупомянутые инструкции. Такой порядок подчинения едва ли может быть признан удобным и отвечающим интересам Памирского вопроса.

Военная канцелярия Ферганского губернатора, как показывает опыт годов, являлась в этом деле чисто передаточной инстанцией, не могущей вносить своего элемента и потому лишь задерживающей и тормозящей дело. В данном отношении управление Памирами весьма аналогично с управлением северо-западными племенами Индии. До прошлого года оно находилось в руках пограничного комиссара, непосредственно подчиненного Генерал-Лейтенанту Пенджаба, а последний сносился уже от себя с вице-королем Индии. Такой порядок давно давал о себе знать задержкой в делах и ненужными осложнениями.

Рассматривая возможную деятельность Ферганской инстанции, позволительно сделать вывод, что знания природы Памира, его народонаселения и нужд последнего у него быть не может таких, как у чинов Памирского отряда и туземной администрации, а с другой стороны, общих текущих задач по разведке на границах Памиров, руководящих идей по управлению киргизами и таджиками, по сношению с сопредельными странами у губернатора также не будет, отсюда вся деятельность должна неминуемо сводиться к передаванию дел от начальника Памирского отряда в окружной штаб и обратно.

Если к этому добавить, что задачи на Памирах имеют, главным образом, военный интерес и по преимуществу для окружного штаба, что с организацией корпусных управлений поддержка резервом, выбор офицеров и нижних чинов для отряда могут быть выполнены удобнее при посредстве штаба I-го [Туркестанского армейского] корпуса, что народонаселение Памиров, их хозяйство и быт не имеют никакой аналогии с таковыми же Ферганы, то аномалия рассматриваемого подчинения станет еще более очевидной.

Рассмотрю детальнее некоторые из задач на Памирах и просмотрю порядок их решения:

а) Одной из важнейших задач будет изучение сопредельных стран и, в частности, производство разведок. Памиры в этом отношении входят в круг других разведывательных центров, как например, штаб II-го [Туркестанского армейского] корпуса, Кашгар, Керки и т. п., почему направление разведок, текущие задачи, приведение добытых результатов в связь с другими, все это начинается окружным штабом, здесь же обрабатывается и передается выше. Ферганская инстанция в этом деле не может, да и не должна вносить чего-либо своего.

б) Наблюдение за действиями бухарской администрации, являясь делом щепетильным и в большинстве случаев, по духу самой инструкции, требующим сношений с эмиром Бухары, стоит совершенно вне компетенции Ферганской инстанции, которая не имеет даже органов для сношения с эмиром, почему подобные дела опять по необходимости идут через окружной штаб на усмотрение генерал-губернатора.

в) Дела об иностранцах, посещающих Памиры с целью охоты или научных исследований, ввиду необходимости исключительного отношения к подобным посещениям, требуют даже сношений с Министерством иностранных дел и потому все проходят через окружной штаб.

В сфере возможных руководств со стороны ферганского начальства остается управление киргизами Восточных Памиров и управление Памирским отрядом, но ничтожное народонаселение первых – не более 2 тыс. душ обоего пола, и почти десятилетний опыт ведения вторым сделали эти вопросы вполне доступными компетенции начальников Памирского отряда, которые без труда могут их вершить единолично. Если же и в данных областях поднимаются вопросы, решение которых

начальник отряда не решается взять на себя, как например, массовый уход киргизов из наших пределов или переход их к нам, исключительная болезненность в Памирском отряде (например, цингой) и т. д., то ведь все эти вопросы все равно не идут мимо окружного штаба.

Самым убедительным доказательством того, что в сущности окружной штаб ведал делами Памиров, является наличие дел о Памирах во всех отделениях (в отчетном и строевом, например, по два - обыкновенное и секретное), причем, некоторые доходили до шестисот с лишним пронумерованных и скрепленных листов.

Вышеизложенные соображения позволяют сделать вывод, что для простоты, ускорения, и вообще, пользы ведения делами Памиров было бы желательно начальника Памирского отряда подчинить непосредственно начальнику штаба округа, на правах корпусного командира, а Ферганского военного губернатора освободить от ведения делами Памиров.

Против такой перемены возможны следующие возражения:

Штаб округа и без того, с присоединением Закаспийской и Семиреченской областей к Туркестанскому военному округу, является отягощенной массой дел, а прибавление к ним ведения Памирами может еще более увеличить таковые. Но ведь, как сказано выше, окружной штаб и без того ведал Памирами и трудно ожидать не только большего увеличения, но даже просто увеличения переписки по Памирам.

Ферганский губернатор, как соприкасающийся по управлению области с Памирами, без сомнения заинтересован в ходе дел на них и должен знать результаты разведок, об иностранцах и т. д., с переходом же Памиров в ведение начальника окружного штаба он будет лишен всего этого. Возражение должно быть признано веским, но устранимым тем приемом, что губернатор обо всем для него интересном может быть всегда ориентирован копиями соответствующих бумаг или донесений. Так, например, делалось с донесениями из Кашгара Генерального штаба капитана Корнилова, которые в копиях пересылались Ферганскому военному губернатору.

Распределение Памирского отряда.

Наблюдение за границей Памиров, за путями, ведущими через нее и, в частности, производство разведок в сопредельных странах выполняются посредством известным образом распределенных частей Памирского отряда, в форме пограничных постов. Расположение и численность наших Памирских постов к 1-му мая 1901 г. было нижеследующее:

Название постов и гарнизонов по родам оружия и званиям чинов		Примечание
<u>Памирский отряд</u>		
<u>Восточные посты:</u>		
а) Пост Памирский		
Офицеров	1	Подпоручик Глуздовский — начальник поста и вр. и. д. начальника всех восточных постов вместо сломавшего ногу подьесаула Овчинникова, находящегося на излечении в укр. Хороге
Врач	1	лекарь Дедев
Нижних чинов пехоты	19	
Казаков	16	Противу ведомости к 1-му ноября на 4 человека больше: сюда присоединены 27 марта 4 казака, полагавшиеся на посту Када-и-Вамарском, — присоединены в видах усиления общей численности казаков на восточных постах на случай занятий Таш-Кургана
Фельдшер	1	медицинский
Казенной прислуги	2	
б) Пост Истикский		
Офицеров	1	Поручик Бромберг — начальник поста
Нижних чинов пехоты	10	
Казаков	12	Из этого числа 5 казаков при уряднике составляет пост Кизил-Рабат, пост этот находится в ближайшем подчинении пор. Бромберга
Казенной прислуги	1	
в) Пост Рагг-кульский		
Казаков	7	
Итого на восточных постах	<u>Людей</u>	
Офицеров	2	
Врач	1	
Нижних чинов пехоты	29	
Казаков	35	
Фельдшеров	1	
Казенной прислуги	3	
Всего	71	
	<u>Лошадей</u>	
Стрелецких офицерских и вьючных	6	
Казачьих стрелецких	31	
Казачьих заводных	6	
Всего	43	
<u>Западные посты</u>		
а) Пост Хорогский		
Офицеров	4	Подполковник Бадрицкий — начальник отряда, штабе-капитан Трубоченинов — командир полуроты и заведующий хозяйством отряда, подпоручик Еременко — младший офицер и начальник поста и подьесаул Овчинников — находится в Хороге временно по болезни
Нижних чинов пехоты	38	
Казаков	19	

Фельдшер	3	1 ветеринарный и 2 медицинских. Один из последних, кандидат на классную должность
Казенной прислуги	1	
б) Пост Лангарский		
Офицеров	1	Подъесаул Рыжков — начальник поста
Нижних чинов	15	
Казаров	18	
в) Пост Ишкашимский		
Пехоты	12	В этом числе начальник поста унтер-офицер Колядин
Итого на западных постах	<u>Людей</u>	
Офицеров	4	
Пехоты	74	
Казаров	37	
Фельдшер	3	
Казенной прислуги	1	
Всего людей	119*	
	<u>Лошадей</u>	
Строевых офицерских и выючных	8	
Строевых казачьих	37	
Заводных	4	
Всего лошадей	49	
А всего в составе Памирского отряда к 1-му мая 1901 г. состоит:		
Офицеров	7	
Врач	1	
Нижних чинов пехоты	94	До определенного числа в 100 человек недостает 6 человек
Казаров	72	
Фельдшер	4	3 медицинских и 1 ветеринарный
Казенной прислуги	4	
Всего людей	182**	
	<u>Лошадей</u>	
Офицерских строевых и выючных	16	
Казачьих строевых	72	
Казачьих заводных	10	
Всего лошадей	98	

* Цифра подчехнута, пометка командующего войсками округа: «Итоги не сходятся». (Прим. сост.)

** Цифра подчеркнута командующим войсками, далее следует пометка: «И здесь тоже». (Прим. сост.)

История дел на Памирах показывает, что по мере занятия их посты, всегда имея центром Памирский (на р. Мургабе, недалеко от впадения р. Ак-байтала), располагались по дуге, которой радиус постепенно увеличивался. Таким образом, при первых трех начальниках дуга шла через восточный край Ранг-кульского озера, устье р. Истыка и нынешнюю Орошорскую область. С присоединением же Припамиирских ханств и передвижением наших отрядов почти до северных склонов Гиндукуша, дуга постов была расширена и пошла р. Пянджем, делала малопонятный излом, оставаясь у Истыка, изворачиваясь по-прежнему у восточного края Ранг-куля.

Посты создавались в большинстве случаев усмотрением начальников Памирских отрядов, причем, мотивировка того или другого выбора ограничивалась указанием на узел путей, сходящихся в месте намеченного поста, на подходящие в большинстве случаев сносные климатические условия и на выгодные тактические условия. Почти всегда упускалось из виду распределение отрядов в сопредельных странах, иностранная литература вопроса о Памирах и, наконец, история торговых движений, связанных с этой страной, и сами экономические данные сопредельных государств.

Почти единственной, наиболее обстоятельной мотивировкой по вопросу о постах, была заметка Генерального штаба капитана Эггерта от 26 октября 1896 года о ненужности Кала-и-Вамарского поста, да и та, по незнакомству начальников Памирского отряда с работами их предшественников, осталась безрезультатной и при капитане Аносове пост вновь фигурировал.

Основание распределения постов.

При изучении природы Памиров и их карты без труда может быть сделан вывод, что все пути, ведущие из сопредельных стран внутрь Памиров или, что тоже самое, обратно, сводятся к определенным и немногим местам. Таковые обуславливаются наличием удобных перевалов в пограничных хребтах, во-первых, и возможностью продвижения далее по территории Памиров, во-вторых. На большинстве же протяжения граница Памиров естественно закрыта и не допускает ни торговых, ни военных передвижений.

Такая ограниченная и резко определенная группировка путей делает определение постов в зависимости от стратегических и торговых соображений совершенно нетрудным, и весь вопрос усложняется лишь необходимостью считаться с наличием гигиенических и хозяйственных условий.

Памирский пост.

Памирский пост по своему центральному положению в узле всех памирских путей, по сравнительной близости к культурным центрам, и, в частности, к телеграфной станции в Гульче, и по расположению в центре торговых движений должен признаваться главным постом на Памирах. Его теперешнее положение на Мургабе около устья Ак-байтала, или в ближайшем будущем у Шаджана, должно быть признано в достаточной мере удовлетворяющим требованиям военным, хозяйственным и санитарным. Правда, пост может быть обойден и отрезан от своей базы движением через Сарыкольские перевалы, Ранг-кульской котловиной и далее дорогой через пер. Кизил-джиик (Уз-бель), или вверх по долине р. Ак-байтала, но отнесение Памирского поста назад к выходу в Ак-байтал Ранг-кульской котловины, или к Муз-колу, выходу с перевала Кизил-джиик, не представляется возможным по хозяйственным условиям: в долине Ак-байтала нет подножного корма и не всегда имеется вода, а на Муз-коле к хозяйственным недочетам прибавляются и санитарные – невыносимый холод большую часть года.

Сказанный недостаток устраняется расположением Ранг-кульского поста в 7 верстах к востоку от восточного края оз. Ранг-куля и ослабевается тем обстоятельством, что от Памирского поста до перехвата обходных путей не более одного пешего перехода. В настоящее время, согласно специального указания Главного штаба, Хорогский пост выбран центром управления Памирами и местом расположения штаба отряда. Комиссией, занятой вопросом о выборе мест постов и устройством построек на них, знакомой с решением Главного штаба, была все же подчеркнута необходимость выбора Памирского поста центром управления Памирами; на это же указываемо было и некоторыми начальниками Памирского отряда, причем, особенно делалась ссылка на затруднительность и проволочку в сношениях при центре в Хороге.

Главный штаб остановился на Хороге главным образом по гигиеническим и еще более хозяйственным соображениям. Исходя из того общего соображения, что при решении военных вопросов придется отдавать предпочтение соображениям военным и потом уже другим, а военные выгоды – удобство и быстрота сношений, близость к источникам пополнения, полная обеспеченность, симметрическое положение к изгибам границы и др. – все это, бесспорно, на стороне Памирского поста. Если же взвесить те обстоятельства, что Хорог лежит у самой границы и, значит, может подвергнуться внезапному нападению (при теперешнем положении пост почти обстреливается с неприятельского берега), а также имеет совершенно открытыми все действия и распоряжения, что Хорогский пост без труда обходится движением: 1) из долины Пянджа через перевал Мас и далее через перевал Кок-бай; 2) из долины Пянджа, рекой Памиром через перевал Хоргош и 3) путями, идущими по Восточным Памирам к западу от р. Ак-су, что пост располагается в бухарских владениях и, значит, на почве в достаточной мере зыбкой, и что, наконец, Хорог лежит в стороне от главных дорог, ведущих во внутрь Афганистана и английских владений, то преимущество перед Хорогским постом Памирского будет вне сомнения. Потом, санитарные преимущества Хорогского поста перед Памирским не всегда подтверждались, и в этом году, например, наибольшая болезненность (в форме цинги) выпала на долю поста Хорогского.

Что касается хозяйственных операций, которые ведутся теперь на посту Хорогском в

форме разведения огородной зелени для потребностей отряда, то это дело может быть поручено младшему офицеру и начальнику отряда едва ли и есть время самому вести упомянутое хозяйство.

При переносе штаба на Памирский пост невыгоды климатические захватывают только начальника отряда с заведующим хозяйством, да разве небольшое число перевозимых людей, что при удобствах, ожидаемых от новых постовых построек у Шаджана, не может быть особенно тяжелым.

Вышеизложенное показывает, что было бы желательно ходатайствовать о переносе центра управления Памирами и отрядом на Памирский пост.

Более детальное рассмотрение условий расположения Памирского поста составляет предмет докладной записки комиссии, состоящей из военного инженера генерал-майора Пославского и Генерального штаба капитана Снесарева.

Кала-и-Вамарский пост.

В дальнейшем можно следовать рассмотрению постов по границе, начиная с северо-западного угла.

Пост в Кала-и-Вамаре, намеченный при занятии Памирских ханств, вскоре был снят, при капитане Аносове восстановлен, а при теперешнем начальнике опять уничтожен. Генерального штаба капитаном Эггертом в рапорте 26 октября 1896 года № 426 на имя командующего войсками Ферганской области было обстоятельно и разносторонне выяснено, что для занятия Кала-и-Вамар постом нет достаточных оснований. Упомянув об отсутствии помещений и о неудобстве совместного расположения с бухарцами, капитан Эггерт производил против существования Кала-и-Вамарского поста такие основания:

1) Против него нет ни афганских войск, ни крепостей.

2) Дорога к Кала-и-Вамару из Афганистана проходит через Кала-и-Бар-Пяндж, т. е. вблизи Хорога; следовательно, о всяком движении афганцев в этом направлении сначала будет известно в Хороге, на который и должны ранее всего обрушиться афганцы в случае каких-либо осложнений. Кала-и-Вамарский пост будет тогда от Хорога отрезан, не имея возможности ни оказать поддержки, ни сопротивляться отдельно благодаря своей малочисленности.

3) Хотя путь Кала-и-Вамар – Кара-куль кратчайший, чтобы отрезать Памирский отряд от Ферганы, но дорога эта на участке Кала-и-Вамар – Орошор слишком плоха, самое движение в этом направлении весьма рискованно и, наконец, известие об этом движении все-таки будет получено через Хорог. Таким образом, Кала-и-Вамарский пост, не имея ни наблюдательного, ни оборонительного значения, ослабляет маленький Памирский отряд и мог бы принести гораздо больше пользы, будучи присоединен к Хорогскому посту, а частью к Лянгарскому; это вместе с тем облегчило бы продовольствие постов, разрешило бы вопрос о расквартировании людей и облегчило бы службу постов.

Единственное значение, которое мог бы иметь пост, это обеспечивать население от грабежей афганских перебежчиков; но таковых в течение полугода не было и, наконец, для этой цели вполне достаточно 20 бухарских конников, имеющих в распоряжении бека Иманкула.

Наблюдение за действиями бека вполне возможно возложить на начальника Хорогского поста, тем более, что в отряде слишком мало офицеров для того, чтобы в Кала-и-Вамаре поставить офицерский пост.

Указанные мотивы должны быть признаны вполне убедительными и могут быть лишь несколько развиты и дополнены.

Дорога от Кала-и-Вамара Бартангом не только до Орошора, но и далее почти недоступна, разве лишь для одиночных людей. Никогда дорога не служила для караванных движений, а из путешественников, сумевших пройти по ней, можно указать только двух англичан и весьма ограниченное число русских.

Продолжение Бартангского пути весьма неудовлетворительно: или слишком кружно, как, например, через Кудару, или почти недоступно, как, например, через перевал Марджанай (или Пшарт), или совсем заперто по дефиле р. Мургаба.

Таким образом, вступить в Кала-и-Вамар это будет означать передвигаться с трудом вниз по Пянджу или вверх по Бартангу или идти на Хорог.

При занятии Кала-и-Вамара постом преследовались и другие цели: хозяйственная – посылка казачьих коней на подножный корм, и политическая – наблюдение за бухарской администрацией в Кала-и-Вамаре. Первая – слишком ничтожна и может быть достигнута, особенно в летнее время, на каковое пост и выставлялся при капитане Аносове, иными путями, вторая же граничила с политическим абсурдом.

Поручение наблюдения уряднику достигнуть цели не могло, а нижнего чина вызывало на такую работу и наблюдения, которые ему были совсем не под силу. Опыт показал, что урядником писался систематический вздор, делались иногда распоряжения, производившие немалую суматоху, а казаки поста под влиянием многолюдного города и сравнительной свободы, легко выпускались из рук.

Поэтому, восстановление Кала-и-Вамарского поста, как не отвечающего ни наблюдательным, ни оборонительным или каким-либо другим задачам, должно быть признано ненужным.

Пост Хорогский.

Пост Хорогский располагается в трех верстах от впадения р. Хорог в Пяндж. Если принять в соображение, что движение с запада в глубь Памиров реками Ванч и Язгулем, как приводящее к труднодоступным перевалам Одуди и Гушхон, почти не возможно, что путь по Бартангу труден, и что одинокие тропы из долины р. Пянджа в долину Шах-дары, никем не пройденные, заставляют даже сомневаться в их существовании, то необходимо прийти к заключению, что единственным выходом с запада – от Бадахшана в Памиры, является долина р. Хорога с ее разветвлениями по долинам рр. Гунта и Шахдары. Это обстоятельство обуславливает собою стратегическую и экономическую важность долины р. Хорога, и значит и поста, в ней расположенного.

Десятилетие владычества афганцев над Припамирскими ханствами, убив всякую в них жизнь и торговлю, уничтожило и всякое торговое движение по Гунтской и Шах-дарьинской дорогам.

Распоряжения эмира афганского настоящего времени, воспрепятствующие вывозу из Бадахшана соли, хлеба и вывод лошадей, также, конечно, не способны возобновить торговлю на упомянутых путях. Исторические же предания киргизов и таджиков свидетельствуют о некогда бывшем оживленном движении по Гунтской и Шах-дарьинской дорогам и большой торговле между восточными центрами Ферганы и Бадахшаном.

Военное значение путей, усматриваемое из географии Памиров, подтверждается еще так: в более отдаленные времена дороги были сценой взаимных нашествий таджиков или киргизов друг на друга; обилие крепостей, расположенных по Гунту и Шах-даре, также свидетельствует о неоднократных боевых столкновениях в долинах; в период вытеснения афганцев – начало девяностых годов – в них же имели место как усиленные рекогносцировки, так и столкновения.

Афганские войска, расположенные против Западных Памиров, принадлежат к Файзабадскому округу и состоят из 2 палтанов пехоты, 5 турп рисоля и 30 орудий разных видов, или 1200 чел. пехоты, 400 – кавалерии и 30 орудий. Командует округом джарнейль Таджи-Магомет-Хан, имеющий резиденцию в Файзабаде. Кроме того, в припянджских крепостях расположены: в Кала-и-Пяндже – 65 чел. пехоты при 1 офицере и Кала-и-Бар-Пяндже – 90 чел. пехоты с 2 горными орудиями при 1 офицере.

Распределение пограничных постов и топография округа позволяют предполагать, что войска могут быть направлены на два театра: восточно-бухарский и памирский, в последнем случае возможными операционными направлениями будут: или путь

Файзабад – Зебак – Ишкашим, или путь Файзабад – Шива – кр. Кала-и-Бар-Пяндж.

Так как кавалерийские части почти все отброшены на пути, ведущие в Восточную Бухару – на Куляб, то притянуть их на Памирский театр будет затруднительно, почему афганские войска, имеющие здесь оперировать, будут состоять, главным образом, из пехоты с артиллерией и самым ограниченным количеством конницы. Такой состав подтверждается и недавними столкновениями с афганцами на Западных Памирах.

Описанные условия заставляют иметь в долине Хорога пост, в какой же части ее, это будет зависеть от условий тактических по преимуществу и других – хозяйственных и санитарных. Более детальное рассмотрение составит предмет записки упомянутой выше комиссии.

О стратегических неудобствах поста – его обходимости, излишней близости к границе, расположении вне путей – было сказано выше. Необходимо подчеркнуть преимущества Хорогского поста: удобство производства из него разведок; возможность благодаря климатическим условиям – произрастают все виды хлебов, огородных овощей, поспевают дыни, арбузы, абрикосы, хлопчатник, тут, виноград, климат теплый, напоминая южную Европу, – восполнять виды продовольствия отряда; наличность хлеба, фуража и других продуктов, которые можно получать от жителей и т. д.

Пост Ишкашимский.

В юго-западном углу Памиров, в том месте, где р. Пяндж делает самый южный излом, наши владения наиболее близко подходят к англо-индийским – не более 20 верст, например, через пер. Сад-Истрех; недалеко от этого же угла в главном массиве Гиндукуша находится целая группа перевалов: Дара-Аграм, Куксан, Хартита, Сад-Истрех, Мач и др., дающие возможность без труда переваливать Гиндукуш в этой части. Среди перевалов нужно выделить Дара, который по общему признанию путешественников, является доступным для всех родов оружия; кроме того, через Дара всегда лежал большой караванный путь и дорога для нашествий на северо-западный угол Индии.

Возникшая в 1895 году в Англии полемика по Читральским делам вызвала обмен мнений между наиболее авторитетными лицами по северной границе Индии, причем, выяснилось, что перевалу Дара придается англичанами серьезное значение. Кроме того, прилегающие к южному излому Пянджа области с нашей стороны – Вахан, с афганской – Зебак и с английской – сначала долина р. Лутку, а потом долина Читрала, являются областями сравнительно богатыми, могущими доставить все необходимое для отрядов, которые могут здесь оперировать (не более батальона пехоты, сотни казаков и 2-3 орудий).

Исторические данные свидетельствуют, что дорога через пер. Дара (или другие, в смутное время через Нуксан из боязни нападения кафиров) и далее в Зебак, Ишкашим, на Памиры всегда была ареной больших торговых движений. Это была часть знаменитого южного пути для сношений Европы и Западной Азии с Восточной. Вероятно, этим путем вступил на Памиры Марко Поло.

Конец XVIII и XIX век видели эту дорогу запущенной и позабытой, чему главным образом способствовали канджутцы и кафиры, достигшие к этому времени большой силы и специализировавшиеся на грабежах торговых караванов.

В новейшее время в трудах путешественников и исследователей появляются исторические справки о дороге и надежда на ее восстановление. Пока этому мешают запретительные мероприятия эмира и боязливо-осторожное отношение к северной границе Индии англичан.

Афганские войска, расположенные против южного изгиба Пянджа, указаны выше, а именно, войска Файзабадского округа.

Войска англо-индийской армии, расположенные против изгиба, принадлежат к так называемому Читральскому району и состоят из 42-го полка гуркасов, взвода туземной артиллерии, 4 пулеметов и 2 отделений 33-го туземного полевого госпиталя,

расположенных в двух группах: в Дроше – штаб отряда, шесть рот, 2 орудия, 3 пулемета и одно отделение госпиталя; в Читрале – 2 роты, 1 пулемет и отделение госпиталя. Командир района – полковник Брѣс (Bruce Col.) и при нем штаб: начальник штаба – капитан генерального штаба, интендантский офицер – лейтенант, комендант читральского форта – лейтенант. Сила отряда может считаться в 1000 человек пехоты при 2 орудиях, 4 пулеметах и при 14–20 офицерах (в зависимости от командировок и многочисленных назначений).

Сравнивая силу Читральского отряда с другими, расположенными по северной границе Индии, как то в Гилгите, Мастудже, Ясине и других пунктах, мы увидим, что по величине, составу и качеству Читральский значительно превосходит все другие, а это подтверждает, что англичане придают преимущественное значение дороге Читрал – Дара – Зебак – Ишкашим как для оборонительных, так и для наступательных целей.

Беседы с офицерами во время командировки в Индию и с такими, которые основательно знакомы с пограничными делами – как например, подполковник Мак Суини, бывший начальник разведывательного отдела Индии по делам России, капитан Дуглас – его преемник, и др., давали право заключить, что путь Файзабад – Зебак – Дара – Читрал и далее в обход Хайбера в последние годы получил значение не только по сравнению с памирскими путями, но и с другими, выводящими на северо-западную границу Индии.

Нужно к высказанным данным прибавить, что тактические условия, приуроченные к изгибу Пянджа, весьма благоприятны как для наступающего в наши пределы противника, так и для нашего дебуширования. Река Пяндж в этих местах шириной не более 7 сажень, течет не особенно быстро и только в высокие воды – летние месяцы – броды через нее не имеются. В остальные месяцы переход реки не представляет особых затруднений. Кроме того, устье реки, сравнительная плавность течения, удобство берегов и, главное, обилие строевого леса – тополь, покрывающего наш и афганский берег, делают быструю наводку моста вполне возможной.

Сказанные данные показывают, что самая южная излучина р. Пянджа является наиболее важным местом на границе Памиров: здесь возможны наступление как афганских, так и англо-индийских войск, поблизости расположены значительные их части, прилегающие земли богаты предметами продовольствия, тактические условия благоприятны и, наконец, при дальнейшем продвижении наши войска выходят в обход Хайбера и оборонительных позиций Сулеймановых гор, а войска неприятельские могут продвинуться или вниз по Пянджу на Хорог и далее дорогой Гунта или Шах-дары, или пойти вверх по рекам Пянджу, Памиру, через перев. Хоргош на Памирский пост дорогой, открытой и вполне доступной в течение круглого года.

На основании изложенных стратегических, тактических и экономических соображений, излучина должна быть признана важной и занята постом. Пункт, где последний должен быть расположен, должен находиться против Ишкашимской долины и значит быть расположен в кишлаках Ранге или еще правильнее Нуте (или Нюте).

Но как ни ясно само по себе значение Ишкашимского поста и необходимости, чтобы он был строго приурочен к району, противолежащему Ишкашимской долине, тем не менее, пост, как ни один другой, перенес большие изменения как по составу отряда, так и по месторасположению.

При основании пост состоял из 4 казаков, потом усилен до 12 при офицере; далее состоял из 8 казаков и 3 нижних чинов при офицере, и наконец, в минувшем году остался без офицера, так как таковой был отозван на Истыкский пост.

Вначале пост располагался в кишлаке Нют, смотрящем прямо на Ишкашимскую долину; лихорадки, истомившие нижних чинов, заставили перенести пост в кишлак Ранг, в 3–4 верстах выше по Пянджу, и занять под него таджикскую саклю. И здесь обнаружилась болезненность, которая заставила капитана Аносова перенести пост на 20 верст ниже по течению Пянджа, к кишлаку Мульводж, где в настоящее время пост размещен в глинобитной постройке.

Упомянутое шатанье мысли по отношению к Ишкашимскому посту можно лишь объяснить впечатлением, которое производила болезненность чинов поста, и забвением или незнанием важности Пянджской излучины.

Не находя достаточных данных ни в своих личных наблюдениях, ни в отчетах при делах [штаба], чтобы положительно судить о сравнительных гигиенических условиях кишлаков Ньюта, Ранга и Мульводжа, полагаю все же, что мнение о вредности первых двух выводится слишком торопливо: в Ньюте пост располагался слишком близко от болота, а его можно было бы попробовать расположить под горой более высоко, в Ранге жилое помещение – сакля, была такого возмутительно грязного и удручающего характера, что болезненность без труда можно приписать только помещению; и здесь можно было бы поискать место повыше, а здание получше или же выстроить специальное. Другой причиной против расположения поста был недостаток для лошадей подножного корма, но этот недостаток устраняется заменой конного поста пешим; такая замена, как будет затронуто ниже, вполне рациональна.

Во всяком случае, расположение поста против Ишкашимской долины настолько важно по столь многим условиям, что покинуть место из-за одних санитарных условий положительно нельзя, и последние должны быть, сколько можно, улучшены подбором места, построением специального и удобного помещения, высушкой болот, улучшением быта нижних чинов и т. п.

Что же касается до перенесения капитаном Аносовым поста к Мульводжу, то таковое является актом совершенно ничем не оправдываемым. Отряд, исключительно пехотный, отброшенный на переход в сторону от стратегической дороги, отделяемый от нее еще перевалом, на котором два афганских стрелка могут удержать весь наш пост, не может, конечно, выполнять никаких задач, ни оборонительных, ни наблюдательных, и это, конечно, будет не пост, а разве санитарная станция.

К этому следует добавить, что и санитарные условия теперешнего поста не вполне удовлетворительны – сырость, например, бросающаяся в глаза, каковое обстоятельство лишь усугубляет неосновательность переноса поста в его нынешнее место.

Из всего сказанного следует, что Ишкашимский пост – самый важный на границе Памиров – должен быть расположен возле кишлака Ранга по многим причинам, что санитарные условия среди других должны играть подчиненную роль, что они исследованы не вполне осмотрительно, и что улучшение их должно быть достигнуто какими угодно мерами, но не переносом поста.

Лянгарский пост.

Следующим изломом в хребте Гиндукуша, доступном для движения отрядов значительных сил, является месторасположение перевалов Барогиль, ведущего в долину Ярхуна и далее к Читралу или через пер. Даркот в долину Ясина и далее к Гильгиту или к Читрару, Ионова (Суксорават), ведущего долинами Суксорават и Ясин к Гильгиту, и Ир-шоода, ведущего в долину Гунза-Нагар и далее к Гильгиту.

Из перевалов заслуживает внимание первый, остальные два могут иметь значение лишь для движения разъездов или одиночных людей: Ир-шоод доступен ограниченное время и самый характер его открытия не может быть определен по его капризности; перевал Ионова труден и значение его в свое время было излишне раздуто.

Перевал Барогиль, по единодушному выводу русских и английских исследователей, признается самым легким перевалом в Гиндукуше, а туземцы даже и не признают его перевалом, а называют Барогильской степью. Во всяком случае, перевал вполне доступен для всех родов оружия и для колесного движения.

Но нельзя увлекаться чисто техническими условиями перевала и не отметить, что пути, ведущие от него в Индию, имеют серьезные неудобства: долина Ярхуна в летние месяцы почти непроходима благодаря многоводью реки, которую приходится часто переходить вброд, горные же тропы недоступны для вьючных лошадей и тяжести могут быть переносимы только на людях; в зимнее же время, ранней весной и поздней осенью, хотя долина удобна для движения, но это не время для операции на Памирах (нет подножного корма, нестерпимые холода). Другой же путь через Даркот редко доступен благодаря ледникам перевала.

Путь через Барогиль в наши пределы, по достижении Сархада, разветвляется на две

части: а) вниз по Вахан-дарье на Лянгарский пост и далее по Пянджу на Ишкашимский (движение через пер. Мас от долины р. Памира в глубь Памиров маловероятно по трудности пути и перевала Маса) или б) на восток в Малый Памир и далее восточными путями. Пути не представляют больших затруднений, хотя первому варианту движений трудно было бы отыскать достаточной мотивировки.

Торговое значение пути было забито окончательно грабежами канджунцев, ясинцев и других народов пригиндукушских стран, хотя и в старинные времена, по-видимому, оно не процветало, более поздние предложения усилить на пути торговое движение недостаточно обоснованы и едва ли обусловлены солидными знаниями сопредельной географии.

Из частей войск в сопредельных странах, имеющих отношение к путям через соседние с Барогилем перевалы, со стороны афганцев нужно упомянуть о караульщиках: под Барогилем - 8 человек и у Базай-Гумбеца - 4; роль этих небооруженных и сомнительной надежности туземцев ничтожна даже с точки зрения наблюдений.

Англичане имеют по одному офицеру в Мастудже, Ясине и Чиласе: при которых в первом находится 4 джигита, во втором 1-2 роты кашмирских войск имперской службы и в третьем - 1 рота тех же войск. Предназначение войск Читральского округа - для политического наблюдения над Читралом и народами Свата, Баджаура и других соседних стран и для наблюдательных и оборонительных работ на путях Читрал - Дара - Зебак и т. д., настолько серьезно и сложно, что войска эти нельзя будет применить для пути через Барогиль.

Ничтожное количество войск Барогильского района и, главное, их весьма сомнительное достоинство (войска имперской службы) показывают, что рассматриваемым путям англичане не склонны придавать особенного значения, что и вполне основательно.

Наиболее близким пунктом для наблюдения этих путей и обороны против войск, через них дефилирующих, будет место у слияния рек Вахан-дарьи и Памира, около кишлака Лянгар-Гишт; но ввиду разветвления дорог от Сархада, из которых могут быть обе признаны одинаковыми по достоинству, позиция у Лянгар-Гишта не удовлетворяет стратегическому условию - требованию важности.

Таким образом, скромное значение - стратегическое и экономическое - путей через Барогиль, незначительное количество иностранных войск в прилегающем районе и стратегический недочет самой позиции у Лянгар-Гишта делают пост, здесь расположенный, хотя и необходимым, но не оправдывают того значения, которое посту видным образом придавалось.

Подкупали при оценке его тактические особенности р. Пянджа и выгодные климатические и хозяйственные условия прилегающего района. Действительно, р. Пяндж у Лянгар-Гишта и немного ниже у кишлака Зунга сохраняет броды в течение круглого года, но этому обстоятельству нельзя придавать особенного значения.

Форсирование р. Пянджа, вообще не может представить затруднений, в форме ли постройки моста или пользования бродом.

Во времена владычества афганцев наличие постоянных бродов у Лянгра-Гишта и Зунга имела большое значение, давая возможность неприятелю у этих кишлаков незаметно и быстро вступить в Вахан и произвести грабежи и насилия, в других местах это было труднее и таджикам была возможность спастись. Таковое обстоятельство заставляло у места слияния Вахан-дарьи и Памира держать особенные наблюдательные посты и придавать самому месту большое значение. Здесь и теперь видны следы крепостей, подтверждающие, что и в более древние времена место признавалось важным. Подобный взгляд мог бессознательно усвоиться первыми пришедшими сюда русскими и в период смут (возможности набегов афганцев) мог еще быть оправдан, теперь же для него оснований не усматривается.

Что же касается до выгод климатических и хозяйственных, то помимо их второстепенного значения, они не выделяются ничем против выгод на других западных постах.

Итак, у слияния рр. Вахан-дарьи и Памира пост необходим, значение его должно быть

признано второстепенным, а нынешнее помещение, возле кишлака Лянгар-Гишт, вполне целесообразным и оправданным прошлым опытом.

Истыкский пост.

Следующее доступное место в Гиндукуше приурочивается к перевалам Каллик и Минг-тэке. Оба перевала очень удобны, второй открыт почти круглый год, по крайней мере, для почтового сообщения, и оба признаются англичанами важными.

Перевалы ведут в долину Канджута (Гунзы-Нагара), стратегическим и торговым центром которой является Гильгит, находящийся у слияния реки Ясина и Гильгита. Гильгит связан через Бунджи и Астор по мосту на Инде со Сринагаром – одной из двух столиц Кашмира, прекрасной колесной дорогой.

До начала девятисотых годов путь по долине Канджута и далее в Сринагар был совершенно закрыт, так как проходил по стране канджутцев; даже путешественнику нельзя было пройти этим путем и на немногих удачливых всегда приходилось несколько жертв. Кроме того, не имеется и каких-либо определенных исторических указаний на то, чтобы путь этот имел и в более далекие времена особенное военное или экономическое значение. Тем не менее, в новейшее время с постройкой пути Сринагар – Гильгит, с продолжением его до Гунзы, в ближайшем будущем, вероятно, до перевалов Гиндукуша, с успокоением соседних народов и с переменой политики англичан, которые в настоящее время совершенно закрывают рассматриваемый путь, направляя как торговые караваны, так и отдельных путешественников через перевалы Каракорумского хребта – Мустаг и Каракорум, нужно ожидать на рассматриваемом пути большого торгового оживления.

Сравнительные оценки путей с торговой точки зрения Сринагар – Каракорум – Кашгар и Сринагар – Гунза-Нагар – Кашгар вполне убедительно отдают предпочтение второму и нужно думать, что с открытием его, первый будет совершенно покинут.

Важное значение пути обуславливается тем обстоятельством, что он является самым кратким, удобным и лучше всего базированным (на Кашмир и Сринагар, в частности) для операций на Памиры или Кашгарию. В виду давнишних претензий англичан на Кашгарию и, отчасти, Тибет, имеющих за собою почти тридцатилетнюю давность, значение пути для операций против Кашгарии должно быть особенно подчеркнуто.

Англо-индийские войска, приуроченные к пути, принадлежат к так называемому Гильгитскому округу и состоят из двух рот 43-го полка гуркасов, расположенных у устья рек Ясина и Гильгита, двух полков кашмирских войск имперской службы, из которых один является сосредоточенным в Гильгите, от другой роты по одной или двум командуются в Чальт, Ясин и Чилас; двух 7-фунтовых пушек, находящихся в Чиласе, и некоторого числа кашмирских орудий старого образца.

Из того, что войска Гильгитского округа весьма неудовлетворительного качества, нельзя выводить заключение, что пути по Гунза-Нагару и своей границе в данном месте англичане не придают большого значения.

Учреждение Гильгитского политического агентства, специальные экспедиции полковника Локхарта в 1885–1886 гг. и капитана Дюранда в 1888 г., живой интерес к месту политической прессы, мнения путешественников – все свидетельствует, что англичане весьма ценят путь и признают за ним большое значение.

Во всяком случае, нельзя не подметить шатанья мысли и какой-то нерешительности в руководящих кругах Индии по отношению к Гильгиту, что можно объяснить щепетильностью к владениям Кашмирского магараджи, не вполне сознательной оценкой его войск и возможностью ими выполнять пограничные обязанности (некоторые военные писатели придают войскам значение, другие считают их недисциплинированным и дурно содержимым сбродом), большим влиянием на решение вопроса финансовых (весьма крупных) издержек и т. п.

Но повторяю, путь англичанами признается весьма важным и этот именно взгляд, а не другой, должен для нас являться одной из отправных точек для соответствующих

решений.

Данные англо-индийских газет последнего времени (ряд статей, касающихся вопроса об отозвании из Гильгита рот 43-го полка), сведения о проведении дорог и интригах английской администрации среди киргизов долины р. Кара-чукура подкрепляют деятельное отношение англичан к пути по Канджуту. Для полного понимания пути нужно заметить, что перевалы Каллик и Минг-тэке выводят в долины рек Вахджира и Кара-чукура, владения афганцев и китайцев (строгой границы нет), и что на дальнейшем движении в наши пределы стоит хребет Муз-таг с перевалами Кок-турук, Кипчак, Михман-джулы, Беик и другими; из них Михман-джулы лежит на кратчайшем пути в наши владения, почему всегда выбирался и выбирается киргизами и часто путешественниками, хотя представляет некоторые физические затруднения и закрыт не менее 8 месяцев в году, а Беик является прекрасным перевалом, открытым круглый год и доступным даже для артиллерии.

Поэтому районом в наших владениях, занимающим выходы канджутского пути, является долина р. Ак-су от пограничного столба до горы Ак-таш включительно, на востоке.

Пост, расположенный в этих пределах, будет удовлетворять требованиям стратегическим и экономическим.

В действительности же пост наш располагается на р. Истык, в 20 верстах от впадения ее в Ак-су.

Историческая справка показывает, что в то время, когда сфера нашего влияния на Памирах простиралась до линии, проходящей через восточный край Ранг-куля, по рекам Истыку, Аличуру и через селение Орошор в долине р. Бартанга, расположение поста у Истыка являлось не только понятным, но и единственно возможным; но для подобного расположения теперь совершенно нет никаких оснований, да и приводимые – климатические и хозяйственные, не имеют за собою достаточных данных.

Прежде всего, в то время как остальные посты при центре на Мургабе располагаются у самой границы и имеют возможность выполнять свои задачи не только посредством развозов, но и просто «на глаз», ибо некоторые выходы из соседних стран находятся не далее пределов зрения, Истыкский пост отброшен на 40-50 верст от китайской границы к западу и на 50-60 верст от китайско-афганской к северу и, значит, требует выполнения задач 2 пеших переходов или одного форсированного казачьего, считая в одну сторону.

Этот непонятный излом расположения поста внутри от границы является уклонением от общей идеи, проведенной при расположении постов на Памирах, нарушает аналогию в порядке выполнения потовых обязанностей, вызывает исключительные §§ в общей инструкции для постов и уже заранее намекает на наличность какой-то ошибки или просмотра.

Ненормальность расположения поста сознавалась давно, что и сказывалось или в частых переменах в его расположении или в отделении на летнее время от Истыкского поста отдельных, располагавшихся ближе к границе.

Так, в июле месяце 1895 года пост располагался у подножия пер. Беик, но ввиду того, что высота расположения и снежные метели имели вредное влияние на состав поста (в короткое время пребывания пала скоропостижно от паралича сердца лошадь казака, а один казак часто страдал сильными припадками горной болезни), пост был перенесен к Кызыл-рабату, где оставался некоторое время. В дальнейшем пост располагался частью у Кызыл-рабата, частью у Андиманына; потом зимой у Истыка, а летом у Кызыл-рабата и Джарты-гумбеза; потом у Истыка с отделением на лето нескольких казаков к Кызыл-рабату, и, наконец, в последнее время пост был удержан у Истыка. Уже эти многочисленные перемены свидетельствуют, что теперешнее расположение поста неудовлетворительно и требовало некоторых (систематических) поправок, которые как полумеры едва ли вполне поправляли дело.

Первым и самым главным недостатком расположения у Истыка является его неудовлетворение стратегическому требованию: он стоит в стороне от главных путей в Восточных Памирах и без всякого труда обходится, причем, удаление поста от сети дорог настолько резко, что нельзя даже выполнить наблюдение (разумеется, в тревожное время) посредством усиленных развозов.

Восточные Памиры по природе являются плоскогорьем, легко доступным во всех частях и изобилующих поэтому путями. Пост, замыкающий последние, по необходимости должен выноситься к пункту, исходному для путей, или к соответствующей группе пограничных перевалов.

При теперешнем расположении пост обходится: а) долиной р. Ак-су, прекрасной дорогой в течение круглого года; б) путем: перевалы Гиндукуша – перевал Кызыл-рабат – Сары-таш – ур. Кара-су; и в) другими путями.

Кроме того, пути с Каллика и Минг-тэке к западу по р. Кара-чукуру или бóльшей важности, к востоку от Тагдумбаш-Памир настолько удалены от Истыкского поста, что о движениях по ним англичан и караванов узнается очень поздно, только через туземцев и достигает штаба в форме преувеличенной и извращенной.

Остановиваясь на других сторонах, связанных с расположением поста у Истыка, придется усмотреть, что и таковые неблагоприятны сравнительно, например, с расположением поста у Ак-таша, которое будет в нижеследующем отстаиваться.

Высота расположения Истыкского поста превосходит таковую подножья Ак-таша не менее как на 1 т. футов и, вероятно, будет достигать 14 т. фут., судя по характеру падения рек Ак-су и Истыка и по особенностям рельефа прилегающей местности, а такая высота для жизни на Памирах должна быть признана более предельной; ветры на Истыке дуют почти каждый день с силой ураганов, несколько затихая лишь в зимнее время: как офицеры, так и нижние чины единогласно свидетельствуют об удручающем впечатлении от этих систематических и сильных ветров. Особенная заболеваемость на людях Истыкского поста не была подмечена, может быть благодаря тому обстоятельству, что пост почти никогда не оставлялся на том же месте и люди имели возможности переменить условия жизни и отдохнуть в более здоровых районах, но на лошадях пребывание на Истыке сказывалось очень неблагоприятно: пали менее чем в два года девять лошадей, по-видимому, от паралича сердца или разрыва кровеносных сосудов. Климат на Истыке благодаря высоте места, систематическим ветрам и отсутствию какого-либо укрытия является очень суровым и тяжелым для жизни.

Хозяйственные условия расположения поста, как и перечисленные гигиенические, также неудовлетворительны. Подножный корм, слишком кратковременный, должен быть признан неудовлетворительным; на его достаточность можно рассчитывать не более 3–4 месяцев в году, остальное время лошади могут только просуществовать, ниспадая до такого состояния, которое лишает их возможности выполнять хотя бы сносно свои обязанности.

Киргизы кочуют не ближе 20 верст от расположения поста, что является большим хозяйственным неудобством, так как для киргизов трудно выполнять некоторые работы, для поста необходимые, как, например, доставлять мясо, масло, молоко, терескен для топки и т. д.

Точно также весьма трудно организовать транспорт для перевозки тяжестей, собрать вьючный скот и рабочих.

По тактическим условиям расположение поста является удовлетворительным, не представляет каких-либо заманчивых достоинств. Пост расположен в широкой, ровной и открытой долине р. Истыка, похожей на степь; имеется достаточное число путей отступления – вниз по Истыку и далее по Ак-су, вверх по Истыку с возможностью выхода на Памирский пост или, наконец, прямо на север через Сары-таш и Кара-су к Мургабу же; разнообразные дороги для наступления, демонстраций и разведок; опорных пунктов возле поста нет, хотя река Истык в некоторой степени может прикрывать боевое расположение.

Ввиду изложенных недостатков расположения Истыкского поста – санитарных, хозяйственных, а, главным образом, резко неудовлетворительных стратегических, приходится признать, что таковое нежелательно, и что пост должен быть перенесен в другое место.

При рассмотрении пунктов указанного выше колена р. Ак-су, как пригодного для расположения поста, особенно удобным является устье реки Улькук-ею-Джулы, впадающей с левой стороны в Ак-су и приходящейся прямо против горы Ак-таш. Нужно

упомянуть, прежде чем остановиться на анализе данных проектируемого расположения, что на Истыкский пост кроме наблюдения и охранения выходов через Гиндукуш у перевалов Каллика и Минг-тэке возлагалось по условиям географическим и экономическим наблюдение за группой Сарыкольских перевалов, выводящих в Ак-су от пограничного столба на западе приблизительно до устья р. Истыка, каковы Шинди, Чашман, Бердиш, Тузакчи, Кульма.

Перевалы всегда играли большую роль ввиду притязаний китайцев на Памиры, владения частью их в течение 15–17 лет, а в последнее время благодаря усиленной политическо-рекогносцировочной работе англичан по направлению к Кашгарии, вообще, и Сарыколу, в частности.

Из перевалов особенно нужно отметить: Кульму, весьма удобный перевал, доступный круглый год, и зимой исключительно перед другими используемый караванами; Бердыш, мало по легкости уступающий первому, и, наконец, Шинды, лежащий на кратчайшем пути, ведущем к Ташкургану (не более 50 верст от Ак-таша), часто выбираемый путешественниками и непроходимый лишь в высокие воды.

Исходя из соображения, что пост, располагаемый ныне у Истыка, должен иметь под наблюдением как пути, ведущие с указанных перевалов Гиндукуша, или, что тоже самое, с перевалов Муз-тага: Беика, Михман-юлы, Кипчака и Кук-турука, так и пути с южной группы Сарыкольских перевалов (выше указанных), нужно признать, что место против Ак-таша у устья Улькун-ею-джулы удовлетворяет вполне стратегическим требованиям.

Оно замыкает все указанные дороги, причем, начала некоторых из них и притом самых важных – Беика и Шинды, лежат в пределах зрения с поста и могут быть просто наблюдаемы дневальным. Не только движение групп людей и караванов, даже движение одиночных людей при посредстве наших джигитов, наблюдающих перевалы, может быть легко контролируемо с этого поста.

История говорит, что место у Ак-таша всегда признавалось народами важным (стратегически), здесь всегда были посты и воздвигались даже кладки, прочности и объемов для Памиров необычайных.

Выводы английской политической и военной литературы отдавали должное району Ак-таша.

Тактические условия проектируемого расположения вполне удовлетворительны.

Устье реки заканчивается небольшой площадкой, командующей над всей прилегающей местностью; обстрел и обзор прекрасны. Река Ак-су прикрывает расположение и обеспечивает фланги позиции. Путей отступления несколько: вниз по долине Ак-су, вверх по ней и, наконец, непосредственно на север через два безымянных перевала, ведущих к перевалу Бурю-курмез и далее к теперешнему расположению поста.

Санитарные условия расположения настолько удовлетворительны, насколько они могут быть таковыми на высоте 13 т. футов. Во всяком случае, по общему признанию киргизов, которым приходится довольствоваться за отсутствием других опытных данных, ветры по Ак-су бывают, но слабее чем по Истыку; воздух много легче, чем на Истыке.

Большое сомнение вызывают болота, которыми изобилует долина Ак-су около Ак-таша; боязнь сырости, а вследствие ее и заболеваний, имели значение против выбора Ак-таша. На это нужно заметить, что болотам придавали на Памирах излишнее значение и, как опыт показал, довольно ошибочно. Так, например, наличие болот по Мургабу около Памирского поста считалась опасной и ей вначале приписывали болезненность на посту, но дальнейшие наблюдения показали, что болота не представляют ничего опасного и с устранением других неблагоприятных условий – улучшения помещений нижних чинов и пищи, болезненность была устранена, не наблюдается она и в настоящее время.

К болотам на Памирах нельзя применять общепринятого гигиенического масштаба; Восточные Памиры являются страной с ничтожным количеством атмосферных осадков, с разреженным воздухом и с систематическими ветрами, почему сырость болот не может оставаться на том же месте и всякая местность быстро вентилируется постоянными течениями крайне подвижного воздуха. Кроме того, все болота при более внимательном исследовании оказываются сетью проточных ручьев, а не водоемами со

стоячей водой. Поэтому, бояться болот у Ак-таша едва ли основательно.

Все киргизы, по крайней мере, утверждают, что местность у Ак-таша здоровая, что ни люди, ни лошади какими-либо болезнями здесь не страдают.

Хозяйственные условия поста у Улькук-ею-джулы могут считаться выше таковых же у Истыка. Киргизы круглый год остаются в долине Ак-су, почему рабочая сила, вьючные животные, продукты питания, топливо – все это под рукою.

На основании изложенного позволительно сделать вывод, что расположение нашего поста у Истыка, как неудовлетворительное, должно быть упразднено и пост должен быть перенесен к устью р. Улькук-ею-джулы. Но ввиду того, что сравнительная оценка санитарных условий Истыкского и нового постов выведена из оснований до некоторой степени предположительных, было бы целесообразнее перенести сначала пост в указанное место в виде опыта на некоторое время, с тем, чтобы окончательно проверить те условия, которые недостаточно ясны, и сделать также иные дополнительные наблюдения. Это не представит особых затруднений, так как люди на Истыкском посту располагаются в юртах и перенести таковые в новое место вполне легко.

Пост Ранг-кульский.

Сарыкольские перевалы могут быть сведены к двум группам: южной, которая была пересчитана выше, и , в которую входят перевалы (начиная с юга) Сары-таш, Муз-куру, Тах-терек, Чок-китай, Ак-берды, Арам-аты и Ой-балгын; последние два могут иметь лишь второстепенное значение, как лежащие на неудобных и кружных путях. Все перевалы сходятся в Ранг-кульской котловине.

Это обстоятельство делает саму котловину важной и расположение в ней поста стратегически необходимым. Такая необходимость подчеркивается еще тем обстоятельством, что через Ранг-кульскую котловину обходится Памирский пост, а с ним, значит, и остальные посты Памиров, поэтому, положение будет на «весу», если его не закрепить постом у Ранг-куля. Торговое значение пути, идущего с северных перевалов через котловину и далее на Гульчу и Ош, всегда имело только местное частное значение, так как предпочитались другие дороги, более краткие и удобные для связи центров Ферганы с центрами Кашгари.

Наличность истари китайского поста в котловине и бывшие столкновения между нами и китайцами подтверждают значение котловины и говорят в пользу того, что в случае осложнений с Китаем она может явиться частным театром и что в этом направлении возможно ожидать, по крайней мере, демонстративных действий.

Из китайских войск, расположенных против котловины, нужно упомянуть, не считая резервов в районе Кашгар, Янги-шаар, Янги-гиссар, отряд в Булун-куле – 2 офицера, 200 человек пехоты, включая сюда и джигитов-киргиз, при 2 орудиях и отдельные наблюдательные посты, как например, в Тар-баши (крепостца, в которой находится провиантский магазин) с 6 китайскими солдатами, у перевала Ак-берды с 6-ю же и т. п.

В настоящее время наш пост располагается в 7 верстах к востоку от озера Ранг-куля в юртах среди равнины. На основании вышеизложенного нужно признать такое расположение поста стратегически вполне обоснованным, что же касается до других условий, то хозяйственные и, как показал опыт, гигиенические в достаточной мере выполняются, а тактические не вызывают особых возражений, могут быть (да и должны) улучшены при пособии военных инженеров.

Состав постов.

Рассматривая вопрос о составе постов нужно отметить резкую разницу, которая существует между Восточными и Западными Памирами: первые являются страной степной, приютом кочевника, годной для действий кавалерии, и вторые – пересеченной, изрезанной реками и долинами, земледельческой, годной для действий пехоты. Насколько на Восточных постах нечего делать пехоте, ибо кругом конные люди,

двигаться пешему на высотах трудно, держаться в бою не за что; настолько тяжело работать кавалерии на Западных Памирах, ибо двигаться по долинам, устланным сплошным камнем и пересеченным горными потоками, для лошади весьма трудно, два-три пехотинца могут задержать наступление целого конного взвода, действовать придется, как показывает состав прилегающих англо-индийских и афганских войск, исключительно с пехотой.

Поэтому, казалось бы, Восточные посты на Памирах должны быть исключительно конными, а Западные – пешими, с придатком к последним одного-двух отделений казаков.

Более детальное определение количества людей на каждом посту не представляется необходимым, да для него и нет разумных данных. Довольно привести два основных руководящих положения, естественно вытекающих из всего, сказанного выше о постах:

- 1) Из Памирских постов офицерскими должны быть Памирский, Ак-ташский, Ишкашимский и Хорогский, и
- 2) По количеству людей на постах, а значит, и по важности последних, они могут быть распределены в такой последовательности: Памирский, Ак-ташский, Ишкашимский, Хорогский, Ранг-кульский и Лянгарский.

Производство разведок.

Как уже было упомянуто, одной из важных особенностей Памиров является возможность и удобство производить с них разведки по разнообразным направлениям, а значит, и изучать сопредельные страны, ибо по отношению к некоторым из них других источников мы даже и не имеем. На эту выгоду Памиров неоднократно делались указания, как в официальных отчетах, так и в отдельных заметках. В английской литературе также делается упоминание об этом обстоятельстве, причем, высказывается удивление перед тем фактом, что чины Памирского отряда не только прекрасно ориентированы в области текущей жизни Афганистана, Западного Китая и Северной Индии, но даже знакомы с тайными планами и направлениями сопредельной политики.

Изучение сопредельных народов в целях ли лучшей подготовки к войне с ними или для того, чтобы стать с ними в более выгодные политические или торговые отношения, всегда признавалось и признается делом необходимым. Было бы, конечно, не трудно осветить вопрос историческими примерами, начиная с Тамерлана, с его знаменитой организацией разведывательной службы, или остановиться на работе немцев перед кампанией [18]70–71 годов, или хотя бы ограничиться примерами из истории завоевания Туркестана и предшествовавших ему разведывательных работах в штабе Оренбурга, если бы дело не говорило само за себя.

Как разведывательная инстанция Памиры являются чуть ли не самым важным районом среди других. Если, сообразуясь с географическими условиями и с результатами, имеющимися в делах штаба, определить какие разведывательные работы выпадают на долю каждого из соответствующих органов в Туркестане, то можно сказать, что:

- а) штаб 2-го [Туркестанского армейского] корпуса изучает Восточную Персию, Гератскую провинцию Афганистана и Сеистан – персидский и афганский.
- б) Керки – западную часть Чарвилаета, захватывая немного восточную часть Гератской провинции, не переводя своих работ за Гиндукуш и его западные отроги.
- в) Термез – восточную часть Чарвилаета и Каттаган, также не переходя за Гиндукуш.
- г) Кашгар – Западный Китай (Кашгарию) и отчасти Северную Индию.
- д) Кульджа – части Западного Китая, соприкасающиеся с Семиреченской областью.

Разведывательные работы, производимые пограничной стражей, столь ничтожны и отличаются таким случайным и чисто эпизодическим характером, что не представляют источника полезного и систематического.

Относительно консульских донесений нужно заметить, что военный элемент в них отличается неясностью и редко бывает проверен критически, но зато политические и экономические стороны представляют весьма часто картину обстоятельную и полную интереса.

Из обзора вытекает, что на долю Памиров выпадает изучение Бадахшана, Загиндукушского Афганистана, Северной Индии и, отчасти, Западного Китая (а до прихода наших офицеров в Кашгар и после возможного ухода их оттуда полное наблюдение за Кашгарией).

Такая широкая и ответственная программа делается выполнимой благодаря особенно благоприятным географическим и этнографическим условиям Памиров.

Страна эта широким клином врезается в чужие земли, следуя афганской территорией на протяжении 200 верст, китайской - 180, и доходя на юге почти до Гиндукуша, и значит, почти до английских владений в Индии. Такое географическое положение делает расстояние до центров сопредельных стран близким и возможность торговых и других сношений неминуемой. В самом деле, от Ишкашимского поста до Кабула не более 10 дней хода, оттуда же через Зебак до Читрала не более 4 дней, от Ак-таша до Гильгита долиной Канджута 6-7 дней пути, от Ак-таша до Ташкурмана один переход, и до Кашгара 6-7 дней пути.

Другое удобство Памиров для разведок обуславливается тем, что население их находится в тесном родстве и многообразных связях с населением ближайших районов сопредельных стран.

Припамирские ханства населены таджиками - магометанами шиитского толка, ими же населена левобережная часть Пянджа или Бар-Пяндж, как называют ее туземцы. Между жителями обоих берегов много родственных связей, так что они не только отдают своих дочерей «через реку» в замужество или сами берут их в жены «из-за реки», но нередко бывает и так, что целая семья или родственная группа живет, разделенная Пянджем, т. е. один брат на той стороне, другой - на этой, отец в Бар-Пяндже, сын - в наших владениях и т. д.

История показывает, что река Пяндж никогда народом не признавалась границей, например, хан Шугнана жил в крепости Кала-и-Бар-Пяндж, а подвластное ему население частью на левом берегу Пянджа, частью на его правом и по боковым притокам - Гунту и Шах-даре.

По реке Пянджу нередко встречаются следы мостов, свидетельствующих о бывших частых сношениях через реку.

Вскоре по занятию нами Припамирских ханств первой из работ был передел земель и взаимная передача некоторых участков правого берега, принадлежавших Бара-Пянджским таджикам, - нашим, и участков левого берега, составлявших собственность наших таджиков, - заречным... Настолько мало поземельное владение было приурочено к какому-либо определенному берегу р. Пянджа.

Взаимное тяготение между жителями обоих берегов и потребность общения весьма понятно имеют место и поныне, и меры с нашей и афганской сторон к воспрепятствованию сношений имеют мало успеха.

Подобная же родственность наблюдается и на восточной границе Памиров между нашими и китайскими киргизами. Здесь уже совершенно нет естественной, т. е. географической и этнографической границы, ибо в глазах киргиза, имеющего дело с перевалами Памиров, таковые Сарыкольского хребта не могут представлять какого-либо веса. Поэтому понятно, что между киргизами восточных и западных склонов Сарыкола были постоянные сношения - родственные, хозяйственные, житейские и другие, которые наблюдаются и теперь. Всегда киргизы рождались между собой посредством браков, вступали в хозяйственные сделки; китайские киргизы приходили в наши пределы для участия в Ак-ташских и Ранг-кульских скачках, наши участвовали в ихних и т. п.

Что же касается до южной границы Памиров, то хотя наука не установила еще точно этническую принадлежность народов Пригиндукушских стран, но все же, возможно уже сделать вполне обоснованное предположение, что народы эти стоят в весьма отдаленной

этнической связи с таджиками Памиров, а с киргизами и подавно, и что говорят они на языках особенных, памирскому населению непонятных. Тем не менее, то обстоятельство, что часть жителей Читрала исповедует магометанство шиитского толка, а жители Гунзы видоизмененное магометанство (называется мулаи), в некоторых частях близкое к шиитству, делает сношения таджиков с жителями Пригиндукушских стран весьма легкими и частыми.

Во время разгрома Шугнана, Вахана и Рошана афганцами немало жителей спаслось в Читраре и Канджуте, причем, в первом жители оставались очень долго, и некоторые возвращаются в наши пределы только теперь.

Рассказы таджиков о том времени, которое они провели среди читральцев и канджутцев, полны похвал и благодарности к приютившим их хозяевам.

Вышеизложенные обстоятельства указывают, как легко и удобно на Памирах производятся разведки: таджик или киргиз без труда проберется к своим заграничным родственникам или единоверцам, а через них и далее в глубины соседних стран, от него не убережется никакая тайна, да, наконец, все новости, слухи, события сами собою будут перебрасываться через те рубежи, которые являются таковыми лишь для карт и договоров, но не признаются таковыми в глазах прилегающего населения.

Итак, обширная и важная программа предметов исследования и удобство выполнения ее по этнографическим и географическим причинам, делаю Памиры важной разведывательной инстанцией, тем самым, и оттеняют и их общее для России значение.

Как же организована разведка и изучение сопредельных стран со стороны Памиров?

В последние годы для производства разведок отпускается специальная сумма в размере 3000 рублей в год. Достаточна ли эта сумма для назначенной цели или слишком ничтожна, вопрос не из легких. При обсуждении его много путают дело сами собою напрашивающиеся соображения о том, что разведчики [из числа туземцев] будут сидеть на месте, а посылать или слухи или выдумки; что нельзя иметь гарантии, что такая-то сумма действительно пойдет по назначению; что разведчики народ неподготовленный и не умеют вздора отличить от серьезных вещей.

Но такова уже природа самого дела: еще до завоевания нами Туркестана производство разведок посредством людей, соприкасающихся с Хивой, Бухарой и Кокандом, много вызывало даром брошенных денег, надувательств со стороны разведчиков и т. п., не иначе стоит дело и у англичан, с той разницей, что их в денежном отношении еще более обманывают, чем нас. В Азии нет других источников изучения противника и достаточно знать историю, работу у других народов, например, у англичан, и не упускать из виду руководящей идеи о необходимости систематического и упорного изучения соседей, чтобы не смущаться перед суммою неудобств, в вопросе о разведках неизбежных.

Нельзя забывать, что дело разведки было всегда искусством, но не наукой, что контингент людей, работающих в сфере этого искусства, всегда был нравственно неудовлетворен, и, в-третьих, крупные результаты разведок (добыча тайных планов, сочинений, секретных распоряжений) являлись часто внезапно, неожиданно, и значит, в деле разведок играл большую роль аккредитив распоряжающегося разведкой, а не постоянное ассигнование, которое по природе своей не может, да и не должно быть значительным.

Поэтому, нельзя сказать, что 3000 рублей является суммой ничтожной и скорее следует ее признать достаточной при систематически направленной и благоустроенной разведке, но при этом следует поставить начальника Памирского отряда в такое положение, чтобы в случае наличности важной разведывательной задачи или возможности заручиться влиятельным и знающим лицом, он мог бы не стесняться применением большей суммы, например, до 5-10 т. рублей.

В настоящее время разведку на Памирах следует признать недостаточно налаженной. Так, например, за минувший год 1900-1901 (считая с мая по май, между временем смены одного Памирского отряда другим) в штаб округа были доставлены лишь сведения о повальной болезни около Зебака, о движении афганского разъезда по левому берегу р. Пяндж и далее по Вахан-дарье и периодические донесения о расположении наших постов и таковых же наших соседей в прилегающих районах. Данные донесения

совсем не представляли какого-либо интереса.

Поскольку можно судить из донесений и личного наблюдения, разведки производятся посредством опроса киргизов, путешественников и отдельных людей, приходящих в наши пределы или идущих в чужую землю, и посредством периодических посылок наших разведчиков. Последний прием вызывается наличием какой-либо текущей задачи или, чаще всего, необходимостью проверить слух. Два указанных приема сами по себе являются недостаточными, ибо сведения, получаемые ими, будут случайны, не специальные, полны хлама, неточны; в приемах нет руководящей идеи, нет программы. Если бы страны соседние были солидно изучены, то тогда опросы киргизов или проверочные посылки джигитов, имея под собою основание, являлись, может быть, и достаточным дополнением, но теперь этого не может быть.

Второй прием оказывается еще менее действительным потому, что весьма часто посылают для проверки сведений или собирания новых постовых джигитов. Но так как некоторые из джигитов служат давно, например, на Хорогском посту с основания его, принадлежит к видным людям, например, три брата из сеидов, старший из которых, Мансур, играл весьма видную роль при занятии нами Припамирских ханств, то их не только знают на всех Памирах, но во всем Афганистане, Северной Индии и, вероятно, Кашгарии, и знают в лицо. Посылать таких людей на разведки за границу равносильно отказу заранее от всякой удачи, а в худшем случае такая посылка грозит посланному каким-либо насилием, если не смертью. Так, посылка капитаном Аносовым джигита Мансура в Кабул для проверки слухов о смерти Абдуррахмана окончилась тем, что джигит был схвачен, претерпел всякие мытарства и кружным путем – через Пешавер и Читрал, был переслан на Памиры. Другой джигит – Масуд, посланный для выручки первого, своего брата, или для проверки слухов об его арестовании, не дошел дальше Зебака, был задержан здесь под арестом и возвращен назад.

К отрицательным сторонам организации разведки в настоящее время придется отнести и недостаточное знакомство начальников как с литературой вопроса, так, главным образом, с работами предшественников. Первое дело нелегко поправимо, второе может быть и должно быть устранимо.

Пользуясь данными разведок в округе, имеющимся уже опытом годов по отношению к Памирам и общими соображениями, позволительно наметить такую схему разведок на Памире. Она должна быть ведена:

- а) посредством разведчиков, постоянно живущих в центрах политической и военной жизни сопредельных государств;
- б) посредством систематического опроса всякого люда, приходящего из чужих стран или идущего в них; в последнем случае желательно снабжать идущих инструкцией или, еще лучше, присоединять к каравану своего человека;
- в) посылка лазутчиков в целях поверки слухов или сведений, или выполнения текущих разведывательных задач, по возможности опытных и в соседних странах неизвестных;
- г) изучение соответствующей текущей литературы. Последний способ разведки, по природе материала, должен быть взят на себя окружным штабом.

Иметь постоянных разведчиков в больших городах очень трудно, но это неизбежно; без этого вся организация будет неполна и неустойчива, почему указанного помещения разведчиков нужно добиваться во что бы то ни стало.

Чем более пунктов было бы выбрано, тем было бы лучше, но нижеследующие не должны быть упущены: Файзабад, Кабул, Пешавер, Читрал, Ташкурган, Хотан, Кашгар.

Определяя жалование разведчика в 30–50 рублей в месяц, получим общую сумму, вызываемую показанной разведывательной сетью, – 210–350 рублей в месяц, или 2520–4200 рублей в год; выбрасывая три последних пункта, посылать в которые разведчиков, пока в Кашгарии находится наш офицер Генерального штаба с помощниками, не представляется необходимым, получим сумму в 1440–2400 руб. в год.

Желательно снабдить разведчиков инструкцией, не стеснительной и широкой, так как об Афганистане, например, нам интересно знать все (не только одну военную сторону, но

историческую, географическую, экономическую и другие), и подготовить их топографически, т. е. научить определять расстояние по ходу лошади или другим предметам, ориентировать пункты и т. д. Конечно, было бы много надежнее добиться помещения наших консулов в городах Афганистана, к этому надо идти, можно имеющиеся торговые связи выставить поводом, а стесненное положение Англии использовать, как подходящий случай, но пока консулов наших в Афганистане нет, сказанная мера остается единственной по солидности и прочности возможных результатов.

Как бы ни казались все эти желания теоретическими, книжными, продиктованными с точек зрения «птичьего полета», все же надо повторять и повторять необходимость изучения сопредельных стран и Афганистана, в особенности. Последний мы совершенно не знаем, не можем даже обрисовать его физиономии как государственного организма или народной группы, не можем понять, какая эволюция совершается у нашего соседа, а между тем, что-то делается – крупное и радикальное.

Что же касается до других приемов разведок, то они, кроме тех выяснений, которые попутно при оценке современного состояния разведок были высказаны, дальнейших и не требуют.

Памирские ханства Вахан, Шугнан и Рошан.

Согласно инструкции 26 мая 1897 года, начальник Памирского отряда лично сам и через начальников постов наблюдает, чтобы уполномоченные бухарским правительством относились к жителям справедливо, не позволяли бы себе неправильных поборов, за забираемые для себя предметы или продукты уплачивали бы по действительной стоимости.

2) В случае поступления жалоб жителей на несправедливости или обиды со стороны бухарских чиновников, русским офицерам отнюдь не входить в переписку с бухарскими властями, а, проверив справедливость заявляемых претензий или обид, стараться нравственным воздействием в личных переговорах склонять бухарских чиновников к справедливому отношению к жителям и удовлетворению законных претензий последних, угрожая в случае надобности, донесением по своему начальству для воздействия через бухарского эмира. Проверая разного рода жалобы местных жителей, следует неупустительно иметь в виду, не приносятся ли эти жалобы по наущению людей, имеющих цель поселить раздор, недоброжелательность местного населения к бухарским чиновникам. При теперешних существующих дружеских отношениях бухарского правительства с русским нравственное воздействие представителей русской власти в бухарских владениях, несомненно, является лучшим средством для установления справедливых отношений бухарских чиновников к местным жителям областей, находящихся под покровительством России.

В последнее время последовала инструкция «не вмешиваться» в отношения бухарской администрации к местным жителям.

Для того, чтобы подойти более последовательно к вопросу об наших отношениях к Припамирским ханствам вообще, необходимо коснуться истории самого вопроса и тех стадий развития, через которые он проследовал.

При переговорах с английским правительством по памирскому вопросу и разграничению сфер влияния, между прочим, было постановлено, чтобы границей Афганистана к западу от озера Зор-куль (Виктория) служила река Пяндж, как это было установлено еще в 1873 г., и чтобы сообразно этому афганский эмир очистил восточные части Шугнана и Рошана, лежащие на правом берегу Пянджа, а бухарский эмир – южную часть Дарваза, лежащую по левому берегу этой реки. Правительства русское и английское обязались употребить свое влияние на обоих эмиров, чтобы означенные очищения местностей действительно были приведены в исполнение.

При этом был выработан и самый порядок взаимной передачи земель, имевший целью устранение всякого участия со стороны России и Англии, и сводившийся к предоставлению дела передачи распоряжениям бухарского и афганского правительств.

Но в случае сказанного направления нашей границы по Пянджу эмир бухарский Сеид-Абдул-Ахад лишился принадлежавших ему дарвазских бекств на левом берегу Пянджа, и возникал вопрос о вознаграждении эмира, так как необходимость последнего считалась неоспоримой. В докладной записке бывшего политического агента в Бухаре статского советника Лессара, ныне русского чрезвычайного посланника и полномочного министра в Пекине, которая была повергнута на воззрение ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III, была проведена мысль, что способов вознаграждения могло бы быть два – денежный и территориальный. Первый признавался весьма неудобным; хотя бекства по южную сторону Пянджа приносили эмиру ничтожный доход, но не потеря двух или трех тысяч считалась тягостной для Сеид-Абдул-Ахада, а унижение, связанное с утратой, без всякой вины с его стороны, части его владений. Предполагалось, что подобный исход дела произвел бы весьма невыгодное впечатление не только в ханстве, но и в Средней Азии вообще.

Рядом с этим рекомендовалось территориальное вознаграждение в форме подчинения частей Рошана и Шугнана, относящихся к нам, Бухаре. Высказывалось, что «оно (вознаграждение) не представит для нас никаких неудобств, так как будет чисто номинальным и выразится лишь поднесением эмиру подарков от местных правителей, подобно тому, как это делалось прежде вассалами Бухарского ханства. Действительное управление страны, конечно, останется в руках начальника русского гарнизона, расположенного где-либо недалеко от Пянджа. Но самолюбие бухарского эмира было бы удовлетворено и он охотно подчинился бы условиям, которыми подобное решение было бы обставлено.

Ввиду бедности и разоренности населения Рошана и Шугнана, эмир, без сомнения, удовольствуется весьма незначительными подарками. Вообще очень щедрый, в подобных обстоятельствах он будет богато одаривать местных правителей, что составит для них, быть может, не ничтожную субсидию».

Упоминались при этом возражения, сводившиеся к тому, что между памирскими округами и Бухарой затруднительны пути сообщения, и что жители Рошана и Шугнана не расположены к бухарскому владычеству. Против первого – не говорилось по существу, а приводилось наблюдение, что на Памирах нет вообще удовлетворительных путей и что пути из Восточной Бухары все же лучше и, во всяком случае, они короче.

По второму пункту приводилось, что во время независимости и борьбы с афганцами Шугнан и Рошан постоянно желали поддержки эмиру и номинального подданства ему.

Был запрошен взгляд эмира на удовлетворение его отходящими к нам ханствами. Сеид-Абдул-Ахад отнесся к сделанному ему предложению с большой осторожностью, главным образом, вследствие полного незнакомства с далекими странами; те сведения, которые ему доставили беки Дарваза и Куляба, были признаны эмиром недостаточными, он несколько раз обращался за разъяснениями к [российскому] политическому агенту, и только 13 марта 1895 года последовало согласие эмира.

В 29 день июля 1896 года ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР повелеть соизволил:

- 1) Исполнить передачу заречного Дарваза Афганистану.
- 2) Поступившие в наше ведение, по соглашению с Англией, восточные части Шугнана и Рошана и северную часть Вахана передать во владение бухарскому эмиру, которому и разрешить «ныне же отправить свои власти в округа».

Третьим пунктом ВЫСОЧАЙШЕГО Повеления определялась в общих чертах граница между нашими и бухарскими владениями, причем, подробности ее приказано установить по соглашению Туркестанского генерал-губернатора с бухарским эмиром.

Четвертым – указывался порядок передачи местностей эмиру.

Таким образом совершился переход Припамирских ханств – Шугнана, Рошана и Вахана, во власть эмира бухарского. Крайняя бедность и разоренность населения, только что пережившего тяжелые годы неурядиц и произвола, заставили освободить его в течение трех лет от всяких податей и повинностей. Впоследствии мера эта была продолжена еще на один год.

Итак, мы видим, что вопрос о переходе ханств во власть бухарской администрации силой исторических условий и давлением общегосударственных соображений решался необычным образом, не по тому приему, который применяется и, казалось бы, должен применяться к решению подобных вопросов.

История наших отношений с Англией в Средней Азии, полная нервной борьбы, значительных напряжений и имеющая большой общий интерес для той и другой стороны, переходила через целый ряд фазисов, одним из которых являлся период определения наших сфер влияния. Определенная переговорами 1872-73 годов граница сфер влияния была дополнена в 1894 году при обсуждении памирского вопроса и намечалась географически р. Пянджем; вызывалась некоторая перетасовка территорий и маленькие бекства Бухары перешли в Афганистан, а ханства последнего в наши пределы. Это было обычное в политической жизни пожертвование судьбой или благами небольших народных групп в пользу интересов более общих и крупных.

Но при указанном обмене явилось новое затруднение: попадал в обидное положение эмир бухарский, ярко нарушались его права собственности. Вопрос делался много труднее. Раньше была надежда, что, достигнув широких государственных выгод, мы в то же время получаем во власть ханства и своей системой управления, благами нашей культуры и своим обычным отношением к подвластным народам выполним перед маленькими ханствами наши просветительные обязанности, хотя бы они не имелись в виду при механическом обмене территориями.

А выходило, что взявши во власть (завоевавши, во всяком случае) Шугнан, Рошан и Вахан, мы почему-то отдавали их чуждой нам по духу и пониманиям власти, причем, ничем существенно не отличающейся от афганской. Сами мы оказались вне возможности благотворно влиять на ханства, в народном представлении таджиков создавался целый сумбур, полная путаница причин и следствий; родилось тяжелое сознание, что они - жалкий народ, выброшены из-под высокой и ласковой руки Белого Царя, из круга его широкой семьи, понесли ничем не заслуженную кару.

С пожертвованием ханств в пользу наших общегосударственных интересов мириться можно было, и не стоило, конечно, входить в рассмотрение, что эти ханства собою представляли, что за народ их населяющий, в чем он нуждается. Но раз на сцену выступали претензии эмира, его хозяйственные расчеты и его беспокойство за свой престиж, то эти факты не такого высокого и важного порядка, чтобы не задуматься о припамирском народе и не взвесить, стоит ли его, хотя бы небольшое и скромное благо, претензий Сеид-Абдула-Ахада и не приходится ли последними пожертвовать в пользу первых.

Т. е., являлась нравственная, да и государственная необходимость решению о передаче ханств эмиру предпослать изучение этих стран. Но это сделано не было, и это был серьезный просчет.

Выше было приведено рассмотрение бывшим политическим агентом двух возражений и было отчасти указано, что у последних, по крайней мере, не было достаточных оснований.

Соображения нынешнего политического агента, по своему общему содержанию, оправдывающие передачу ханств, заставляя во многом не соглашаться с аргументацией автора, обнаруживают весьма слабое знакомство его с природой и населением таджикских земель.

Даже более поздно, в марте 1899 года, в докладной записке Азиатской части Главного штаба, в которой приводились данные о Припамирских ханствах, допущены были некоторые ошибки, подтверждающие, что наши сведения о ханствах были неудовлетворительны.

Выходило, что, жертвуя ханствами в пользу общих интересов государства, а потом и в пользу притязаний эмира бухарского, мы самими странами не попробовали заняться и отобрали данные у политических агентов и других лиц, сопричастных странам, было делом чисто формальным. Такое решение вопроса не предвещало спокойного, нравственно и политически удовлетворяющего течения и, естественно, недочеты решения рано или поздно должны были обнаружиться под той или иной формой народных бедствий.

В 1898 году генерал-майор фон-Ремлингген, руководивший в этом году поездкой партии офицеров Генерального штаба на Памирах, рапортом донес, что в день его прибытия на Хорогский пост 21 августа ему была подана местными жителями жалоба на материальные поборы и религиозные притеснения, которые они терпят со стороны бухарских властей.

При этом жалобщики заявили, что не знают, чем они провинились перед Белым Царем, что их отдали на муку и ограбление бухарским чиновникам, а таджиков Орошорской волости и памирских киргиз оставили в русском подданстве. Они, таджики Шугнана, а равно Рошана и Вахана, готовы платить подать России, зная, что в русском подданстве они гарантированы от всяких незаконных поборов и от притеснений, и скоро бы оправились от настоящей своей нищеты, которая благодаря лишь милостивой заботливости Белого Царя, тем только отличается от прежнего, еще худшего их положения под властью Афганистана, что в настоящее время они имеют хоть кое-какие халаты и иногда видят деньги, чего они прежде не имели и не видали.

Ужасная бедность и разоренность хозяйств таджиков и масса покинутых и обращенных в развалины усадеб и целых поселков на богатой почве долины Гунта, по которой генерал-майор Ремлингген дважды проехал, убеждали в справедливости этих жалоб.

Особенно поражало то обстоятельство, что среди жалобщиков находилось много поставленных бухарским правительством местных сельских властей, «аксакалов», один из коих и вел речь за всех. Это обстоятельство и выражение лиц жалобщиков ясно показывали, что жалобы являются последствием переполненности чаши терпения.

Перед выездом генерала фон-Ремлинггена местные жители вручили ему прошение о принятии их вновь в русское подданство.

Трогательная простота, глубокая вера в высокие милость и правду Белого Царя и, наконец, доказательность примеров, делают документ не только интересным, но и имеющим политическое значение.

Рапорт генерала Ремлинггена выдвинул на сцену два положения: во-первых, отношение бухарской администрации к припамирским таджикам полно произвола, насилий и неправды, и, во-вторых, отношение населения к власти крайне недружелюбно.

Все это не было чем-либо новым и в делах штаба имелась уже целая серия бумаг, касавшихся двух указанных положений; важность их заставляет остановиться на вопросе с некоторой обстоятельностью.

Уже в годовом отчете капитана Генерального штаба Эггерта, первого начальника Памирского отряда, при котором совершился переход ханств в ведение бухарской администрации, указывалось, что население, освобожденное по условиям, на которых оно передано эмиру, от всяких податей и налогов, положительно грабится бухарцами, что в течение целого года получался непрерывный ряд жалоб и донесений на бухарцев и что, по словам таджиков, . Сильные поборы принудили убрать одного из беков, но, как вполне правильно предусматривал капитан Эггерт, при веками сложившейся системе бухарского управления мера эта могла оказать лишь временное действие.

И действительно, преемником – капитаном Кивекэсом, был подан специальный рапорт о бухарском административном режиме. В рапорте выяснялось, что бухарские власти употребляли фальшивые весовые меры, так что все забираемые продукты покупались значительно ниже существующих цен; что возразившего против подобного насилия аксакала Даурун-бека подвергли 50 ударами палкой и по таким частям тела, что наказуемый уже после 15-го удара потерял сознание; что на таджиков налагались очень большие штрафы, почти ежедневно, почти без всякой причины и совершенно несправедливо. Капитан Кивекэс делал общий вывод, что все мероприятия бухарцев направлены исключительно на наживу, совершенно не взирая на то обстоятельство, что вследствие их обирательства страна разоряется. Отсутствие определенных законов, которые заменяются полным произволом беков и их чиновников, дает широкий простор бухарским чиновникам, которых, по-видимому, отправляют сюда для поправки своих дел. Вся система правления бухарцев настолько плоха, что благодаря ей из бухарских чиновников получился веками выработанный тип мошенника. «Понятно, что любая страна, попавшая в руки подобных администраторов, должна прийти в упадок и разориться».

Личные наблюдения в течение пребывания среди таджиков, многократные беседы с ними и возможно разносторонние способы освещения вопроса лишь только сильнее подтвердили содержание приведенных официальных документов. Поборы, штрафы – разного произвола и издевательства, пренебрежение к нравственному чувству жителей, а отсюда их систематическое развращение, двойная игра властей, чтобы скрыть свои преступления от русской власти и известным образом выставить их пред высшей бухарской – все это сказывалось как в рассказах представителей туземной власти, так и в жалобах простого люда – богатого и бедного.

Едва ли нужно еще больше подтверждений; достаточно добавить их лишь общими соображениями. Вся система бухарцев сложилась веками, эта страна и ее строй много древнее любого европейского государства. Можно ли и смеем ли рассчитывать, что мы в состоянии изменить или обновить эту вековую машину? Бухара все видала, она пережила много такого, над чем мы задумывались только последние десятилетия. И нельзя рассчитывать, что она не знакома со многими из наших руководящих идей (в административных и политических сферах) и может усвоить их по их новизне и желательности. Нужно мириться решительно с тем выводом, что в бухарском режиме мы имеем дело с эволюцией отжившей, в настоящее время непригодной и неспособной к улучшению. Поэтому, все те выводы о неудовлетворительности бухарской администрации в Припамирских ханствах, об ее крайней вредности и развращающем влиянии, которые выше создались наличностью фактического материала, могли бы без особого труда быть созданы *a priori*.

Ненависть таджиков к бухарской администрации, как неумолимое логическое следствие недостатков последней, вполне подкрепляется и фактами.

В упомянутом выше прошении таджиков имеются такие фразы: «Чем мы согрешили в настоящее время, что нас передали во власть бухарского правительства?», или «Мы, несчастные, надеемся теперь на ходатайство Вашего Превосходительства, что мы будем освобождены от бухарского эмира. Если же нас не возьмут из его подданства, то мы все поголовно или наложим на себя руку, или выселимся в Коканд, где нам дадут место наши родственники», или «Мы хотим иметь нашим Государем русского Царя, за которого мы постоянно молились и с которым мы были счастливы. Мы всегда молили Бога освободить нас от бухарского эмира. Бухарцы преследуют нашу веру и издеваются над нами, с нами не едят и не сидят, считая это для себя запрещенным, и говорят, что мы неверующие».

Разбираясь в отношениях туземцев и бухарских властей, необходимо особенно подчеркнуть религиозную рознь между теми и другими. Если во всех странах наблюдается ненависть между шиитами и суннитами, то какой размер и какую силу (может быть, глубоко скрываемую) должна она иметь, если представители одного толка имеют власть над другими, и если они ею так злоупотребляют? И какая ошибка допускает такие отношения? К сожалению, затрагиваемая сторона вопроса никогда не была выставляема с достаточной рельефностью, хотя религиозные притеснения со стороны бухарцев наблюдались всегда.

Ненависть туземцев к бухарским властям, вызываемая административным произволом и религиозной рознью, усугубляется особенно предосудительным отношением бухарцев к целомудрию таджикских женщин и противоестественным отношением к детям.

Личные наблюдения констатировали наличность резкой ненависти таджиков к бухарцам.

Считая вопросы достаточно выясненными, надо остановиться на третьей стороне дела, а именно: на недоброжелательности бухарской власти в Припамирских ханствах к русским. Конечно, по самой природе – весьма щепетильной и тонкой – вопрос не может быть обставлен положительными данными, хотя и для него имеются в достаточной мере убедительные доказательства. Еще капитаном Эггертом было отмечено, что бухарцы всячески старались показать населению, что они хозяева, а, что к нашим казакам беки относились свысока.

Капитаном Кивекэсом уже категорически высказывалось положение, что «вообще бухарские власти при всяком случае высказывают свою ненависть к русским и вымещают свою злобу на людях, которые каким-либо образом оказывали русским услуги». Это же подтверждается той оценкою действий и распоряжений русской власти,

которые пересылаются эмиру и более мягкие стороны которой получили междустрочное освещение в делах штаба.

При посещении ханств приходилось знакомиться с такими фактами:

ВЫСОЧАЙШАЯ воля о продлении освобождения населения от податей и налогов в ханствах еще на один год была превращена в добровольное и личное решение эмира.

Один из сыновей бека, показывая при нескольких присутствующих на орден (Станислава 3-й ст.), надетый Азис-ханом, волостным Гунта и Шах-дары, по случаю встречи русского начальства, говорил, что «медаль» ничего не стоит купить за 5 рублей; а на замечание, что его отец также носит русский орден, отвечал: «Так, чтобы отделаться... а потом он у него валяется где-либо».

Тот же сын позволил себе смеяться над Серкором, волостным Орошорской волости и имеющим несколько медалей, говоря: «Ишь нацепил на себя кружков».

Во время постройки поручиком Трубчениновым дороги по Пянджу ему пришлось послать в кишлак Андероб посыльного за продуктами. Узнав от кого посыльный, жители избили его и выгнали. Расследование показало, что сделали они это по наущению бухарского муллы. Факт показывает не только ненависть к нам бухарского населения, но, что опаснее, его способность настроить враждебно против нас и туземцев.

Все эти факты и другие, приведение которых не представляется необходимым, подкрепляют наблюдение капитана Кивекэса.

Да иначе и быть не может, если иметь в виду разницу между нашим и бухарским мирозерцанием.

Итак, из сказанного выше позволительно сделать вывод.

- а) Бухарское управление Припамирскими ханствами в высшей степени неудовлетворительно, вредно, а потому крайне нежелательно.
- б) Отношение туземцев к бухарцам полно ненависти.
- в) Отношение бухарцев к нашей власти и вообще к нам, по крайней мере, недружелюбно.

Этих данных вполне достаточно, чтобы сделать вывод, что Припамирские ханства должны быть отобраны из ведения бухарцев и взяты в наше непосредственное управление.

Если управление бухарцев ведет лишь население к нищете, нравственной распущенности и не в состоянии выполнять удовлетворительно никаких обязанностей, со властью связанных, то позволительно ли население приносить в жертву каким бы то ни было соображениям, удерживая в таком отрицательном положении? Если, с другой стороны, само население враждебно к бухарцам, то трудно предусмотреть те осложнения, которые могут создаться; при такой ненависти трудно рассчитывать на удачу бухарского управления, если бы оно оказалось даже доступным исправлению.

И со всем этим мы плодим еще себе в таджиках, теперь так нам преданных, враждебное ядро, так как вражда к нам бухарцев рано или поздно будет усвоена и ими.

При решении вопроса о ханствах неоднократно фигурировало слово престиж, причем, одни говорили, что с отобранием ханств к нам престиж наш будет подорван, другие, что он будет подован, если мы не отберем ханств от эмира. Такое неустойчивое отношение к понятию престижа со стороны лиц, занимавшихся вопросом, и неопределенность природы самого понятия должны удержать и от применения его к тем или иным доводам. Позволительно лишь заметить, что там, где на сцену выступают вопросы нравственного порядка и общеобязательного блага, престижем можно и поступиться, независимо от того, как бы он ни понимался.

В пользу необходимости отобрать от бухарцев Припамирские ханства, кроме указанных выше причин, есть и другие, из которых некоторые, к сожалению, даже и не намечались. Это причины военные. Обсуждая наше стратегическое положение по отношению к Северному (Узбекскому) Афганистану английские военные писатели признают его

удачным потому, что Афганистан находится «между двумя клещами». Этим они хотят выразить ту мысль, что фланги Северного Афганистана стратегически нами обходятся: справа, считая от нас, выступом, прилегающим к рекам Мургабу и Теджену, и слева – Памирами и, в частности, районом Припамирских ханств. Англичане говорят, что благодаря такому положению Северный Афганистан находится в наших руках и фактически перейдет в нашу власть при самой ничтожной с нашей стороны диверсии.

В этих словах много правды, к ним нужно лишь добавить, что выгодное стратегическое положение по отношению к Северному Афганистану, как бы ни слагались наши отношения к этой стране, весьма для нас важно, рано или поздно нам придется им пользоваться, но его надо обеспечить не одними лишь территориальными выступлениями.

Отсюда, мы должны стараться, чтобы западная часть Памиров представляла из себя район богатый, укрепленный и вполне нам преданный, тогда только он будет не только географической «клещею», но и в полном смысле слова стратегической, а этого мы можем достигнуть тогда, когда возьмем ханства в свои руки и подготовим их систематическим и благотворным управлением. При бухарском управлении в недалеком будущем мы сделаем из ханств для себя на случай осложнений лишь неприятельскую территорию.

Далее, неоднократно поднимался вопрос о том, каким образом организовать на Памирах продовольственную часть на случай военных действий. Но оказалось, что оригинальная природа Памиров не допускала тех обычных решений, которые в подобных вопросах всегда имели место. Питание отряда при посредстве систематического подвоза по расчетам оказалось невозможным, ибо за некоторую чертою вьючное животное могло везти на себе только мертвый груз.

Устройство магазинов вызвало такие траты, так мало могло быть сообразовано с ожидаемой пользой, требовало такого применения охранительной военной силы и, наконец, так было рискованно, что от мысли пришлось отказаться.

Но ведь вопрос так или иначе должен быть решен, ибо при современных взглядах всякая территория, в проекте так или иначе не приспособленная для военных действий, должна признаваться районом для военных действий непригодным, и значит, подлежащим оставлению.

Припамирские ханства, о которых было совершенно забыто при рассмотрении вопроса, могут создать базу для того отряда, который можно предполагать действующим на Памирах. Для этого они имеют все: хлеб, мясо, ячмень, клевер, дерево, молочные продукты. Конечно, предметы технического характера должны быть подвезены. Может быть, в магазинах не может быть собрано достаточное количество продуктов в один год, но тогда можно собрать в течение 2-4 годов.

Но для того, чтобы ханства могли представить из себя рассматриваемую базу, необходимо поднять их материально, расширить площади их запасов, помочь обновить арыки, словом, управлять ими внимательно и благотворно. Это соображение опять-таки поддерживает необходимость взять Вахан, Рошан и Шугнан в свое непосредственное ведение.

И с этим надо спешить, ибо каждый лишний год бухарского хозяйничания будет все ближе приводить население к нищете и через 2-3 подобных года поднять население, может быть, будет уже весьма трудно.

Приведенные доводы, как общие, так и военные позволяют считать вопрос о ханствах в достаточной степени предрешенным. Для полноты рассмотрения надо перебрать те возражения, а также затруднения, которые стояли на пути желательного решения вопроса.

Уже было сказано, что часть возражений касалась стороны дела не по существу, а так сказать, «сбоку», часть вызывалась недостаточным знакомством с предметом.

Прежде всего, являлся вопрос, что делать с эмиром, так как он оказывался обиженным, так как нарушались его права собственности и т. д. Едва ли можно считать данную сторону вопроса достойной даже внимания рядом с теми основаниями, которые приведены выше; а также сомнительно, чтобы мы не допускали ошибки, спускаясь до

азиатского взгляда на группы народные, как на личную собственность эмира или беков, трактуемые исключительно с хозяйственной точки зрения. Само поведение эмира в вопросе настолько обнаружило узкую жадность, интриганство, противоречивость в доводах и невнимательное отношение к своим собственным словам и желаниям (и это в вопросе государственном), что жалкие торгашеские мотивы его притязаний стали вне сомнений. Беспокойство относительно эмира дошло до того, что стали даже сомневаться, какой предлог придумать, чтобы взять от него ханство. Казалось бы, что вековая практика англичан в Индии доказала, что это дело совсем пустое и над ним совсем не стоит задумываться.

Можно воспользоваться словами эмира, сказанными им политическому агенту.

«Со времени присоединения к моим владениям Шугнана и Рошана эти области ничего кроме огорчений и неприятностей мне не принесли. Обмен Дарваза на эти области совершился помимо моей воли. Я сам никогда этого не хотел. Г-н Лессар принудил меня согласиться на такой обмен. Если я теперь откажусь от этих областей и не получу взамен территориального вознаграждения или какого-либо удовлетворения моему самолюбию, то это может в значительной степени подорвать мой престиж среди моих подданных. Между тем, повторяю, обладание Шугнаном и Рошаном является для меня тягостью. Все чиновники, которых я послал туда, скоро возвращались, испортив свою репутацию, несмотря на то, что туда назначались люди достойные. Я непрерывно слышу жалобы и обидные нарекания на меня за управление этими областями. Но ведь я управляю ими согласно постановлениям шариата. Зачем же, после передачи управления областями мне русские офицеры продолжают вмешиваться в мои внутренние дела? При таких условиях управлять трудно. Наблюдать лично и постоянно за моими чиновниками в Шугнани и Рошани я не имею возможности. В самое благоприятное время года проезд туда совершается в три месяца, а в течение большей части года туда вовсе невозможно проехать. Обладание Шугнаном и Рошаном прямой убыток для меня. Эти области могут дать дохода не более 23,000 тенег в год, а тратить на управление ими приходится не менее одного ляка (100,000 тенег). Между тем, с отнятого у меня Дарваза я получал без всяких хлопот и неприятностей хотя небольшой, но чистый доход в размере от 13,000 до 15,000 тенег в год».

Эти интересные слова, показывающие всю ширину и этику азиатского понимания, могут послужить доводом, притом, как и было высказано бывшим командующим войсками, при отобрании ханств, эмира и вознаграждать ничем не придется, ибо самый факт освобождения его от значительных расходов по управлению ничего не приносящими ему областями и добровольное согласие наше вывести его из затруднительного положения, в котором он находится относительно этих областей, должно быть оценено эмиром с большой благодарностью.

Можно было бы отобрать ханства под тем предлогом, что бухарская администрация, как показал опыт четырех лет, не может справиться с задачей; или что общегосударственные соображения требуют отобрания, или, наконец, взять без всяких мотивировок.

Последний прием, если и имеет резкую форму, хорош в педагогическом смысле, ибо подготавливает бухарские власти к тому режиму, который в будущем необходим и неизбежен, как бы мы ни смотрели на Бухару.

Остальные возражения были основаны на незнакомстве с предметом.

Говорилось, например, что управление ханствами вызовет лишние расходы, которые население не в состоянии поправить; что мы берем на себя сложную обузу, которою управлять трудно и т. д.

Хотя и поныне статистические данные о ханствах отсутствуют, все же мы имеем в своем распоряжении достаточно данных, чтобы опровергнуть вышесказанное.

При представлении проектов о порядке передачи нам ханств представлялись расценки вызываемых при этом расходов.

Так, 18 августа 1899 г. [документом за] № 600 командующий войсками препроводил начальнику Главного штаба проект штата управления Памирами, что вызывало расход ежегодный в 20,000 рублей, причем, указал, что взимание податей следовало бы начать

с 1901 года, первоначально по 2 рубля с кибитки. (Население Памира до 1-го января 1901 г. освобождено от всяких податей).

Расценочная сторона проекта выражалась такой таблицей.

[Статьи расходов]	Содержание в год				
	Число чинов	Жалования	Столовых	Одному	Всего
Уездный начальник	1	1750	1750	3500	3500
Ему же на экстраординарный расход					500
На разъезды					500
Помощник его	2	1250	1250	2500	5000
Ему же на разъезды, канцелярские расходы, наем словесного переводчика	2			600	1200
Секретарь уездного управления	1	650	650	1300	1300
Письменный переводчик	1	500	500	1000	1000
Канцеляр. расходы, наем писцов, джигитов, освещение, отопление, волостным управителям	5	500		500	2500
Аульных старшин	10	250		250	2500
Всего					20000

С проектом нельзя согласиться по двум основаниям: он слишком дорог и, являясь не под силу населению, по необходимости ляжет нам на плечи; и, во-вторых, он вызвал бы наличность двух властей на Памирах, какое двоевластие при естественной надобности расширения прерогатив начальника Памирского отряда не обещало бы ничего хорошего.

В марте месяце того же года [документом за] № 185 были командующим же войсками представлены соображения об организации управления Шугнаном, Ваханом и Рошаном, сущность которых сводилась к следующему: «Управление всеми Памирскими областями возлагается на начальника Памирского отряда на правах начальника Аму-Дарьинского отдела с увеличением получаемого им содержания на 1200 руб. При начальнике отдела состоит канцелярия из одного делопроизводителя.

Весь Памирский отдел делится на 4 волости, подчиненные начальникам соответствующих постов на правах приставов, именно:

1. Памирская волость (ныне существующая). 2. Рошанская, слив ее с существующей Орошорской и подчинив начальнику Кала-и-Вамарского поста, каковая должность должна быть учреждена вновь. 3. Шугнанская. 4. Ваханская. Последние 2 вновь образуются. Весь вызываемый подобной организацией управления расход будет следующий:

Начальнику отряда добавочных 1200 руб.

2-м волостным новым волостей по 540 р. 1080 руб.

Начальнику Кала-и-Вамарского поста 900 руб.

Начальникам Памирского, Ишкашимского и Хорогского постов по 360 руб. (добавок к получаемым ими уже 540 руб.) 1800 руб.

Делопроизводителю 900 руб.

Итого 5160 руб.

Вместе с подчинением ханств русской власти, во избежание осложнений в будущем признается необходимым все население обложить хотя бы незначительной податью, оседлое – подымною, а кочевое – кибиточною, в таком размере, чтобы ею оплачивались вновь вызываемые расходы по администрации. По имеющимся сведениям, на Памирах проживают не более 1500 хозяйств таджиков и до 400 кибиток киргиз. Если наложить на

каждое хозяйство 3 рубля, то все население даст ежегодно 5700 руб., покрывающие вышесказанный расход.

Вместо уплаты подати деньгами, население может поставлять по определенной цене ячмень и мясо для отряда. Кроме того, на население могли быть возложены повинности: 1 – дорожная, по содержанию в исправности устроенных правительством дорог; 2 – личная, только в военное время, выставлением одного человека от каждых 8-ми хозяйств на казенном иждивении.

Этот проект следует признать вполне осуществимым и сообразным с обстоятельствами дела.

Можно лишь заметить против характера организации: Припамирские ханства, являясь странами измученными, обнищавшими, для нас новыми, требуют особого специального внимания, поэтому было бы лучше, если бы управление ими было передано в руки одного особого офицера на правах помощника начальника Памирского отряда по управлению ханствами. Этот офицер должен быть свободен от всяких других обязательств, чтобы вполне посвятить свое внимание задаче управления. Его резиденция должна быть в Хороге, так как последний является центром и до концов управляемых ханств будет: по Пянджу вверх не более 4 дней пути, вниз – не более двух, по Гунту – не более 3 и Шах-даре также не более 3.

В качестве делопроизводителя и помощника при этом офицере хорошо бы назначить офицера из сапер или местных инженеров, совет и помощь которого в деле проведения арыков были бы неоценимы.

Начальников Памирского, Ишкашимского и Хорогского постов следует совершенно освободить от всякого участия в управлении; этим будут предупреждены осложнения, двоевластие и будет достигаться единство в направлении административной работы.

В зависимости от перемен, которые будут внесены в смету, если вместо начальника Кала-и-Вамарского поста будет офицер управляющий ханствами с дополнительным содержанием в 1200 руб. в год, а таковое начальникам перечисленных постов выдаваться не будет, смета определится 4380 руб. в год.

Офицер, управляющий ханствами, должен быть подобран особенно внимательно; это должен быть человек молодой, энергичный, сердобольный, пытливый и, если достижимо, знающий персидский язык.

Что касается до платежной способности таджикского населения, то такая, вне сомнения, выше показанной суммы.

Сам эмир высказался, что «области могут дать не более 23 т. тенег в год», т. е. 3000–4000 руб. Но эмир был заинтересован, чтобы по возможности умалить эту сумму, почему ее следует признать значительно более высокой.

В докладе по Азиатской части в марте 1899 года упоминается, что в 1898 году для 110 человек нашего отряда и 35 лошадей не встретилось никаких затруднений при покупке муки и ячменя, притом, бухарцы в числе 42 человек с лошадьми довольствовались местными средствами. Определяя ежедневную стоимость содержания человека в 10, а лошади – 40 коп., для 150 человек и 70 лошадей получим приблизительную сумму 40 рублей, а в год около 15 тыс. руб.

Если при этом иметь в виду, что таджики тратят на свой домашний обиход крайне мало (все сами делают), что бухарцы пользовались продуктами, вероятно, почти даром, то в питании отряда принимали участие не все жители ханств, и что, наконец, проданные продукты потребления являются не единственным видом народного богатства, то податная способность смело может быть оценена около 10 т. рублей.

Сами таджики говорят, что если бы их поддержать в хозяйстве, т. е. дать возможность работать мирно, помочь в ирригационных работах советом и инструментами, то каждый двор в среднем, за покрытием всех издержек на пропитание, семена, корм скота и т. д. продавал бы не менее 40 пудов хлеба в год. Принимая стоимость 40 пудов в 30 рублей, полную возможность обращать $\frac{1}{3}$ – $\frac{1}{2}$ суммы на подати и число дворов в 1500, то получаем возможный легкий и безобидный размер податей – 15–22½ т. рублей в год.

Другие соображения – размер штрафных денег, приблизительный подсчет хозяйственного инвентаря и т. п. подкрепляют вместе с приведенными выше допущение, что Припамирские ханства без особого труда могут быть обложены податями в размере 10 тыс. руб. общей суммы.

Но повторяем, что эта сумма будет обеспечена после 1-2 лет отдыха (полного освобождения) и пребывания населения эти годы под нашей благотворной и заботливой властью.

Таким образом, бояться, что стоимость управления Ваханом, Шугнаном и Рошаном не будет покрываться платежом самого народа, нет никаких оснований.

Вызывает некоторые сомнения заметка эмира, что он на управление областями тратил 100 т. тенег в год и на одном письме бывшего командующего войсками военным министром была положена резолюция: «Если эмир расходовал 100 т. тенег в год, то надо узнать, на что именно? А также убедиться, что эти расходы не перейдут на нас».

В делах штаба не имеется следов того, какое последовало распоряжение по этой резолюции и какие результаты обнаружены.

К указанной цифре надо относиться, во всяком случае, с крайней осторожностью, и позволительно *a priori* сказать, что она сильно преувеличена. Определить же ее действительность и характер расходов едва ли и возможно. До сих пор мы не можем нарисовать себе хотя бы несколько удовлетворительной картины государственного хозяйства в Бухаре, несмотря на годы наблюдений и разнообразие примененных методов, тоже самое нас ожидает и в Припамирских ханствах.

Но даже допуская, что цифра эта верна (15-20 т. руб.), то как показано было выше, она едва ли превосходит сумму платежной способности населения.

Что же касается вопроса о затруднительности управления народом, то нельзя и догадаться, чем она вызвана. Если офицер, заведующий таджикским населением, будет жить в Хороге, то самый далекий пункт в подвластной ему области будет лежать не далее 4 дней пути, а это по размерам наших приставств не может быть признано значительным. Долины между собою сносятся круглый год и без всяких затруднений.

Само же население трудолюбивое, кроткое, нравственное, легкоуправляемое, весьма к нам привязанное, не является материалом, с которым трудно будет иметь дело.

К этому нужно добавить, что при таких помощниках, как Азис-хан, волостной Гунта и Шах-дары, и Чаман, волостной части Вахана, которые знают свои волости до последнего ребенка и животного, преданы нам до трогательной глубины чувства и являются людьми редкой исполнительности и нравственных достоинств, дело управления ханствами будет облегчено в высшей степени.

Из всего сказанного по вопросу о воссоединении к нам Припамирских ханств – Вахана, Шугнана и Рошана, мы вправе сделать вывод, что по причинам общегосударственным, военным и экономическим эти ханства должны быть отобраны от эмира бухарского и взяты под наше непосредственное ведение.

По вопросу о ханствах военный министр присоединился к мнению политического агента, а именно: «или отказаться от них совсем или присоединить их к нам во всех отношениях». Имея в виду несомненную правильность подобного взгляда, как и его обязательность, а с другой стороны, полную невозможность, выше выясненную, удержания ханств в руках бухарцев, указанный вывод может быть сформулирован следующим образом: «Припамирские области Вахан, Шугнан и Рошан должны быть присоединены к нам во всех отношениях».

Наблюдение жизни и быта припамирских таджиков вызывает ряд других вопросов – необходимость всестороннего изучения стран и составление военно-статистического их описания, устранение суннитской пропаганды и покровительство преобладающего среди туземцев мусульманского толка, регулирование монетного обращения и т. п., но на удовлетворительное решение их мы не можем рассчитывать, пока не будет решен главный вопрос о воссоединении в указанном выше смысле.

Памирские киргизы.

По сведениям к 1-му января 1901 года Памирские киргизы определялись 1791 душой обоего пола (910 мужчин, 881 женщина) или 342 юртами. Хозяйство их исчислялось 44086 баранами, 6321 кутасом, 832 лошадьми и 714 верблюдами.

Памирские киргизы являются чистым типом кочевников, не желающими, да и по условиям Памиров и не могущими, оседать. Это свойство быта должно быть всегда на виду при решении тех вопросов, которые могут возникнуть по отношению мероприятий к киргизам.

Одним из явлений, весьма прискорбным и таким, которое так или иначе должно быть устранено, является перекочевка киргизов к нам из соседних стран или от нас в последние. Обыкновенно, киргизы так или иначе объясняют незаконные переходы границ, ссылаясь на притеснения, местные голодовки и т. п. Так, например, в декабре 1897 года из китайских пределов перешли к нам на Памиры 40 кибиток киргиз вместе с волостным своим Мат-Кассын-Нушировым и другими старшинами. При произведенном дознании о причинах переселения киргизы указали на тяжелое житье в Китае, где им одновременно приходилось служить китайцам, англичанам и канджутцам; в прошении при этом поданом перечислялся целый ряд путешествовавших англичан, которые за забранный вьючный скот, молочные продукты, поставленные юрты совсем ничего не платили, прогоняя хозяев руганью или платили гроши.

Еще ранее, осенью 1892 года часть Ак-ташских киргиз ушла в китайские пределы, причем, одной из главных причин ухода было требование верблюдов для поставки топлива для бывшего Шаджанского отряда; более поздняя откочевка в Сарыкол 33 семейств киргиз Ак-ташского аминства произошла, по всей вероятности, также вследствие желанья избежать поставки топлива для нынешнего Памирского отряда.

По отчету за 1900 год в этом году в китайские пределы бежало 17 юрт – 36 мужчин и 30 женщин, в афганские – 15 юрт, 33 мужчины и 31 женщина; к нам прибыло из Китая 4 юрты – 11 мужчин и 9 женщин, из Афганистана одна юрта – 3 мужчины и 2 женщины.

В руководящих сферах на явление перекочевки киргиз было взглянуто так. Приход киргиз в наши пределы вообще желателен в видах заселения этой пустынной страны, что значительно облегчало бы нашим Памирским отрядам как пребывание, так, особенно, производство разного рода передвижений, ввиду чего казалось бы правильным, чтобы начальство Туркестанского военного округа, не давая на эти переселения официальных разрешений, тем не менее, покровительствовало им, насколько это не будет нарушать дружественных отношений наших к Китаю и до тех пор, пока на Памирах будет иметься достаточное количество мест, удобных для кочевков. Военным министром на докладе, взгляд из которого только что приведен, была наложена резолюция: «Необходимо, чтобы переселение китайских киргиз не повело к столкновению их с нашими».

Явление ухода киргиз из наших пределов военный министр признал обстоятельствами крайне для нас неблагоприятными как в политическом отношении, так и в отношении доставления необходимых жизненных удобств нашему Памирскому отряду, и полагал совершенно необходимым устранить те причины, которые побуждают памирских киргиз к откочевкам в соседние местности Китайского Туркестана.

Одной из главнейших мер против [этого] явления Главный штаб признавал совершенное избавление памирских киргиз от принудительной поставки топлива для наших отрядов и постов и на будущее время заготовление топлива другим способом. Из числа других мероприятий намечалось установление прочных сношений памирских жителей с ближайшими рынками Ферганы и бухарских владений, где они могли бы покупать пищевые продукты и товары по ценам, мало превышающим кашгарские, и временное освобождение на несколько лет населения Памиров от всяких денежных поборов.

Нынешним генерал-губернатором, в бытность его помощником, был высказан такой взгляд на перекочевки: «На бедное памирское население, сидящее в такой негостеприимной местности, избавленное от податей и волостным властям которого платится содержание из общего земского источника, нельзя смотреть теми же глазами,

как мы смотрим на прочее население края; возвращать откочевывающих, выселять приходящих к нам, нет, поэтому, оснований; нужда, холод и голод – причины перекочевков, а потому не следует строго к этому относиться. Главною задачею и главною заботою памирских властей должно быть наблюдение, чтобы население жило спокойно, не было грабежей, разбоев, и чтобы туземное начальство давало памирским властям сведения о том, что происходит как в наших пределах, так и в соседних с нашим районах».

Добавим для выяснения полной картины вопроса, что предрешение вопроса о перекочевках киргиз при помощи взаимных условий с китайским правительством, по-видимому, не имело успеха. Консулом в Кашгаре Д. С.С. Петровским было высказано мнение, что переписка с китайскими властями в настоящем и будущих случаях (переход киргиз в китайские пределы), которые, несомненно, всегда будут возникать, не может привести ни к какому желательному результату, и что для предотвращения этих случаев необходимы какие-либо общие меры, принятые высшей правительственной властью. Конечно, это было не решение вопроса и не анализ самого явления, а отталкивание дела в неопределенные сферы.

Разбираясь в вопросе академически, приходится причины перекочевков киргиз искать более отдаленно. Проживание киргиз на негостеприимной Памирской выси, вдали от культурных пунктов, заставило эту группу народа жить на каком-то отбросе.

Почти никто никогда ими не управлял, подати с них брались ничтожные (по крайней мере, кокандским ханом), да и то не всегда, само население никогда особенно не дорожило своей территорией, не могло определить ее границ и блуждало до тех пределов, где наталкивалось на какое-либо препятствие. Значит, история воспитала в киргизе памирском какого-то космополита, живущего странником, не имеющим над собой определенной власти и не обязанного ни перед кем-либо выполнением каких бы то ни было обязанностей.

Подобное воспитание в сильной мере поддерживалось самой жизнью (кочевника) и природой местности. Получая все от неба, ничего от людей, не пользуясь благами сильной и направляющей власти, без труда убегая в неприступные районы от всяких обязательств или попыток взять его в руки, киргиз только более и более укреплялся во взгляде, что у него нет родины, что он не обязан чем-либо поступаться, что он просто бродяга – космополит в такой стране, до которой никому нет дела.

Проведение границы на юге, нарушающей самые элементарные этнографические требования, не способно было указать киргизу район его родины, а наоборот, поддержало в нем дух космополита, волком смотрящего на 3 стороны.

И, наконец, систематически-снисходительное отношение к киргизу и вообще наша политика по отношению к перекочевкам только поддерживали то, что в нем создалось историей и природой обстановки: они не приучали его к выполнению своих обязанностей пред странною, не выясняли ему необходимости удерживаться на определенной территории и преступности перехода за границу, словом, смотрели на него как на странника, случайно пришедшего к нам, могущего так же случайно уйти.

Если при усвоенном мирозерцании киргиз придирался к первому случаю, чтобы совершить государственное преступление, то обвиняя англичан или китайцев, то обременяясь поставкой топлива или продуктов, это было естественным следствием перечисленных причин и относилось к ним как повод, да еще пустой, минутный, но не более.

В состоянии ли мы бороться с Китаем (главным образом) теми приемами, которые нами усвоены? Позволительно думать, что нет.

Китай, по исстари усвоенному им отношению к кочевому населению, не облагает его никакими налогами или пошлинами, ставит во главе их одного из их же среды и предоставляет им жить в определенном районе, как они хотят. Значит, Китай собственно и не управляет киргизами, а лишь даром дает определенную им пастбищную площадь.

Нам поступить так нельзя: наша обязанность приобщать киргизов к культуре и к своей семье, так или иначе заставить управлять ими: подбирать начальников, может быть, не всегда из киргиз, следить за населением, влиять на его жизнь и строй в целях его

развития и т. д. Это будет (и должно) перетолковано в смысле некоторого стеснения, урезания свободы, и заставить недалёковидное население смотреть с предпочтением на восточного соседа.

Далее, в Западном Китае, как части государства некультурного, нет той массы текущих военных и ученых задач, которые неизбежны на русских Памирах: сложные политические и стратегические условия заставляют держать там отряд значительной силы, питать его нужно, а доставка из Оша и других центров некоторых продуктов невозможна; у нас почти ежегодно совершаются научные экскурсии, рекогносцировки офицеров и т. д. Эти причины вызывают необходимость брать с наших киргиз мясо, молочные продукты, топливо, вьючный скот, чего у китайцев или совершенно нет, или делается иностранцами, что не одно и то же; а, значит, опять киргизское население должно предпочитать Китай.

Нужно заметить, что освободить киргиз от выполнения обязанностей, связанных с пребыванием отряда и наличностью военно-научных экскурсий, нет никакой возможности, так что это одно должно удерживать нас от проведения усвоенной политики; если еще возможно, по исключительно высоким ценам везти с собою мясо, то как вы возьмете с собою дрова, дом, молочные продукты; надеяться же на то, что киргиз признает предел, до которого он готов доставлять необходимое, а за переходом которого он будет считать себя обиженным, нет права, ибо киргиз не усвоил себе сознания необходимости и нравственной обязанности чем-либо поступаться и признает положение нормальным лишь тогда, когда он живет вне всяких обязанностей.

Наша политика еще имеет такое неудобство: допустим, что киргиз примирился с тем положением, в которое он поставлен – выполняет самые ничтожные обязательства, а не выполнит, настаивать не будут; хочет, остается у нас, хочет идет в чужую землю и т. д.; но ведь при случае военных операций, когда потребуются значительная жертва со стороны памирского киргиза и которую он каким-то непонятным процессом будет предвидеть раньше, чем она окончательно решится в штабах, ведь он, без сомнения, весь до последнего человека перебежит в соседние страны и отряд пойдет по пустыне.

Следует упомянуть, что на наши решения всегда влияли два обстоятельства. Во-первых, ясно проскальзывало опасение, что при некоторой требовательности с нашей стороны Памиры будут покинуты населением и останутся пустыней, что они слишком бедная территория, чтобы рассчитывать, что люди особенно будут тянуться к ней.

Но ведь Памиры вполне удовлетворяют обиходу киргиза и не хуже, а даже лучше питают кочевника, чем прилегающие пастбища соседних стран; ведь если они незаманчивы и даже невозможны для группы культурной, то нельзя забывать, что киргиз смотрит на них иначе, а к их климатическим тяготам относится более или менее примирительно, хотя и нельзя, впрочем, отрицать некоторого грустно-меланхолического отношения к своей стране. Нельзя также упускать из виду, что памирским киргизам и деваться некуда; пастбищные районы Западного Китая если и велики по объему, то по качествам травы не особенно питательной («не сильной», по выражению киргизов) и водянистой не могут вместить много народу, а в Западном Афганистане кочевых угодий совсем немного.

Это и подтверждается, косвенным образом, наблюдением перекочевки киргизов: в среднем Памиры оставались с одним и тем же количеством народонаселения, последнее не убавлялось и не прибавлялось, и нарушения границы являлись в полном смысле перекочевкой киргиза, только на большие расстояния и более долгий период. Да, наконец, мы имеем в своем распоряжении таджиков, живущих в верхних концах долин Западных Памиров. Здесь жизнь имеет уже полукочевой характер, высота значительная и условия природы аналогичны с таковыми же Восточных Памиров. Таджики с удовольствием пойдут на более привольное кочевье.

Вторым обстоятельством, которое нужно иметь в виду, это необыкновенная нервность и требовательность киргиза при выполнении обязательств, его любовь к жалобам и сутяжничеству, его резкая лживость и исключительная ленность. Киргиз весьма удобно строит из себя бедного и обиженного, ничем не доволен, считает за тяжесть привезти на кутасе связку терескена и обманывает при первом случае, хорошо зная, что его обман иногда может грозить несчастьями.

Эти особенности киргиза, отчасти понятные из вышеизложенного, всегда влияли на

представителей власти, излишне вводили их в круг интересов подданных и заставляли обрисовывать положение населения в красках густых и пристрастных. Можно ли признать население особенно бедным, где на одну душу, независимо взрослую или детскую, приходится 24 барана, 5–6 кутасов, ½ лошади и ½ верблюда. Разве можно назвать тяготой то, что взимается с населения на питание отряда, например, баранов приблизительно до 300 в год или значит один платный баран с 150.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что усвоенная нами программа отношений к памирским киргизам едва ли достигнет цели удержания их в наших районах, что она, наоборот, лишь поддерживает и развивает в киргизе то миропонимание, которое является главной причиной перекочевков и которое надо во что бы то ни стало задавить, и что, наконец, она же не представляет гарантий, что в случае серьезной нужды мы будем иметь на Памирах хотя одного киргиза в нашем распоряжении.

Приступая к перечню мер, которые могут урегулировать дело, надо оговориться, что нельзя рассчитывать на скорое их воздействие, что чувство национальности и необходимость выполнять общегражданский долг могут привиться киргизу лишь постепенно, требуют, может быть, целой эволюции в общественном строе и быте кочевника, но все это едва ли может подорвать мысль о неизбежности и единственности самих мер.

Меры эти следующие:

а) Памирское население киргизов должно быть непременно обложено денежной или натуральной повинностью; размер последней – дело второстепенное, но наличность таковой, главным образом, должна иметь воспитательное значение. Киргизу должно быть систематически внушаемо, что он как член семьи русской, должен выполнять ряд обязанностей постоянных и временных, что как чины отряда, так и путешествующие несут каждый свою службу («не увеселяются») и он должен им помогать; что за неисполнение сказанного он всегда будет и должен быть наказан.

Такое отношение должно быть проведено систематически и неуклонно, не стесняясь частными неудобствами.

б) Как с Китаем, так и с Афганистаном должно добиться договора о взаимной передаче перебежавших границу и достигнуть усвоения соседями взгляда, что бежавшие должны признаваться государственными преступниками. Это условие должно считаться самым важным и если оно не будет выполнено, тщетными могут оказаться все остальные мероприятия.

в) Граница на юге Памиров не должна быть оставлена по р. Памиру, иначе киргизы поневоле будут переходить границу: им иначе зимой прокормить скота нельзя, да кроме того, по всем их преданиям, они всегда пользовались Большим Памиром. Нельзя в такой мере злоупотреблять этнографическими и хозяйственными условиями, как это было сделано при назначении р. Памира нашей границей, последняя должна быть отодвинута на хребет ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II – границу естественную по географическим, этнографическим и бытовым данным.

г) Должно быть обращено особенное внимание на выбор начальствующего персонала, как офицеров, так и туземцев. Первые должны знать по возможности каждого подчиненного им киргиза в лицо, знать его хозяйство, годовое распределение кочевков и лично следить за раскладкой и выполнением киргизами текущих налоговых обязанностей. Управление должно быть строгое и справедливое.

д) Со всеми мероприятиями киргизы должны быть ознакомлены заранее и им предложено, если они не хотят выполнять требований, покинуть наши пределы; те же, кои остаются, должны дать расписки в том, что они ни в коем случае не будут покидать наших пределов и за переход рано или поздно должны понести кару.

Как ни кажутся указанные меры крутыми, но весь опыт прошлого и личные наблюдения многих лиц показывают, что они неизбежны, что рано или поздно к ним приступить придется, и что других мер, на результат которых можно рассчитывать, совершенно нет.

Весенние голодовки киргизов.

Одним из несчастий в быте памирских киргизов, резко подрывающих их благосостояние, являются хронические весенние голодовки. Хлеб киргизами закупается на Алае, в Орошоре, Шах-даре, Гунте и в восточных кишлаках Вахана – Лянгар-Гиште и Зунге, но все эти местности настолько удалены от кочевых Памиров, а зимой и весной так уединяются благодаря снежным заносам на перевалах, что бедняки, конечно, не могут запастись на всю зиму, а богатые не сделают этого по небрежности и недалекости, свойственным кочевнику. Между тем, достаточно зиме затянуться или снегу выпасть несколько более обыкновенного, как это было в зиму 1896–1897 или 1899–1900 гг., чтобы среди населения началась сильная голодовка, а среди скота падеж, принимающие размеры необычайные и несущие бедствия, которым нет подобных.

Необходимость прийти на помощь населению была отмечена еще капитаном Эггертом, начальником Памирского отряда в 1896–97 гг., выяснена важность вопроса и необходимость его скорейшего регулирования. Капитаном Эггертом рекомендовалось иметь на Памирском посту запасной муки 1000–1500 пудов, чтобы продавать населению по цене не выше 2 рублей за пуд; последнее по тому соображению, что дорожке киргизы платить не станут. Тем же офицером рекомендовалась и другая мера, могущая облегчить как положение, так, вероятно, и довольствие отряда, это – свободный провоз хлеба, крупы и ячменя из Кашгара и Тагармы.

Военному министру угодно было согласиться с первой из предложенных мер, причем, в резолюции было оговорено против пункта о цене – «желательно без убытка», а против места о запасе муки 1000–1500 пуд. – «необходимо этот запас образовать, но в зерне, а не в муке». В 1898 году деятельно производилась заготовка запасов провианта и ячменя и в этом отношении были достигнуты такие результаты:

Восточные посты были обеспечены продовольственными запасами и фуражом, подвезившимся из Оша, более чем до 1-го сентября 1900 года; для постов же, расположенных по Пянджу, заготовлены покупкой на месте запасы муки и ячменя с таким расчетом, чтобы их хватило до нового урожая, т. е. до начала октября 1899 года.

Запас провианта пришлось хранить в муке ввиду того, что у Памирского населения имеются только ручные мельницы.

Обсуждая тему поддержания населения в голодовки, приходится сказать, что она неизбежна, но вместе с тем, и единственная. Считая число душ памирского населения в 2000 человек и определяя по 1-1½ фунту в зерне на человека в день, ежедневную потребность населения можно определить в 50–75 пудов и рассчитывая на возможность продолжения зимы *min* в течение месяца, размер запаса должен определяться количеством пудов не меньшим 1500–2250 пудов зерна.

Надо все же добиваться, чтобы запас провианта хранился в зерне, а не в муке, ибо имеется уже и опыт, что последняя портится. Так, капитаном Аносовым были приняты запасы муки от своего предшественника и последняя комиссией найдена была негодной. Едва ли при недостатке на Памирах текущей воды и при большом выпадении ее могло бы встретиться затруднение в устройстве небольшой водяной мельницы по типу хотя бы таджикской, но большей продуктивности. Особенно не трудно было бы сделать это теперь, когда на Памирах находится военный инженер, занятый возведением построек.

Нельзя согласиться лишь с характером выполнения меры. Из дел не видно, было ли памирское население привлечено так или иначе к работе подвоза и нужно думать, что не было; между тем, привлекать его необходимо и в виду не только облегчения и удешевления подвоза, а в целях поднятия его самостоятельности и уничтожения присущих киргизу особенностей – тунеядства и безделия; нельзя упускать ни одного случая возможности нравственного воздействия на кочевника.

Вместе с тем, слабо была очерчена в мероприятии заготовка корма для скота, а это едва ли не важнее питания самого народонаселения. Последнее все же принимает некоторые меры для самопропитания, голодовки бывают не каждый год и, наконец, народу мало и горе можно еще одолевать, но весенние падежи скота совершаются ежегодно, в тяжелые годы принимают вопиющие размеры, бороться с бедствием очень трудно.

Заготовить запас, чтобы поддержать скот тяжелой весной почти нет возможности, хотя и в этом направлении нужно сделать, что можно.

Единственный путь - побуждать население к заготовке фуража на зиму, причем, в начале придется прибегнуть к простым приказаниям; к сожалению, мест, где можно снять траву, в настоящее время на Памирах мало, например, до последнего времени отмечено таким почти одно лишь урочище Мадъян по течению Мургаба. Но если вмешиваться в порядок использования пастбищ и урегулировать его в целях сохранения на некоторых участках трав для косьбы, то таковые найдутся и, быть может, дадут запас, достаточный на зиму. Категорически высказаться пока нет возможности за отсутствием опыта и наблюдений.

С улучшением хозяйств в Припамирских ханствах можно надеяться, что они окажутся большими помощниками в случае бедствий своих соседей на Памирах. И теперь можно было бы под предлогом сбора продовольственных запасов для таджикского населения на случай голоденок, иметь таковые в сущности для памирских киргиз.

Деятельность чинов Памирского отряда. Их выбор.

Очерченный круг военно-административных работ на Памирах показывает, что деятельность чинов отряда весьма трудна, разнообразна и делает необходимым особенно внимательный подбор офицеров; вместе с тем, сама природа страны предъявляет особенные требования к физической организации как людей отряда, так и лошадей, и с этой стороны дела при выборе также приходится считаться.

Деятельность начальника отряда, направленная на управление (и воспитание) киргизами, весьма сложную и тонкую работу наблюдения за деятельностью бухарской администрации, производство разведок и управление отрядом и частями его, отброшенными на расстоянии 200-300 верст, требует человека молодого, свежего, исключительно высоких нравственных принципов, тактичного, имеющего строевую и хозяйственную опытность, знающего основательно Памиры, подготовленного к пониманию явлений в соседних странах и производству в них успешных рекогносцировок, и, наконец, способного на случай осложнений повести дело на свой страх и риск. Едва ли ошибочно будет сказать, что такому требованию может удовлетворить исключительно дарования строевой офицер, владеющий разносторонним общим и военным образованием, или офицер с высшим образованием, скорее всего, Генерального штаба, при условии удовлетворения им тех из перечисленных выше качеств, которые не могут быть усвоены в стенах академии.

В развитие сжато выраженного принципа подбора можно представить такие соображения и примеры.

Управление отрядом является особо трудным как благодаря далеким отбросам постов, затруднительности или невозможности сообщений, так и сложности самих постовых задач, которые являются теми же, что и у начальника отряда, но лишь в меньшем масштабе. Управлять при таких условиях приказами нет возможности, ибо обстоятельства успевают изменить обстановку, вызывающую то или иное приказание, или даже совсем устранить ее. Поэтому неизбежно в большинстве случаев управлять инструкциями, в общей идее предусматривающими деятельность. А такой трудный тип управления может выполняться или человеком способным к нему по рождению, или таким, который имел случай изучать типы управления хотя бы теоретически (в академии Генерального штаба). Непонимание этого вопроса вызывает на Памирах ряд недоразумений, иногда принимающих нежелательную форму взаимоотношений между начальником и подчиненным офицером.

Чтобы знать, как вести рекогносцировку, какие преследовать разведывательные задачи и как понимать разноречивые, запутанные и сложные донесения разведчиков, надо понимать ясно топографию Памиров, их природу, знать сопредельные страны и их историю, и быть знакомым с предшествующими задачами по делам окружного штаба и ферганской канцелярии. Это опять обуславливает наличие такой подготовки, которая предполагает даже в офицере Генерального штаба специальным образом направленную предварительную работу.

Хозяйство отряда трудно не только по значительности отряда, но, главным образом, по специальным и особенным условиям природы Памиров. Опыт годов показывает, что эта сторона дела чаще всего вызывала затруднения, восходившие на разрешение высших инстанций, и что многие вопросы и по сию пору ждут разрешения. Но тем не менее, надо подчеркнуть все же подчиненное положение этого вопроса по отношению к другим – военным, политическим, и, не требуя безусловно хозяйственной подготовки со стороны начальника отряда, раз он удовлетворяет другим требованиям, стараться разумно решить вопрос путем подбора знающего, опытного, энергичного заведующего хозяйством.

Большие суммы, имеющиеся в распоряжении начальника отряда, затруднительность отчетности по некоторым отделам, например, рекогносцировочной, поголовная безграмотность и невежество населения, соблазнительная легкость всевозможных злоупотреблений и, наконец, отброшенность самих Памиров – все это создает наличность таких нравственных искушений, что при выборе офицеров грешно было бы довольствоваться лишь официальной гарантией его нравственной безупречности, т. е. званием офицера.

Щепетильность самого вопроса и неудобство освещения дела – с фактической стороны – заставляют закончить вопрос заверением возможно осторожного отношения к личным выводам и все же глубоким убеждением в правоте сказанного.

Сказанное по отношению к начальнику отряда может быть почти повторено при обсуждении вопроса о подборе офицеров, выкинув лишь необходимость предварительной специальной подготовки, но, с другой стороны, для заведующего хозяйством усугубив нравственные требования, а для младших офицеров выдвинув требования выносливости, привычки к продолжительной верховой езде и умение вести съемку.

На выбор людей всегда обращалось самое серьезное внимание, особенно с физической стороны, и в начале даже может быть несколько нервное, ибо климат Памиров по незнанию считался не только суровым, но и нездоровым. Последующие наблюдения и выводы привели к успокаивающему выводу, что климат Памиров здоровый, но только для здоровых людей, на которых он сказывается благотворно, но при небольших недочетах в организме, особенно, например, в сфере сердца, таковые резко усиливаются и могут принимать опасную форму.

Поэтому, ни против масштаба при выборе людей, ни против практики ничего нельзя сказать и даже нечего добавить, а такие случаи, что в состав отряда все-таки попадают иногда люди с хроническими болезнями, обнаруживаемыми впоследствии (грыжа, перелой, сифилис, трахома и др.), должны считаться единичными, вполне объяснимыми невозможностью иногда констатировать наличность той или другой болезни.

Совсем иначе дело обстоит с выбором лошадей. Нельзя, посылая строевую лошадь на один-два года, довольствоваться наружным ее осмотром и успокаиваться тем, что копыта лошади находятся в порядке, а спина непобита. Частая смерть лошадей, о которой упоминалось выше, и характер ее являются лучшими критиками практикуемого до сих пор выбора лошадей. Последние должны быть подвергнуты такому же всестороннему ветеринарному осмотру, какому медицинскому подвергаются люди. Особенное внимание должно быть обращено на сердце, ибо на долю его в разреженном воздухе Памиров выпадают самые трудные работы.

Здесь же должно быть упомянуто: что мало подобрать лошадей, нужно их известным образом подработать для движений на Памирах и держать в определенном режиме. Если пустить лошадей на траву в тот период, когда последняя хороша, и ограничиваться небольшими поездками 1–2 раза в неделю, то в случае форсированного движения ожиревшие лошади будут в весьма рискованном положении.

Режим нельзя наметить какими-либо определенными чертами, ибо для этого нет опытных данных. Вероятно, многое можно позаимствовать от тех приемов, которые употребляют киргизы для тренировки лошадей на скачки, так, например, систематическое кутанье лошадей в несколько попон, определенный способ подкармливания, ежедневная поездка и др. В приемах много крайнего и излишнего, но основная сторона без сомнения подсказана долгими опытами борьбы с суровыми условиями Памиров.

Нельзя также упускать из виду, некоторые случаи смерти лошадей были обусловлены недостаточным знакомством офицеров поста с кавалерийским делом и с порядком выполнения и размером кавалерийских переходов. Инструкция на эти случаи может помочь делу, ибо требовать от пехотного офицера сказанных знаний практически в общем случае будет невозможно.

Инструкции.

Каждый начальник поста, как выяснено было выше, должен выполнять ряд работ по управлению чинами поста, и тем или иным районом народонаселения, по производству разведок и по изучению соприкасающейся с постом местности. По причине трудности сношений со штабом отряда и сложности самих работ офицеру нельзя за каждым вопросом и решением обращаться к начальнику отряда и потому ему неизбежно должен быть предоставлен значительный простор. Он должен иметь право в известных пределах вести хозяйственные операции и, значит, иметь в своем распоряжении некоторый аванс, задаваться ближайшими задачами по разведкам, иметь некоторую дисциплинарную власть по отношению к населению; иметь право давать билеты на переход границы и т. п. Все это необходимо и всякая иная организация будет тормозить и вредить делу. Подобравши самым строгим образом офицеров, нужно им верить и не бояться некоторых «возможностей», вроде неудач хозяйственных, некоторого увлечения в разведке и т. п.

Офицер поста особенно не должен упускать из виду, что он обязан основательно знать прилегающую местность в военно-статистическом отношении и все пути, что в случае осложнений он первый представит ближайший материал для встречающихся сообщений и будет проводником колонны.

Сказанное показывает, что офицеры поста должны иметь инструкцию, определяющую круг их деятельности и пределы их власти; инструкция должна быть одна для всех постов и строго приурочена к тому широкому масштабу требований, который лежит на начальнике поста. Желательно, чтобы по составлении ее начальником отряда она была выслана в штаб для соответствующих просмотра и утверждения.

Организация быта чинов Памирского отряда.

Считаясь с суровостью природы Памиров и отброшенностью людей от всего мира, надо на вопрос организации быта взглянуть с особенным вниманием. В физическом отношении Памиры не сказались особенно тяжелым пристанищем, но их воздействие на настроение и чувство чинов отряда было всегда невеселым. Дикость природы, холода в течение 8 месяцев, недостаток общения с людьми, систематические особенно удручающие людей ветра, ненормальные физические условия, разреженность воздуха – все эти причины, протекая с безжалостной неизбежностью и постоянством, сказываются для людей большой тяготой. Только обыкновенная уживчивость русского человека, его дивная способность всюду обзавестись своим замкнутым домком и создать вокруг себя сумму текущих интересов, да способность нашего офицера стоять выше всяких невзгод, связанных с его службой, могли до некоторой степени умерять сказанные неудобства.

Описанные тяжелые условия жизни заставляют последнего обставить возможно уютнее и богаче. Прежде всего, на очереди стоят жилища, и в этом отношении мы находимся на пути вполне удовлетворительного решения вопроса, поэтому описания здания и юрт, в которых помещаются люди на некоторых постах, могут, к счастью, быть признаны излишними.

В настоящее время офицеры живут поистине ужасно; обстановки никакой: ни стола, ни стульев, ни посуды, ни зеркала (разумею предметы не самодельные, или случайно где-то взятые), не говоря уже о более тонких вещах, как, например, музыкальные инструменты. Наложить на людей такую серьезную и трудную задачу, забросить на неприятные высоты, и вместе с этим, поставить их в такую несчастную ближайшую обстановку – это грех непростительный и ничем не оправданный. Офицеры должны получить все, что им так долго недоставало и притом, конечно, не на свой счет, а на счет казенный.

Как бы офицер лично не был убежден в необходимости более удобной обстановки, но отправляясь на 1–2 года, он ее с собою не возьмет, да и не может взять, ибо перевозка будет слишком дорога, да вообще пересылка обстановки будет ему не по плечу.

Что же касается до расхода, вызываемого со стороны казны закупкой и пересылкой обстановки, то таковой без труда может быть покрыт из тех сбережений, которые ежегодно представляются начальниками отрядов. Как бы ни были симпатичны побуждения начальников, дающих указанную экономию к казенному интересу они свидетельствовали, все же вспоминая большое неустройство и обилие нужд на Памирах, нельзя сбереженные суммы встречать иначе, как с большим сожалением.

Для интеллигентного человека одним из средств бороться с одиночеством и отброшенностью от общества является легкость получения газет, журналов и всяких новостей; вводя в круг общечеловеческих интересов, знакомя с текущими интересами общества и давая возможность беседовать с ближними, эти неизменные спутники культурного человека облегчают ему жизнь, делая ее содержательнее и полнее. Это соображение должно заставить озаботиться внимательной организацией почтового сношения на Памирах и возможно полным и разнообразным снабжением офицеров отряда газетами, журналами и, будет возможно, книгами. Так как выписывать по несколько экземпляров дорого, то нужно наладить последовательный обход газетами всех постов, выработав для этого безобидный порядок.

Для улучшения быта нижних чинов необходимо, как всегда и везде, позаботиться прежде всего о двух предметах – об его помещении и об его питании. О первом было сказано, о втором не придется много останавливаться. Продовольствие людей являлось первой заботой как начальствующих чинов Памирского отряда, так и высших начальников в крае. Внимательное отношение к вопросу и систематическое наблюдение результатов создали ряд выводов, которыми можно теперь пользоваться спокойно. Так, например, было усмотрено, что однообразие местности, постоянные ветры, скука и сознание одиночества оказывали такое влияние на людей, что пищу самую хорошую, но однообразную, организм иногда отказывался принимать, почему было сделано заключение о необходимости иметь пищу по возможности разнообразную.

Или, на Памирах наблюдалась у людей большая потребность в продуктах, изобилующих кислотами, для восполнения в организме недостающего притока кислорода воздуха, а это обстоятельство говорило о необходимости специального характера подбора пищи.

Нужно лишь оттенить, что питание солдат является таким большим и требовательным местом среди других организационных вопросов на Памирах, что к нему должно поддерживаться неослабное и приподнятое внимание, для него ничего не нужно жалеть, памятуя, что за всякий пропуск Памиры накажут строго. Заметим, что особенно осторожно нужно относиться к вопросу по отношению к людям, находящимся на посту без офицера. Имеются наблюдения, что люди в целях сбережения кормовых денег питались дурно, покупая лишь кое-что у туземцев. Средство бороться с этим злом едва ли будет трудно найти начальнику отряда, но так или иначе зло должно быть искоренено.

Таким образом, поместив нижнего чина в удобном жилье и снабдив его хорошей пищей, надо будет позаботиться и о других сторонах его быта.

Прежде всего, в жизни простого человека очень большое место занимает духовно-религиозная сторона. Простой человек должен не забывать молиться, не забывать праздников и приуроченных к ним молитв, должен воспроизводить духовную работу по возможности в том виде, как это было в деревне. Выполняя это, человек удовлетворяет свои потребности, освежается нравственно, вносит в жизнь разнообразие и, наконец, производит желательное впечатление на окружающих туземцев. Эта сторона в организации быта Памирских постов до сих пор была совершенно упущена.

Во всеподданнейшей записке 1895 года предлагалось внести в штат отряда священника и 2 церковников, неизвестно, какое последовало решение, вероятно, отрицательное. Если подобная мера считается слишком крупной и не вполне оправдываемой обстоятельствами, то можно было бы внести другие, которые так или иначе поддерживали бы религиозные настроения людей и вносили освежающий распорядок в их жизнь; в крайнем случае в инструкции начальникам постов должен быть внесен §, предписывающий не упускать из виду сказанного дела.

Нижнего чина на Памирах нужно еще поддерживать развлечениями и это будет не только заслуженной наградой за его труды и лишения, но и необходимым элементом в его борьбе с суровыми условиями жизни. Меры развлечения – разнообразны и

достаточно указать лишь на наиболее важные.

Во-первых, желательно создать солдатскую библиотеку, сосредоточив таковую в штабе отряда; части ее могут пересылаться на посты с условием возвращения книжного материала обратно по мере надобности. Подобрание материала можно было бы предоставить офицеру, знакомому с делом, но надо стремиться, чтобы материал был разнообразен, не исчерпывался бы лишь «солдатскими книжками» и книги были бы в прочных переплетах.

Во-вторых, надо доставлять людям возможность охотиться, для чего Памиры представляют исключительную, может быть во всем мире, арену. На охоту не приходится смотреть как на одно лишь развлечение. Проходить курсы стрельбы на Памирах не представляется возможным по многим причинам, в результате чего нижний чин может в 2 года не сделать ни одного выстрела. Явление по нашим воззрениям на винтовку и отношение к ней чина весьма не похвальное. Охота давала бы возможность человеку до некоторой степени не забывать своего оружия и не привыкать смотреть на него как на дубину, оттягивающую плечи.

Кроме того, охота была бы весьма полезна в качестве спорта и подготовительных упражнений на случай похода, ибо где лучше может приспособливаться организм и, в частности, дыхание, как не во время быстрых и трудных движений на охоте.

Различные организационные вопросы.

Наблюдение жизни и деятельности чинов отряда знакомит с решением многообразных организационных вопросов. Указание и оценка их представляет специальную задачу и довольно частного характера, хотя нелишне привести примеры некоторых отрицательных решений.

На каждом посту, по причине его удаленности и сложности задач на нем лежащих, желателен бы офицер, но если такового нет, то, по крайней мере, унтер-офицер, а, между тем, случается, что во главе поста стоит рядовой, как, например, некоторое время было на Ранг-кульском и Ишкашимском постах.

В случае совместного нахождения казаков и солдат желательно, чтобы каждая группа чинов имела его начальника из нижних чинов, подчиненного непосредственно офицеру. Это вызывается тем, что уряднику, например, трудно управлять пехотинцами по незнанию условий службы и организации ее, а при подчинении пехоты и казаков одновременно нельзя требовать от него одинаково-беспристрастного отношения к людям. Такой просчет наблюдался, например, на Лянгарском посту, где команда была объединена под властью урядника.

Джигиты и кузнецы должны быть распределены по постам сообразно с возможной нуждой в них, между тем, наблюдается, что первые в преобладающем количестве (около 10) были сосредоточены на Хороге, где, не имея никакой работы, они могли быть лишь помехой, а на других постах было по одному джигиту, так что на западных постах с посылкой последнего приходилось оставаться «без языка»; вторые тоже были взяты в Хорог, а на Лянгаре некоторое время не было ни одного кузнеца (на Хороге 22-25 строевых лошадей, Лянгаре - 20).

Казачьи лошади имеют на Памирских постах по одному запасному скату подков, так что многие лошади, истоптав или испортив подковы, должны были оставаться раскованными, ибо запас приберегался на случай возвращения конных частей с Памиров. О серьезности такого положения вещей много говорить не приходится: оно лишает возможности казаков вести разъездную службу, ибо почва на Памирах, особенно западных, весьма камениста, а на случай осложнений и вызванной усиленной работы один скат быстро может кончиться. Необходимо иметь не только 2-3 запасных ската на каждом из постов, но и общий в 3-5 скатов, на общее число строевых лошадей, при штабе отряда.

Все эти организационные недочеты, да и другие более мелкого порядка, не имеют принципиальной важности и легко могут быть устранены при деятельном и вдумчивом отношении к делу со стороны начальника Памирского отряда и его помощников.

Значение Памиров.

Заклучая вышеизложенное о Памирах, нужно остановиться на значении их для нас, ибо толкование последнего в ту или иную сторону естественно изменяет наше отношение к тем вопросам, которые выше трактовались.

Историческая справка.

История Памиров немного может помочь выяснению вопроса, хотя краткая справка о ней будет бесполезна.

Оставляя полуполюгенду о Памирах, как колыбели арийского племени, и переходя во времена уже исторические, нужно заметить, что сведения о них были всегда смутны и сбивчивы. По-видимому, восточная и западная часть Памиров всегда жили отдельной жизнью и имели между собою временное, чаще всего, враждебное сношение.

Насколько можно судить по сочинениям китайских пилигримов VI и VII столетий и сочинению Марко Поло, Восточные Памиры были необитаемы с нашей эры и, по крайней мере, до XIII столетия, а западные были заняты народом арийской ветви – до X–XI веков огнепоклонниками-язычниками, а после обращенными в мусульманство. С незапамятных времен эти народы образовали несколько отдельных ханств, независимых одно от другого и управляемых самостоятельными, часто пришлыми, правителями. Арабские географы, говоря о Припамирских ханствах, приводят размеры платимых податей, говорят о минеральных богатствах стран и о значительном караванном движении, проходившем через Вахан и направлявшемся в нынешнюю Кашгарию.

Из трех великих завоевателей – Чингис-хана, Тамерлана и Шейбани-хана – никто не проникал в западные припамирские страны, хотя некоторые из последователей Султана Бабера, вытесненные узбеками из богатых долин Согдианы, нашли здесь убежище и потом занявшие привилегированное положение, до сих пор выделяются именем и чертами лица.

Последние три столетия Восточные Памиры были заняты кара-киргизами, которые в XVII столетии были вытеснены сюда калмыками и которые первое время, по-видимому, не находясь под чьей-либо властью, представляли из себя разобщенную группу разбойников, промышленявших грабежом караванов и прилежащего оседлого населения. Памирские страны образовали 3 независимых ханства, под деспотической властью ханов тюркского происхождения.

Ханства находились между собою в постоянных войнах, что немало подрывало их благосостояние. Ханства вели торговлю с Бадахшаном и прерывчатую с городами восточной Ферганы. Главным предметом торговли являлись невольники, по преимуществу, женщины и мальчики. Иногда ханства становились в зависимость от соседних стран – Бадахшана, Кундуза, но эта зависимость была чисто номинальная.

За последние полтора столетия лет памирские киргизы находились под владычеством Кокандского ханства, власть которого распространялась на все кочевое население Памиров и соседних стран. Это не было управление, как мы понимаем его в новейшее время, а лишь временный приход властей для сбора подати или выполнения карательных мер. Такая власть не могла внести какой-либо порядок и покой среди памирского кочевого населения и страны являлись ареной сплошного безобразия и произвола. Наиболее ранние исследователи Памиров, как, например, Вуд, говорят, что будучи подданными Коканда памирские киргизы имели связь с Китаем и Тибетом; главной и единственной задачей их жизни было «кого-либо пограбить». Естественно, что китайцы их ненавидели и казнили при первой же возможности. Ваханцы отзывались о них, как народе трусливом, не заслуживающем доверия, известном грабителе.

Последние 15–17 лет до нашего движения на Памиры на восточную часть их до р. Ак-су начали заявлять претензию китайцы, воспользовавшись тем обстоятельством, что мы, естественные преемники кокандского хана, оставили Памиры без внимания. Власть китайцев проявлялась лишь в занятии постами – например, у Ак-таша, Истыка, Ранг-куля

- некоторых мест и была чисто временным пребыванием на оставшейся им чужой территории. Податей китайцы не налагали и каких-либо вещественных знаков своего владычества ни в чем не оставляли. Несмотря на близость событий, воспоминание об этом владычестве почти исчезло из народной памяти.

Почти одновременно Бадахшаном и Западными Памирами завладели афганцы. Это еще менее похоже было на управление, чем таковое же китайцев. Афганцы лишь грабили, жгли, истязали людей и неистово сносили с лица земли последние остатки народного блага и трудов.

Вызванный китайцами и афганцами на Памирах сплошной беспорядок и интриги англичан, думавших официальным актом закрепить произвольный раздел Памиров между афганцами и китайцами, а также и другие соображения, заставили нас вспомнить о наших правах и вызвали в начале девяностых годов ряд экспедиций, окончившихся фактическим занятием сначала восточной, а после и западной части Памиров.

Значение.

Во всеподданнейшей записке 1895 года о Памирах мы находим следующие интересные строки:

Фактическое занятие нами Памирского края в границе: на востоке - Сарыкольский хребет, на юге - озеро Зор-куль и хребет Гиндукуш (Куги-Баянд) и на западе - владения Рушана и Шугнана, с весны 1892 года дало следующие результаты.

- 1) Интересы наших подданных киргиз на Памире восстановлены, неприкосновенность их защищена, а вследствие этого вполне сохранено обаяние русского имени в Средней Азии.
- 2) Прекращены происки и интриги Англии по разделу Памиров между Афганистаном и Китаем без участия России.
- 3) Более обеспечены безопасность и спокойствие в Ферганской области, так как возвращением неправильно захваченных Памиров отдалена наша граница от весьма населенной и богатой Ферганы на довольно значительное расстояние, а вследствие этого не должно встретиться надобности в усилении войск в этом пограничном крае.
- 4) Занятие нами Памиров, в видах обеспечения Туркестана, не даст возможности Англии распространить свое влияние за Гиндукуш.
- 5) В Памирах мы имеем отличную оборонительную позицию, а в случае нужды и путь наступления на Гиндукуш.
- 6) Географическое пограничное положение Памиров облегчает нам своевременный сбор разведочных сведений военного и политического характера.

Этим констатировались результаты фактического занятия Памиров, но не давалось никакого научного освещения.

Политико-экономическое.

В нашей, а особенно в английской литературе, подчеркивалось политико-экономическое значение Памиров. Выдаваясь далеко на юг и врезываясь между владениями Китая, Англии и Афганистана, они создали собою для нас выгодную позицию, с которой мы можем наблюдать жизнь в пограничных странах и так или иначе влиять на нее. С этой стороны Памиры являются надежным и грозным политическим бастионом. Жизнь наших соседей, их политическая работа и прилежащее торговое движение плывет мимо нашей позиции, под нашим наблюдающим глазом и, значит, под нашим неизбежным контролем. Этому значению Памиров как политического бастиона следует приписать результаты, указанные в 2, 3 и 4 пунктах.

Еще более решительное влияние Памиров с этой стороны сказалось на торговле. Нужно

заметить, что если торговля в Европе стоит под влиянием условий техники и законов свободного обмена, то в Азии дело стоит иначе и лучшей гарантией торговли здесь является преобладающее, по каким угодно причинам, политическое и военное влияние. Так велось всегда, так ведется и поныне с той лишь разницей, что теперь стараются скрыть истинные пружины торговых сношений. Мы видим, что владение нами Памирами – лишает возможности вести английскую торговлю через северные проходы Гиндукуша и через Сарыкол и отбрасывает ее на круговой путь через северо-восточную границу Индии и перевалы Каракорума. Такое невыгодное и необеспеченное движение английских товаров, в связи с нашим преобладающим положением в Кашгарии, опять-таки выгодной Памирской позиции, создает сильно преобладающее в Западном Китае положение для нашей торговли в ущерб английской. Отдайте Памиры и дайте вследствие этого возможность английским товарам пойти дорогами Читрал – Дара – Вахан-дарья – Тагдумбаш – Кашгар или Сринагар – Гунза – Каллик – Тагдумбаш – Кашгар, и наш рынок в Кашгарии можно будет удержать разве большим трудом, а то и вовсе потерять. Англо-индийские газеты и некоторые из писателей, например, Коббольд, выражали недоумение, почему торговля не идет более прямыми и ясно выгодными путями, причем, присоединяли очень убедительные подсчеты. Это в большинстве случаев говорило о том, что природа азиатской торговли не довольно основательно понималась авторами, да, кроме того, упускалось из виду, что продвижение наших владений до Гиндукуша и в соседство с беспокойными племенами Северной Индии побудило англичан отнестись весьма осторожно к своей северной границе, чем и было вызвано закрытие границы не только для торговых караванов, но и для отдельных путешественников, даже для англичан.

Стратегическое.

Едва ли не большее значение Памиры имеют со стратегической точки зрения. Присматриваясь к конфигурации нашей пограничной линии, мы видим, что благодаря Памирскому выступу афганская граница на востоке и Западный Китай на западе охватываются нами по вогнутой к нам дуге, концы которой оказываются врезающимися в неприятельскую территорию; благодаря тому же выступу мы подошли к Гиндукушу и почти вошли в соприкосновение с британскими владениями в Индии, т. е. с Англией.

Первая особенность нашей границы признается в стратегии желательной и выгодной. Но при этом поднимается естественный вопрос, придется ли нам пользоваться указанной выгодой границы и где данные, что ее стоило добиваться? По отношению к Западному Китаю на вопрос едва ли можно ответить законченно. Эта территория Китая в далекие времена истории редко являлась какой-либо обособленной частью Туркестана, была населена однородными народами и неизменно входила в круговорот жизни Средней Азии при всех крупных объединениях народов, но, тем не менее, Западный Китай все же время от времени уединялся от других частей Туркестана, составлял отдельные государства, факт вполне естественный по географическим условиям.

Мы в прошлом имели дело с Западным Китаем и предпочли не овладевать им, а занять лишь выгодные стратегические выходы.

Поэтому, возможность столкновения с Западным Китаем не предопределяется точно прошлым истории, а наши отношения в прошлом к государству Якуб-бека и Кульдже свидетельствуют о том, что как тогда, так, вероятно, и теперь за Западным Китаем мы гнаться не будем. Остается возможность осложнения с ним на почве соперничества с Англией, но эта версия, хотя и возможная, не может являться фактом положительным.

Отсюда, выгодное стратегическое положение Памиров по отношению к Западному Китаю является делом, по крайней мере, нелишним.

Что же касается до Северного Афганистана, то здесь рано или поздно мы должны ожидать борьбы и нашего дальнейшего продвижения на юг; в этом нужно убедиться настолько решительно, насколько человеческому уму доступно предугадывать и проникать в сферу будущих исторических движений.

Далекое прошлое Туркестана – до Р.Х. – и последующее показывают, что р. Аму-дарья никогда не играла роль пограничной линии, что таковой она являлась лишь ничтожные

периоды, и что создатели великих азиатских монархий никогда даже не останавливались перед этой рекой как этапом в их последовательных завоеваниях. Народы, жившие по обоим берегам реки, всегда были или совсем близки по крови, или являлись близкими коленами одного и того же рода; владения, разделенные рекой, всегда имели значение скорее бекств или подразделений одного общего государства, а не были обособленными царствами.

В более позднее время афганский Туркестан находился если не под властью Бухары, то, по крайней мере, в сфере ее влияний, с чем согласны и английские политические писатели; население его родственно с таковым же бекств по правую сторону, тяготение его к правобережным соседям наблюдалось постоянно. Последнее обстоятельство было давно понято эмиром афганским, имевшим в своей жизни возможность основательно изучить взаимные отношения прибрежных к Аму-дарье районов, и отсюда исходит его политика заселения севера своего государства чисто афганскими племенами и «глухого» замыкания границы.

Нам еще не пришлось иметь дела с Северным Афганистаном, почему трудно делать заключение о наших будущих действиях по примеру прошлых: попытки России захватить владение в Афганистане или вступить с ним в дипломатические отношения являются фактами единичными, не обрисовывающими ясно нашей политики.

Сказанное говорит о том, что Аму-дарья, являясь границей в настоящее время, вероятно, играет эту роль лишь временно, что повторность и аналогичность исторических явлений должна сказаться в переходе нашей границы через реку и продвижения ее до Гиндукуша и его западных отрогов. Что последний хребет должен быть нашей естественной границей с Англией и будет ею, об этом имеется уже целая литература и к этому выводу пришли не только русские исследователи вопроса, но некоторые и из английских писателей.

Таким образом, исторические, географические, этнографические и политические данные говорят за то, что нам суждено иметь дело в Северном Афганистане и, в конце концов, овладеть им.

А если это так, то стратегическая выгода памирского выступа в будущем должна сказаться с большой экономией в крови человеческой, труде и денежных тратах.

Продвижение наше при помощи Памиров до границы с Англией представляется для нас важным и выгодным уже с общегосударственной точки зрения. Наши отношения с Англией все прошлое столетие отмечены были явно враждебным колоритом и особенно со стороны Англии. Мы получили от нее ряд таких подкопов, которых не только простить, если бы об этом в международных отношениях могла быть речь, мы не можем, но мы не можем отнестись спокойно к пережитому опыту и обязаны всеми силами поставить отношения наши к Англии в такие рамки, чтобы не могло с ее стороны и возникнуть что-либо подобное прежнему.

История показывает, что систематические посягательства со стороны какой-либо державы прекращаются, главным образом, двумя путями – политикой и стратегически выгодной границей. Яркий пример второго приема показала Германия по окончанию войны с Францией в прошлом столетии; отбитая ее граница поставила ее в такое исключительно выгодное положение, что она не только устранила какое-либо наступление Франции, но сама поставила последнюю в рискованное положение, и вызвала в ней громадные затраты по укреплению своей новой восточной границы.

Все наше прошлое побуждает нас искать выгодного и доминирующего исходного положения по отношению к Англии. По исследованию специалистов, мы почти одни во всем мире имеем возможность достигнуть такового и это благодаря нашей близости к Индии – Ахиллесовой пяте английского могущества. Поэтому, нам необходимо становиться в возможно выгодное стратегическое положение к Индии и каждое улучшение его будет залогом нашей обеспеченности от атак нашего исторического врага.

В настоящее время это положение во многих отношениях неудобно и фактическое занятие Памиров есть лишь начало в серии предстоящих нам работ.

Но уже одни Памиры сделали нам много и им косвенным образом мы обязаны

некоторым из наших дипломатических успехов.

Имеется значительное число наблюдений, что англичане весьма ценят наши Памиры и стоят под их немалым влиянием. Их политические работы до экспедиций полковника (ныне генерал-лейтенанта) Ионова, многократные посылки рекогносцеров – Янгхазбанд, Дэвисон, Дизи, туземцы, две значительные экспедиции для исследования северных перевалов Гиндукуша и прилежащих стран – полковника Локхарта в 1886 г. и капитана Дюрэнда в 1888 г., основание Гильгитского политического агентства, экспедиции в Читрал, Канджурт и другие прилежащие страны, подготовка кашмирских войск, разработка путей и т. д., говорят о большой работе и больших издержках, и все это вызвано нашими Памирами и фактическим их занятием с нашей стороны.

Из сказанного следует, что стратегическое значение Памиров не исчерпывается лишь выгодами местными и экономией в будущем, а поднимается в сферы общегосударственные, и с этой точки зрения, по-видимому, оцениваются и нашим среднеазиатским соседом.

Значение Памиров для борьбы с мусульманством.

Еще одно значение Памиров должно быть указано: они разделяют широкой полосой сплошное мусульманское население Средней Азии и с этой точки зрения, по меткому замечанию одного из знатоков Памира, должны считаться «клином, вбитым в мусульманское тело». Не распространяясь на эту интересную тему, скажем лишь, что позднейшие исследования сути мусульманства и его природы показали, что эта религия не только воинствующая, но и способная к некоторым эволюциям и применимости к новым условиям; что она жизненная, свежая, могущая бороться, что она в состоянии объединить народы Средней Азии и, допустив их культурный подъем, создать грозного нам врага.

Нам уже с этой стороной дела приходилось считаться в прошлом и наша политика, например, к Якуб-беку Кашгарскому немало была продиктована предвидением борьбы с исламом. Еще много нужно работы, чтобы сказать о мусульманстве последнее слово, но указанная его сила и вытекающее отсюда значение Памира, является правдоподобным и возможным.

О значении Памиров, как рекогносцировочной инстанции было сказано выше.

Но какие же возражения представляют против удержания нами Памиров? Прежде всего, упоминают о дороговизне их управления, но ведь эта точка зрения никогда нами в Азии не усваивалась и мы преследовали здесь не цели изыскания рынков, а культурных и стратегических задач, а Памиры и не представляют чего-либо нового, а примыкают в этом отношении ко всем ханствам Туркестана. И потом, разве не стоят 80–100 т. руб. в год те выгоды, которые мы с Памирами приобретаем? Да, наконец, мы не добивались удешевления Памирского отряда и покрытия части его обложением населения податями, а тогда наши издержки, может быть, сведутся к пустякам или даже к нулю.

Говорят еще, что управление Памирами трудно, что они только впутывают нас в разные политические дрязги. Факта, может быть, и нельзя отрицать, но, тем не менее, возражение нужно признать не принципиальным. Если не из-за чего трудиться, нет результатов и выгод, то тратить усилий не нужно, но тогда нужно выяснить прежде вопрос о результатах и выгодах.

Что касается до самой трудности, то она очень естественна: Памиры являются средоточием политических и торговых интересов, это по существу авангардная позиция на нашем Среднеазиатском фронте, а на таких местах покоя ожидать нельзя и затруднения естественны. Так всегда было и будет.

Выдвигается еще аргумент, что Памиры не могут быть театром столкновений значительных масс войск и как операционное направление должны считаться второстепенным. Это глубоко правильно и думать иначе было бы увлечением, но положение указывает лишь на соподчиненное отношение Памиров как театра и операционного пути к другим, но несколько не побивает их значения, особенно с других указанных выше точек зрения.

Посмотрим на Памиры под иным углом зрения. Можем ли мы их бросить совершенно? Кажется, можно сказать вполне решительно, что нет. В Азии нет поворотов назад и она не признает единичного случая потери боевой позиции, не говоря уже об отступлении из пределов целой некогда занимаемой территории. Об этом не может быть и речи потому, что мы опять ценою крови и денег должны будем покупать то, за что уже нами ранее заплачено, ибо вновь мы должны ожидать политических интриг англичан и полной безурядицы и произвола в жизни памирского народонаселения. Наконец, если народы Средней Азии имеют право на благо нашей культуры, то мы не вправе отказывать в них памирским киргизам и таджикам.

Здесь будет уместно припомнить один из планов, в основу которого кладется желательность временно или совершенно покинуть Памиры. Пусть, говорится в плане, вместо того, чтобы нам форсировать Памирскую пустыню, делают это англичане, а мы встретим их, когда они будут утомлены и отдалены от базы. Сомнительно, чтобы наша среднеазиатская стратегия, да и едва ли прошлая великих завоевателей на полях Туркестана, когда-либо держалась таких приемов. Они отрицаются всеми выводами военной науки, а еще убедительнее всем прошлым Азии. Здесь прежде достижения боевых результатов приходилось бороться с природой и решимость преодолеть ее, работы по преодолению были первой стадией успеха. Можно было бы привести сколько угодно примеров в подтверждение этой мысли, но достаточно напомнить взятие Александром Македонским неприступных крепостей в Согдиане, операции Тимура в Сеистане или в Кафиристане, наши кампании против туркмен. Даже англичане в вопросе об обороне Индии против движения России, трактуя предмет с разных сторон, покинули один из планов, рекомендовавший пропустить русских через пустыни до первой оборонительной позиции в Сулеймановых горах и бить их там при крайне невыгодных для них условиях. Все подобные планы хороши лишь внешней логической стройностью, но, совершенно забывая духовный фактор, они являются гнилыми в самом основании. Едва ли во всей многовековой истории Средней Азии можно найти убедительный пример в подтверждение подобного рода стратегии.

Есть еще одна версия в вопросе об управлении Памирами. Предлагалось предоставить народонаселению управляться по его усмотрению и фактическое владение подтверждать временной посылкой разъездов, охотничьих команд и т. п.

Мы вправе не входить в разбирательство версии по существу, ибо имеем достаточно убедительный исторический опыт в ее непригодности. Предложение является в сущности какой-то полумерой и как таковая уже не сулит удовлетворительных результатов.

В период владычества кокандского хана над памирскими киргизами власть исчерпывалась подобным же отношением к подчиненным; лишь изредка на Памиры посылались представители кокандской власти, чаще всего за сбором податей, остальной период года жители были предоставлены себе. Результаты сказались тем, что Памиры являлись ареной разбоев, грабежей, полного беспорядка, убежищем от заслуженных наказаний, притоном дурного разнузданного народа; все это было естественным последствием указанной полумеры.

В более позднее время, после рекогносцировки Памиров полковником Ионовым летом 1891 года, они не были удержаны фактически и положение дел на Памирах тотчас же приняло свой прежний беспорядочный характер. Афганцы и китайцы продвинулись вперед и начали мутить и грабить население, первые собрали зякет даже с русских подданных - жителей окрестностей озера Кара-куль, англичане еще с большей против прежнего энергией повели свои интриги.

Заключая вопрос о значении для нас Памиров и о желательном с нашей стороны к ним отношении, можно сделать вывод, что Памиры имеют для нас немаловажное значение, вполне оправдывают и возвращают потраченные на них работу и деньги, и должны быть удержаны в нашем полном фактическом владении.

Генерального штаба капитан Снесарев

Список литературы и источников, использованных А. Е. Снесаревым при подготовке документа

Архивные дела штаба Туркестанского военного округа, относящиеся к экспедициям полковника М. Е. Ионова на Памиры и деятельности Памирских отрядов за период 1891–1901 гг.

Аристов Н. А. Англо-Индийский Кавказ. Столкновения Англии с афганскими пограничными племенами. СПб., 1900.

Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Т. II. СПб., 1900.

Биддельф. Народы, населяющие Гиндукуш. Сочинение майора английских королевских вооруженных сил Биддельфа – политического агента в Гилгите. Перевод с англ. П. Лессара. Асхабад, 1886.

Григорьев В. В. О скифском народе саках. СПб., 1871.

Григорьев В. В. Поход Александра Македонского в Западный Туркестан // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 217. Отд. II, 1881.

Кирхгоф М. А. Из поездки на Памиры // Известия Туркестанского отдела ИРГО. Т. II, вып. 1. Ташкент, 1900. С. 167–173.

Леер Г. А. Стратегия. Тактика театра военных действий. Ч. 1–3. СПб., 1885–1889.

Минаев И. П. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. СПб., 1879.

Наливкин В. П. Записка о возможных соотношениях между последними событиями в Китае и усилением панисламистского движения. (Составлена по поручению туркестанского генерал-губернатора С. М. Духовского в 1899 г.). Опубликовано: Военно-исторический журнал. 2002, № 6, с. 34–37.

Поездка по бухарским и афганским владениям Генерального штаба полковника Матвеева. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. V. СПб., 1883.

Реклю Э. Земля и люди // Всеобщая география. Том VI. Азиатская Россия и средне-азиатские ханства. СПб, 1883.

Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. II. СПб., 1883.

Экспедиция капитана Б. Л. Громбчевского на Памиры // Известия ИРГО. Т. XXV, вып. 5. СПб., 1889. С. 423–426.

Biddulph J. The Tribes of the Hindoo Koosh. London, 1880.

Bonvalot G. Through the Heart of Asia over the Pamir to India. London, 1889, 2 vols.

Chitral // The Geographical Journal. Vol. I. 1893. Pp. 51–53.

Cobbold R. P. Innermost Asia. Travel and Sport in the Pamirs. London, 1900.

Curzon G. N. The Pamirs and the Source of River Oxus. London, 1897.

Deasy H. H. P. In Tibet and Chinese Turkestan. Being the record of three years' exploration. London, 1901.

Dunmore, the Earl of Murray, Ch. A. The Pamirs. A Narrative of a Year's Expedition on Horseback and on Foot through Kashmir, Western Tibet, Chinese Tartary and Russian Central Asia. London, 1893. 2 vols.

Durand A. G. R. The Making of a Frontier. London, 1900.

'Explorations in the Pamir' and 'Further News of Grombchevski's Expedition across the Pamir // Proceedings of the Royal Geographical Society, Vol. 11, № 3, March 1889. P. 171–174.

Hanna H. B. *India's Scientific Frontier: Where and What is It?* London, 1895.

Littledale G. *A Journey Across the Pamir from North to South* // *Proceedings of the Royal Geographical Society, New Monthly Series*, 1892, vol. 14, № 1, January, p. 1-35.

Holdich, Sir Thomas Hungerford. *The Indian Borderland, 1880-1900*. London, 1901.

Paquier J. B. *Le Pamir. Étude de géographie physique et historique sur l'Asie Centrale*. Paris, 1876.

Raverty, Major Henry George. *The Tabakat-i-Nasiri of Minhaj-i-Saraj, Abu-Umar-i-Usman: A general history of the Muhammadan dynasties of Asia, including Hindustan from A. H. 194 (810 A. D.) to A. H. 658 (1260 A. D.), and the irruption of the infidel Mughals into Islam*. Vol. II. Calcutta, 1881.

Rawlinson, Sir Henry. *England and Russia in the East*. London, 1875.

Skrine F. H., Ross E. D. *The Heart of Asia. A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest Times*. London, 1899.

The Quarterly Indian Army List for April 1, 1901. Calcutta, 1901.

The Times, 1895, 12 April.

Wood J. *Journey to the Source of the River Oxus*. London, 1872.

Younghusband, Captain Frank E. Francis. *The Heart of a Continent: A Narrative of Travels in Manchuria, Across The Gobi Desert, Through The Himalayas, The Pamirs, and Chitral, 1884-1894*. London, 1896.

Принятые сокращения

АСС – Архив семьи Снесаревых.

АСС ПСК – Архив семьи Снесаревых. Письма к сестре К. Е. Комаровой, 1899–1904.

АСС ПСФ – Архив семьи Снесаревых. Письма к Е. В. Снесаревой с фронта, 1914–1918.

ВСб – Военный сборник.

ВТО – Военно-топографический отдел.

ГУГШ – Главное управление Генерального штаба.

ЗВОИРАО – Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества.

ИВР РАН – Институт восточных рукописей Российской Академии наук. г. Санкт-Петербург.

ИРГО – Императорское Русское географическое общество.

НАГШ – Николаевская академия Генерального штаба.

ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление.

ОКПС – Отдельный корпус пограничной стражи.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив. г. Москва.

РИ – Русский инвалид.

СССТВО – Сборник сведений, касающихся стран сопредельных с Туркестанским военным округом.

СМА – Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии.

ТВ – Туркестанские ведомости.

ТО ИРГО – Туркестанский отдел Императорского Русского географического общества.

ТСб – Туркестанский сборник.

ЦГАРУ – Центральный государственный архив Республики Узбекистан. г. Ташкент.

ОИОС – Oriental and India Office Collections, British Library. London.

TNA – The National Archives. Kew.

Глоссарий восточных терминов

Азан - в исламе призыв к обязательной молитве.

Аксакал - буквально «белобородый»; старший, глава сельского общества или объединения торговцев.

Амин - сельский старшина.

Бригит - воинское звание в афганской армии, соответствующее бригадному генералу.

Ганч - среднеазиатское название вяжущего материала, который изготавливается в результате обжига камневидной породы, содержащей гипс и глину.

Гумбез - мавзолей, могила знатного человека.

Даван - перевал.

Дарвоза - ворота.

Джарнель - воинское звание генерал в афганской армии.

Джигит - конный всадник.

Дурбар - совет знати или торжественный прием у монарха.

Зякет - налог со скота и купеческих товаров в размере 1/40.

Зякетчи - сборщик налога «зякет».

Ишан - глава суфийской общины.

Казий - мусульманский судья.

Керекеш - погонщик каравана, проводник.

Кибитка - юрта, домовладение у кочевых народов.

Кутас - як.

Мазар - могила святого, святое место.

Мир - титул правителей Хунзы.

Мирахур - титул главного конюшего бухарского эмира; чин в бухарской администрации, соответствующий сельскому старшине.

Мюрид - последователь суфийского наставника, принявший специальное посвящение.

Наиб - должность заместителя или помощника какого-нибудь начальника или духовного лица, иногда - начальник местной полиции, старшина сельской общины.

Палтан - пехотный полк в регулярной армии Афганистана.

Пир - глава суфийского братства.

Рабат - небольшое укрепление, замок феодала.

Сеид - почётный титул у мусульман для потомков пророка Мухаммеда (у шиитов - Али) через его дочь Фатиму и внука Хусейна.

Турсук - цельная шкура козла, надуваемая воздухом через одну из задних ног.

Тюря - у кочевых народов Средней Азии аристократическое привилегированное сословие, считающееся потомками Чингис-хана; «господин» в общем значении.

Архив семьи Снесаревых (АСС)

Письма к сестре К. Е. Комаровой (ПСК), 1899-1904.

Письма к Е. В. Снесаревой с фронта (ПСФ), 1914-1918.

Письма В. Н. Зайцева к А. Е. Снесареву.

Письма А. Е. Снесарева к В. Н. Зайцеву.

Письма В. Н. и О. А. Зайцевых к дочери.

Рукопись биографической работы Е. А. Снесаревой об отце.

**Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН (Архив ИВР РАН), г.
Санкт-Петербург**

Ф. 115. Оп. 1. Д. 84.

Ф. 115. Оп. 1. Д. 122.

Ф. 116. Оп. 2. Д. 38.

Ф. 116. Оп. 2. Д. 68.

Фотографическая коллекция П. П. Родственного.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), г. Москва

Ф. Р5881. Оп. 1. Д. 118. Л. 1 - 266 об. Половцов А. А. Воспоминания. Рукопись.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), г. Москва

Ф. 400. Оп. 4. Д. 278.

Ф. 401. Оп. 3. Д. 82 (1875 г.).

Ф. 401. Оп. 5. Д. 76.

Ф. 409. Оп. 1. П/с 338-604 (1911 г.).

Ф. 409. Оп. 3. Д. 8568.

Ф. 1396. Оп. 2. Д. 12.

Ф. 1396. Оп. 2. Д. 13.

Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1456.

Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1564.

Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1602.

Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1631.

Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1742.

Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1763.

Ф. 1396. Оп. 2. Д. 2134.

Ф. 2000. Оп. 1. Д. 434.

**Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГАРУ), г.
Ташкент**

Ф. И-3. Оп. 2. Д. 77.

Ф. 69. Оп. 1. Д. 1.

Ф. 361. Оп. 1. Д. 2.

Ф. 361. Оп. 1. Д. 3.

Military Department Library (L/MIL/17)

L/MIL/17/14/86: Distribution of the Russian Military Forces in Asia. Compiled in the Intelligence Division, War Office, by Major E. Peach, D.A.Q.M.G. Correct to 1 June, 1902.

Political and Secret Home Correspondence (L/P&S/3), 1890-1918

L/P&S/3/408 Reg. No. 2828. Russian military activity in Central Asia; Orenburg - Tashkent railway, etc. 22 April - 21 June 1904.

Political and Secret Correspondence (L/P&S/7), 1890-1918

L/P&S/7/105 Reg. No.782. Correspondence on the subject of the arrest of Mr R. P. Cobbold. 26 July 1898.

L/P&S/7/146 Reg. No.1006. Refusal of the Government of India to permit M. Wygornitzky, Oriental Secretary to the Russian Consul at Bombay, to travel by the Nushki Seistan route. 10 July 1902.

CAB 37 Cabinet Minutes

CAB37/68, 1904, № 1: Lansdowne Memorandum, January 1, 1904. 'Proposed Agreement with Russia'.

FO 106 Russia in Central Asia, 1899-1901

FO106/2: Lieutenant-Colonel McSwiney's Itinerary.

FO106/2: A Note on Views of Mr. X, British merchant and of Colonel McSwiney. War Office, Intelligence Division to Under Secretary of State for Foreign Affairs, 29 August 1899.

FO106/2: Hunza-Nagar. Political Agency, Gilgit. Official Diary for the week ending the 9 September 1899.

FO106/2: Reports from Kashgar, May - June 1899. Raskam Question.

FO106/2: Memorandum of information received during the month of September 1899, regarding affairs on and beyond the North-West Frontier of India.

FO106/2/25: Inclosures 1-6: Russia in Central Asia, 1899-1901. To His Excellency the Right Honourable the Governor General of India in Council. India Office, London, 16 June 1899. (Secret).

FO106/5: Memorandum of information received during the month of July 1901, regarding the affairs on and beyond the North-West Frontier of India.

FO539 Confidential Print. Central Asia

FO539/83/57 Inclosure in № 57: Report by Lieutenant-Colonel Beresford. St. Petersburg, May 31, 1900.

FO539/85: Part IV. Further correspondence respecting Central Asia. 1902.

FO539/88/18: Lieutenant-Colonel Napier to Sir C. Scott. St. Petersburg, 18 February 1904.

FO539/88/21: Government of India to Mr. Brodrick. 29 February 1904.

FO539/88/22: Government of India to Mr. Brodrick. 3 March 1904.

FO539/88/27: Sir C. Scott to the Marquess of Lansdowne. 3 March 1904.

FO539/88/68 Inclosure № 1: 'Note on Reported Russian Activity in Central Asia'. General Staff, War Office, May 30, 1904.

FO539/88/70: Sir C. Hardinge to the Marquess of Lansdowne. St. Petersburg, June 1, 1904.

FO539/88/76: The Marquess of Lansdowne to Sir C. Hardinge. Foreign Office, June 8, 1904.

FO539/88/81: Lieutenant-Colonel Napier to Sir C. Hardinge. June 9, 1904.

FO539/88/171 Inclosure № 2: 'Diary of the Military Attaché Lieutenant-Colonel H. D. Napier's Visit to Central Asia, 1904'.

FO539/88/171 Inclosure № 3: General Report.

FO539/90/53: Lieutenant-Colonel Napier to Sir C. Hardinge, St. Petersburg, March 4, 1905.

FO539/92/39 Inclosure in № 39: Lieutenant-Colonel Napier to Sir A. Nicolson, St. Petersburg, April 27, 1907.

Series BT26. Board of Trade: Commercial and Statistical Department and successors: UK, Incoming Passenger List, 1878-1960. Piece: 181; Item: 25.

Series BT26. Board of Trade: Commercial and Statistical Department and successors: UK, Outward Passenger Lists, 1890-1960.

Использованная литература

- Авалов, З. [Рец.:] М. В. Грулев. Соперничество России и Англии в Средней Азии. ТСб. Т. 499. Ташкент, 1909.
- Андреева Т. И. Формирование концепции железнодорожного сообщения Сибири и Туркестана в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета, 2010, № 1 (9), с. 27-31.
- Аристов Н. А. Об Афганистане и его населении. СПб., 1898.
- Аристов Н. А. Англо-Индийский Кавказ. СПб., 1900.
- Афганистан (Гератская и Кандагарская провинции) / Пер. с англ. из труда А. Гамильтона «Афганистан». Ташкент, 1911.
- Ахвердов И. В. Сборник маршрутов по Семиреченской области / Составлен в марте и апреле 1909 г. Генерального штаба подполковником Ахвердовым. Ташкент, 1910.
- Басханов М. К. Генерал Лавр Корнилов. London, 2000.
- Басханов М. К. Русские военные востоковеды до 1917 г.: Библиографический словарь. М., 2005.
- Басханов М. К., Колесников А. А., Матвеева М. Ф. Дервиш Гиндукуша. Путевые дневники центральноазиатских экспедиций генерала Б. Л. Громбчевского. СПб., 2015.
- Будаков В. В. Честь имею. Геополитик Снесарев: на полях войны и мира. Воронеж, 2011.
- Бутовский Н. Офицерские собрания, как воспитательный элемент // РИ, 1901, № 47.
- Военно-статистические и военно-географические материалы по Индии // СМА, 1914, вып. LXXXVII.
- Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 1993.
- Гамильтон А. Афганистан / Пер. с англ. С. П. Голубинова. СПб., 1908.
- Гейсман П. А. Исторический очерк возникновения и развития в России Генерального штаба в 1825–1902 гг. Вып. II. СПб., 1910.
- Головина Ю. Д. На Памирах: Записки русской путешественницы. М., 1902.
- Голос правды, 1908, № 782.
- Голявинский В. Г. Перевалы Борогильской и Дорахской групп (в Восточном Гиндукуше) // СССТВО, 1903, вып. XLVI.
- [Грулев М. В.] Цель настоящего издания // СССТВО, 1898, вып. I.
- Грулев М. В. По поводу статьи «Очерк Тирахской экспедиции генерала Локгарта в 1897 г.» // ВСб, 1899, № 4.
- Грулев М. В. Памиры: Историко-географический очерк. Калуга, 1904.
- Грулев М. В. [Рец.:] Снесарев А. Е. Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. Обзор книг и журналов // Русский инвалид, 1906, прил. к № 203, 17 сентября.
- Грулев М. В. Соперничество России и Англии в Средней Азии. СПб., 1909.
- Грулев М. В. Записки генерала-еврея. Париж, 1930.
- Губер А. А. Воспоминания о профессоре А. Е. Снесареве // Андрей Евгеньевич Снесарев (жизнь и научная деятельность). М., 1973.
- Деникин А. И. Старая армия. Париж, 1929.

- Добромыслов А. И. Ташкент в прошлом и настоящем. Ташкент, 1912.
- Дюранд А. Созидание границы (Северная Индия) / Пер. с англ. А. Снесарева. СПб., 1905.
- Зайченко З. И. Памиры и Сарыкол: Очерк возникновения и последовательного развития и современного положения Памирского вопроса. Ташкент, 1903.
- Заря (СПб.), 1870, март.
- Звонарев К. К. Агентурная разведка. Т. I: Русская агентурная разведка всех видов до и во время войны 1914-1918 гг. М., 1929.
- Известия Туркестанского отдела ИРГО. Т. II, вып. 1. Ташкент, 1900.
- Искандаров Б. И. Из истории Бухарского эмирата. Восточная Бухара и Западный Памир в конце XIX века. М., 1958.
- Корнилов Л. Г. Нушки-Сеистанская дорога // СМА, 1905, вып. LXXVIII.
- Краснов П. Н. На рубеже Китая. Париж, 1939.
- Марков А. Кадеты и юнкера. Русские кадеты и юнкера в мирное время и на войне. Сан-Франциско, 1961.
- Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии / Собрали М. С. Андреев и А.А. Половцов // Сборник Музея антропологии и этнографии, [т. 1], вып. 9.
- Мельников Д. А. Район операционных путей от Термеза к Кабулу (Опыт военно-географического описания). Ташкент, 1907.
- Муханов А. В. Памирский район. Составил Генерального штаба полковник Муханов // Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа. Ташкент, 1912.
- Наливкин В. П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913.
- Новицкий В. Ф. Военные очерки Индии. Сообщение, читанное 19 марта 1899 г. на II обыкновенном Общем собрании членов Общества ревнителей военных знаний действительным членом Общества Генерального штаба капитаном В. Ф. Новицким. СПб., 1899.
- Новицкий В. Ф. По Семиречью с туркестанскими стрелками // Русский инвалид, 1901, № 68.
- Новицкий В. Ф. В Джаркентском отряде // РИ, 1901, № 87.
- Новицкий В. Ф. Хайберский проход (С картой) / Сочинение Эдуарда Морфи; пер. с англ. Новицкого. СПб., 1901.
- [О назначении коллежского советника А. А. Половцова]. Приказы по Туркестанскому краю, 8 марта 1903 г., № 56 // ТВ, 1903, № 22.
- Отчет о служебной поездке военного министра в Туркестанский военный округ в 1901 г. СПб., 1902.
- Отчеты о поездке по Индии / Составили Генерального штаба подполковник Корнилов и Генерального штаба подполковник Серебренников. СПб., 1905.
- Петерс П. Ф. Памирские путешествия Николая Корженевского. Избранное из неопубликованного путевого дневника // Вопросы истории естествознания и техники, 1998, № 2.
- Половцов А. А. Прения в английской Палате лордов // СССТВО, 1905, вып. LXV, LXLIII.
- Половцов А. А. Индийские князья и защита Индии // СССТВО, 1905, вып. LXVIII.
- Половцов А. А. Индийская академия генерального штаба // СССТВО, 1905, вып. LXX.

Поляков С. И. Записки Бабера (Бабер-нама. Ильминский. Казань, 1857 г.) / Пер. с чжагатайского (узбекского) // Обзор Ферганской области, т. III, Новый Маргелан, 1904, с. 113-176.

Приказ по Военному ведомству, 20 июня 1899 г., № 179 // Приказы по военному ведомству. СПб., 1899.

Приказ по войскам Туркестанского военного округа № 415 от 20 ноября 1904 г. // Туркестанские ведомости, 1904, № 184.

Протокол № 1 годового общего заседания, 28 февраля 1902 г. // Известия ТО ИРГО, т. VII, Ташкент, 1907.

Протокол № 2 заседания Правления 19 апреля 1903 г. // Известия ТО ИРГО, т. VII, Ташкент, 1907.

Протокол № 1 общего годового собрания 3 марта 1904 г. // Известия ТО ИРГО, т. VII.

Путеводитель по Туркестану и Среднеазиатской железной дороге. СПб., 1903.

Р-в В. Библиотека и читальня Ташкентского военного собрания // ТВ, 1902, № 94.

Разгонов А. К. По Восточной Бухаре и Памиру. Ташкент, 1910.

Разведчик, 1900, № 488.

Рихтер А. Г. Пограничная политика Индии // Перевел с англ. А. Г. Рихтера. Ташкент,

[Робертсон Д.]. Кафиристан. Д-ра Робертсона / Извлечено Генерального штаба подполковником [С. Д.] Гескетом // СМА, 1896, вып. LXVI, с. 1-28.

Робертсон Д. Кафиры Гиндукуша / Пер. с англ. А. Е. Снесарева и А. А. Половцова // СССТВО, 1904, вып. XL; L-LV, LVII-LXIX; 1905, вып. LXIV, LXV, LXVII-LXX.

РИ, 1901, № 47.

РИ, 1901, № 92.

Русско-индийские отношения в 1900-1917 гг.: Сборник архивных документов и материалов. М., 1999.

Рыбакин А. И. Словарь английских фамилий. М., 1986.

Самойлович А. Н. [Рец.:] Поляков С. И. Записки Бабера (Бабер-нама. Ильминский. Казань, 1857 г.) / Перевод с чжагатайского (узбекского) // Обзор Ферганской области, 1904, т. III, Новый Маргелан; ЗВОИРАО, 1907, т. XVII, с. 074-083.

Серебренников А. Г. Очерк Памира // ВСб, 1899, № 6-11.

Серебренников А. Г. Памир (Краткий очерк) // Ежегодник Ферганской области, 1902, т. I, Новый Маргелан.

Серебренников И. К. Индо-британская армия. Ч. I-II. Ташкент, 1903-1908.

Серебренников И. К. Краткий отчет о поездке в Индию. Секретное добавление к СМА, № 8. СПб., 1905.

Снесарев А. Е. [Рец.:] Н. А. Аристов. Об Афганистане и его населении. СПб., 1898; Англо-Индийский Кавказ. СПб., 1900 // СССТВО, 1901, вып. XXIV.

Снесарев А. Е. Труды на границе (Извлечения из книги полковника Дюранда) // СССТВО, 1900, вып. XVIII-XXI, XXIII; 1901, вып. XXIV, XXV, XXX, XXXVI; 1903, вып. XLVI-XLVIII, LI, LIV.

Снесарев А. Е. [Рец.:] Cobbold, Ralph P. Innermost Asia. Travel & Sport in the Pamirs. London, 1900 // СССТВО, 1900, вып. XVIII.

- Снесарев А. Е. [Рец.:] Lane-Poole, Stanley. Babar. Oxford, 1899 // СССТВО, 1900, вып. XIX.
- Снесарев А. Е. [Рец.:] Saint-Yves, G. Turkestan Chinois et Pamir. (Juillet - Decembre 1899). La Géographie Bulletin, 1900, № 2 // СССТВО, 1900, вып. XX.
- Снесарев А. Е. [Рец.:] Yate, Charles Edward. Khurasan and Sistan. London, 1900 // СССТВО, 1900, вып. XXIII.
- Снесарев А. Е. Последний индийский национальный конгресс // ТВ, 1901, № 33.
- Снесарев А. Е. От Ташкента до Лондона // ТВ, 1901, № 84, 90, 97.
- Снесарев А. Е. [Рец.:] Deasy, H. H. P. In Tibet and Chinese Turkestan, being the record of three years exploration. London, 1901 // СССТВО, 1901, вып. XXX.
- Снесарев А. Е. [Некролог:]. Ф.А. Глуздовский // ТВ, 1902, № 29.
- Снесарев А. Е. [Рец.:] Головина Ю.Д. На Памирах: Записки русской путешественницы. М., 1902 // ТВ, 1902, № 37.
- Снесарев А. Е. Зима на Памире // ТВ, 1902, № 103.
- Снесарев А. Е. Краткий очерк Памира по сведениям к 15 сентября 1901 г. Добавление к СМА, 1902, № 7.
- Снесарев А. Е. Вести с Памира // ТВ, 1903, № 47-50.
- Снесарев А. Е. Памиры. Военно-географическое описание. Ташкент, 1903.
- Снесарев А.Е. [Рец.:] Stuart, Donald. The Struggle for Persia. London, 1902 // СССТВО, 1903, вып. XLVII, № 11.
- Снесарев А. Е. Северо-индийский театр (Военно-географическое описание). Ч. I-II. Ташкент, 1903.
- Снесарев А. Е. [Рец.:] Gardner, A. Memoirs of Alexander Gardner, Soldier and Traveller. Edinburgh, 1898 // СССТВО, 1904, вып. LI, № 3.
- Снесарев А. Е. [Рец.:] Ежегодник Ферганской области. Новый Маргелан, 1904. Т. III // ТВ, 1904, № 80.
- Снесарев А. Е. Религия и обычаи горцев Западного Памира // ТВ, 1904, № 89-93.
- Снесарев А. Е. Поездка в Горную Бухару // ТВ, 1904, № 105, 112, 123, 128, 134.
- Снесарев А. Е. Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. СПб., 1906.
- Снесарев А. Е. Восточная Бухара (военно-географический очерк) // СМА, 1906, вып. LXXIX.
- Снесарев А. Е. Англо-русское соглашение 1907 г. СПб., 1908.
- Снесарев А. Е. Афганистан. М., 1921.
- Соболев Л. Н. Возможен ли поход русских войск в Индию? М., 1901.
- Состав Туркестанского отдела Императорского Русского географического общества к 1 июня 1898 года. Ташкент, 1898.
- СССТВО, 1900, вып. XX.
- Стокасимов Н. П. Ферганский район // Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа. Ташкент, 1912.
- Стратонов В. В. Туркестанский календарь на 1904 г. Ташкент, 1904.
- С[уворов] А. Н. Заграничные командировки офицеров Генерального штаба // РИ, 1908, № 8.

[Товарищеский ужин офицеров-восточников в Ташкенте] // ТВ, 1899, № 13.

ТВ, 1899, № 59.

ТВ, 1899, № 84.

ТВ, 1899, № 90.

ТВ, 1899, № 91.

ТВ, 1900, № 93.

ТВ, 1901, № 8.

ТВ, 1902, № 6.

ТВ, 1902, № 21.

ТВ, 1902, № 23.

ТВ, 1902, № 34.

ТВ, 1902, № 91.

ТВ, 1903, № 6.

ТВ, 1903, № 20.

ТВ, 1904, № 8.

ТВ, 1904, № 29.

ТВ, 1904, № 31.

ТВ, 1904, № 60.

ТВ, 1904, № 63.

ТВ, 1904, № 160.

ТВ, 1906, № 115.

Ташкент в кармане для приезжающих. Ташкент, 1925.

Худоназаров Д. Н. Памирские экспедиции графа А. А. Бобринского 1895–1901 гг. М., 2013.

Яременко П. М. Афганский эмир и его приближенные // ТВ, 1903, № 25, 27.

Яременко П. М. Эмир Хабибулла-хан и его двор // СССТВО, 1903, вып. XXXVII.

Яременко П. М. Афганистан. Организация, устройство и вооружение афганских войск в Бадахшане // СССТВО, 1903, вып. XXXVIII–XXXIX.

Nis-Po. Терзания идеалиста // РИ, 1901, № 253.

BBC Pronouncing Dictionary of British Names. Sec. ed. Oxford, 1983.

Bens-Jones M. Clive of India. London, 1974.

Cobbold R. P. Innermost Asia. Travel & Sport in the Pamirs. London, 1900.

Curzon G. N. The Pamirs and the Source of the River Oxus. London, 1897.

Curzon, Marquess of Kedleston. Leaves from a Viceroy's note-book and other papers. London, 1927.

Deasy H. H. P. In Tibet and Chinese Turkestan, being the record of three years exploration.

London, 1901.

Digby W. Prosperous' British India: A Revelation from Official Records. London, 1901.

Dilks D. Curzon in India. Vol. 1-2. New York, 1969.

Dunlop J. K. The Development of the British Army, 1899-1914. London, 1938.

Durand A. G. R. The Making of a Frontier. Five years experiences and adventures in Gilgit, Hunza, Nagar, Chitral, and the Eastern Hindu-Kush. London, 1899.

Farwell B. Armies of the Raj. From the Great Indian Mutiny to Independence: 1858-1947. London, 1983.

Gardner A. Memoirs of Alexander Gardner, Soldier and Traveller. Edinburgh, 1898.

Grulev M. The Rivalry of Russia and England in Central Asia. Simla, 1910.

Hamilton A. Afghanistan. London, 1906.

Hanna, Colonel H. B. Can Russia invade India? Westminster, 1895.

Heathcote T. A. The Military in British India. Manchester, 1995.

Hopkirk P. Quest for Kim. In Search of Kipling's Great Game. London, 1996.

Huges M. Inside the Enigma: British Officials in Russia, 1900-1939. London, 1999.

James L. The Rise and Fall of the British Empire. London, 1994,

India 1909. General Maps of Railways. Imperial Gazetteer Atlas of India. The Edinburgh Geographical Institute.

Krafft H. A Travers le Turkestan Russe. Paris, 1902.

Lane-Poole S. Babar. Oxford, 1899.

London Times, 1913, 16 June.

Marshall P. J. The British in Asia: Trade to Dominion, 1700-1765 // The Oxford History of the British Empire. Vol. 2: The Eighteenth Century. Delhi, Oxford University Press, 1998. P. 487-507.

Marshall A. The Russian General Staff and Asia, 1800-1917. London, 2006.

Mason Ph. A Matter of Honour. An account of the Indian Army, its officers and men. London, 1974.

Moreman T. R. The Army in India and the Development of Frontier Warfare, 1849-1947. London, 1998.

Naoroji D. Povestry and Un-British Rule in India. London, 1901.

O'Connor, Lieut.-Col. Sir Frederic. On the Frontier and Beyond. A record of thirty years' service. London, 1931.

Popplewell R. J. Intelligence and Imperial Defense. British Intelligence of the Indian Empire 1904-1924. London, 1995.

Ray R. K. Indian Society and the Establishment of British Supremacy 1765-1818 // Marshall P. J., Low A. (eds.) The Oxford History of the British Empire. Vol. II: The Eighteenth Century. Delhi: Oxford University Press, 1998. P. 508-529.

Report of a Mission to Yarkund in 1873 under command of Sir T. D. Forsyth. Calcutta, 1875.

Robertson G. S. Kafiristan // The Geographical Journal, 1894, vol. 4, No. 3 (September), p. 193-217.

Robertson, Sir George Scott. Kafirs of the Hindu Kush. London, 1896.

Ronaldshay, Earl of. The Life of Lord Curzon. Vol. I-III. London, 1928.

Saint-Yves G. Turkestan Chinois et Pamir (Juillet - Decembre 1899) // La Géographie Bulletin, 1900, № 2, p. 93-110.

Shahadeo J. Russian Colonial Society in Tashkent, 1865-1923. Bloomington, 2007.

Skrine F. H., Ross E. D. The Heart of Asia. A History of Russian Turkestan and Central Asian Khanates from the Earliest Times. London, 1899.

Skrine S. P., Nightingale P. Macartney at Kashgar. New Light on British, Chinese and Russian Activities in Sinkiang, 1890-1918. London, 1973.

Stuart D. The Struggle for Persia. London, 1902.

The Advertiser, Adelaide, 1905, 19 May.

The English Historical Review, 1900, vol. 15, No. 57 (January), p. 143-145.

The India List and India Office List for 1904. London, 1904.

The Life of Abdur Rahman, Amir of Afghanistan. Vol. 1-2. London, 1900.

White J. A. Transition to Global Rivalry. Alliance Diplomacy and the Quadruple Entente, 1895-1907. Cambridge, 2002.

Yate Ch. E. Khurasan and Sistan. London, 1900.

“At the Gates of British Power”: A. E. Snesev in Turkestan, 1899-1904

Andrey E. Snesev (1865-1937) is one of the most vivid figures in the history of Russian military orientology. Snesev's lengthy and productive career was tragically cut short during the time of Stalin's repressions, and for too long his name was excluded from the history of Russian academe. In recent years interest in the life and work of this remarkable man has noticeably increased.

This book sheds particular light on the detail of one of Snesev's more important formative academic periods - his service in the Turkestan region. Using rare documents from the state archives of Russia, Great Britain and Uzbekistan, and the private archive of the Snesev family some little known episodes in Snesev's life are revealed- a journey to India, reconnaissance of Tyan-Shan and the Pamirs, travels around Turkestan with British military attachés, a trip to London, his relations with Marguerite Leiter, sister to the wife of Lord Curzon, Viceroy of India, and more.

The book looks at the way Snesev became established as a military orientologist, giving a detailed analysis of the main academic works written by him during his time in Turkestan. The book contains important information about the state of Anglo-Russian relations in Central Asia at the start of the twentieth century, about the Russian strategic view of Afghanistan and India, about Russian military intelligence in the countries adjoining the Turkestan military district and about the process, just starting at that time, of establishing greater trust between the Russian and British empires in military and political matters or, to use the political lexicon of the end of the Cold War, “confidence building measures”.

Snesev was one of the most vivid Russians involved in the Great Game in Central Asia, one of the last representatives of the Russian military elite directly involved in Anglo-Russian rivalry just before this historical phenomenon became history. Snesev's position was that of an implacable enemy of the British Empire in Central Asia; he staunchly supported the idea that a Russian military campaign against India was inevitable, though he declared that a Russian occupation of that country was impossible.

After the Anglo-Russian Convention of 1907 divided up the spheres of influence in Central Asia, Snesev's views on Anglo-Russian rivalry hardly altered and so did not match the new politics of the Anglo-Russian rapprochement on the eve of the First World War. The changing political environment had a significant effect on Snesev's scientific activities since he could not set aside his principles and views. For this reason he stepped back from active involvement in military orientology and for a long time the topic of Anglo-Russian relations in Central Asia held no interest for him.

He was to return to these matters only in Bolshevik Russia, when worsening relations between Soviet Russia and Great Britain once again brought the question of Anglo-Russian rivalry to life. With this book Nestor-Istoriia Publishing is launching a series of books under the general title, Russian Military Orientology, which will be dedicated to the contribution that the Russian military has made to the study of Asiatic Russia and the adjoining countries in the East.

Иллюстрации

Вид на кишлак Ургут близ Самарканда. Фото Х. Краффта

Ташкент. Романовская улица. Почтовая открытка. Частное собрание. Великобритания

Ташкент. Улица Зерабулакская. Фото Э. Хлубны. 1913 г. Коллекция Б. А. Голендера

Генерального штаба капитан Л. Г. Корнилов по возвращении с тайной рекогносцировки афганской крепости Дейдади. АСС

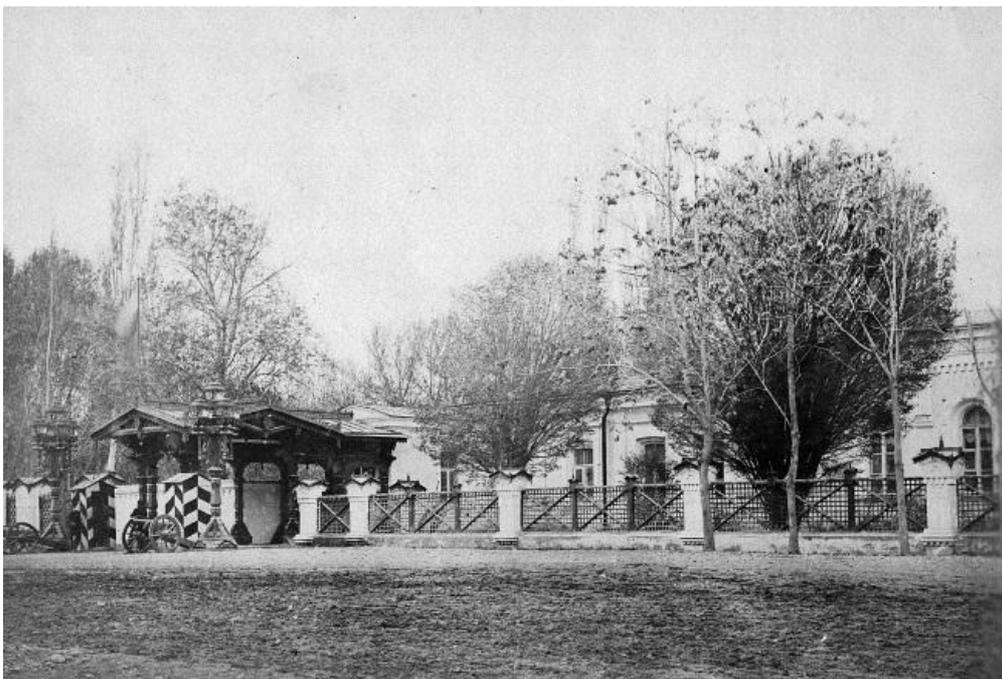
Медресе Шир-Дор в Самарканде. Фото Х. Краффта

Оренбургские казаки в Туркестане. Почтовая открытка. Около 1904 г. Частная коллекция. Великобритания

Пятничная молитва в мечети Тилля-кари. Самарканд. Фото Х. Краффта

Ташкент. Резиденция Туркестанского генерал-губернатора. Фотография неизвестного автора. Около 1900 г. Частная коллекция. Великобритания. Публикуется впервые

Ташкент. Соборная улица. Почтовая открытка. Частная коллекция. Великобритания

Ташкент. Улица Зерабулакская. Трехквартирный жилой дом. Коллекция Б. А. Голендера

Ташкентский кадетский корпус. Почтовая открытка. Частная коллекция.
Великобритания

Ташкентское военное собрание. Почтовая открытка. Частная коллекция.
Великобритания

Чайхана, устроенная для праздника Курбан Байрам. Фото Х. Краффта

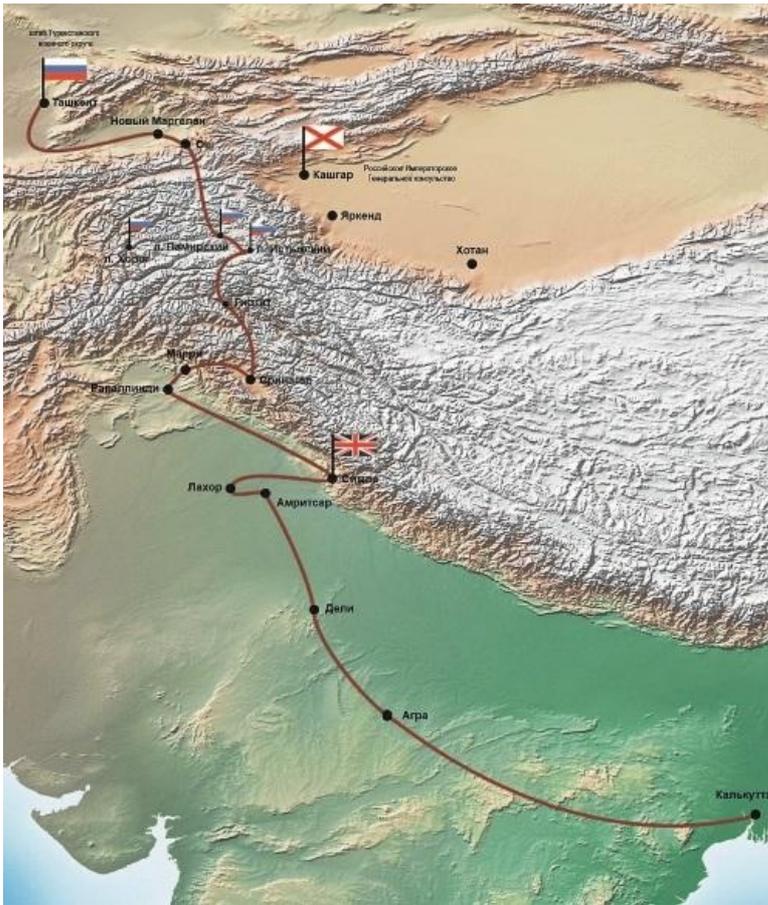
Штаб Туркестанского военного округа. Фото 1910-1914 гг. Коллекция Б. А. Голендера

Николаевская академия Генерального штаба. Преподаватели за чаепитием. Около 1900 г. Частная коллекция. Великобритания. Публикуется впервые

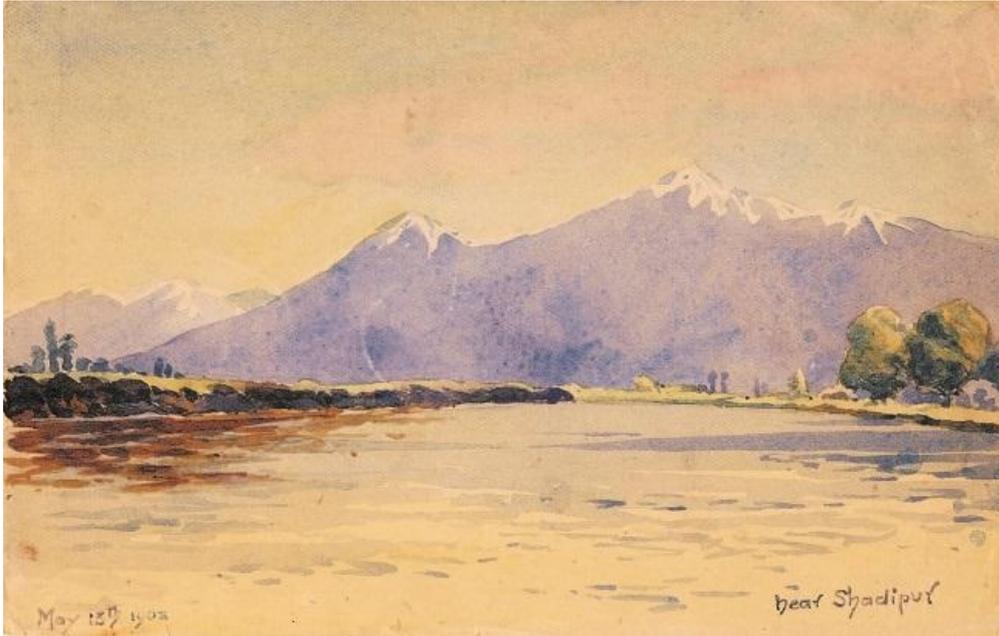
Первый выпуск Ташкентской офицерской школы восточных языков. Участники поездки в Индию в 1899 г. - Генерального штаба подполковник А. А. Полозов (в первом ряду крайний справа) и Кабир-шах (слева от него). Ташкент, 1899 г. Частная коллекция. Великобритания. Публикуется впервые

Маршрут поездки А. Е. Снесарева по Британской Индии в 1899 г

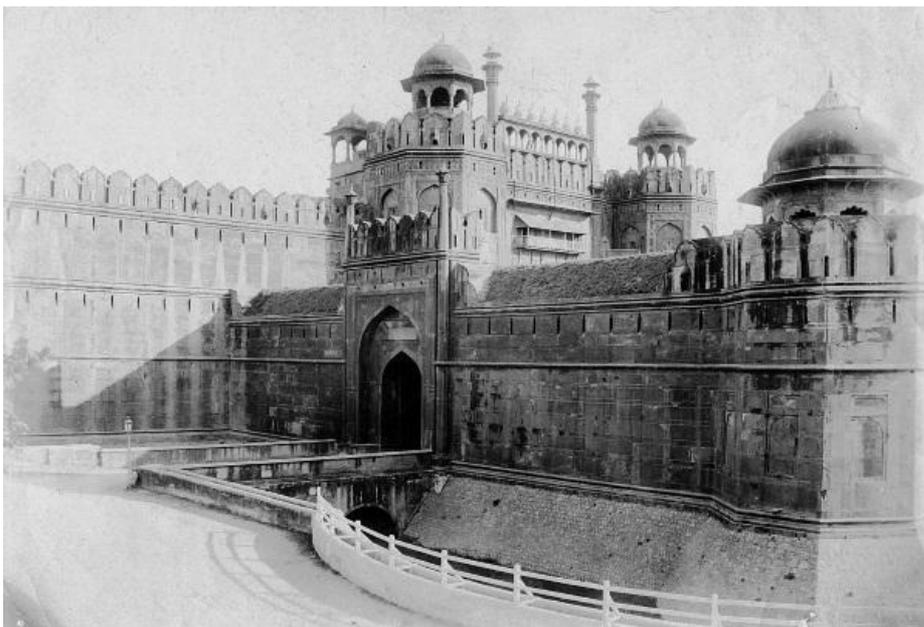
Дж. Керзон (в центре) в британском политическом агентстве в Гилгите перед отъездом на Памир. 13 сентября 1894 г. © The British Library, London. India Office Photographs, 43067(32)

Виды Кашмира близ Сринагара. Акварель капитана Шаттлуорта, исполняющего обязанности британского консула в Кашгаре. 13 мая 1903 г. Частная коллекция. Великобритания. Публикуется впервые

А. Е. Снесарев в Лахоре, командировка в Индию. 3 ноября 1899. АСС

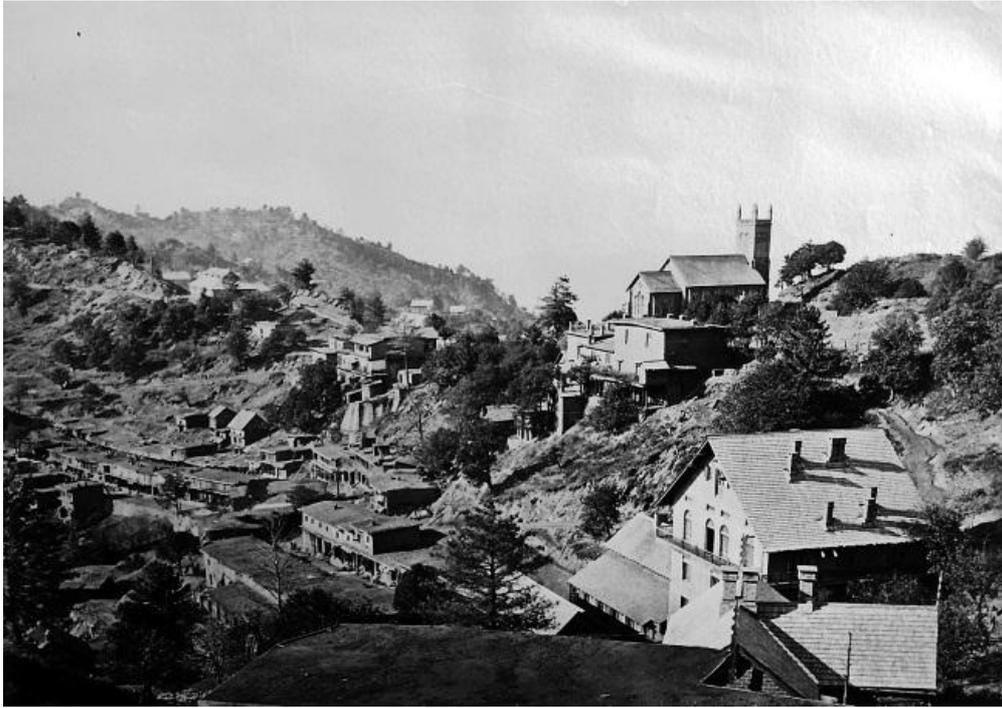
Лахорские ворота форта Дели. Фотография В. В. Лосева. Около 1905 г. АСС

29 Окт. 99г. Лахор

Дорогая моя Клавдия!

С 18-27 Окта. я провела боковую, доктора определили у меня инвазию (зачем-то, в материнской груди) в связи с сильным жаром. Я же была рада, что скоро приобрету привычку, которую я + переживала (в связи с жаром боковой и жаром в груди 14 раз в сутки... жаль доктора переживала инвазию) - Вот только два дня, как я спускаюсь с лестницы и могу себя назвать абсолютно здоровой коим-то. Нет не совсем здоровой, как на предыдущий вечер, но в Лахоре, только доброго здоровья, инвазия прошла к Лахору. Это же 1-1/2 недели, не могу в Лахоре

Письмо А. Е. Снесарева к сестре Клавдии. Лахор, 29 октября 1899 г. АСС. Публикуется впервые

Марри. Фото Борна (Bourne). Около 1890 г. Частная коллекция. Великобритания

Виды близ перевала Минг-Теке. Акварель капитана Шаттлуорта, исполняющего обязанности британского консула в Кашгаре. 6 июня 1903 г. Частная коллекция. Великобритания. Публикуется впервые

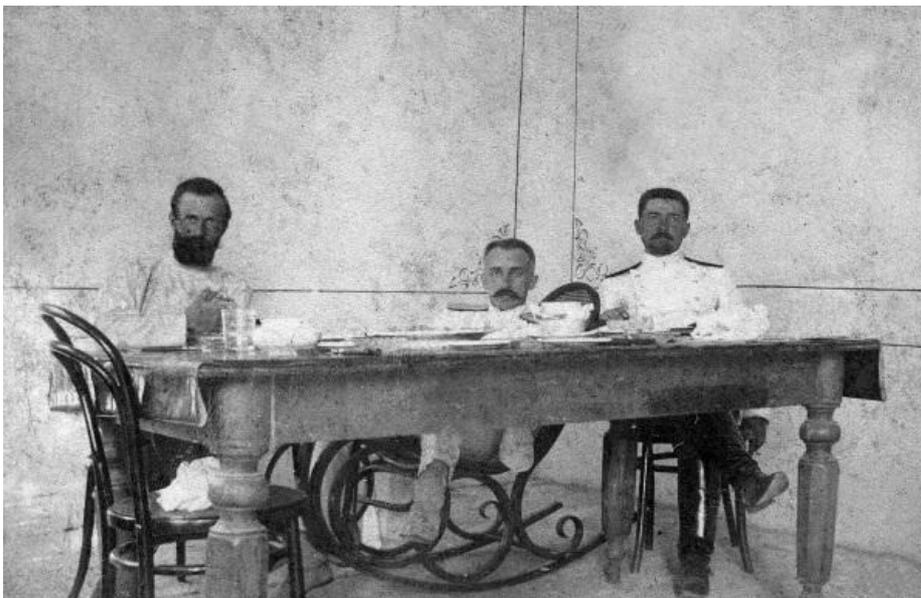
Вице-король Индии лорд Керзон (в центре) с ближайшим окружением. Слева от него – жена, Мэри (Лейтер) Керзон, с детьми. Во втором ряду крайняя справа – Маргарита (Рита) Лейтер. В первом ряду крайний слева – лорд Саффокский, будущий муж Риты. Снимок сделан в Симле в августе 1899 г., за несколько дней до приезда капитана А. Е. Снесарева. © The British Library, London. India Office Photographs, 430/75(26). Публикуется впервые

Маргарита Хайд (Дейзи) Лейтер, графиня Саффокская. Фотомастерская Бассано. Около 1904 г. © National Portrait Gallery, London. Публикуется впервые

I must finish my letter. To-day
I feel me bad all time I have
headache. My animals are very
well; it is now cold in Tashkent
and my Waska is so fiery
that it is dangerous to ride
Your words to Dr Sharp are
very nice and natural. "I
think you love him very much."
"yes I do".... I send you my
photo I have found in a
book and the view of a
church in Tashkent. I am
sorry I have not one now.
I was taken ~~in~~ with my
friend in his room, I am
seating.
Put your head on my breast
and let me kiss you you
many many times. I am
always Yours every, loving,
you missing Baby Andre!

Письмо А. Е. Снесарева к Рите Лейтер. АСС. Публикуется впервые

А. Е. Снесарев в своей квартире с сослуживцами. Справа от него - капитан Генерального штаба Григоров. АСС

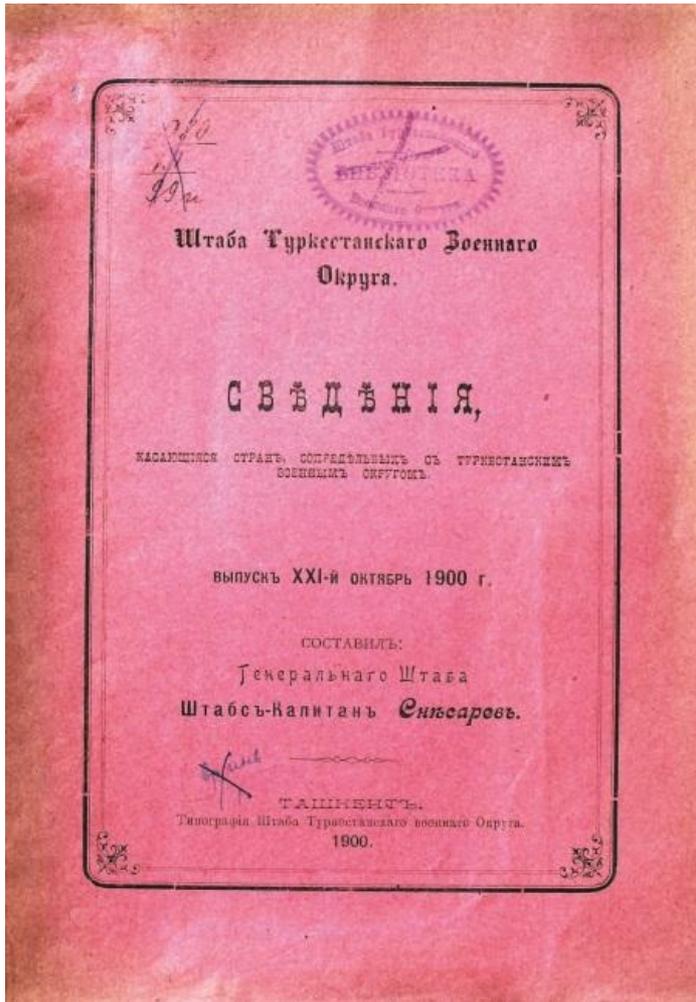
Евгения Зайцева у рояля. Ош, 18 августа 1901 г. АСС.

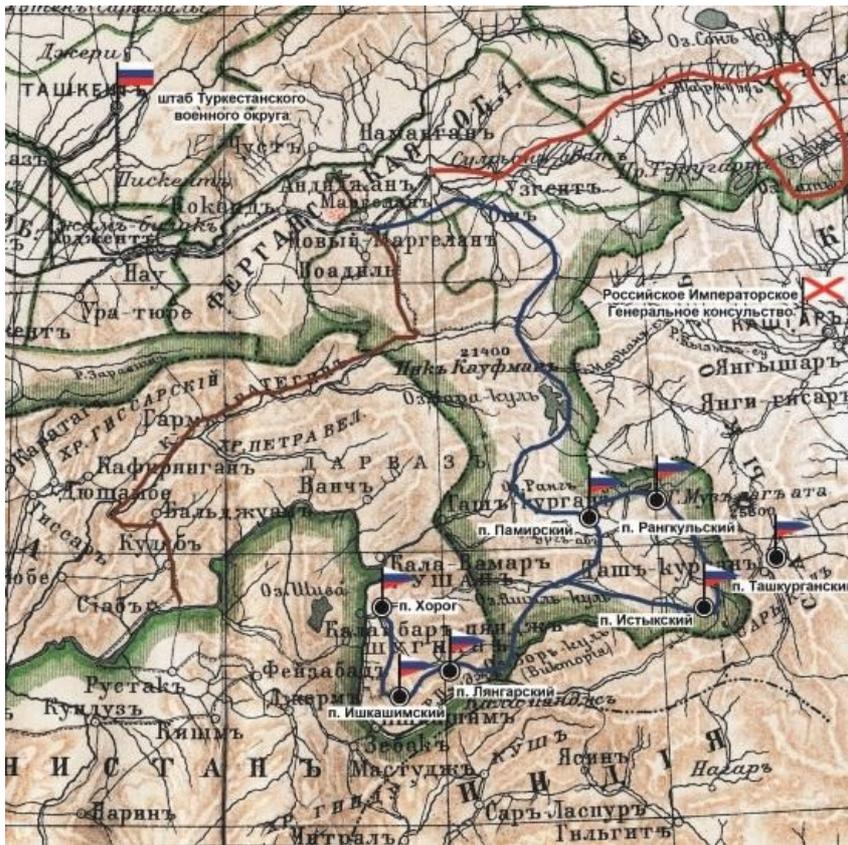
Евгения Зайцева. Около 1904 г. АСС.

Е. В. Снесарева. Около 1904 г. АСС.

Обложка «Сборника сведений», вышедшего под редакцией А. Е. Снесарева. Частная коллекция. Великобритания

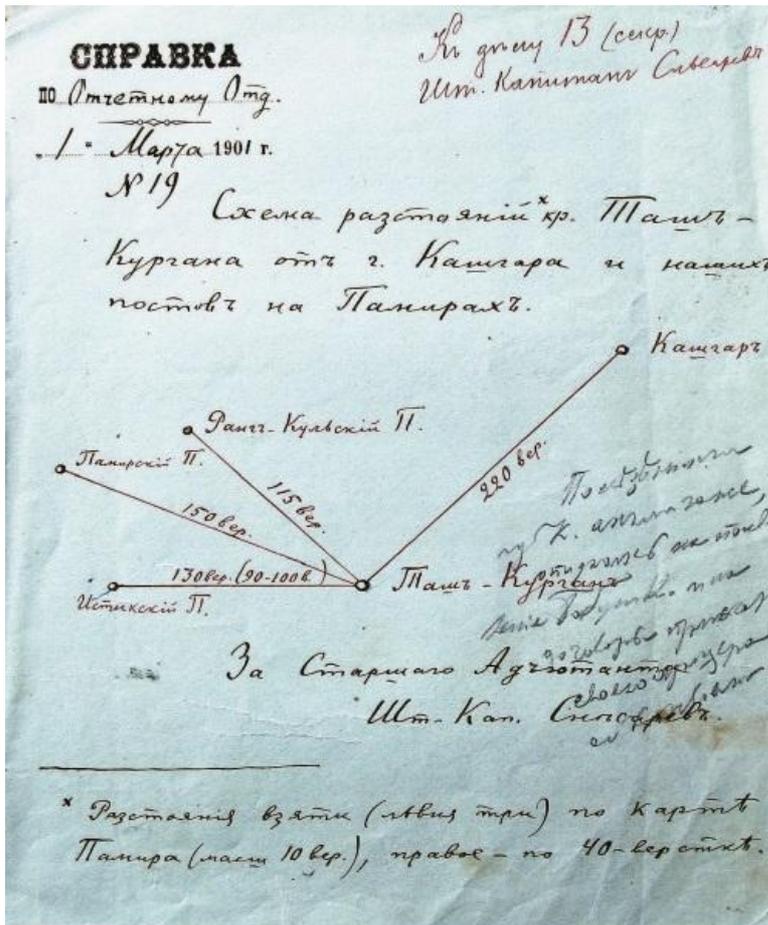
Маршруты рекогносцировок А. Е. Снесарева по Семиречью в 1900 г. (бордовый цвет); Памиру в 1901 г. (синий); Восточной Бухаре в 1904 г. (коричневый)

А. Е. Снесарев среди выпускников Ташкентской офицерской школы восточных языков. 1903 г. АСС

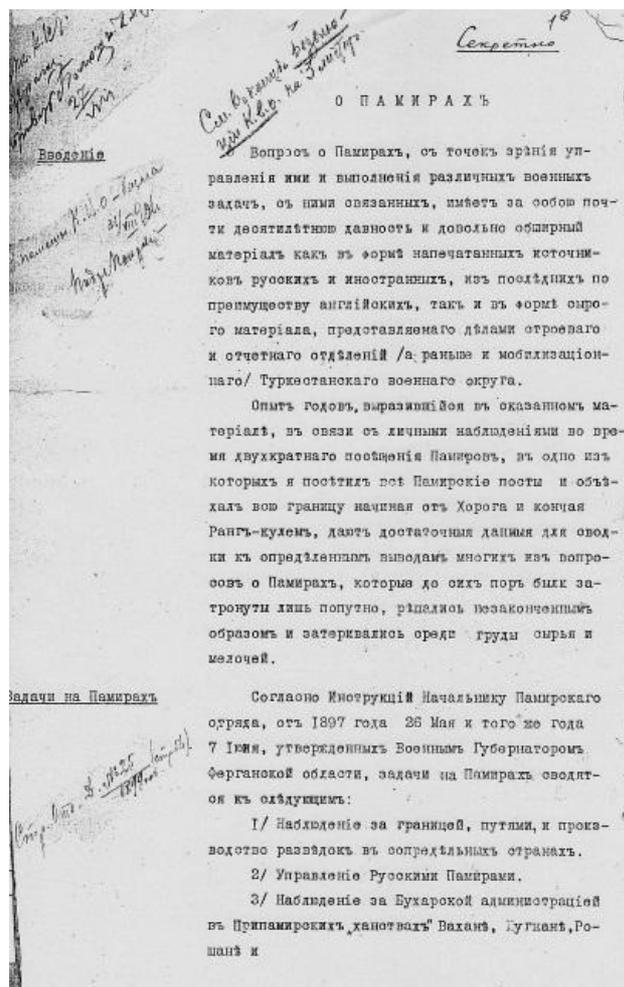

Место слияния р. Памир (в ущелье слева) с р. Вахан (по центру снимка) – зарождение р. Пяндж. Вдали – вход в Ваханский коридор и горы Гиндукуша. Внизу за склоном горы (справа) напротив входа в Ваханское ущелье – русский Лянгарский пост. Фото известного британского археолога Аурела Стайна. 30 августа 1915 г. © The British Library, London. India Office Photographs, 392/29(453). Публикуется впервые

А. Е. Снесарев. Схема расстояний от кр. Ташкурган до русских постов на Памире.

Автограф рукописи. Частная коллекция. Великобритания. Публикуется впервые

Титульный лист записки А. Е. Снесарева «О Памирахъ»

x

IX Lawrence (Walter R.)
The Valley of Kashmir
London 1895 4°
(478 pp = 468 + index)

Kypra 20x mm & front (magnifying)...

Introductory parts I 1-11 same as (best) ... new map - Sahibzad & Vignette ... maps, ... introduction to Settlement ... ... description of ... ... description of ...	1/11	
Chapter II Descriptive ...	12/39	<u>Index</u> Law - 18-20
12 - some more, 13-14 ... " ... - 16 ... " ... - 17 ... - 20 ... - 22 ... " ... - 25 ... 24 - ... 24-25 ... 31 ... 32-33 ... 34 - ... 35-39 ...		
Chapter III Geological	40/65	<u>Index</u> 12(-25) ... 27(-12) - 4(-5)

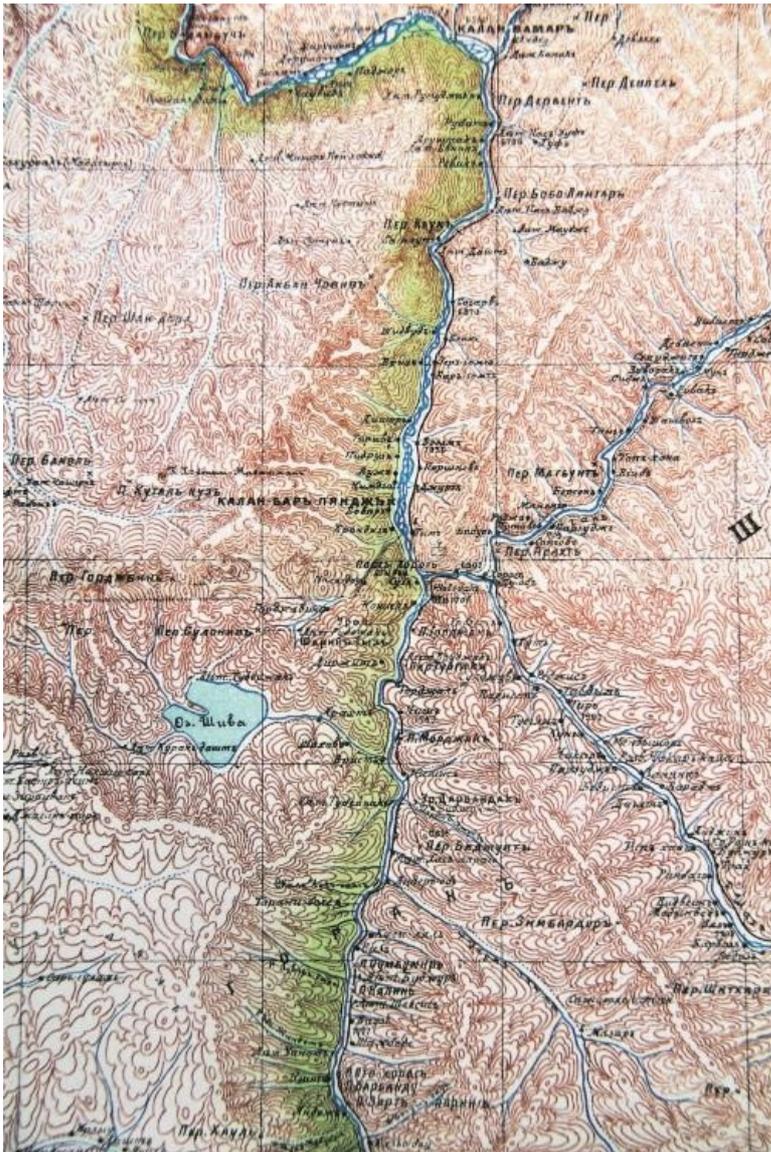
Лист из записной книжки А. Е. Снесарева периода работы в библиотеке Британского музея. АСС. Публикуется впервые

Полковник А. Дюранд. Фото неизвестного автора. Около 1899 г. Частная коллекция. Великобритания

Офицеры Памирского отряда, 1902-1903 гг. АСС

Верхнее течение р. Пяндж. Район Хорогского поста. Фрагмент 10-верстной карты Памира издания Туркестанского ВТО. Частная коллекция. Великобритания

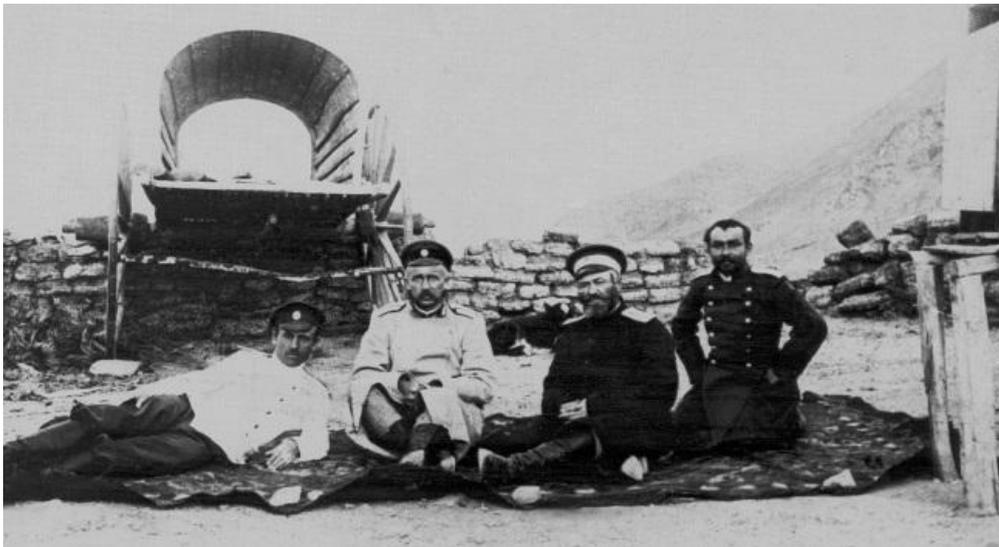
Личный состав Памирского отряда, 1902-1903 гг. АСС

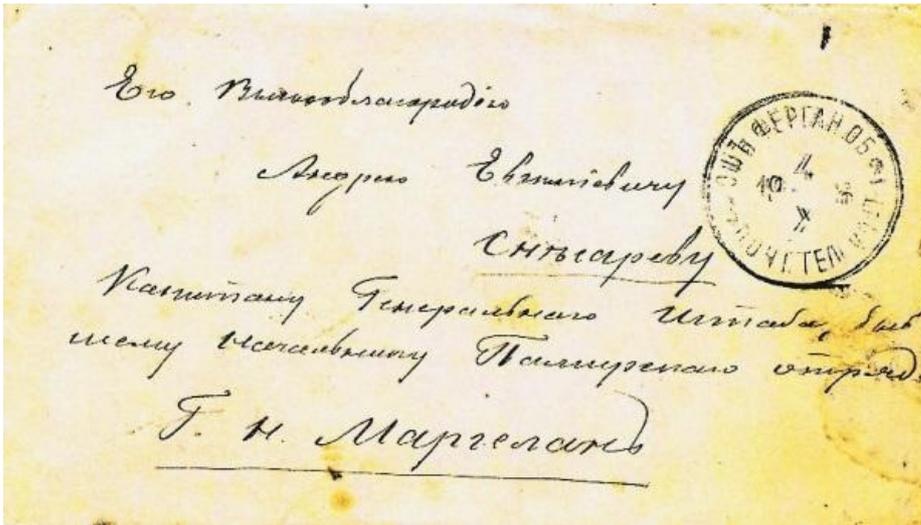
Западный Памир. Пост Ишкашимский. Около 1903 г. АСС

Знатные мусульмане в парадных костюмах. Фото Х. Краффта

А. Е. Снесарев среди офицеров Памирского отряда. Около 1903 г. АСС

Конверт письма В. Н. Зайцева к А. Е. Снесареву. АСС

Парикмахер на Регистане. Самарканд. Фото Х. Краффта

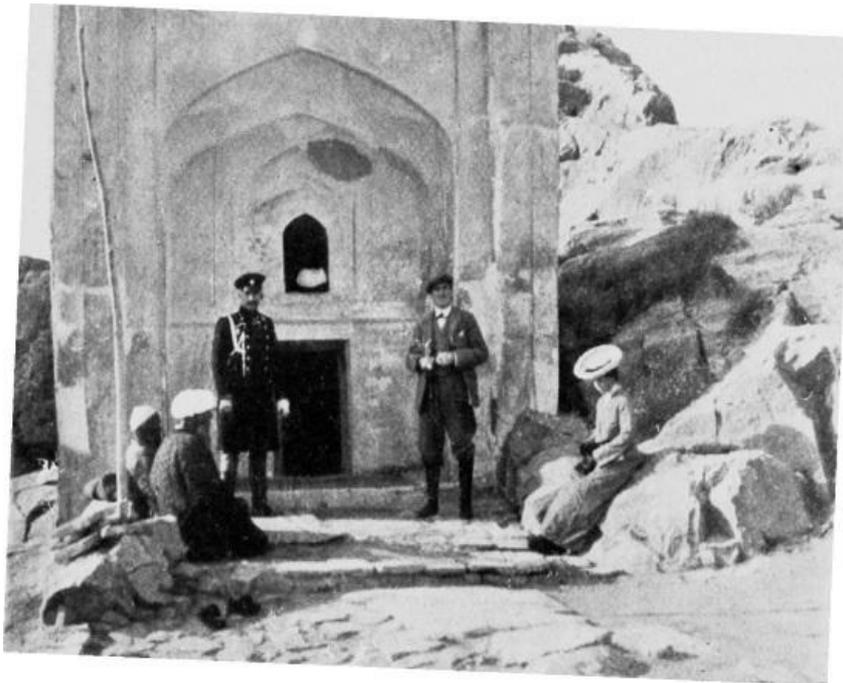
Девочка-прислуга с ребенком. Фото Х. Краффта

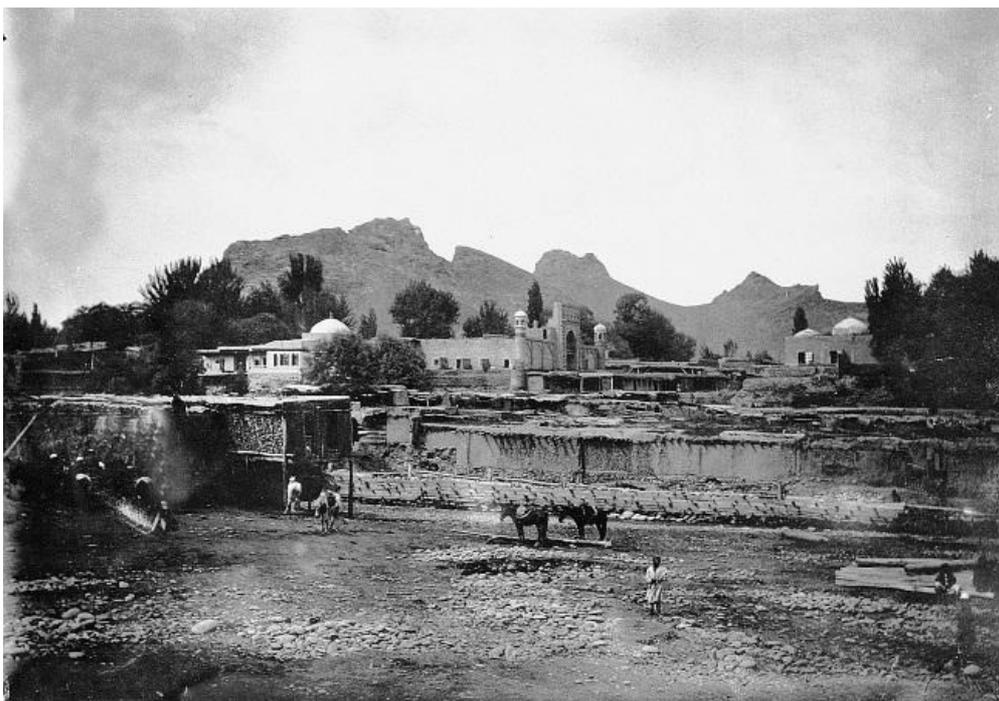
На русском пограничном посту Кила Санг-и-Дивар. Группа мужчин в пробковых шлемах (слева направо): британский посол в Тегеране сэр А. Хардинг, секретарь британского посольства в Тегеране Дж. Черчилль, британский генеральный консул в Мешхеде полковник П. Сайкс. Фото Дж. Уотсона. Около 1905 г. © The British Library, London. India Office Photographs, 851/3(15). Публикуется впервые

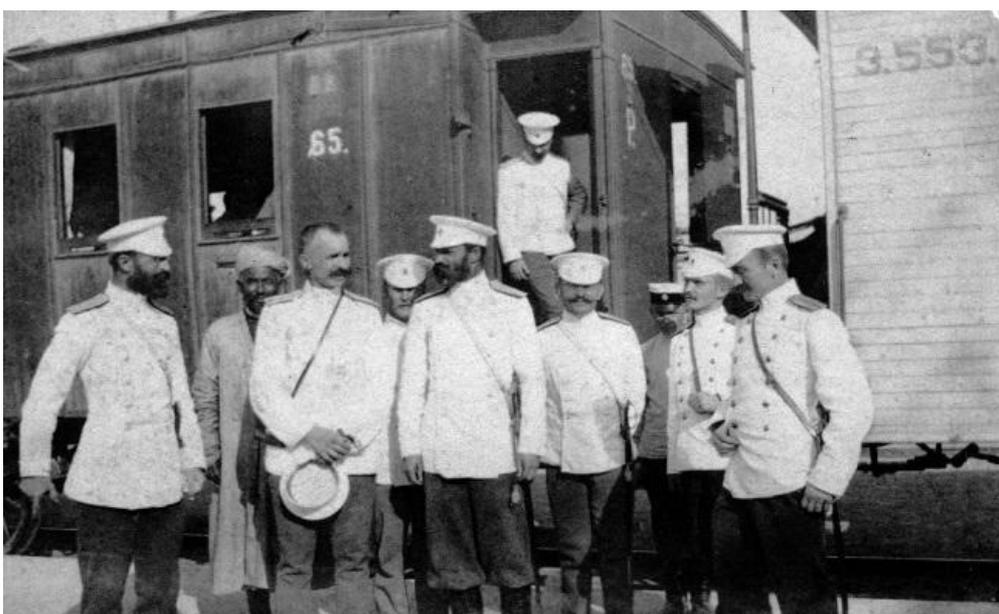
Британское генеральное консульство в Мешхеде, в котором располагалась резиденция британской военной разведки, действовавшей в Русском Туркестане. В группе между колонн (третий слева с тросточкой) – капитан Нэйпир, которого А. Е. Снесарев сопровождал в поездке по Туркестану в 1904 г. Фото 1893 г. © The British Library, London. India Office Photographs, 430/69(13). Публикуется впервые

А. Е. Снесарев, спутник А. Гамильтона и Евгения Зайцева у мечети Тахт-и Сулейман. Фото А. Гамильтона. 1904 г. АСС

Общий вид на Сулейман-тахта (Соломонов трон) в Оше. АСС

Отъезд А. Е. Снесарева из Туркестана. Ноябрь 1904 г. АСС

Примечания

1

АСС ПСФ, 30 июля 1916 г.

См.: Рыбакин А. И. Словарь английских фамилий. М., 1986; BBC Pronouncing Dictionary of British Names. Sec. ed. Oxford, 1983.

3

По данным Всероссийской переписи 1897 г. – 155 673 человек.

Одно из первых деревьев посадил здесь генерал М. Г. Черняев. В этом сквере был похоронен генерал-адъютант К. П. фон-Кауфман. По его завещанию на могиле начертаны следующие слова: «Прошу похоронить меня здесь, потому, что здесь настоящая русская земля, в которой не стыдно лежать русскому человеку».

Кладбища и могилы были разбросаны по всему старому городу, поскольку до 1894 г. позволялось хоронить всюду. В более позднее время устроено 11 кладбищ за городской стеной.

6

См.: Ташкент в кармане для приезжающих. Ташкент, 1925.

Приказ по Военному ведомству, 20 июня 1899 г., № 179. Приказы по Военному ведомству. СПб., 1899.

См.: Shahadeo Jeff. Russian Colonial Society in Tashkent, 1865-1923. Bloomington, 2007. P. 109.

Наливкин В. П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913.

10

Там же. С. 115-116.

Добромыслов А. И. Ташкент в прошлом и настоящем. Ташкент, 1912. С. 196.

OIOC, L/MIL/17/14/86: Distribution of the Russian Military Forces in Asia. Compiled in the Intelligence Division, War Office, by Major E. Peach, D. A.Q.M. G. Correct to 1 June, 1902.

РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1742. Л. 2. Особые работы, возлагаемые на офицеров
Генерального штаба [Туркестанского военного округа].

См.: Мельников Д. А. Район операционных путей от Термеза к Кабулу (Опыт военно-географического описания). Ташкент, 1907. С. 1.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 434. Л. 90-95 об. Отчет штаба Туркестанского военного округа о стратегической военной игре офицеров Генерального штаба в 1907 г.

OIOC, L/MIL/17/14/86: Distribution of the Russian Military Forces in Asia. Compiled in the Intelligence Division, War Office, by Major E. Peach, D. A.Q.M. G. Correct to 1 June, 1902.

Известна также как курсы языка индустани. Курсы открыты в сентябре 1897 г. при штабе Туркестанского военного округа в Ташкенте и в декабре того же года при штабе войск Закаспийской области в Асхабаде. В 1898 г. два курса объединены в один в Ташкенте.

Деникин А. И. Старая армия. Париж, 1929. С. 120.

The National Archives (TNA)/FO106/2/25 Inclosures 1-6: To His Excellency the Right Honourable the Governor General of India in Council. India Office, London, 16 June 1899. (Secret).

Тогда же начался и поиск кандидатов для поездки в Индию. Как следует из письма начальника Главного штаба товарищу министра иностранных дел графу В. Н. Ламздорфу (10 января 1899 г.), свое желание отправиться в Индию выразили делопроизводитель канцелярии ВУК Главного штаба полковник граф В. В. Муравьев-Амурский, состоящий для поручений при командующем войсками Туркестанского военного округа подполковник П. А. Кузнецов, делопроизводитель Азиатской части Главного штаба А. Г. Скерский и состоящий по Гвардейской кавалерии корнет князь Урусов. РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. Д. 76. Л. 19.

Мак-Суини Эдвард (Edward Frederick Henry McSwiney, 1858-1907) - бригадный генерал. Родился в Кронштадте (Россия) в семье священника англиканской церкви (ныне Крестовоздвиженская церковь). Скончался в г. Амбала (Индия) от дизентерии.

РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. Д. 76. Л. 36 об. - 37. Отношение начальника Главного штаба военному министру, 22 апреля 1899 г.

В дореволюционной литературе название Памира часто употреблялось во множественном числе, как результат следования британской географической традиции, в которой Памир разделялся на несколько отдельных частей – «Тагдумбаш-Памир», «Аличур-Памир», «Малый Памир», «Ваханский Памир» и т. д. В этой связи интересно замечание А. Е. Снесарева: «У нас употребляется название безразлично, как во множественном, так и в единственном, точно так же как и в западно-европейских литературах. Казалось бы правильнее употреблять в единственном...». См.: Снесарев А. Е. Северо-индийский театр. Ч. I. Ташкент, 1903. С. 1.

Там же. Л. 40. Письмо военного министра - министру иностранных дел, 30 апреля 1899 г.

РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. Д. 76. Л. 44-44 об. Письмо министра иностранных дел - военному министру, 17 мая 1899 г.

Там же. Л. 58. Шифрованная телеграмма начальника штаба Туркестанского военного округа, 5 июня 1899 г.

Там же. Л. 63 об. Секретное письмо помощника начальника Главного штаба начальнику
НАГШ, 11 июня 1899 г.

Там же.

Снесарев изначально предназначался для прохождения службы в Киевском военном округе.

Напротив оценки по французскому языку в тексте документа имеется ссылка: «Имеет 9,5 баллов только потому, что отказался писать сочинение на тему; объясняется же свободно».

РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. Д. 76. Л. 64-64 об. Секретное отношение начальника НАГШ в
Главный штаб, 15 июня 1899 г.

Там же. Л. 67. Секретное отношение помощника начальника Главного штаба начальнику НАГШ, 19 июня 1899 г.

РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1763. Л. 15. Письмо начальника НАГШ штабс-капитану
Снесареву, 22 июня 1899 г.

РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. Д. 76. Л. 73-73 об. Секретное отношение начальника штаба Туркестанского военного округа на имя начальника Главного штаба, 15 июня 1899 г.

Там же. Л. 75. Доклад по Главному штабу, 30 июня 1899 г.

Там же. Л. 78. Доклад по Главному штабу на Высочайшее имя, 2 июля 1899 г.

РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1763. Л. 14. Рапорт причисленного к Генеральному штабу штабс-капитана Снесарева начальнику штаба Туркестанского военного округа.

АСС ПСК, 29 июля 1899 г.

Там же.

РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. П/с 338-604 (1911 г.). Приказ по войскам Туркестанского военного округа 1899 г. № 227.

В описываемый период контрразведывательная деятельность в Британской Индии осуществлялась «специальной службой» (Special Branch) полицейского управления Индии. См.: Popplewell R. J. Intelligence and Imperial Defence. British Intelligence of the Indian Empire 1904-1924. London, 1995. P. 36-37.

Имеется в виду начальник штаба Туркестанского военного округа генерал-майор Всеволод Викторович Сахаров.

АСС ПСК, 31 июля 1899 г., ст. Черняево.

TNA/FO106/2: Lieutenant-Colonel McSwiney's Itinerary.

TNA/FO106/2: A Note on Views of Mr. X, British merchant and of Colonel McSwiney. War Office, Intelligence Division to Under Secretary of State for Foreign Affairs, 29 August 1899.

Перевалы Калик (на англ. картах - Килик), высота над уровнем моря 4827 м, Минг-теке или Мин-теке (на англ. картах - Минтака), высота - 4709 м, являются двумя основными перевалами, выводящими в верхнюю часть долины Хунзы с севера.

АСС ПСК, 17 августа 1899 г., Памирский пост.

М. В. Грулев отзывался о Полозове, как о «заведомом пьянице, который пропил прогоны (командировочные в Индию. – М. Б.) даже не выехав из Ташкента». См.: Грулев М. В. Записки генерала-еврея. Париж, 1930. С. 216. Оценка Грулева во многом выглядит гипертрофированной, в ней чувствуется отзвук личной обиды (Грулев сам просился в поездку по Индии, но назначили Полозова), но какой-то элемент действительности в ней все же присутствовал.

АСС ПСК, 17 августа 1899 г., Памирский пост.

Там же, 22 августа 1899 г., урочище Михман-Юлы.

АСС ПСК, 24 августа 1899 г., на р. Калик.

Curzon G. N. The Pamirs and the Source of the River Oxus. London, 1897.

Curzon, Marquess of Kedleston. Leaves from a Viceroy's note-book and other papers. London, 1927. P. 204.

Ronaldshay, Earl of. *The Life of Lord Curzon*. Vol. I. London, 1928. P. 226.

Например, 10-верстная карта Памира, составленная в Туркестанском ВТО в 1912 г.

АСС ПСК, 25 августа 1899 г., урочище Шерип-майдан, английские владения.

Там же.

В британском документе даты указаны по григорианскому календарю, расхождение с датами в письмах Снесарева, где исчисление идет по юлианскому календарю, - 12 дней (до 29 февраля 1900 г.). После 29 февраля 1900 г. эта разница составит 13 дней.

Крупное селение в верхней части долины Хунзы.

TNA/FO106/2: Hunza-Nagar. Political Agency, Gilgit. Official Diary for the week ending the 9 September 1899.

TNA/FO106/2: Memorandum of information received during the month of September 1899, regarding affairs on and beyond the North-West Frontier of India.

Снесарев А. Е. Северо-индийский театр. Ч. I. Ташкент, 1903. С. 128.

TNA/FO106/2: Reports from Kashgar, May - June 1899. Raskam Question.

АСС ПСК, 9 сентября 1899 г., Гилгит.

Там же.

70

Там же.

Там же.

Формально Джамму и Кашмир являлось вассальным владением, индо-британское правительство имело при магарадже Пратап Сингхе (1848-1925) специального представителя (Officer-on-Special Duty).

Высшая военная награда Великобритании.

O'Connor, Lieut.-Col. Sir Frederic. *On the Frontier and Beyond. A record of thirty years' service.* London, 1931. P. 16.

Серебрянников И. К. Краткий отчет о поездке в Индию. Секретное добавление к СМА, № 8. СПб., 1905. С. 91-92.

76

АСС ПСК, 16 сентября 1899 г., г. Марри.

Реконструкция поездки осуществлена на основе работы: Полозов А. А. Северо-Западная граница Индии (Краткое военно-стратегическое описание). Ташкент, 1902. (Не подлежит оглашению).

В 1901 г. индо-британские власти отказали проехать по этой дороге Генерального штаба капитану Л. Г. Корнилову. В 1902 г. аналогичный отказ последовал секретарю русского консульства в Бомбее А. И. Выгорницкому (негласный военный агент в Бомбее). См.: ОИОС, L/P&S/7/146 Reg. No.1006. Refusal of the Government of India to permit M Wygornitzky, Oriental Secretary to the Russian Consul at Bombay, to travel by the Nushki Sistan route. 10 July 1902.

Генерального штаба подполковник Валентин Евграфович Лукин (1863-1919), штаб-офицер для особых поручений при штабе Туркестанского военного округа, летом 1899 г. сопровождал британского полковника Мак-Суини в поездке по русским среднеазиатским владениям.

Прим. в тексте документа: «Кабир-шах, уроженец Кашмира, состоял при окружном штабе практикантом по языкам «индустани» и «персидскому»; никогда в Кабул он не посылался, а ездил раз с поручиком Яковлевым (подчекнуто в тексте. – М. Б.) из Ташкента в Термез». Василий Степанович Яковлев (1866-?) – поручик 88-го пехотного Петровского полка. Выпускник офицерских курсов восточных языков при Азиатском департаменте МИД (вып. 1897 г.), в 1899 г. закончил курсы языка индустани при штабе Туркестанского военного округа.

РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. Д. 76. Л. 87-88. Секретное письмо командующего войсками Туркестанского военного округа начальнику Главного штаба, 16 ноября 1899 г. На документе имеется резолюция: «Военный министр приказал иметь в виду по возвращению офицеров из командировки, когда вполне выяснятся все обстоятельства».

Там же. Л. 89 об. Секретное письмо туркестанского генерал-губернатора начальнику Главного штаба, 25 ноября 1899 г.

АСС ПСК, 16 сентября 1899 г., г. Марри.

Moreman T. R. *The Army in India and the Development of Frontier Warfare, 1849-1947*. London, 1998. P. 84-85.

86

TB, 1899, № 91.

Генерал сэр Уильям Локхарт (General Sir William Lockhart).

АСС ПСК, 29 октября 1899 г., г. Лахор.

Например, India 1909. General Maps of Railways. Imperial Gazetteer Atlas of India. The Edinburgh Geographical Institute.

Hopkirk P. Quest for Kim. In Search of Kipling's Great Game. London, 1996. P. 71.

Военно-статистические и военно-географические материалы по Индии // СМА, 1914, вып. LXXXVII, с. 57.

АСС ПСК, 29 октября 1899 г., г. Лахор.

АСС ПСК, 29 ноября 1899 г., г. Агра.

Грулев М. В. По поводу статьи «Очерк Тирахской экспедиции генерала Локгарта в 1897 г.» // ВСб, 1899, № 4, с. 408.

Снесарев А. Е. Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. СПб., 1906. С. 68.

Отзвуки этого не до конца критического восприятия обнаруживаются в его работах, появившихся сразу после посещения Индии. Как образец приведем один из фрагментов его работы того периода: «Что касается представлений азиатов о военном могуществе англичан, то таковое говорит совершенно не в пользу их. Всюду при путешествии вы наталкиваетесь на насмешливое и презрительное отношение к англичанам в этом смысле». (СССТВО, вып. XX, 1900, с. 72). Будем иметь в виду, что работа адресована офицерскому составу Туркестанского военного округа и упоминание о том, что даже туземцы Индии относятся к британцам с пренебрежением – «насмешливо и презрительно», не способствовало формированию у офицеров адекватного представления об индо-британской армии, как серьезном противнике.

Русско-индийские отношения в 1900-1917 гг.: Сборник архивных документов и материалов. М., 1999. С. 63.

Там же.

Доктор Шуп (Claredon I. Shoop, 1851-1924) - известный в Чикаго врач, давний знакомый Леви Лейтера, сопровождал в поездке в Индию женскую половину семейства Лейтеров. Стал известным и сделал большой капитал благодаря производству необычных фармацевтических препаратов, часто экзотических, как например, «змеиное масло». В Индии он интересовался традиционной индийской медициной и фармацией.

Джулиан Фейн (Julian Henry Charles Fane, 1827-1870) – британский поэт и переводчик, получил известность своими переводами на английский язык поэм Г. Гейне.

Эллен Райт (Ellen Riley Wright, 1859–1904) – английский композитор, автор музыки к популярным песням.

103

АСС ПСК, 14 июня 1900 г., г. Андижан.

АСС ПСК, март 1900 г., г. Ташкент.

105

АСС ПСК, 31 декабря 1900 г., г. Ташкент.

Адрес Снесарева, в отличие от других офицеров штаба округа, не указан в справочнике: Стратонов В. В. Туркестанский календарь на 1904 г. Ташкент, 1904. Справочник содержит сведения по состоянию на первую половину 1903 г. Отсутствие сведений о месте проживания Снесарева могло произойти по двум причинам: либо он съехал с арендуемой квартиры в связи с отъездом на Памир, либо адрес не указан по причине его продолжительного отсутствия в Ташкенте.

107

АСС ПСК, 31 декабря 1900 г., г. Ташкент.

108

Там же, 9 апреля 1903 г., п. Хорог.

Сведения приводятся на основе послужного списка А. Е. Снесарева: РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. П/с 338-604 (1911 г.). Л. 3-3 об.

Марков А. Кадеты и юнкера. Русские кадеты и юнкера в мирное время и на войне. Сан-Франциско, 1961. С. 41-42.

Марков А. Кадеты и юнкера. Русские кадеты и юнкера в мирное время и на войне. Сан-Франциско, 1961. С. 41-42.

112

АСС ПСФ, 21 января 1916 г.

113

Там же, 22 февраля 1916 г.

114

Там же, март 1900 г.

Тандем - велосипед, предназначенный для нескольких (чаще для двух) человек, сидящих один за другим. Был популярен в то время в Ташкенте, где имелось Ташкентское общество велосипедистов-любителей (открыто в 1894 г.).

116

АСС ПСК, 14 июня 1900 г., г. Андижан.

117

Там же, 23 августа 1900 г., г. Ташкент.

Там же.

АСС ПСК, 31 декабря 1900 г., г. Ташкент.

120

Там же.

Sahadeo Jeff. Russian Colonial Society in Tashkent, 1865-1923. Bloomington, 2007. P. 59.

Деникин А. И. Старая армия. Париж, 1929. С. 121.

АСС. Письмо В. Н. Зайцева к А. Е. Снесареву. 11 октября 1905 г., г. Ош.

Интерес представляет аттестация на А. Е. Снесарева, данная его непосредственным начальником: «Полковник Снесарев умный, высокообразованный и отличных нравственных качеств; прекрасный семьянин; ничего не пьет; в карты играть любит, но по-маленькой и в азартные игры не играет; интересный собеседник, выдающийся лектор – он пользуется общей любовью и большим уважением не только в офицерской среде, но и в городском обществе: его сообщения и публичные лекции слушаются с исключительным интересом. Возлагаемые на него поручения исполняет с особым усердием. К службе относится добросовестно. В поле находчив, спокоен и распорядителен. Ездит смело и сидит крепко. Физически здоров и трудности военной жизни переносит легко. Заслуживает выдвижения на высшую должность вне очереди. Будет одинаково полезен как в строю, так и на службе по Генеральному штабу. Отличный. Продписал: начальник 2-й казачьей сводной дивизии генерал-лейтенант Родионов». См.: РГВИА. Ф. 409. Оп. 3. Д. 8568. Л. 3.

РГВИА. Ф. 409. Оп. 3. Д. 8568. Л. 4. Заключение вышестоящего начальника на представление полковника А. Е. Снесарева кандидатом на должность командира пехотного полка.

126

АСС ПСФ, 7-8 января 1916 г.

АСС. Рукопись биографической работы Е. А. Снесаревой об отце.

128

Там же.

129

TB, 1899, № 90.

Людмила Николаевна Лейсек, родственница В. В. Лейсека, дирижера и директора музыкального общества «Лира». Снесарев и Людмила Лейсек часто совместно выступали на сцене. Лейсек вышла замуж за поручика 1-й Туркестанской артиллерийской бригады А. Н. Ковалевского, который позже закончил Императорскую Николаевскую военную академию (1910). С началом Гражданской войны под влиянием Снесарева он примкнул к большевикам, занимал ответственные посты в штабе Северо-Кавказского военного округа и Южного фронта, арестован органами ЧК по обвинению в измене и без суда расстрелян (ноябрь 1918 г.).

131

TB, 1900, № 93.

132

АСС ПСК, 31 декабря 1901 г.

133

TB, 1901, № 8.

134

АСС ПСК, 13 февраля 1902 г.

135

TB, 1902, № 34.

136

Там же, № 23.

137

TB, 1904, № 60.

138

Там же, № 63.

139

АСС ПСК, 31 декабря 1900 г., г. Ташкент.

140

Там же.

141

Мученик Виктор Дамасский – раннехристианский святой, почитаемый как мученик. Память совершается в Православной церкви 11 ноября.

142

TB, 1902, № 91.

Старинный студенческий гимн, первый русский текст которого создал профессор Московского университета математик Н. В. Бугаев.

145

TB, 1899, № 84.

РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. Д. 76. Л. 92 об. Отношение начальника штаба Туркестанского военного округа начальнику Главного штаба, 14 декабря 1901 г.

147

РИ, 1901, № 92.

В. Р-в. Библиотека и читальня Ташкентского военного собрания. ТВ, 1902, № 94.

Бутовский Н. Офицерские собрания, как воспитательный элемент. РИ, 1901, № 47.

150

Там же.

Подсчитано на основе сведений из издания: Состав Туркестанского отдела Императорского Русского географического общества к 1 июня 1898 года. Ташкент, 1898. С. VII-XII.

152

АСС ПСК, 23 августа 1900 г., г. Ташкент.

Мартин Хартманн (Hartmann, 1851–1918) – профессор арабского языка, до Первой мировой войны – один из ведущих европейских арабистов.

154

АСС ПСК, 13 февраля 1902 г., г. Ташкент.

См.: Протокол № 1 годового общего заседания, 28 февраля 1902 г. // Известия ТО ИРГО. Т. VII. Ташкент, 1907. С. 90.

Протокол № 2 заседания Правления 19 апреля 1903 г. // Известия ТО ИРГО. Т. VII. Ташкент, 1907. С. 131.

ЦГАРУ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1. Л. 96. Дополнение к § 7 Положения о Туркестанском отделе Императорского Русского географического общества.

Текст доклада опубликован в газете «Туркестанские ведомости», 1904, № 89-93.

159

TB, 1904, № 29.

Протокол № 1 общего годовичного собрания 3 марта 1904 г. // Известия ТО ИРГО. Т. VII. С. 139.

В этом можно убедиться, ознакомившись с протоколами о приеме новых членов в состав ИРГО, опубликованными в годовых «Отчетах ИРГО» за период 1900-1914 гг.

Этот вопрос - эволюция связей ИРГО с армейской средой и изменение взглядов русского офицерства на географическое общество и географические исследования, представляет одну из весьма интересных тем, требующих дальнейшего изучения.

163

ЦГАРУ. Ф. 361. Оп. 1. Д. 2. Л. 3. Общество востоковедения. Цель его учреждения.
Организация. Развитие деятельности.

Там же. Л. 1. Письмо председателя Общества востоковедения туркестанскому генерал-губернатору, 18 октября 1900 г.

См.: ЦГАРУ. Ф. 361. Оп. 1. Д. 2. Л. 6-10. Докладная записка председателя Ташкентского отделения Общества востоковедения туркестанскому генерал-губернатору, 14 сентября 1909 г.

См.: [Товарищеский ужин офицеров-восточников в Ташкенте] // ТВ, 1899, № 13.

Имеется в виду военно-голубиная почта, один из видов связи, существовавший в то время в русской армии.

Отпуск, полагающийся по выпуску из академии.

170

Довольно низкий балл по иностранному языку.

Русский пограничный железнодорожный переход на территории Польши.

Нис-Ро. Терзания идеалиста. РИ, 1901, № 250.

173

АСС ПСК, 26 марта 1902 г.

РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1602. Л. 42. Командующий войсками Туркестанского военного округа начальнику Главного штаба, 24 июня 1902 г.

ЦГАРУ. Ф. 361. Оп. 1. Д. 3. Л. 254. Рапорт председателю Общества востоковедения.

А. Н. Суворов]. Заграничные командировки офицеров Генерального штаба // РИ, 1908, № 8.

Имеется в виду генерал-лейтенант А. А. Боголюбов, начальник Закаспийской области и командующий войсками II Туркестанского армейского корпуса. Боголюбов женился уже после выхода в отставку (1908 г.), брак этот был непродолжительным, в январе 1909 г. Боголюбов скорпостижно скончался.

178

АСС ПСК, 14 июня 1900 г., г. Андижан.

179

АСС ПСК, 14 июня 1900 г., г. Андижан.

180

Родная сестра А. Е. Снесарева.

181

АСС ПСК, 14 июня 1900 г., г. Андижан.

Григорий Васильевич Покровский (1871-1968) прожил интересную и долгую жизнь. В Первую мировую войну – генерал-майор, показал себя распорядительным и храбрым начальником, удостоен ордена Св. Георгия 4-й ст. и Георгиевского оружия. В период командования генералом Л. Г. Корниловым 8-й армией, возглавлял ее штаб. После большевистского переворота воевал в рядах Добровольческой армии, затем с остатками русской армии ушел в эмиграцию, скончался во Франции, похоронен на кладбище Сент-Женевьев де Буа.

183

АСС ПСК, 14 июня 1900 г., г. Андижан.

Будаков В. В. Честь имею. Геополитик Снесарев: на полях войны и мира. Воронеж, 2011. С. 76.

185

АСС ПСФ, 23 декабря 1915 г.

Там же, 1 ноября 1915 г. и 17 июля 1916 г.

187

Там же, 11 мая 1916 г.

АСС. Письмо О. А. Зайцевой дочери, 28 декабря 1904 г.

189

АСС ПСФ, 8 мая 1915 г.

АСС. Письмо В. Н. Зайцева к А. Е. Снесареву, 4 октября 1903 г.

Ванновский Глеб Михайлович (1862–1943) – Генерального штаба генерал-лейтенант. В описываемый период – командующий 1-й армией (с 31.07.1917). Поддержал выступление генерала Корнилова, арестован и непродолжительное время содержался в Быховской тюрьме.

192

АСС ПСФ, 4 сентября 1917 г.

Ошибка в записи, правильно «генерал от инфантерии».

Дружеские отношения между В. Н. Зайцевым и Л. Г. Корниловым завязались в период, когда Корнилов состоял в должности офицера Генерального штаба при Генеральном консульстве в Кашгаре (1899–1901).

Ныне хранятся в фондах Архива востоковедов ИВР РАН. Ф. 116. Оп. 2. Д. 38.

АСС, письмо В. Н. Зайцева к дочери.

197

АСС ПСФ, 26 августа 1917 г.

198

АСС ПСК, 4 июля 1902 г.

199

АСС ПСФ, 30 июля 1916 г.

200

АСС. Письмо В. Н. Зайцева дочери Евгении, 25 июля 1916 г.

Работа И. К. Серебренникова «Индо-британская армия», точнее, ее первая часть первоначально печаталась на страницах СССТВО (вып. XXXVII-XLV), а затем издана отдельной книгой под тем же названием (Ташкент, издание штаба Туркестанского военного округа, 1903-1908. Ч. I-II).

Далее в тексте сокращенно - «Сборник сведений».

Известия Туркестанского отдела ИРГО. Т. II, вып. 1. Ташкент, 1900.

Grulev M. The Rivalry of Russia and England in Central Asia. Simla, 1910.

Marshall A. The Russian General Staff and Asia, 1800-1917. London, 2006. P. 153.

207

Feu sacré – от фр. священный огонь.

Имеется в виду работа британского полковника Ханна. См.: Hanna, Colonel H. V. Can Russia invade India? Westminster, 1895. Работа в извлечении и переводе Генерального штаба подполковника Роопа издана Главным штабом. См.: Может ли Россия вторгнуться в Индию? Полковника Ганна. СМА, вып. LXXII.

Грулев М. Записки генерала-еврея. Париж, 1930. С. 214-215.

Farwell B. *Armies of the Raj. From the Great Indian Mutiny to Independence: 1858-1947.* London, 1983. P. 102-103.

[О назначении коллежского советника А. А. Половцова]. Приказы по Туркестанскому краю, 8 марта 1903 г., № 56 // ТВ, 1903, № 22.

Дом и ныне известен в Ташкенте как «Дом Половцова». В настоящее время в нем размещен Музей прикладного искусства Узбекистана.

В 1902 г. Снесарев оказал содействие секретарю Половцова М. С. Андрееву в сборе материала о горцах Ишкашима и Вахана, которые затем легли в основу очень добротного этнографического труда, написанного совместно Половцовым и Андреевым. См.: Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии / Собрали М. С. Андреев и А. А. Половцов //Сборник Музея антропологии и этнографии. [Т. 1], вып. 9, с. 1-43, табл.

СССР, 1905, вып. LXV, LXLIII; 1905, вып. LXVIII; 1905, вып. LXX.

Газеттир - от англ. gazetteer, географические и статистические справочники по странам и отдельным территориям.

Штаб Туркестанского военного округа вел обработку значительного числа британских, прежде всего, индо-британских источников. Это наглядно видно по ссылкам, используемым в публикациях СССТВО. Из Британской Индии пресса поступала в Ташкент по каналам МИД, этот процесс получил бóльшую системность после учреждения в Бомбее при Российском Императорском Генеральном консульстве должности «негласного» военного агента штаба Туркестанского военного округа. В Великобритании обработка русской военной и провинциальной, преимущественно кавказской и туркестанской печати, велась в аппарате министерства по делам Индии (India Office) на регулярной основе. В 1870–80-х гг. политический и секретный департамент (Political and Secret Department) этого министерства ввел штатную должность переводчика русской прессы, на которую был приглашен Роберт Мишелл (Robert Michell), длительное время служивший в британском посольстве в Петербурге и получивший известность своими переводами работ Ч. Ч. Валиханова, М. И. Венюкова и Н. М. Пржевальского. Департамент вел обработку таких периодических изданий, как «Русский инвалид», «Голос», «Новое время», «Туркестанские ведомости» и ряд др. В более поздний период обработка русской туркестанской прессы велась и в разведывательном департаменте главного штаба индо-британской армии.

[Грулев М. В.] Цель настоящего издания // СССТВО, 1898, вып. I, с. I.

218

АСС ПСК. 14 июня 1900 г., г. Андижан.

Обычно при редактировании сборника А. Е. Снесаревым имя его указывалось на обложке сборника - «Составил Генерального штаба капитан Снесарев». Но на двух выпусках сборника - XLVII, LI, это указание отсутствует. Факт редактирования этих сборников Снесаревым установлен по авторству рубрик - «Текущие события», «Военные известия» и «Новые книги», которые, как правило, велись редактором выпуска.

РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1631. Л. 4-5. Снесарев А. Е. Справка по отчетному отделению.
[О расширении издания сборника «Сведений, касающихся стран сопредельных с
Туркестанским военным округом»].

221

Там же, л. 4.

222

TB, 1906, № 115.

223

АСС ПСК, март 1900 г.

224

Там же, 1902 г.

Губер А. А. Воспоминания о профессоре А. Е. Снесареве // Андрей Евгеньевич Снесарев (жизнь и научная деятельность). М., 1973. С. 11-12.

Cobbold R. P. Innermost Asia. Travel & Sport in the Pamirs. London, 1900.

Задержание Кобболда было произведено на том основании, что данное ему ранее разрешение на посещение Памира было аннулировано русскими властями. Кобболд был тепло принят Кивекэсом и офицерами Хорогского поста, посещал товарищеские вечеринки, однако позже сообщил, что провел под арестом около двух недель, и его вещи подвергались обыску. В действительности он провел в Хороге всего несколько дней, ему позволялось охотиться в окрестностях поста, но не разрешалось фотографировать сам пост. Этот запрет Кивекэса также оказался формальным, как и сам арест британского офицера. В книге Кобболда, к примеру, опубликован сделанный им отличный групповой снимок офицеров и солдат Памирского отряда. Обвинения Кобболда вынудили капитана Кивекэса опубликовать опровержение в «Туркестанских ведомостях». За инцидентом с Кобболдом внимательно следили индо-британские власти. См.: ОЮС, L/P&S/7/105 Reg. No.782. Correspondence on the subject of the arrest of Mr R. P. Cobbold. 26 July 1898.

Cobbold R. P. Innermost Asia, p. vii.

Lane-Poole S. Babar. Oxford, 1899.

Skrine F. H., Ross E. D. *The Heart of Asia. A History of Russian Turkestan and Central Asian Khanates from the Earliest Times.* London, 1899.

Saint-Yves G. Turkestan Chinois et Pamir (Juillet - Decembre 1899) // La Géographie Bulletin, 1900, № 2, p. 93-110.

Deasy H. H. P. In Tibet and Chinese Turkestan, being the record of three years exploration. London, 1901. С рецензией Снесарева на эту работу автору, к сожалению, не удалось ознакомиться. Опубликована в СССТВО, 1901, вып. XXX, с. 33-41.

Yate Ch. E. Khurasan and Sistan. London, 1900.

См.: The English Historical Review, Vol. 15, No. 57 (January, 1900), p. 143-145.

236

СССТВО, 1900, ВЫП. XX, с. 53.

237

CCCTBO. C. 54.

Yate, Lieut.-Col. Charles Edward. *Khurasan and Sistan*. London, 1900.

См.: Корнилов Л. Г. Нушки-Сеистанская дорога // СМА, 1905, вып. LXXVIII, с. 30.

Две работы Н. А. Аристов - Об Афганистане и его населении. СПб., 1898; Англо-Индийский Кавказ. СПб., 1900.

Stuart D. The Struggle for Persia. London, 1902.

Gardner A. *Memoirs of Alexander Gardner, Soldier and Traveller*. Edinburgh, 1898.

243

СССТВО, 1901, ВЫП. XXIV, с. 34.

244

Там же. С. 35.

246

Там же, 1904, вып. LI, № 3, с. 44.

Durand A. G. R. *The Making of a Frontier. Five years experiences and adventures in Gilgit, Hunza, Nagar, Chitral, and the Eastern Hindu-Kush.* London, 1899.

Robertson, Sir George Scott. *Kafirs of the Hindu Kush*. London, 1896.

Алджернон Дюранд (Algernon George Arnold Durand, 1854–1924) – полковник, один из первых членов Королевского общества по делам Средней Азии. Происходил из семьи потомственных военных, сын генерал-майора, два брата Алджернона – сэр Эдвард и сэр Мортимер, были известными специалистами по среднеазиатскому вопросу. Алджернон (больше известный среди друзей как Алджи), в 1894–1899 гг. служил личным секретарем вице-короля лорда Элгина (был женат на его племяннице), командовал британскими войсками в операции по захвату Хунзы и Нагара (1891), занимал должность британского политического агента в Гилгите. Работа «Созидание границы» принесла ему широкую известность.

250

СССТВО, 1900, ВЫП. VIII, с. 22.

251

СССТВО, 1900, ВЫП. XVIII. С. 31.

См.: Дюранд А. Созидание границы (Северная Индия) // Пер. с англ. А. Снесарева. СПб., 1905.

Джордж Робертсон (Robertson, Sir George Scott, 1852-1916) – индо-британский администратор и путешественник. Родился в Лондоне, получил образование в медицинской школе Вестминстерского госпиталя, поступил на службу в медицинскую службу Индии (1878), в качестве медика принял участие во второй англо-афганской войне (1878-1880), перешел в дипломатическую службу Индии, назначен врачом при британском политическом агентстве в Гилгите (1888), политическим агентом в Читрале. Принял активное участие в политических событиях «памирского кризиса». После выхода в отставку (1899) покинул Индию, вернулся в Англию и занялся политической деятельностью. Член британского парламента (1906). В 1889 г. Робертсон по заданию англо-индийского правительства посетил территорию независимого владения Кафиристан и провел в нем около года. По результатам поездки подготовил секретный отчет и издал две книги о Кафиристане и его населении.

Robertson, Sir George Scott. *Kafirs of the Hindu Kush*. London, 1896.

См.: Басханов М. К., Колесников А. А., Матвеева М. Ф. Дервиш Гиндукуша. Путевые дневники центральноазиатских экспедиций генерала Б. Л. Громбчевского. СПб., 2015.

Robertson G. S. Kafiristan // *The Geographical Journal*, 1894, vol. 4, No. 3 (September), p. 193-217.

Кафиристан / Д-ра Робертсона. Извлечено Генерального штаба подполковником [С. Д.] Гескетом // СМА, 1896, вып. LXVI. С. 1-28.

258

АСС ПСК, март 1900 г.

Уоллкотт Уотерз (Wallcourt Hely-Hutchinson Waters, 1855-1945) – бригадный генерал. Родился в богатой семье в Англии. После начальной школы обучался в частных учебных заведениях в Париже и Берлине. Военное образование получил в военной академии в Вулвиче, по выпуску из которой получил назначение в Королевскую артиллерию (1875). После нескольких лет службы в Индии поступил в Штабной колледж, где изучал русский язык. В 1887 г. сдал экзамен на военного переводчика французского, немецкого и русского языков. Переведен на службу в военную разведку, в которой служил до назначения военным атташе в Петербурге. После пяти лет службы в России отправился на театр войны с бурами в Южную Африку, затем был военным атташе в Берлине. Служил британским представителем при русской армии в период русско-японской войны 1904-1905 гг. Командовал британскими экспедиционными войсками в Северном Китае (1906), уволен в отставку (1910). В период Первой мировой войны возглавил комитет по военной цензуре.

Чарльз Бересфорд (Charles Edward de la Poer Beresford, 23.10.1850 – после 1920) – полковник. Родился на о. Корфу. Происходил из аристократического рода (маркиз), среди представителей которого было много известных военных деятелей Англии и Британской Индии. Образование получил в частных пансионах во Франции и Англии. Военное образование получил в Королевском военном колледже (1885) и военной академии Сандхерст, сдал экзамены на военного переводчика французского языка. На службу поступил в 46-й пехотный полк (1869), произведен в лейтенанты (1871), переведен в Королевский полк, капитан (1883), зачислен в Герцога Эдинбургского Вилтширский полк, майор (1890), помощник генерал-губернатора Ямайки (1890), штаб-офицер при генерал-губернаторе Ямайки (1891), помощник губернатора Западного округа (Австралия, 1893), подполковник (1898), военный атташе в Петербурге (1898–1903), полковник (1902). Награжден русским орденом Св. Анны 3-й ст. (1903).

261

TNA/FO539/83/57 Inclosure in № 57: Report by Lieutenant-Colonel Beresford. St. Petersburg, May 31, 1900. В дальнейшем извлечения из указанного документа будут приводиться без указаний на архивный шифр документа.

262

Маргания Малахий Кваждиевич (1859-?) - генерал-майор. В описываемый период - командир Туркменского конно-иррегулярного дивизиона.

Боголюбов Андрей Андреевич (1842–1909) – генерал от инфантерии. В описываемый период – начальник Закаспийской области и войск, дислоцированных в ней.

Мединский Виктор Юлианович (1837-1908) – генерал от кавалерии, в описываемый период военный губернатор Самаркандской области.

Неточность, андижанское восстание произошло в 1898 г.

Имеется в виду голод в Индии в 1899–1900 гг., сопровождавшийся большой смертностью, и, как результат, волнениями населения. В действительности ситуация была значительно смягчена действиями экономического характера, предпринятыми индо-британскими властями. Это был последний голод в Индии вплоть до окончания английского владычества в 1947 г.

Очевидно, речь идет о русской части Ташкента.

Этот вопрос всегда волновал А. Е. Снесарева. В более поздний период, уже после подписания англо-русского соглашения 1907 г., он указывал на возможность соединения индо-британских и русских железных дорог, как на основную выгоду, проистекающую из соглашения.

В сентябре 1902 г. Бересфорд совместно с супругой повторно посетит Русский Туркестан, но Снесареву встретиться с ним не удастся, в это время он уже был на Памире. Сопровождал Бересфорда в поездке Генерального штаба капитан П. В. Черкасов.

Боевой состав Джаркентского отряда: три батальона 8-й Туркестанской стрелковой бригады (2, 3 и 5-й Западно-Сибирские стрелковые батальоны), четыре батальона 1-й Туркестанской стрелковой бригады, Западно-Сибирский артиллерийский дивизион (2 батареи), 1-я Туркестанская артиллерийская бригада (2 батареи), 2-й Сибирский и 1-й Семиреченский казачьи полки; Западно-Сибирская саперная рота. Всего: более 7 батальонов, 10 сотен, 32 орудия, общая численность – 7200 чел. Отряд расформирован в 1901 г. в связи с нормализацией обстановки в Западном Китае.

См. статьи В. Ф. Новицкого: По Семиречью с туркестанскими стрелками // РИ, 1901, № 68; В Джаркентском отряде // РИ, 1901, № 87.

272

Согласно послужному списку, Снесарев находился в полевой поездке с 11 июня по 20 июля 1900 г.

273

АСС ПСК, 14 июня 1900 г., г. Андижан.

274

Топографическое описание маршрута см.: Сборник маршрутов по Семиреченской области / Составлен в марте и апреле 1909 г. Генерального штаба подполковником Ахвердовым. Ташкент, 1910. Маршрут № 62.

275

Там же. Маршрут № 69.

276

АСС ПСК, 1 июля 1900 г., под пер. Бугушты.

277

Там же.

Селение Артуш находилось в 40 верстах к северу от Кашгара.

279

АСС ПСК, 23 августа 1900 г., г. Ташкент.

Краснов П. Н. На рубеже Китая. Париж, 1939. С. 107.

Skrine S. P., Nightingale P. Macartney at Kashgar. *New Light on British, Chinese and Russian Activities in Sinkiang, 1890-1918*. London, 1973. P. 114.

282

АСС ПСК, 5 июля 1900 г., урочище Караул-Дюбе.

РГВИА. Ф. 401. Оп. 3. Д. 82 (1875 г.). Л. 11. Записка Генерального штаба полковника М. И. Венюкова «Об организации военно-статистических работ по изучению государств Средней и Восточной Азии», 14 ноября 1875 г.

Грулев М. В. Записки генерала-еврея. Париж, 1930. С. 212.

285

Составлено по данным послужного списка А. Е. Снесарева. См.: РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. П/с 338-604 (1911 г.).

286

АСС ПСК, 14 июня 1900 г., г. Андижан.

В 1899–1900 гг. в правительстве обсуждалось два проекта новых железных дорог в Средней Азии: от Оренбурга до Ташкента и от Александров-Гая через Хивинский оазис на Чарджоу. Автор рецензируемой Снесаревым работы обосновывал необходимость реализации второго проекта. В итоге было принято решение о направлении новой железнодорожной магистрали от Оренбурга до Ташкента, как наиболее отвечающей экономическим и оборонительным потребностям Туркестанского края. Более подробно см.: Андреева Т. И. Формирование концепции железнодорожного сообщения Сибири и Туркестана в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета, 2010, № 1 (9), с. 27–31.

288

АСС ПСК, 23 августа 1900 г., г. Ташкент.

289

TB, 1901, № 33.

Памирский цикл включал в себя статьи: Зима на Памире (1902, № 103); Вести с Памира (1903, № 47-50).

291

TB, 1903, № 47-50.

См.: Худоназаров Д. Н. Памирские экспедиции графа А. А. Бобринского 1895-1901 гг. М., 2013.

293

TB, 1904, № 105, 112, 123, 128, 134.

294

Там же, № 112.

295

Там же.

296

TB, 1904, № 80.

Поляков С. И. Записки Бабера (Бабер-нама. Ильминский. Казань, 1857 г.). Перевод с чагатайского (узбекского) // Обзор Ферганской области. Т. III. Новый Маргелан, 1904. С. 113-176.

Там же. С. 083 (прим.).

300

TB, 1902, № 37.

301

Report of a Mission to Yarkund in 1873 under command of Sir T. D. Forsyth. Calcutta, 1875.

302

TB, 1902, № 37.

Серебренников А. Г. Памир (Краткий очерк) // Ежегодник Ферганской Области. Т. I. Новый Маргелан, 1902.

Зайченко З. И. Памиры и Сарыкол. Очерк возникновения и последовательного развития и современного положения памирского вопроса. Ташкент, 1903.

Грулев М. В. Памиры. Историко-географический очерк. Калуга, 1904.

307

АСС ПСК, 4 июля 1902 г.

Пославский Илья Титович (1853-1914) - военный инженер, генерал-лейтенант. Выдающийся военный востоковед, археолог и собиратель древностей Средней Азии, активный член Туркестанского кружка любителей археологии.

Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 116. Оп. 2. Д. 68. Письмо генерал-майора И. Т. Пославского полковнику В. Н. Зайцеву, 8 апреля 1901 г., г. Ташкент.

310

Родственный Павел Павлович (1870 - после 1921 г.) - штаб-ротмистр. Сын горного инженера, образование получил в реальном училище и Тверском кавалерийском училище.

311

Согласно послужному списку, Снесарев находился в командировке с 3 мая по 10 июля 1901 г. Фактически рекогносцировочная группа отправилась на Памир только в двадцатых числах мая.

312

РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1564. Л. 63.

313

Хранится в Архиве востоковедов ИВР РАН. Фотографическая коллекция П. П. Родственного.

Снесарев А. Е. [Некролог]. Ф. А. Глуздовский // ТВ, 1902, № 29.

315

TNA/FO106/5: Memorandum of information received during the month of July 1901, regarding the affairs on and beyond the North-West Frontier of India.

316

АСС ПСК, 5 июня 1901 г., п. Хорог.

РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 2134. Л. 1-57. Снесарев А. Е. О Памирах. Секретно.

319

АСС ПСК, 31 декабря 1901 г., г. Ташкент.

320

РГВИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 2134. Л. 40 об.

321

РГВИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 2134. Л. 3.

322

Приказ по войскам Туркестанского военного округа № 415 от 20 ноября 1904 г. // ТВ, 1904, № 184.

324

Там же. Л. 7-8 об.

325

Там же. Л. 11.

Имеется в виду распределение сил зарубежной разведки Туркестанского военного округа. Штаб II Туркестанского армейского корпуса отвечал за разведку Восточной Персии, Гератской провинции Афганистана, Сеистана (персидского и афганского); штаб 5-й Туркестанской стрелковой бригады (г. Керки) отвечал за разведку провинций Афганистана: восточной части Гератской провинции, западной части Чар-Вилаета и местности до западных отрогов Гиндукуша; штаб 4-й Туркестанской стрелковой бригады (урочище Термез) – за разведку восточной части Чар-Вилаета, западной части Афганского Бадахшана; негласный военный агент в Кашгаре (офицер Генерального штаба при Российском Императорском Генеральном консульстве в Кашгаре) – за разведку Кашгарии и частично Северной Индии; разведывательный пост в Кульдже (офицер-заведующий консульским конвоем Российского Императорского консульства в Кульдже) – за разведку Джунгарии.

327

РГВИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 2134. Л. 21.

328

Там же. Л. 23.

Искандаров Б. И. Из истории Бухарского эмирата. Восточная Бухара и Западный Памир в конце XIX века. М., 1958. С. 105.

330

РГВИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 2134. Л. 37 об.

331

РГВИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 2134. Л. 33 об.

332

Там же. Л. 42 об.

Военный губернатор Ферганской области генерал-лейтенанта Чайковский указывал в этой связи: «Главною, однако, причиною откочевок киргиз является отсутствие подножного корма в суровые снежные зимы; кочевники ищут тогда более удобные пастбища, уходя временно за границу, и возвращаются на прежние места с наступлением тепла». РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1564. Л. 88. [Замечание военного губернатора Ферганской области к докладу начальника Памирского отряда], 26 апреля 1901 г. Снесареву было известно это замечание Чайковского, поскольку он ознакомился с этим отчетом.

334

РГВИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 2134. Л. 44 об.

335

РГВИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 2134. Л. 49-49 об.

336

Там же. Л. 53 об.

337

Там же. Л. 54.

338

АСС ПСК, 14 июня 1900 г., г. Андижан.

РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. Д. 76. Л. 92 об. Письмо командующего войсками Туркестанского военного округа начальнику Главного штаба, 14 декабря 1901 г.

340

АСС ПСК, 5 июня 1901 г., п. Хорог.

Инспекция военным министром войск Туркестанского военного округа состоялась в период с 25 сентября по 30 октября 1901 г. См.: Отчет о служебной поездке военного министра в Туркестанский военный округ в 1901 г. СПб., 1902.

Годовое жалование (без столовых и квартирных денег) капитана в 1901 г. составляло примерно 1260 руб. См.: Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 347. Табл. 64.

См.: Путеводитель по Туркестану и Среднеазиатской железной дороге. СПб., 1903.

344

TB, 1901, № 84.

345

Там же, № 90.

346

Там же, № 84.

347

TB, 1901, № 97.

348

Там же.

349

Там же.

350

Хранится в АСС.

351

Там же.

Снесарев А. Е. Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. СПб., 1906. С. 7.

Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1968. С. 59.

Цит. по: АСС. Снесарева А. Е. Командировка в Индию. Ташкент.

355

Имеется в личном архиве автора.

356

TNA. Board of Trade: Commercial and Statistical Department and successors: Inwards Passenger Lists. UK, Incoming Passenger List, 1878-1960. Series BT26. Piece: 181; Item: 25.
Сестер Лейгер сопровождали Берсия Фокер и Элизабет Браун.

357

TNA. Board of Trade: Commercial and Statistical Department and successors: UK, Outward Passenger Lists, 1890-1960.

В Архиве востоковедов ИВР РАН в фонде А. Е. Снесарева имеются каталоги знаменитого (существующего и сейчас) книжного магазина Артур Пробстайн (Arthur Probsthein), специализирующегося на восточной литературе.

359

АСС ПСК, 31 декабря 1901 г., Ташкент.

360

Там же.

361

РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. Д. 76. Л. 92-92 об. Письмо командующего войсками Туркестанского военного округа начальнику Главного штаба, 14 декабря 1901 г.

362

Там же. Л. 92.

363

Там же.

На военно-статистических работах, издаваемых в то время в военных округах, не существовало практики указания лиц, выполнявших корректуру или принимавших участие в редактировании. Иногда указывался редактор серии трудов, как правило, старший начальник – начальник штаба военного округа или генерал-квартирмейстер окружного штаба. Поэтому утверждение Снесарева, что он «отказался» от упоминания своего имени в выходных данных работы Полозова выглядит несколько странным.

365

АСС ПСК, 4 июля 1902 г.

366

Добавление к СМА, 1902, № 7.

367

Ташкент, изд. штаба Туркестанского военного округа, 1903.

368

Глава I и II. С. 1-119.

369

АСС ПСК, 4 июля 1902 г.

370

Там же, 5 октября 1902 г., п. Хорог.

371

Там же, 9 апреля 1903 г. п. Хорог.

Снесарев А. Е. Северо-индийский театр. Ч. I. Ташкент, 1903. С. I-II.

Гейсман П. А. Исторический очерк возникновения и развития в России Генерального штаба в 1825-1902 гг. Вып. II. СПб., 1910. С. 401.

АСС. Письмо В. Н. Зайцева к А. Е. Снесареву, 4 октября 1903 г., г. Ош.

Снесарев А. Е. Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. СПб., 1906. С. IV.

376

Там же. С. 47.

James, Lawrence. *The Rise and Fall of the British Empire*. London, 1994. P. 66.

378

Губернатор Бенгалии в 1772-1785 гг.

Bens-Jones M. Clive of India. London, 1974. P. 146.

Монополия отменена только в 1813 г.

Снесарев А. Е. Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. СПб., 1906. С. 51.

382

Там же. С. 45.

Dunlop J. K. *The Development of the British Army, 1899-1914*. London, 1938. P. 31.

Mason P. A Matter of Honour. An account of the Indian Army, its officers and men. London, 1974. P. 362-371.

Naoroji D. Povevry and Un-British Rule in India. London, 1901.

См.: Ray R. K. Indian Society and the Establishment of British Supremacy 1765-1818 // Marshall P. J., Low A. (eds.). The Oxford History of the British Empire, vol. II, The Eighteenth Century. Delhi, 1998. P. 508-529.

Marshall, P. J. *The British in Asia: Trade to Dominion, 1700-1765.* // *The Oxford History of the British Empire*, vol. II, *The Eighteenth Century*. Delhi, 1998. P. 487-507.

Digby W. Prosperous' *British India: A Revelation from Official Records*. London, 1901.

Снесарев А. Е. Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. СПб., 1906. С. 172.

АСС. Англо-русские отношения. Таймс, 7 февраля 1906 г. Перевод статьи на русский язык.

Marshall A. The Russian General Staff and Asia, 1800-1917. London, 2006. P. 157.

См.: Соболев Л. Н. Возможен ли поход русских войск в Индию? М., 1901.

Грулев М. В. [Рец.] А. Е. Снесарев. Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе // Обзор журналов и книг. Прил. к газете «Русский инвалид», 1906, № 203.

Heathcote T. A. *The Military in British India*. Manchester, 1995. P. 192.

Большое значение в этом вопросе имели доклады Снесарева «Англо-русское соглашение 1907 года», сделанные в Обществе востоковедения (8 января 1908 г.) и в Обществе ревнителей военных знаний (24 января 1908 г.).

Данные составлены на основе библиографических сведений, приведенных в источнике: Хронологический указатель трудов Снесарева Андрея Евгеньевича [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://a-e-snesarev.ru/ukazatel.pdf>. (дата обращения: 15.07.2015).
Использованы только оригинальные работы, подписанные А. Е. Снесаревым.
Переизданные работы в подсчет не включались.

397

Сэр Эдвард Грей (Edward Grey, 1862-1933) – министр иностранных дел Великобритании (1905-1916).

398

Голос правды, 1908, № 782.

Авалов З. [Рец.] М. В. Грулев. Соперничество России и Англии в Средней Азии // ТСб. Т. 499. Ташкент, 1909. С. 107.

400

АСС ПСК, 23 августа 1900 г.

Снесарев А. Е. Северо-индийский театр. Ч. I. Ташкент, 1903. С. 146.

Факт существования такого дневника остается пока под вопросом.

403

РИ, 1901, № 47.

404

TB, 1902, № 21.

405

Там же.

406

TB, 1904, № 8.

407

ЦГАРУ. Ф. И-3. Оп. 2. Д. 77. Л. 98-102. Инструкция начальнику Памирского отряда.

Цензовое командование (ценз) – обязательное пребывание в командной должности для получения продвижения по службе. В русской императорской армии офицеры, окончившие НАГШ, обязаны были откомандовать ротой один год.

Кандидатура начальника Памирского отряда проходила согласование в Азиатской части Главного штаба.

410

Цифра завышена, реально в два раза меньше.

411

АСС ПСК, 26 марта 1902 г., г. Ташкент.

412

РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1456. Л. 10. Отчет о деятельности Памирского отряда капитана Кивекэса за период с 27 октября 1901 г. по 31 августа 1902 г.

413

АСС ПСК, 13 мая 1902 г., г. Ташкент.

Речь идет о подготовке труда «Северо-индийский театр».

415

АСС ПСК. 4 июля 1902 г.

416

Текст записки приводится в письме к сестре Клавдии, дата письма неизвестна.

417

РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1456. Л. 11.

418

АСС ПСК, 17 августа 1902 г., п. Хорог.

419

АСС ПСК, 17 августа 1902 г., п. Хорог.

420

Нами просмотрены следующие фонды: TNA/FO106/6, Russia in Central Asia, 1902;
TNA/FO539/85. Part IV. Further correspondence respecting Central Asia. 1902.

421

Зима на Памире. ТВ, 1902, № 103.

422

АСС ПСК, 17 августа 1902 г., п. Хорог.

423

Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 115. Оп. 1. Д. 122. Л. 2 об. «Инструкция начальнику Памирского отряда».

424

Кроки - чертеж участка местности, выполненный глазомерной съемкой, с обозначением важнейших объектов.

425

Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 115. Оп. 1. Д. 122. Л. 5-6. «Инструкция начальнику Памирского отряда».

426

РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 12. Л. 5 об. – 6. Отчет начальника Памирских отрядов за время от 4 июня по 25 октября 1894 года.

427

Там же. Д. 13. Л. 19. Отчет начальника Памирского отряда (1895-1896) капитана Сулоцкого.

Звонарев К. К. Агентурная разведка. Т. I. Русская агентурная разведка всех видов до и во время войны 1914-1918 гг. М., 1929. С. 117.

В. Н. Трубченинов - штабс-капитан 2-го Ходжентского резервного батальона - главный строитель дорог и мостов на Западном Памире, скончался в декабре 1900 г. на посту Хорог от брюшного тифа. Похоронен на воинском кладбище поста Хорог.

430

РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1564. Л. 1 об. - 2. Рапорт начальника Памирского отряда Генерального штаба капитана Аносова. [О сборе сведений о сопредельных странах]. 8 марта 1900 г., п. Хорог.

431

РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1564. Л. 84. Рапорт начальника Памирского отряда военному губернатору Ферганской области. п. Хорог, 26 апреля 1900 г.

432

Там же. Ф. 400. Оп. 4. Д. 278.

433

Искаженное название афганского воинского звания бригадный генерал, следует - «бригит».

Насрулла-хан - младший брат эмира Хабибулла-хана.

435

Искаженное название территории Хазарадж, на которой проживали племена хазарейцев.

Наиб Магомет Омар-хан - сводный брат эмира Хабибулла-хана.

РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1456. Л. 9. Отчет о деятельности Памирского отряда капитана Кивекэса за период с 27 октября 1901 года по 31 августа 1902 года. Пометка старшего адъютанта штаба округа подполковника Ливенцова.

Снесарев А. Е. Зима на Памире // ТВ, 1902, № 103.

439

АСС ПСК, 5 октября 1902 г., п. Хорог.

АСС. Письмо А. Е. Снесарева к В. Н. Зайцеву. [нач. 1903 г.].

441

РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1564. Л. 89-89 об. Отчет начальника Памирского отряда 1899-1900 гг. Генерального штаба капитана Аносова.

Разгонов А. К. По Восточной Бухаре и Памиру. Ташкент, 1910. С. 132.

443

Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 115. Оп. 1. Д. 122. Л. 2 об - 3.

444

АСС ПСК, 17 августа 1902 г., п. Хорог.

445

АСС ПСК, 5 октября 1902 г., п. Хорог.

446

Там же.

447

Распространенное в то время в среде русских прозвище местных жителей Туркестана.

В Памирском отряде имелась штатная должность мирзы - переводчика с тюркского и персидского языков. В фонде А. Е. Снесарева в Архиве востоковедов ИВР РАН имеется письмо в арабской графике, составленное отрядным мирзой. По существовавшей практике, мирза готовил перевод документа с русского на тюркский или персидский язык, а начальник отряда скреплял его своей печатью.

Согласно «Инструкции начальнику Памирского отряда» 1902 г. (Гл. I, § 2, п. «е»), начальнику отряда предписывалось «перебежчиков из соседних стран не выдавать».

Снесарев А. Е. Зима на Памире // ТВ, 1902, № 103.

451

TB, 1903, № 6.

452

Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 115. Оп. 1. Д. 84. Л. 1.

Разгонов А. К. По Восточной Бухаре и Памиру. Ташкент, 1910. С. 72.

454

TB, 1903, № 25, 27.

455

СССР, 1903, ВЫП. XXXVII.

456

Там же, вып. XXXVIII-XXXIX.

457

Там же, вып. XXXVII. С. 2.

Там же, вып. XLVI. Статья Голявинского была закончена незадолго до смены Памирского отряда, в ней имеется указание на место написания и дата – «Лянгар, 29 июня 1903 г.».

459

АСС ПСК, 9 апреля 1903 г., п. Хорог.

460

TB, 1903, № 20.

461

АСС ПСК, 28 апреля 1903 г., п. Памирский.

462

Там же, 9 апреля 1903 г., п. Хорог.

463

АСС ПСК, 28 апреля 1903 г., п. Памирский.

464

Там же.

465

Небольшой кишлак на пути к Ишкашимскому посту в двадцати верстах ниже Лянгара.

466

Тюря – общепринятое у народов Туркестана название уважаемого лица.

См.: Петерс П. Ф. Памирские путешествия Николая Корженевского. Избранное из неопубликованного путевого дневника // Вопросы истории естествознания и техники, 1998, № 2.

См.: Искандаров Б. И. Из истории Бухарского эмирата. Восточная Бухара и Западный Памир в конце XIX века. М., 1958. С. 111-118.

469

Генерал-майор Г. А. Арндаренко.

470

Имеется в виду терескен.

471

Неточность, следует читать: капитан.

ГА РФ. Ф. Р5881. Оп. 1. Д. 118. Л. 239-248. Половцов А. А. Воспоминания. Рукопись.

473

Лорд Китченер в период 1909–1914 гг. исполнял должность генерального консула в Египте (фактически управлял британской администрацией в этой стране).

474

ГА РФ. Ф. Р5881. Оп. 1. Д. 118. Л. 239.

475

АСС ПСК, 12 июля 1903 г., п. Памирский.

476

TB, 1904, № 31.

477

TNA/FO539/88/81: Lieutenant-Colonel Napier to Sir C. Hardinge. June 9, 1904.

В 1903 г. генерала Тевяшева удалили с должности главного интенданта Военного министерства после серии скандалов, связанных с управляемым им ведомством.

479

ГА РФ. Ф. Р5881. Оп. 1. Д. 118. Л. 220-221 об.

Снесарев А. Е. Восточная Бухара (военно-географический очерк) // СМА, 1906, вып. LXXIX.

См.: Маршрут № 27. От г. Скобелева до урочища Дараут-курган в Алайской долине // Стокасимов Н. П. Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа. Ферганский район. Ташкент, 1912.

Снесарев А. Е. Поездка в Горную Бухару // ТВ, 1904, № 105.

Снесарев А. Е. Восточная Бухара (военно-географический очерк) // СМА, 1906, вып. LXXIX. С. 111.

Снесарев А. Е. Поездка в Горную Бухару // ТВ, 1904, № 112.

Снесарев А. Е. Поездка в Горную Бухару // ТВ, 1904, № 128.

Снесарев А. Е. Восточная Бухара (военно-географический очерк) // СМА, 1906, вып. LXXIX. С. 132 (прим.).

487

Там же, № 134.

Исна'ашария - «дюженники», шииты наиболее распространенного толка имамитов, верующих в наследственных имамов - глав своей общины и государей, которых было всего 12.

Снесарев А. Е. Восточная Бухара (военно-географический очерк) // СМА, 1906, вып. LXXIX. С. 39-40.

490

Там же. С. 42-43.

491

Там же. С. 45.

TNA/FO539/88/21: Government of India to Mr. Brodrick. 29 February 1904. Уильям Бродрик (1856-1942) - госсекретарь по делам Индии (1903-1905), член кабинета министров и политический руководитель Индия офис, ведомства, отвечавшего за управление Аденом, Британской Индией и Бирмой.

493

TNA/FO539/88/18: Lieutenant-Colonel Napier to Sir C. Scott. St. Petersburg, 18 February 1904.

494

TNA/FO539/88/22: Government of India to Mr. Brodrick. 3 March 1904.

495

TNA/FO539/88/27: Sir C. Scott to the Marquess of Lansdowne. 3 March 1904. Маркиз Ланздаун (1845-1927) - государственный секретарь по внешней политике (министр иностранных дел), занимал эту должность в 1900-1905 гг.

496

The India List and India Office List for 1904. London, 1904.

Кризис политического управления лорда Керзона хорошо представлен в исследовании Дэвида Дилкса «Керзон в Индии», особенно во втором томе этой работы – «Разочарование». См.: Dilks D. Curzon in India. Vol. 1-2. New York, 1969.

498

TNA/FO539/88/64, 65, 66, 68. Телеграммы Керзона от 5, 6, 8 и 14 мая 1904 г. на имя госсекретаря по делам Индии.

499

TNA/FO539/88/68 Incosure № 1: 'Note on Reported Russian Activity in Central Asia'. General Staff, War Office, May 30, 1904.

500

Майлз, старый знакомый Снесарева, встречал его на британской границе в конце августа 1899 г.

501

TNA/FO539/88/70: Sir C. Hardinge to the Marquess of Lansdowne. St. Petersburg, June 1, 1904.

502

TNA/FO539/88/76: The Marquess of Lansdowne to Sir C. Hardinge. Foreign Office, June 8, 1904.

503

TNA/CAB37/68, 1904, № 1: Lansdowne Memorandum, January 1, 1904. 'Proposed Agreement with Russia'.

White J. A. *Transition to Global Rivalry. Alliance Diplomacy and the Quadruple Entente, 1895-1907*. Cambridge, 2002. P. 96.

Huges M. *Inside the Enigma: British Officials in Russia, 1900-1939*. London, 1999. P. 18.

Сведения о поездке подполковника Нейпира в Туркестан приводятся из его официального отчета: TNA/FO539/88/171 Inclosure № 2: 'Diary of the Military Attaché Lieutenant-Colonel H. D. Napier's Visit to Central Asia, 1904'. В дальнейшем извлечения из указанного документа будут приводиться без указаний на архивный шифр документа.

Возможности британской разведки по отслеживанию военных перевозок между Кавказом и Закаспийской областью были еще более расширены после открытия в сентябре 1905 г. британского вице-консульства в Баку.

Примечательно, что в донесении о поездке в Среднюю Азию Нейпир ни разу не называет Снесарева по имени, а только как «офицер Генерального штаба».

Джозеф Чемберлен (Joseph Chamberlain, 1836-1914) – государственный секретарь по делам колоний (1895-1903), отец Невилла Чемберлена, премьер-министра Великобритании (1937-1940).

Нейпир не упоминал о степени владения Снесаревым английским языком.

511

TNA/FO539/90/53: Lieutenant-Colonel Napier to Sir C. Hardinge, St. Petersburg, March 4, 1905.

Берлинский конгресс - международный конгресс, созванный для пересмотра условий Сан-Стефанского мирного договора 1878 г., завершившего русско-турецкую войну 1877-1878 гг. Закончился подписанием Берлинского трактата, существенно пересмотревшего политические итоги войны не в пользу России.

«Новое время» - русская газета «европейского типа», издавалась в 1867-1917 гг. в Петербурге. Пользовалась противоречивой репутацией, в ней нередко публиковались реакционные, заказные материалы.

Исхак-хан – крупный афганский феодал, правитель провинции Чар-вилает; в 1888 г. поднял в Северном Афганистане восстание против афганского эмира Абдуррахман-хана. После подавления восстания бежал в русские пределы, проживал в Самарканде. Особым влиянием в последние годы жизни не пользовался, но за ним с вниманием следили правители Афганистана и Бухары, опасавшиеся его склонной к различным политическим авантюрам натуры. Скончался в 1909 г.

Имеется в виду церемония личного представления туркестанскому генерал-губернатору при его вступлении в должность.

516

TNA/FO539/92/39 Inclosure in № 39: Lieutenant-Colonel Napier to Sir A. Nicolson, St. Petersburg, April 27, 1907.

517

TNA/FO539/88/171 Inclosure № 3: General Report.

Нейпир имеет в виду биографию афганского эмира - *The Life of Abdur Rahman, Amir of Afghanistan*. London, 1900.

John Angus Lushington Moore Hamilton.

Снесарев А. Е. Афганистан. М., 1921. С. 23. Упоминание Снесарева о поручении Королевского географического общества неверно, Гамильтон не получал от общества такого задания.

521

Спутник Гамильтона по заказу крупного английского туристического агентства работал над путеводителем по Средней Азии.

Снесарев А. Е. Англо-русское соглашение 1907 г. СПб., 1908. С. 20.

523

London Times, 16 June 1913.

524

За постройкой дороги внимательно следила британская разведка, о чем свидетельствуют материалы британских архивов: OIOC, L/P&S/3/408 Reg. No. 2828. Russian Military Activity in Central Asia; Orenburg-Tashkent Railway, etc. 22 April - 21 June 1904.

525

The Advertiser, Adelaide, 1905, 19 May.

527

Hamilton A. Afghanistan. London, 1906.

Гамильтон А. Афганистан / Пер. с англ. С. П. Голубинова. СПб., 1908.

Афганистан (Гератская и Кандагарская провинции) / Пер. с англ. из труда А. Гамильтона «Афганистан». Ташкент: Изд. штаба Туркестанского военного округа, 1911.

Грулев М. В. [Рец.] Гамильтон М. Г. Афганистан // Разведчик, 1908, № 920.

Снесарев А. Е. [Рец.] А. Гамильтон. Афганистан // Прил. к газете «Русский инвалид», 1908, 21 декабря.

Снесарев А. Е. Афганистан. М., 1921. С. 23.

533

TB, 1904, № 160.

534

РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 2134. Л. 1-57.

Неточность в названии должности, которая в оригинале звучит как Lieutenant-Governor of Punjab, т. е. «губернатор», но не «генерал-лейтенант» (воинское звание). При учреждении должности (1859 г.) подразумевалось, что занимающий ее администратор является представителем (Lieutenant) в провинции вице-короля Индии (Governor-General of India). С 1924 г. должность стала называться «губернатор» (Governor). (Прим. сост.)

Имеется в виду реорганизация военного управления в Туркестане, последовавшая 18 июня 1899 г., в ходе которой войска Туркестанского военного округа перешли на корпусную организацию. (Прим. сост.)

Пометка командующего войсками Туркестанского военного округа (далее – командующего войсками) генерал-лейтенанта Н. А. Иванова: «Полагаю, что до времени следует оставить подчиненность». Здесь и далее все замечания и комментарии в документе принадлежат высшим должностным лицам Туркестанского военного округа и представляют собой автографические пометки. Все пометки сделаны в левом поле страницы напротив соответствующего места в тексте, небольшая часть из них идет по тексту. (Прим. сост.)

Пометка начальника штаба Туркестанского военного округа генерал-лейтенанта В. В. Сахарова: «Как бы массой подчиненных слабо организованных частей нач[альник] штаба [округа] действительно не сделался ком[андиром] корп[уса] или н[ачальнико]м дивизии и не перестал бы быть нач[альником] штаба. Железнодорожные бат[альоны], флотилия, кадет[ские] школы, да еще и Памирский отряд!» (Прим. сост.)

Пометка генерала В. В. Сахарова: «Детали формирования отряда, заботы о передвижении в исключительных случаях попадают на рассмотрение н[ачальника] штаба». (Прим. сост.)

540

Эггерт (Викторов) Виктор Викторович (1867-?) - ГШ генерал-майор. Начальник Памирского отряда (1896-1897).

541

Аносков Николай Степанович - начальник Памирского отряда (1899-1900), д. чл.
Туркестанского отдела ИРГО.

542

Пометка командующего войсками: «Какой?». (Прим. сост.)

543

Пометка командующего войсками: «Согласен с этим выводом». (Прим. сост.)

544

Командующим войсками это место в тексте подчеркнуто и поставлен знак вопроса.
(Прим. сост.)

545

Пометка командующего войсками: «Конечно!» (Прим. сост.)

546

Пометка командующего войсками: «Я не видел распоряжения Главного штаба по этому вопросу». (Прим. сост.)

547

Пославский Илья Титович (1853-1914) - генерал-лейтенант, военный инженер. В описываемый период - инспектор работ инженерного управления Туркестанского военного округа. (Прим. сост.)

Элиас и Коббольд. (Прим. док.)

549

Напротив слов «многолюдного города» командующим войсками поставлен знак вопроса. (Прим. сост.)

550

Пометка командующего войсками: «Нужно постановить, чтобы в Кала-и-Вамаре поста не иметь». (Прим. сост.)

Напротив этого абзаца имеется рукописная пометка (не автограф А. Е. Снесарева):
«Упомянется и в ученом труде Raquier, Le Pamir, стр. 37». Имеется в виду работа:
Raquier J. В. Le Pamir. Étude de géographie physique et historique sur l'Asie Centrale. Paris,
1876. (Прим. сост.)

Основной тактической единицей афганской пехоты был полк – палтан, от французского “peloton” (рота). (Прим. сост.)

553

Турпа - кавалерийское подразделение, соответствующее казачьей сотне в русской армии. Росоля - кавалерия. (Прим. сост.)

Джарнейль - афганское воинское звание, соответствующее чину генерала. (Прим. сост.)

Пометка А. Е. Снесарева: «По последним сведениям в штабе округа». Здесь и далее все справочные ссылки с указанием «Пометка А. Е. Снесарева» подразумевают собой автографические записи. (Прим. сост.)

556

Имеется в виду столкновение 12 июля 1892 г. с афганским постом у Суматаша близ озера Яшилькуль в долине р. Аличур в период экспедиции полковника Ионова на Памиры. (Прим. сост.)

Пометка А. Е. Снесарева напротив абзаца с указанием письменных источников:
«Перевал Дара: Сб[орник] мат[ериалов] по Азии, т. II; Поездка подп[олковника]
Матвеева. Сб[орник] мат[ериалов] по Азии, т. V, с. 111; Times, 12 апреля [18]95 г. Письмо
лорда Робертса; Durand. The making of the frontier. стр. 88 и др.» (Прим. сост.)

В поле пометка А.Е. Снесарева: «Далее у Durand'a, с. 90». (Прим. сост.)

В оригинале предложение заканчивается рукописной припиской А. Е. Снесарева - «(по нашей терминологии)», которую он позднее вычеркнул. (Прим. сост)

Пометка А. Е. Снесарева: «Упоминается у Ганна в соч. “Естественные оборонительные линии. Афганские перевалы”». Снесарев имеет в виду работу: Hanna H. B. India's Scientific Frontier: Where and What is it? London, 1895. (Прим. сост.)

561

Кафиры - жители Кафиристана, независимого владения на южных склонах Гиндукуша.
(Прим. сост.)

Пометка А. Е. Снесарева в нижнем поле листа: «Даже Реклю, несмотря на естественно мелкий масштаб исследования, в VI томе на стр. 354, оттеняет значение Ишкашима, как “точки пересечения естественных путей, перерезывающих страну с запада на восток и с севера на юг”. Допущена некоторая неточность». (Прим. сост.)

Пометка А. Е. Снесарева с указанием источника: «The Quarterly Indian Army List for April 1, 1901». (Прим. сост.)

564

Имеется в виду поездка А. Е. Снесарева в Индию (июнь 1899 – февраль 1900). (Прим. сост.)

Дебуширование - от франц. *debouché*, выход войск из теснины (ущелья, горного прохода и т. п.) или какой-либо закрытой местности (леса, населенного пункта) на более широкое место, удобное для последующего маневра. (Прим. сост.)

566

Сажень – старорусская единица измерения длины, соответствует 7 английским футам, или 213,36 см. (Прим. сост.)

Пометка А. Е. Снесарева: «Кроме личных наблюдений могу сослаться на работы Кирхгофа, на Вуда в его *Journey to the Source of the River Oxus*, стр. 203-206, и др.». Кирхгоф Мануил Андреевич (1860-?) – классный топограф Туркестанского военно-топографического отдела, д. чл. ТО ИРГО, совершил ряд поездок на Памир. (Прим. сост.)

568

Пометка командующего войсками: «Да!» (Прим. сост.)

Название кишлака дописано А. Е. Снесаревым в печатный текст от руки. (Прим. сост.)

570

Вариант названия кишлака написан А. Е. Снесаревым от руки и помещен в скобки.
(Прим. сост.)

571

Пометка А. Е. Снесарева: «Годовые отчеты начальников Пам[ирского] отряда (дела строевого отделения)». (Прим. сост.)

572

Пометка командующего войсками: «Где стоит теперь этот пост? В каких помещениях?»
(Прим. сост.)

Пометка А. Е. Снесарева: «О Даркоте напр[имер] у Holdich'a. The Indian Borderland. London, 1901, стр. 289, 307». Далее идет продолжение списка источников, внесенных рукой другого офицера, - «2) Raverty, vol. II, с. 190. 3) Biddulph, Tribes of the Hindoo Koosh, с. 55; Curzon, The Pamirs, стр. 62; [Дополнение к п. 2] Bonvalot, Through the Heart of Asia, стр. 190-199; [Дополнение к п. 3] Capus, Le Toit du Monde, стр. 271-275». (Прим. сост.)

Пометка А. Е. Снесарева в левом поле листа: «Об Ир-шооде у Curzon'a. The Pamirs and the source of the Oxus, стр. 11». Другая пометка, относящая к перевалу Ир-шоод, сделана Снесаревым в нижнем поле листа: «Известные французские путешественники Bonvalot, Carus и Perin, несмотря на их усилия, перевалить Ир-шоода не могли». (Прим. сост.)

Пометка А. Е. Снесарева: «О перевале Ионова в 1) отчете об экспедиции на Памиры г[енерала] Ионова». Далее следует запись рукой другого офицера – «2) Younghusband (Fr.) The Heart of a Continent, [стр.] 329–336». (Прим. сост.)

576

В этом месте командующий войсками поставил знак вопроса. (Прим. сост.)

Пометка А. Е. Снесарева: «О пер. Барогиль: 1) Минаев. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи, стр. 15, 215; 2) Отчет ген. Ионина (моб[илизационные] дела [штаба округа]) № 3, 1891, 170-182, 260-284». Далее следует дополнение источников, внесенных другим офицером, - «3) R[oyal] Geog[raphical] Soc[iety] Pr[oceedings], 5, 1879, стр. 111, 1892-23, 1893-53; 4) Raverty, vol. II, [стр.] 155-156, 188; 5) Bonvalot, [стр.] 220 и др.» (Прим. сост.)

578

Пометка, сделана рукой другого офицера, - «О долине Ярхуна 1) Curzon, The Pamirs, стр. 62; Durand, The making, стр. 103 и др.» (Прим. сост.)

Войска имперской службы (The Imperial Service Troops) – вооруженные формирования полунезависимых княжеств Индии, предназначавшиеся для поддержки регулярных частей индо-британской армии. Во главе этих войск стояли британские офицеры, они были вооружены тем же оружием, что и регулярная индо-британская армия. (Прим. сост.)

580

Дефилировать - осуществлять движение войск через теснину. (Прим. сост.)

581

Кала-и-Вамарский, Хорогский и Ишкашимский, другие посты называются восточными.
(Прим. док.)

Пометка А. Е. Снесарева: «О перевалах: 1) у Curzon'a "The Pamirs", стр. 11; 2) у Громбчевского в его кратком отчете о путешествии в Гунзу в 1888 г.; 3) Личные впечатления Ген. шт. полковника Полозова и кап. Снесарева при путешествии в Индию в августе 1899 г.». Далее следует дополнение источников, подписанное рукой другого офицера, - «4) R[oyal] Geog[raphical] Soc[iety] Pr[oceedings], 5, 1889, стр. 191-199. Письмо Громбчевского; 5) Dunmore, The Pamirs, vol. II, с. 82; Deasy, In Tibet and Chinese Turkestan. London, 1901, стр. 111». (Прим. сост.)

583

Например, (следует рукописная вставка А. Е. Снесарева) – «Шлагинтвейт, Говард».
(Прим. док.)

Пометка А. Е. Снесарева: «Напр[имер], у Cobbold'a. Innermost Asia. Lodon, 1900. Несколько мест, особенно страницы 292-301 посвящены торговой оценке путей». (Прим. сост.)

585

7-фунтовая пушка - горная пушка калибра 64 мм образца 1879 г. Основное артиллерийское орудие индо-британских войск, использовавшееся в войне с зулусами (1879), бурских войнах, приграничных экспедициях (Хунза, Читрал и др.). Отличалась простотой конструкции, позволявшей разбирать орудие для перевозки на вьючных животных, быстро собирать и приводить в боевое положение. (Прим. сост.)

Пометка А. Е. Снесарева: «The Quarterly for April 1, 1901 и личные наблюдения кап. Снесарева в Индии». (Прим. сост).

587

Подчеркнуто командующим войсками, далее следует пометка: «Любит капитан Снесарев это выражение». (Прим. сост.)

Пометка А. Е. Снесарева в нижнем поле листа: «Напр[имер], генерал Джерар проехал его в 1895 г. ночью». Имеется в виду генерал-майор Жерар (Maj.-Gen. M. G. Gerard), британский уполномоченный комиссар англо-русской смешанной комиссии по разграничению на Памирах. (Прим. сост.)

Пометка А. Е. Снесарева в левом поле страницы: «О перевале Беик упоминается весьма часто, напр., у Holdich'a, Curzon'a и т. д.». (Прим. сост.)

«на востоке» - добавлено А. Е. Снесаревым от руки. (Прим. сост.).

591

Пометка А. Е. Снесарева: «Дело № 55 1896 г. (строевое), стр. 6». (Прим. сост.)

592

Последняя ошибочно была показана в 16 тыс. футов, а на самом деле сама вершина перевала не превосходит $15\frac{1}{2}$ тыс. футов. У Керзона - 15,470 футов. (Прим. док.)

593

Пометка А. Е. Снесарева: «Годовые отчеты начальников П[амирского] отряда». (Прим. сост.)

594

В донесениях, присылаемых в штаб округа, это обнаруживалось неоднократно. (Прим. док.)

595

К сожалению, никогда и никем не определяемая. (Прим. док.)

Еще в июне месяце настоящего года каждый день были бураны, покрывая в ночь всю местность слоем снега в 1-2 вершка. С вечера и до 10 часов утра людям приходилось ходить в теплом. (Прим. док.)

597

В английской литературе чаще называемый Неза-таш (около 15 т. футов высоты).
(Прим. док.)

Пометка, сделанная рукой другого офицера: «О перевале Шинды говорится у многих путешественников. О других перевалах говорю на основании личных распросов и данных в донесениях в штаб». (Прим. сост.)

Мною было опрошено несколько и разнообразными приемами. (Прим. док.)

По рассказам киргизов, беременные женщины с Истыка иногда переводятся к Ак-су, ибо здесь рожают легче; скачки, которые ведутся у Ак-таша и считаются самыми важными на Памирах, приурочены к этому месту потому, что здесь воздух легче. (Прим. док.)

601

Пометка командующего войсками: «Следует обдумать и попробовать». (Прим. сост.)

602

Пометка А. Е. Снесарева: «Последние сведения в штабе округа». (Прим. сост.)

603

Пометка командующего войсками: «Я согласен с этим». (Прим. сост.)

Например, весьма серьезный и трудный вопрос об отношениях эмира [Афганистана] к афридиям в Тирахскую экспедицию, по мнению Коббольда, ясно предрешается по некоторым данным, дошедшим на Памиры, и притом в пользу того, что эмир действительно помогал афридиям. (Прим. док.)

605

Чаще всего в копии донесений Директору I-го Департамента Министерства иностранных дел. (Прим. док.)

606

По крайней мере, наблюдение наиболее важных проявлений политической и военной жизни. (Прим. док.)

607

Имеется в виду учреждение должности офицера Генерального штаба при Российском императорском Генеральном консульстве в Кашгаре. Офицеры находились в Кашгаре в период с 1899 по 1906 гг. (Прим. сост.)

608

От Намадгута через перевал Сади-Истрег, каким путем чаще ходят разведчики, до Читрала не более 3 дней пути. (Прим. док.)

Пометка А. Е. Снесарева: «Напр[имер], об этом у Вуда в A Journey..., на стр. XIX, XXIII».
(Прим. сост.)

610

Весьма часто паспорта для путешествия в Кашгарию выпрашиваются нашими киргизами «для получения долга». (Прим. док.)

611

Прежде объединяемых под довольно произвольным названием Дардистана. (Прим. док.)

612

Название в скобках вписано А. Е. Снесаревым от руки. (Прим. сост.)

613

Пометка А. Е. Снесарева: «Биддэльф. Народы, населяющие Гиндукуш. Пер[евод] Лессара. Асхабад, 1886, стр. 39, 160». (Прим. сост.)

Интересно, что среди таджиков совершенно не распространено представление о канджутцах, как о былых дерзких и отчаянных разбойниках, предмете ужаса прилегающих районов. Они, наоборот, говорят об них, как народе бедном и мирном, и упорно утверждают, что канджутцы никогда не совершали набегов в Вахан или другие их ханства. (Прим. док.)

615

Пометка А. Е. Снесарева: «Со времен отчета капитана Эггерта в конце 1897 г.». (Прим. сост.).

Напротив этого места командующий войсками поставил знак вопроса. (Прим. сост.)

617

На каждом посту имеются джигиты из туземцев, служащие для переводов, сношений с туземным населением, посылок и, между прочим, разведок. (Прим. док.)

618

Се́йд, сей́йд- почетный титул у мусульман для потомков Пророка Мухаммеда (у шиитов - Али) через его дочь Фатиму и внука Хусейна. (Прим. сост.)

Абдуррахман-хана - эмира Афганистана. (Прим. сост.)

620

Здесь имеется в виду вторая англо-бурская война (1899-1902) и связанное с ней напряжение материальных ресурсов и военных сил Британской империи. (Прим. сост.)

621

Пометка командующего войсками: «Да, нельзя не согласиться, что дело разведок вообще у нас стоит плохо; едва ли будет большая польза, если принять предложение к[апитана] Снесарева. За 30–50 руб. в месяц невозможно найти надежного человека, да и при большем расходе. Как установить контроль над посылаемыми людьми? Во всяком случае, окр[ужному] штабу следует вопрос этот обсудить серьезно». (Прим. сост.)

622

Следов ее в делах штаба не удалось найти, о существовании же ее слышал словесно от чинов Памирского отряда. (Прим. док.)

623

Пометка А. Е. Снесарева: «Историческая справка составлена по делам штаба, главным образом, дела [18]92 г., № 41, [18]94 г., № 13, 1900 г., № 23 и другие». (Прим. сост.)

Это положительная ошибка, объясняемая недостаточным знакомством с Памирами, с проведением наших дорог делается еще более резкою. (Прим. док.)

Искание поддержки у эмира против афганцев, таковые искались и у нас, у англичан, у мехтара Читральского, было результатом лишь безысходного положения. Доказательства ненависти припамирских таджиков к бухарцам и их власти будут приведены ниже. (Прим. док.)

Пометка офицера, ранее делавшего дополнение к списку источников, используемых А. Е. Снесаревым: «Руководящие соображения хорошо изложены в главе VI классического труда Rawlinson'a. England and Russia in the East». (Прим. сост.)

627

Имеется в виду Владимир Иванович Игнатьев, российский политический агент в Бухаре (1895-1902). (Прим. сост.)

Например, все население определялось в 7 т. человек обоего пола, а на самом деле свыше 14 т. человек; движение по Шах-даре считалось возможным с громадными затруднениями, а между тем, до кишлака Сендив оно совершенно легко, почти колесное, а выше этого кишлака имеется лишь два бедных поселка. (Прим. док.)

629

Генерал-майор фон-Ремлинген Арнольд Александрович, в 1896-1899 гг. помощник начальника штаба Туркестанского военного округа, д. чл. Туркестанского отдела ИРГО.
(Прим. сост.)

630

Пометка А. Е. Снесарева: «Дело № 60, 1897 г. (строевое [отделение])». (Прим. сост.)

631

В тексте подчеркнуто рукой командующего войсками. (Прим. сост.)

632

Пометка А. Е. Снесарева: «Дело 1898 г., № 41, стр. 98-99». (Прим. сост.)

633

Например, за масло в два с половиной раза менее. (Прим. док.)

Очевидно, это цитата из отчета капитана Кивекэса. (Прим. сост.)

635

Разумеется генерал-майор фон Ремлинген. (Прим. док.)

Вопрос благодаря национальным особенностям населения и укладу народного миропонимания имеет особенно болезненную форму. Например, еще недавно женщины, уличенные в неверности, предавались смерти (чаще всего бросались в воду). (Прим. док.)

637

Пометка командующего войсками: «И в утверждаемом доказательных данных мало. Боюсь, что кап. Снесарев очень увлекается и смотрит на дело сквозь очень мрачные очки». (Прим. сост.)

638

В тексте подчеркнуто рукой командующего войсками. Напротив в поле имеется пометка: «Какие басни». (Прим. сост.)

Пометка командующего войсками: «Высочайшая воля касалась только русского населения - не более». (Прим. сост.)

640

Пометка командующего войсками: «Можно ли считать доказательствами подобные пустяки?» (Прим. сост.)

Пометка командующего войсками: «А наше, к сожалению, управление Памирами - лучше или нет? Боюсь, что и там при сменных начальниках, при их натуральной повинности в поставках масла, дров и баранов едва ли обходится без злоупотреблений. Но обобщать не следует, как не следовало обобщать и случайных обвинений бухарских властей». (Прим. сост.)

642

Пометка командующего войсками: «Не верно». (Прим. сост.)

Пометка командующего войсками: «Далеко не доказано... Сам капитан Снесарев по возвращению из Индии, говорил мне, что ему приходилось слышать там жалобы и брань на англичан. Но можно ли слухам этим придавать значение?» (Прим. сост.)

644

Пометка командующего войсками: «Думаю, что все эти рассуждения не должны были входить в отчет, составляя собою особый предмет, если капитану Снесареву угодно будет им заняться». (Прим. сост.)

645

Напротив этого места в тексте командующий войсками поставил знак вопроса. (Прим. сост.)

Например, нынешний политический агент [в Бухаре]. (Прим. док.)

647

Например, капитан Эггерт. (Прим. док.)

648

Пометка командующего войсками: «Да зачем нам этот Северный Афганистан, спасибо и за Памиры». (Прим. сост)

649

Пометка командующего войсками: «Богатый ли и чем?» (Прим. сост.)

650

Магазины - склады интендантского ведомства, в русской армии имелись двух видов - вещевые и продовольственные. (Прим. сост.)

651

Едва ли более 1 батальона пехоты, 1-2 сотен казаков, 2-6 орудий. (Прим. док.)

652

Пометка командующего войсками: «А может быть, в более длительный срок: теперь очень часто заявляют, что в Хороге не могут пополнять текущих запасов». (Прим. сост.)

653

Подчеркнуто рукой начальника штаба округа, поставлена пометка: «Покрывать?»
(Прим. сост.)

654

То же, поставлена пометка: «с которой управляться трудно?» (Прим. сост.)

655

Пометка начальника штаба округа: «Определяемой ежегодно? Иначе будет недовольство». (Прим. сост.)

656

Пометка командующего войсками: «Едва ли можно согласиться...». Далее текст пометки не поддается прочтению в связи с вшивкой части текста в архивное дело.
(Прим. сост.)

657

Пометка командующего войсками: «Один на весь район?» (Прим. сост.)

658

Пометка командующего войсками: «И опытный?» (Прим. сост.)

659

Пометка командующего войсками: «Доказательство от отрицания - малоубедительно».
(Прим. сост.)

660

Пометка командующего войсками: «Мысль сомнительна!» (Прим. сост.)

661

В прошении, о котором говорилось выше, размеров поборов может быть определен ценностью, не менее как в 2 т. денег, а между тем, это делалось тайно, с немногих, незначительными размерами, чтобы не вызвать внимания русской власти. (Прим. док.)

Подчеркнуто командующим войсками, далее следует пометка: «Да ведь под нашими офицерами-то будут стоять хакиды вилаетов, которые никогда не прочь поживиться на счет народа». (Прим. сост.)

663

По-видимому, в нее входят расходы и на подарки, которые делаются бекам. Сам бек получает, по рассказам, 5 т. тенег жалования, административный же штат очень ограниченный. (Прим. док.)

664

Подчеркнуто командующим войсками, затем следует пометка: «Конечно!» (Прим. сост.)

665

Некоторые виды преступлений, например, воровство, почти неизвестны среди населения; его послушность выше всяких похвал. (Прим. док.)

Подчеркнуто командующим войсками, далее следует пометка: «Чем доказана эта трогательная преданность? От к[апитана] Аносова слышал противное». (Прим. сост.)

667

Т. е. нашего культурного долга пред подвластными народами, о чем не считали нужным распространяться. (Прим. док.)

668

Пометка А. Е. Снесарева: «Дело 1900 г. № 23, стр. 12, получено 23 июля 1899 г., № 1412». (Прим. сост.)

669

Кутас - киргизское название памирского яка. (Прим. сост.)

670

Подчеркнуто командующим войсками, далее пометка: «Едва ли это верно». (Прим. сост.)

671

То же, далее пометка: «Можно ли верить таким заявлениям?» (Прим. сост.)

672

Пометка командующего войсками: «А ведь эти кочевники и волостной трогательно расположены к нам? Зачем же они убежали?» (Прим. сост.)

673

Подчеркнуто командующим войсками, далее пометка: «Почему?» (Прим. сост.)

674

Пометка А. Е. Снесарева: «Мобил[изационное] дело 1898 г. № 8, стр. 22». (Прим. сост.)

675

Пометка А. Е. Снесарева: «Дело 1895 г. № 6, стр. 122». (Прим. сост.)

676

Пометка А. Е. Снесарева: «Дело 1900 г., № 7, стр. 11». (Прим. сост.)

677

Действительный статский советник. (Прим. сост.)

Пометка командующего войсками: «Да, мнение Д. С. С. Петровского правильно, вопрос о перекочевках в Семиречье и сношение с кит[айскими] властями через наше консульство ни к чему не приводят». (Прим. сост.)

Вероятно, с XVII столетия, когда они были протеснены на Памиры калмыками. (Прим. док.)

Пометка А. Е. Снесарева: «Разграничительной комиссией 1895 г.» (Прим. сост.)

681

Подчеркнуто командующим войсками, далее пометка: «Да ведь эту же снисходительность к киргизам продолжает и сам к[апитан] Снесарев». (Прим. сост.)

682

Весь абзац подчеркнут начальником штаба округа, далее следует пометка: «Много слов, мало истины». Далее следует еще одна пометка, сделанная командующим войсками: «Присоединяюсь к мнению». (Прим. сост.)

683

У китайцев это значительно легче. (Прим. док.)

Подчеркнуто командующим войсками, далее следует пометка: «С малыми результатами прибавлю, ибо впервые читаю подробный отчет офицера, составленный отличительно, хотя и с наивными толкованиями». (Прим. сост.)

685

Подчеркнуто начальником штаба округа, далее следует пометка: «Он гол, чем ему поступаться?» (Прим. сост.)

Пометка начальника штаба округа: «Готовиться к борьбе будут обе стороны...». Далее не читается из-за вшивки текста в блок архивного дела. Здесь также имеется пометка командующего войсками, не поддающаяся прочтению. (Прим. сост.)

Известен, например, случай переселения на Памиры киргиз-кайсаков; также остаются некоторые из татар по окончании срока службы. (Прим. док.). Напротив слова «татар» имеется пометка начальника штаба: «Конечно, в целях эксплуатации населения и для религиозной пропаганды». Рядом пометка командующего войсками: «Верно!» (Прим. сост.)

688

Очевидно, описка. Следует - Восточном. (Прим. сост.)

689

Подчеркнуто начальником штаба округа, далее следует пометка: «Доказательство правильности решения смотреть на откочевки и прикочевки сквозь пальцы». Далее следует пометка командующего войсками: «Да!» (Прим. сост.)

Подчеркнуто командующим войсками, далее следует пометка: «А жалобы на бухарцев, которым раньше придавалось столько веры? Правда, там таджики, – по лживости и любви к жалобам они перещеголяют киргизов». (Прим. сост.)

691

Пометка командующего войсками: «Как это понять? Кто допускал, чтобы на питание брать баранами?» (Прим. сост.)

Пометка начальника штаба округа: «Как мы способны их удержать? Ввести пограничную роту? Это обойдется дороже самих киргиз». (Прим. сост.)

693

Подчеркнуто командующим войсками, далее стоит пометка: «Веками и даже не веком!»
(Прим. сост.)

694

Подчеркнуто командующим войсками, далее следует пометка: «А чем внушение сие поддержится?» (Прим. сост.)

695

Пометка начальника штаба округа: «Особенно когда англичане едут [через Памиры] в Индию. До чего можно договориться». (Прим. сост.)

Подчеркнуто командующим войсками, далее пометка над подчеркнутыми словами: «Господи помилуй!». В поле напротив пометка начальника штаба: «Еще этого не доставало!». Чуть ниже приписка в справочном порядке (очевидно, рукой генерал-квартирмейстера штаба округа): «О результатах сношений с Китаем было указано выше, сношений же с Афганистаном нет». (Прим. сост.)

По тексту нанесена пометка командующего войсками, не поддающаяся прочтению. В поле напротив пометка (генерал-квартирмейстера?): «Полагаю, что все эти меры отрицательные и должны оттолкнуть киргиз, а не привязать; силы же принудить к желаемому нет». (Прим. сост.)

698

Подчеркнуто командующим войсками, далее пометка: «Вот это больше чем странно».
(Прим. сост.)

Рассчитывать на влияние присяги при религиозном индифферентизме памирских киргизов, едва ли возможно. (Прим. док.)

700

Пометка командующего войсками: «Надо поискать!» (Прим. сост.)

701

Пометка начальника штаба: «Путешествующих при тяжелейших условиях, а потому озлобляющихся». (Прим. сост.)

Последняя мера сильно поддерживалась капитаном Корниловым, но почему-то – трудно ясно уловить причины – не направлена была на путь осуществления. (Прим. док.). Рядом имеется пометка генерал-квартирмейстера: «Была проектирована штабом округа, не была одобрена Генеральным консулом. Корнилову было поручено это штабом. Вопрос недостаточно выяснен к[апитаном] Снесаревым, от того и вышло «почему-то». (Прим. сост.)

Англичане, имевшие специальные исследования и большой опыт при расчетах на случай голодовок, держатся более низких норм, но последние по условиям памирского климата и по недостаточности других пищевых продуктов, не могут быть применены. (Прим. док.)

704

Подчеркнуто командующим и поставлен знак вопроса. (Прим. сост.)

705

Капитан Моисеев. (Прим. док.)

706

Пометка командующего войсками: «Какое это нравственное воздействие!» (Прим. сост.)

В зиму 1899-1900 гг. бедствие продолжалось 8 месяцев, у некоторых кочевников скот погиб весь, баранов поддерживали мясом. (Прим. док.)

Пометка генерал-квартирмейстера штаба: «Казалось бы лучшим средством привязать киргиз было бы: дать им заработок и возможность приобрести выгодно и близко все им необходимое». (Прим. сост.)

Например, труд врача Лавриновича. (Прим. док.) Имеется в виду военный врач Лавринович, бывший врачом Памирского отряда в 1896-1897 гг. Вел ряд медических исследований на Памирах. Опубликовал интересную работу об изменении состава крови у здоровых людей под действием горного воздуха («Военно-медицинский журнал», май 1899 г.). (Прим. сост.)

710

В тексте записки весь абзац выделен командующим войсками и сопровождается пометкой: «Правильно». (Прим. сост.)

711

С неизбежными дополнениями для некоторых постов. (Прим. док.)

Пометка командующего войсками: «Необходимо составить». (Прим. сост.)

Ранг-Кульский и Истыкский. (Прим. док.)

714

Капитаном Эггертом более 11 т., капитаном Аносовым почти 16 т., Кивекэсом 6 т. рублей за [18]97-98 гг., свыше 10 т. за следующий год. (Прим. док.)

На отчете капитана Эггерта против того места в главе о состоянии помещений на постах, где говорилось о сдаче в казну 1500 рублей, не израсходованных на ремонтные работы, военным министром было отмечено: «Жаль». (Прим. док.)

716

Пометка командующего войсками: «Конечно». (Прим. сост.)

717

Пометка командующего войсками: «А ведь не трудно это включить в инструкцию. Заботливый н[ачальни]к отряда, конечно, устроит общие молитвы для солдат». (Прим. сост.)

718

Пометка командующего войсками: «Мы просим назначить в отряд...». Далее не подлежит прочтению в связи с вшивкой части пометки в блок архивного дела. (Прим. сост.)

Пометка командующего войсками: «Разве ее нет?» (Прим. сост.)

Есть и среди нижних чинов люди, читающие Пушкина, Гоголя и т. п., да и гг. офицеры от скуки повторяют прочитанное ранее. (Прим. док.)

721

Пометка командующего войсками: «Неужели охота запрещена?» (Прим. сост.)

722

Подчеркнуто командующим войсками, далее следует пометка: «Большое упущение».
(Прим. сост.)

723

Пометка командующего войсками: «Опять упущение н[ачальни]ка отряда <далее неразборчиво>». (Прим. сост.)

724

На Ранг-кульском скоре малайка, исполняющий черную работу. (Прим. док.). Малайка
- в Русском Туркестане название прислуги из местного населения. (Прим. сост.)

Слово в тексте подчеркнуто и в поле напротив вписано слово «кругу». (Прим. сост.)

726

Подчеркнуто командующим войсками, далее следует пометка: «Вот от этого и зависит».
(Прим. сост.)

Пометка А. Е. Снесарева: «Выдержки у Curzon'a, стр. 61-73». (Прим. сост.)

Пометка А. Е. Снесарева: «Указания у Вуда стр. 218, 243, 244, 249». (Прим. сост.)

Пометка А. Е. Снесарева: «В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. СПб., часть II, 1900 г. стр. 66-67». (Прим. сост.)

730

Пометка А. Е. Снесарева: «Вуд, стр. 192». (Прим. сост.)

731

Пометка А. Е. Снесарева: «Вуд, стр. 221». (Прим. сост.)

Нынешних Вахана, Шугнана, Рошана, Тагдумбаш-Памира, Тагармы и т. д. (Прим. док.)

733

Слово подчеркнуто и напротив него в поле поставлен знак вопроса. (Прим. сост.)

Рукописная сноска А. Е. Снесарева: «Например, жители Шугнана и Рошана платили Кундузу дань в 15 невольников, но всегда получали от последнего подарки не меньшей ценности».

735

Абзац подчеркнут командующим войсками, далее следует пометка: «Не преувеличено?»
(Прим. сост.)

Пометка А. Е. Снесарева: «Стратегия Леера, том II, стр. 46-50». (Прим. сост.)

В более древние времена - арийского корня, более поздние - тюркского. Присутствие калмыков или китайцев было всегда временное, и они были в незначительном количестве. (Прим. док.)

Пометка А. Е. Снесарева: «По отношению более древнего времени можно сослаться на монографии В. В. Григорьева - "О скифском народе саках" или "Поход Александра Македонского в Зап[адный] Туркестан", или более позднего времени - В. Бартольд. "Туркестан..." или Ross E. D. The Heart of Asia». (Прим. сост.)

Термины - Туран и Иран, Трансоксиана или Маверанагр - должны быть признаны весьма слабо обоснованным географическим обобщением греческих и арабских географов. (Прим. док.)

А. Е. Снесарев имеет в виду восстание Исхак-хана в Северном Афганистане в 1888 г., в котором приняли участие узбекские племена и таджикское население Балха, Кундуза и части Герата. Восстание явилось одним из самым серьезных внутривнутриполитических осложнений в Афганистане в период правления эмира Абдурахман-хана. (Прим. сост.)

741

Подчеркнуто командующим войсками, далее следует пометка: «Влияние» надеюсь?»
(Прим. сост.)

В тридцатых годах посылка Виткевича. (Прим. док.) Имеется в виду поездка с секретной миссией в Афганистан в 1837-1838 гг. поручика И. В. Виткевича. Поездка Виткевича спровоцировала первую англо-афганскую войну (1839-1842). (Прим. сост.)

Посылка Столетова в 1877 г. (Прим. док.). Неточность в дате. Имеется в виду военно-дипломатическая миссия генерал-майора Н. Г. Столетова в Кабул (апрель – сентябрь 1878). Миссия Столетова спровоцировала вторую англо-афганскую войну (1878-1880). (Прим. сост.)

Утверждение весьма категоричное и мало соотносившееся с реальностью. Русская военно-стратегическая мысль применительно к Аму-дарье, как естественному рубежу обороны Русского Туркестана, к началу XX в. приобрела в целом устоявшийся характер. Высказываемые Снесаревым идеи о Гиндукуше, как естественном оборонительном рубеже, более характерны для времен туркестанских походов и периода, предшествовавшего пограничному разграничению России с Афганистаном. (Прим. сост.)

745

Не приводятся по обширности темы и ее специальному характеру. (Прим. док.)

Стратегические планы России того времени и в более поздний период не предусматривали занятия Северного Афганистана, сама эта возможность никогда серьезно не рассматривалась русским военным командованием. (Прим. сост.)

747

Пометка А. Е. Снесарева: «У Леера стр. 242-283». (Прим. сост.)

Слово «доминирующего» дописано А. Е. Снесаревым от руки. (Прим. сост.)

Военный инженер полковник Б. Я. Мощинский. (Прим. док.)

750

Пометка А. Е. Снесарева: «См. секретная записка В. П. Наливкина или [работа] Н. А. Аристова. Англо-индийский Кавказ, прим. на стр. 47». (Прим. сост.)

751

Пометка командующего войсками: «Туманно и неясно». (Прим. сост.)

752

Например, организацией подвоза из Кашгарии, подъемом благосостояния припамирских стран. (Прим. док.)

753

Подчеркнуто командующим войсками, далее следует пометка: «Точно ли это?» (Прим. сост.)

754

Подчеркнуто командующим войсками, далее следует пометка: «Только поэтому».
(Прим. сост.)

755

Англичане даюць сваімі 1-й і 2-й афганскімі войнамі яркім таму прымер. (Прим. док.)

756

Последнее предложение в абзаце выделено и напротив стоит пометка (предположительно, помощника командующего войсками): «Ну?» (Прим. сост.)

Пометка командующего войсками: «Да, только потому, что мы не должны отступать и бросать там занятое. Иванов, 5/VII 1901». (Прим. сост.)

758

Список составлен на основе данных, приведенных в записке. (Прим. сост)